
Ч 4193
Чернов В.
Земля и
право

Викторъ Черновъ.

ЗЕМЛЯ и ПРАВО.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ.

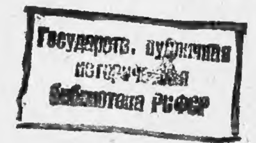
Петроградъ. 1919 г. Цѣна 12 руб

Викторъ Черновъ.

ЗЕМЛЯ и ПРАВО.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ.

ПЕТРОГРАДЪ.
1919.

Государств. публичная
историческая
библиотека РСФСР

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Вмѣсто предисловія.

Съ легкой руки либеральныхъ публицистовъ, отграничивающихъ себя отъ революціонныхъ элементовъ нашей общественности, принято думать, что только русскій либерализмъ въ полной мѣрѣ оцѣнилъ значеніе правовыхъ началъ въ общественной жизни. Платоническіе служители „правового порядка" чрезвычайно горды „государственной", „юридической" складкой своего мышленія. Революціонеровъ они готовы считать обязательно „аполитиками", недооцѣнивающими значеніе государственнаго, правового начала въ общественной жизни. Принимая свой робкій „легализмъ во что бы то ни стало", свою готовность уложиться на прокустовомъ ложѣ любого Свода Законовъ за „правовую" выдержанность, они свысока поучаютъ насъ, революціонеровъ, читая намъ дешевую мораль мѣщанской умѣренности и аккуратности, и называя это возвращеніемъ насъ, блудныхъ сыновъ „правовой" общественности, на правильную стезю.

Нигдѣ не было наговорено въ этомъ духѣ больше пошлостей, чѣмъ въ извѣстномъ сборникѣ „Вѣхи".

Отъ нѣкотораго вліянія этихъ мѣщенскихъ предразсудковъ не осталась свободной даже единственно приличная статья этого сборника,—я говорю о статьѣ г. Кистяковскаго „Въ защиту права", которая выгодно выдѣляется изъ общей реакціонной шумихи „Вѣхъ" своею содержательностью, литературной корректностью и серьезностью тона. Впрочемъ, не только эти внѣшнія достоинства статьи, но и внутреннее содержаніе ставитъ ее на нѣсколько особое мѣсто. Начнемъ съ того, что г. Кистяковскій—единственный изъ авторовъ сборника, не прибѣгающій, кстати и некстати, къ елейно-мистической фразеологіи; онъ одинъ не окуриваетъ ладаномъ тѣхъ „культурныхъ цѣнностей", за которыя выступаетъ, и хочетъ бороться за свои идеи при свѣтѣ дня, а не при тускломъ мерцаніи предъ-образной лампадки. Этого мало. Его сосѣди по сборнику на всѣ лады выражаютъ свое презрѣніе къ попыткамъ способствовать совершенствованію

человѣчества „путемъ внѣшняго устроенія жизни". Они всѣ предпочитаютъ путь индивидуальнаго, внутренняго самоусовершенствованія личности. Пусть собственными внутренними усиліями каждая отдѣльная личность подыметъ себя изъ болота окружающей среды—разсказывалъ же баронъ Мюнхгаузенъ, что, завязнувъ въ болотѣ, онъ съ большимъ успѣхомъ самъ вытянулъ себя оттуда за волосы. А если этому образцу послѣдуетъ каждый, то ясно, что такого рода культурное развитіе общества будетъ много прочнѣе, чѣмъ развитіе при помощи „внѣшнихъ мѣръ". Г. Кистяковскаго, однако, эта идея, „простая, какъ все геніальное", нисколько не соблазняетъ. Какъ юристъ, онъ слишкомъ хорошо понимаетъ значеніе „учрежденій", и хотя готовъ согласиться, что занимающая его мысли правовая свобода есть только „свобода внѣшняя, относительная, обусловленная общественной средой", однако онъ спѣшитъ трезво напомнить своимъ мистическимъ коллегамъ, что „внутренняя, болѣе безотносительная, духовная свобода возможна только при существованіи свободы внѣшней, и послѣдняя есть самая лучшая школа для первой". Еще одинъ логическій шагъ—и г. Кистяковскій долженъ признать, что такой „самой лучшей школой" для внутренней свободы является внѣшняя свобода не только въ ея отрицательныхъ опредѣленіяхъ, но и въ положительныхъ, свобода, проявляющаяся не только въ формальныхъ гарантіяхъ, но и въ матеріальныхъ — хотя бы, напр., въ видѣ извѣстнаго минимума благосостоянія, ниже котораго невозможно достойное человѣческое существованіе. А это уже изъ области одностороннягo *либеральнаго* права ведетъ насъ къ праву *соціальному*, и къ послѣдовательному выводу его—соціализму.

И вотъ, въ то время, какъ соціализмъ для сосѣдей г. Кистяковскаго по сборнику есть bête noire, самъ онъ спокойно заявляетъ: „правовой порядокъ есть система отношеній, при которой всѣ лица даннаго общества обладаютъ наибольшею свободой дѣятельности и самоопредѣленія. Но въ этомъ смыслѣ правовой строй нельзя противопоставлять соціалистическому строю. Напротивъ, болѣе углубленное пониманіе обоихъ приводитъ къ выводу, что они тѣсно другъ съ другомъ связаны, и *соціалистическій строй* съ юридической точки зрѣнія есть только *болѣе послѣдовательно проведенный* правовой строй".

Остается, какъ видите, только отъ всей души пожелать и его коллегамъ такого же „болѣе углубленнаго пониманія" и такой же „большей послѣдовательности"...

Какъ видите, отъ статьи г. Кистяковскаго вѣетъ совсѣмъ особымъ духомъ... Тѣмъ не менѣе, она фигурируетъ въ „Вѣхахъ". И хотя основное ея содержаніе притянуто за волосы къ основному заданію „Вѣхъ", хотя „мораль" въ духѣ общаго „анти-интеллигентскаго" похода пришита порою къ статьѣ бѣлыми нитками—однако, все-таки притянуто, все-таки пришита... Отсюда—отраженное вліяніе цѣлаго на свою часть. Извѣстно сказаніе о томъ, какъ „цвѣточекъ дикій, попавъ въ одинъ букетъ съ гвоздикой" тотчасъ же „отъ него душистымъ сталъ и самъ". Среди воинствующихъ мистагоговъ и простыхъ приватъ-звонарей (вродѣ г. Изгоева) духовной реакціи г. Кистяковскій стоитъ особо, онъ—Wilder, но „использованный" ими и пристроенный къ надлежащему мѣсту. „Wilder" онъ и въ болѣе широкомъ смыслѣ слова: вообще *дикимъ*, пересаженнымъ на чужую почву растеніемъ кажется онъ, когда пытается освѣтить далекое, но родное намъ идейное прошлое русской интеллигенціи: видимо, онъ не переживалъ его духовно; видимо, онъ изучалъ его, какъ историческій зритель,—правда интеллигентный и внимательный, но слишкомъ далекій отъ своего объекта, чтобы понять его интимно, чтобы мысленно, условно пережить самому живую логику его развитія. Статья г. Кистяковскаго могла бы быть недурной защитой важности правового элемента въ міросозерцаніи индивида и въ реальной жизни общества; безупречно и то положеніе, которое могло бы составить логическое увѣнчаніе всей его аргументаціи: „осуществленіе соціалистическаго строя возможно только тогда, когда всѣ его учрежденія получатъ вполнѣ точную правовую формулировку" [1]). Но этотъ выводъ остается у него не развитымъ и почти необоснованнымъ, высказаннымъ попутно, мимоходомъ; а основное содержаніе подчинено посторонней тенденціи — обличенію интеллигенціи и „суду" надъ революціей. Тенденція эта и загубила всю его статью.

[1]) „Вѣхи", стр. 109. Нетрудно видѣть, что эта мысль Кистяковскаго представляетъ собою простое повтореніе за Антономъ Менгеромъ его извѣстнаго заявленія, что соціализмъ получитъ практическое значеніе „только тогда, когда соціалистическія идеи выйдутъ изъ круга экономическихъ и филантропическихъ изслѣдованій, составляющихъ главное содержаніе соціалистической литературы, и превратятся въ трезвыя правовыя понятія". (А. Менгеръ, „Право на полный продуктъ труда", М. 1905 г., стр. 6).

II. Славянофильскіе корни недооцѣнки права.

„Русская интеллигенція никогда не уважала права, никогда не видѣла въ немъ цѣнности; изъ всѣхъ культурныхъ цѣнностей право находилось у нея въ наибольшемъ загонѣ“— говоритъ г. Кистяковскій:—„Въ нашей „*богатой*“ литературѣ въ прошломъ нѣтъ ни одного трактата, ни одного этюда о правѣ, которые имѣли бы *общественное* значеніе... въ ней не было ничего такого, что способно было бы пробудить правосознаніе нашей интеллигенціи“. Наконецъ, достаточно загипнотизировавъ себя этими и подобными замѣчаніями, г. Кистяковскій доходитъ до утвержденія, поистинѣ чудовищнаго: „Можно сказать, что въ идейномъ развитіи нашей интеллигенціи, поскольку оно отразилось въ литературѣ, *не участвовала ни одна правовая идея*“.

Г. Кистяковскій пробуетъ, однако, *доказать* это чудовищное положеніе. Въ доказательство онъ приводитъ отношеніе къ политикѣ и праву трехъ авторовъ: Герцена, Кавелина и Михайловскаго.

Трехъ строчекъ, вырванныхъ изъ контекста, всегда будетъ достаточно, чтобы повѣсить любого человѣка — говаривалъ еще Талейранъ. Чтобы произнести обвинительный приговоръ надъ Герценомъ, г. Кистяковскому понадобилось немного больше. Герценъ, яркими красками обрисовавши правовую неорганизованность Россіи, отсутствіе въ ней устойчивыхъ, традиціонныхъ юридическихъ началъ, вошедшихъ въ жизнь, сильныхъ исторической наслѣдственностью и проникающихъ все общественное правосознаніе, писалъ: „это тяжело и печально сейчасъ, но для будущаго это — огромное преимущество. Ибо это показываетъ, что въ Россіи позади видимаго государства не стоитъ его идеалъ, государство невидимое, апоѳеозъ существующаго порядка вещей“.

Этого для г. Кистяковскаго достаточно, чтобы прибѣгнуть къ сближенію, болѣе чѣмъ рискованному. „Итакъ — читаемъ мы у него—Герценъ предполагаетъ, что въ этомъ коренномъ недостаткѣ русской общественной жизни заключается извѣстное преимущество. Мысль эта принадлежала не лично ему, а всему кружку людей сороковыхъ годовъ, и, главнымъ образомъ, славянофильской группѣ ихъ“. А дальше дѣло уже идетъ, какъ по маслу: славянофилы и Герценъ оказываются въ этомъ вопросѣ солидарными, равно

аполитиками, равно недооцѣнивающими значеніе права. А потому, ко всей русской интеллигенціи, можно равно отнести стихотвореніе В. Алмазова, который такъ пародировалъ К. Аксакова:

По причинамъ органическимъ
Мы совсѣмъ не снабжены
Здравымъ смысломъ юридическимъ,
Симъ исчадьемъ сатаны.
Широки натуры русскія!
Нашей правды идеалъ
Не влѣзаетъ въ формы узкія
Юридическихъ началъ!

Поверхность этого сближенія не дѣлаетъ чести проницательности г. Кистяковскаго. Ибо славянофилы, какъ общее правило, только въ одномъ, строго опредѣленномъ смыслѣ были абсолютными „врагами“ права: въ вопросѣ о регулированіи отношеній между народомъ и царскою властью. Но какъ разъ въ *этомъ* пунктѣ Герценъ былъ не съ ними. Съ другой стороны, для Герцена въ правовой неустроенности Россіи *одно* было фактомъ положительнымъ: благодаря этой неустроенности основы существующаго порядка не вросли въ народное сознаніе, „позади видимаго государства не стоитъ его идеалъ, государство невидимое, апоѳеозъ существующаго порядка вещей“. Но какъ разъ въ *этомъ* пунктѣ Герценъ имѣлъ противъ себя славянофиловъ. Словомъ, и тамъ, и тутъ Герценъ и славянофилы были антиподами.

Славянофилы идеализировали старо-русскія, „патріархальныя“ отношенія между народомъ и властью; они хотѣли, чтобы отношенія эти покоились на внутреннемъ довѣріи другъ къ другу; царю принадлежитъ сила власти, землѣ — сила мнѣнія; сердечное общеніе власти и народа замѣняетъ всякія конституціонныя разграниченія и огражденія ихъ сферъ и интересовъ; власть совѣщается съ землей, съ земскими людьми, и, вдохновляясь ихъ нуждами,—сама, единою волею и твердою рукою направляетъ руль государственнаго корабля. Вотъ въ чемъ заключается для славянофиловъ смыслъ противопоставленія двухъ путей: „западнаго человѣчества“, съ его путемъ „внѣшней правды, путемъ государства“, и Россіи, съ ея „путемъ внутренней правды“. Первый путь приводитъ къ взаимному недовѣрію и борьбѣ народа съ властью, къ рѣшенію ихъ распрей посредствомъ юридическихъ компромиссовъ, письменныхъ доводовъ, кон-

ституціонныхъ гарантій; второй—напротивъ, исключаетъ эти мнимыя рѣшенія, дѣлаетъ ихъ излишними, упраздняетъ самую проблему внѣшняго, формальнаго регулированія отношеній между народомъ и властью.

Если хотите, это былъ своего рода *правый* аполитизмъ, такой же безпочвенный и наивно-мечтательный, какъ прямо противоположный ему *лѣвый* аполитизмъ. У того и у другого равно безграничны вѣра въ людскую добрую волю и возможность полюбовнаго согласія. Только мечтатели *справа* эту вѣру свою прилагаютъ къ ограниченной области—къ отношеніямъ между народомъ и властью, двумя исконными, непреложными для нихъ почти мистическими началами, изъ которыхъ нужно исходить. Мечтатели же слѣва чужды мистики; но въ своемъ отрицаніи сверхъ-индивидуальныхъ сущностей они заходятъ такъ далеко, что *атомизируютъ* общество, раздробляютъ его на отдѣльныхъ автономныхъ индивидовъ и разрѣшаютъ всѣ пренія между ними путемъ того же добровольнаго, полюбовнаго соглашенія, „внутренней правды“, въ отличіе отъ „внѣшней правды“ государства, которая есть историческая ложь. Таковы черты соприкосновенія и расхожденія между двумя видами аполитизма: одного, который ведетъ къ апологіи историческаго *монархизма*, и другого, который ведетъ къ провозглашенію индивидуалистическаго *анархизма*.

Оба эти вида аполитизма были Герцену совершенно чужды. Никогда не думалъ онъ отрицать значеніе правовыхъ гарантій во имя славянофильскаго принципа *довѣрія*; онъ только указывалъ на ихъ недостаточность во имя иныхъ, болѣе позитивныхъ гарантій. Даже въ тотъ моментъ, когда послѣ мрачныхъ николаевскихъ временъ представитель исторической наслѣдственной власти всталъ во главѣ дѣла освобожденія крестьянъ,—тотъ самый Герценъ, который написалъ знаменитое восклицаніе: „Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!“—тотъ же самый Герценъ напомнилъ кокетливое признаніе, вырвавшееся у Александра I въ лучшую пору его царствованія: „Je ne suis pas qu'un hereux hasard“. Оба раза счастье, основанное на случайностяхъ, оказалось равно непрочнымъ. И Герценъ блестяще иллюстрировалъ это славянофиламъ. Болѣе того, онъ находилъ, что со славянофилами происходитъ забавное qui pro quo, что идеализируемая ими государственная форма даже вовсе не національна: она представляетъ собою „общій, западный военный деспотизмъ, въ самой грубой, наглой формѣ, съ примѣсью деспотизма во-

сточнаго"; она одновременно „диктатура въ европейскомъ смыслѣ слова и завоевательная азіатская династія" [1].

Наслѣдіе татарщины, византизмъ и „нѣмецкая религія des Staates"—вотъ составные идеологическіе элементы этого государственнаго строя, въ которомъ славянофилы хотятъ видѣть что-то самобытное. „У него нѣтъ законовъ, а разныя мѣры; у него нѣтъ собственно родины; петроградское императорство *дошло умомъ* до необходимости быть національнымъ—въ продолженіе полутораста лѣтъ оно было до того чужое народу, что дворянство, желая походить на него, старалось быть наименѣе русскимъ" (стр. 531). Совершенно опредѣленно говорилъ Герценъ, что „монархическая власть вообще выражаетъ мѣру народнаго несовершеннолѣтія, мѣру народной неспособности къ самоуправленію" (стр. 179). „Каждая степень образованія, развитія, даже силы государственной—училъ онъ—требуетъ соотвѣтственный себѣ циклъ государственныхъ учрежденій. Съ каждымъ шагомъ впередъ—ему нужно больше простора, больше воли, больше опредѣленности въ своихъ отношеніяхъ къ власти; словомъ, больше независимой, самобытной и разумной жизни. Или государство ея достигаетъ (съ боя ли, по полюбовному ли согласію—все равно), и тогда оно идетъ далѣе въ исторіи; или нѣтъ—и тогда оно останавливается, разлаживается, распадается и обмираетъ такимъ образомъ до какого-нибудь рѣшительнаго событія (напр. крымской войны), которое снова раскрываетъ ему путь развитія или окончательно убиваетъ его, какъ дѣятельное и развивающееся государство. Вступивъ въ западное образованіе, Россія должна была идти тѣмъ же путемъ. Если бы у насъ весь прогрессъ совершался только въ правительствѣ, мы дали бы міру еще небывалый примѣръ самовластія, вооруженнаго всѣмъ, что только выработала свобода; рабства и насилія, поддерживаемаго всѣмъ, что только нашла наука. Это было бы нѣчто вродѣ Чингизъ-хана съ телеграфами, пароходами, желѣзными дорогами, съ Карно и Монжемъ въ штабѣ, съ ружьями Минье и съ конгревовыми ракетами подъ начальствомъ Батыя" (стр. 23).

Нельзя, конечно, думать, будто славянофилы совершенно не замѣчали той суровой и неказистой дѣйствительности, которая представляла столь разительный контрастъ съ ихъ

---

[1]) Всѣ дальнѣйшія цитаты относятся къ сборнику „Избранныхъ статей изъ Колокола" за 1857—1869 г.

сентиментальной идеализаціей исторической наслѣдственной власти. Но, во-первыхъ, мечтая о томъ, чтобы „славянскіе ключи слились въ русскомъ морѣ“, они ставили тѣмъ самымъ проблему: „кто побѣдитъ въ неравномъ спорѣ — кичливый ляхъ или вѣрный россъ?“. И рожденная соперничествомъ гнѣвливая непріязнь къ полякамъ заставляла ихъ оправдывать ту реакцію, которая началась съ подавленія польскаго возстанія и питалась возрожденіемъ шовинизма. Во-вторыхъ, точка зрѣнія славянофиловъ ставила ихъ на теоретическую позицію, почти неуязвимую для ударовъ дѣйствительности. Они исповѣдывали мистическую философію, благодаря которой всѣ событія получали для нихъ смыслъ болѣе чѣмъ человѣческій.

Когда признаютъ, что „мистическая сущность“ даннаго общественнаго порядка всецѣло пребываетъ гдѣ-то въ четвертомъ измѣреніи; когда думаютъ, что она лишь однимъ краешкомъ своимъ обнаруживается въ нашей грубо-чувственной дѣйствительности; когда признаютъ эту дѣйствительность лишь за преходящую, искаженную тѣнь истиннаго, абсолютнаго бытія,—тогда любыя конкретныя несовершенства даннаго общественнаго порядка не могутъ свидѣтельствовать противъ его высшаго предназначенія. Ибо предназначеніе это не отъ силъ человѣческихъ. Въ немъ сказывается вліяніе высшихъ, неземныхъ силъ—„позади государства видимаго стоитъ идеалъ, государство невидимое, апоѳеозъ существующаго порядка вещей“.

Недаромъ славянофилы такъ держались за православную религію. Здѣсь невольно вспоминается то опредѣленіе, которое было дано религіи и блестяще развито въ книгѣ Гюйо о „Безвѣріи будущаго“: религія есть своего рода *мифическая соціологія*. И эта соціологическая сущность религіи ярко проявляется въ міросозерцаніи славянофиловъ. Конечно, она требуетъ для себя неясныхъ субъективныхъ очертаній сокровенной „внутренней правды“ и плохо вмѣщается „въ формы узкія юридическихъ началъ“. Но причемъ тутъ Герценъ?

Въ томъ-то и дѣло, что, припутывая здѣсь его имя, г. Кистяковскій только „киваетъ на Петра“. На дѣлѣ, вмѣсто того, чтобы заходить такъ далеко, онъ долженъ бы былъ просто оборотиться на своихъ сосѣдей по сборнику. Они, а не Герценъ и его продолжатели, въ этомъ пунктѣ сходятся со славянофилами.

Начать хотя бы съ того, что ихъ исходная философская точка зрѣнія недалеко ушла отъ славянофильской. Нео-православіе Булгакова и Бердяева ведетъ свое начало отъ филосо-

фіи Влад. Соловьева, который развивалъ совершенно откровенно цѣлую систему „миѳической соціологіи". Опредѣляя тогда свой идеалъ „общечеловѣческой или вселенской культуры", Влад. Соловьевъ совершенно категорически заявилъ: „ясно, что вмѣстѣ съ тѣмъ и именно вслѣдствіе своей всецѣлости эта культура будетъ болѣе чѣмъ человѣческой, вводя людей въ актуальное общеніе съ міромъ божественнымъ" [1]). Вкушая счастіе этого „актуальнаго общенія", преподобный Сергій Булгаковъ уже теперь укрѣпился на позиціяхъ, не менѣе недосягаемыхъ, чѣмъ славянофильскія... и похожихъ на нихъ, какъ двѣ капли воды.

Такъ, напр., г. Булгаковъ не можетъ не видѣть, что въ современной Россіи „обскурантизмъ становится средствомъ защиты религіи". Но какъ славянофилы оправдывали реакцію изъ страха передъ „польской интригой", такъ г. Булгаковъ выдвигаетъ интригу интеллигентскую. Она виновата! „Пока интеллигенція всю силу своей образованности употребитъ на разложеніе народной вѣры, ея защита *съ печальной неизбѣжностью* все больше принимаетъ характеръ борьбы не только противъ интеллигенціи, но и противъ просвѣщенія, разъ оно въ дѣйствительности распространяется только черезъ интеллигенцію". А затѣмъ, какъ и у славянофиловъ, выступаетъ на первый планъ метэмпирическій смыслъ и призваніе церкви. „Само собою разумѣется—торжественно заявляетъ г. Булгаковъ—что для того, кто вѣритъ въ мистическую жизнь церкви,—не имѣетъ рѣшающаго значенія та или иная ея историческая оболочка въ данный историческій моментъ; какова бы она ни была, она не можетъ и не должна порождать сомнѣній въ конечномъ торжествѣ и для всѣхъ явномъ просвѣтлѣніи церкви". Такъ же точно и для славянофиловъ всѣ ужасы временъ Ивана Грознаго и весь мракъ николаевщины и аракчеевщины „не имѣли рѣшающаго значенія", такъ какъ „невозможное отъ человѣкъ возможно для Бога". И г. Булгаковъ со своей точки зрѣнія совершенно правъ. Для невѣрующихъ церковь есть то, что реально существуетъ, какъ своеобразная, іерархически управляемая организація; но для вѣрующаго въ составъ церкви входятъ всѣ вѣрующіе, не только живущіе, но и умершіе и даже еще неродившіеся; это есть мистическое цѣлое, союзъ безсмертныхъ индивидуальныхъ душъ, во главѣ съ ихъ тріединымъ Отцомъ. Это есть особое общество, со своей особей октро-

---

[1]) „Критика отвл. началъ", стр. 435.

ированной конституціей, договоромъ между царемъ небеснымъ и людьми—вѣтхимъ завѣтомъ и, въ дополненіе и развитіе его, новымъ завѣтомъ. И эта „миѳическая соціологія“ для вѣрующаго, конечно, пореальнѣе, чѣмъ человѣческія ухищренія, выражающіяся въ земныхъ конституціяхъ...

И когда гг. Булгаковъ, Бердяевъ и К° на всѣ лады превозносятъ „внутреннее самоусовершенствованіе“ предъ „внѣшними мѣрами“ и „общественными формами“, то развѣ только слѣпой не замѣтитъ, что здѣсь nur mit ein bischen anderen Worten воскресаетъ то же самое противопоставленіе—„внутренней правды“ славянофиловъ „внѣшней правдѣ“ безбожнаго матеріалистическаго Запада...

Учитель этихъ новыхъ провозвѣстниковъ всеспасающей „внутренней правды“, Влад. Соловьевъ, конечно, даже въ періодъ наибольшей близости къ славянофиламъ, далеко отошелъ отъ К. Аксакова съ его наивными рѣчами на государственно-правовыя темы. Влад. Соловьевъ самъ пробовалъ нѣчто творить въ области философіи права. Правда, попытки его были не изъ удачныхъ, и г. Кистяковскій тоже долженъ былъ признаться, что онъ „не создалъ чего-нибудь значительнаго въ области правовыхъ идей“. Тѣмъ не менѣе, фактъ интереса, проявленнаго Влад. Соловьевымъ къ вопросамъ права, остается налицо. И потому особенно характерно, что *недооцѣнку* правового элемента въ общественной жизни встрѣтить у Соловьева—не рѣдкость. Недооцѣнка эта слишкомъ въ общемъ духѣ всего его „неотмірнаго“ ученія. И въ самомъ дѣлѣ, изъ-подъ пера Соловьева выливались, напримѣръ, вотъ какія рѣчи: „*Наружный образъ раба*, доселѣ лежащій на русскомъ народѣ, неудовлетворительное положеніе Россіи въ экономическомъ и другихъ отношеніяхъ не только не могутъ служить возраженіемъ противъ ея призванія (рѣчь шла о національно-мессіанскомъ призваніи Россіи), но *скорѣе подтверждаютъ* его; ибо та высшая сила, которую русскій народъ долженъ провести въ человѣчество, есть сила не отъ міра сего; а внѣшнее богатство и *порядокъ* относительно ея *не имѣютъ никакого значенія*“ [1]).

Вотъ, кажется, гдѣ бы слѣдовало придти въ ужасъ г. Кистяковскому. Но у него двѣ мѣрки: одна для „своихъ“, другая для „чужихъ“. Герцена онъ спѣшитъ „уловить“ въ пренебреженіи къ праву, а про Соловьева (объединяя его

---

1) „Критика отвл. началъ“. стр. 432.

въ этомъ отношеніи съ Чичеринымъ) онъ говоритъ: „то хорошее, что они дали, оказалось почти безплоднымъ; ихъ вліяніе на интеллигенцію было ничтожно; менѣе всего нашли въ ней отзвукъ именно ихъ правовыя идеи“. Русскихъ соціалистовъ онъ всѣхъ хочетъ выставить въ этомъ вопросѣ эпигонами славянофильства, а съ дѣйствительными его эпигонами, посрамляющими на страницахъ „Вѣхъ“ *внѣшнюю правду* общественныхъ реформъ *внутренней правдой* личнаго самоусовершенствованія, онъ выступаетъ преспокойно подъ ручку... Вотъ ужъ, подлинно, *слѣпую* Ѳемиду изобразилъ г. Кистяковскій своею собственною персоною!

Ну, а что бы было, если бы среди русской интеллигенціи дѣйствительно „нашла отзвукъ“ данная идея Влад. Соловьева? Если бы приведенная нами цитата находилась въ сочиненіяхъ не Соловьева, а Герцена или Михайловскаго? Или что, если бы кто-нибудь изъ насъ, въ посрамленіе „внѣшней правдѣ“ Запада, дерзнулъ написать то, что съ самымъ кроткимъ и спокойнымъ убѣжденіемъ писалъ Влад. Соловьевъ, а именно, что съ этой точки зрѣнія „мусульманскій Востокъ выше Западной цивилизаціи“?

Какой бы шумъ вы подняли, друзья,
Когда бы сдѣлалъ это я!

III. Герценъ и вопросы права.

Однако же—скажетъ г. Кистяковскій—Герценъ все-таки ухитрился въ нашемъ правовомъ неустройствѣ увидѣть какую-то выгоду!

Несомнѣнно. Но, во-первыхъ, *не только* выгоду. И, во-вторыхъ, не въ *„правовомъ неустройствѣ“*, какъ абстрактномъ явленіи, а въ специфическомъ, нашемъ правовомъ неустройствѣ, свойственномъ опредѣленному историческому моменту и опредѣленнымъ—внутреннимъ и внѣшнимъ—условіямъ.

Ни въ малой степени не желаемъ мы замалчивать этой стороны соціально-политическаго міросозерцанія Герцена. Напротивъ—мы хотѣли бы развернуть во всю ширину смыслъ этихъ немногихъ, приведенныхъ у г. Кистяковскаго строкъ. Мы утверждаемъ, что въ нихъ для Герцена заключается мысль необычайно важная, органически связанная со всѣмъ его credo; что она является осью для цѣлаго ряда другихъ, примыкающихъ къ ней мыслей; что, наконецъ, она харак-

терна не только для Герцена. Нѣтъ, она подхвачена и развита въ слѣдующемъ поколѣніи Н. К. Михайловскимъ, она наложила свою печать и нашла свое продолженіе въ цѣлой преемственной полосѣ русской общественной мысли. Только она ни мало не сближаетъ Герцена съ славянофилами, а наоборотъ—составляетъ именно *его* достояніе, опредѣляетъ *его* собственный путь, обособляющій его какъ отъ славянофиловъ, такъ—не въ меньшей степени—и отъ западниковъ.

„Многіе изъ русскихъ, и между прочимъ Чаадаевъ въ своемъ знаменитомъ письмѣ—говоритъ Герценъ—сѣтуютъ на отсутствіе у насъ того элементарнаго гражданскаго катехизиса, той политической и юридической азбуки, которую мы находимъ съ разными измѣненіями у всѣхъ западныхъ народовъ“. Вотъ тема, интересующая г. Кистяковскаго. Что же, неужели Герценъ не понимаетъ той элементарной истины, которая содержится въ этихъ сѣтованьяхъ? Пусть г. Кистяковскій не безпокоится: эти азы ему знакомы. „Это правда—продолжаетъ онъ—и если смотрѣть только на настоящее, то вредъ отъ этихъ неустоявшихся понятій объ отношеніяхъ, обязанностяхъ и правахъ дѣлаетъ изъ Россіи то печальное царство беззаконія, которое ставитъ ее во многихъ отношеніяхъ ниже восточныхъ государствъ. Въ самомъ дѣлѣ, идея права у насъ вовсе не существуетъ или очень смутно, она смѣшивается съ признаніемъ силы или совершившагося факта. Законъ не имѣетъ для насъ другого смысла, кромѣ запрета, сдѣланнаго власть имущимъ: мы не его уважаемъ, а квартальнаго боимся... Все это такъ“. Но тутъ-то и начинается расхожденіе Герцена съ западниками, тутъ-то и ставитъ Герценъ свое первое *но*. „Но представьте себѣ то великое и тупое уваженіе, которое англичане имѣютъ къ своей законности, обращенное на *нашъ* сводъ. Представьте, что чиновники не берутъ больше взятокъ и исполняютъ буквально законы, представьте, что народъ вѣритъ, что это въ самомъ дѣлѣ законы—изъ Россіи надо было бы бѣжать безъ оглядки“ (стр. 181—182).

Уваженіе къ законности — великая вещь, но при томъ политическомъ строѣ, которому дано мѣткое названіе „самодержавіе, умѣряемое взятками“—оно грозитъ обратиться въ каламбуръ. Но мы опять боимся обезпокоить г. Кистяковскаго и спѣшимъ объяснить ему: тутъ нѣтъ защиты взятокъ. На великую правовую истину о вредѣ взяточничества никто не посягаетъ. Вопросъ здѣсь сложнѣе и глубже. Вопросъ

идетъ не о преимуществахъ правового порядка in abstracto. Вопросъ идетъ о живыхъ *источникахъ права и о правообразующихъ силахъ*. Въ то время, къ которому относятся слова Герцена, положеніе Россіи было въ этомъ смыслѣ слишкомъ безотрадное. Россія была слишкомъ незрѣла, чтобы внутренней органической работой созрѣвшихъ соціальныхъ силъ выработать соотвѣтствующую своей національной физіономіи систему права. Это было неуклюжее, громоздкое, достаточно аморфное цѣлое, которое представляло пассивный объектъ для всевозможныхъ административно-государственныхъ экспериментовъ. Что же представляли собою всѣ эти эксперименты? Причудливую смѣсь азіатскаго произвола съ внѣшнимъ копированіемъ того или другого западнаго образца, военныхъ поселеній съ „войнами за просвѣщеніе", шпицрутеновъ съ поверхностными культурными новшествами. Немудрено, что они не успѣли создать ничего прочнаго, органически сросшагося съ глубинами народной жизни. Для того, чтобы вывести Россію на дорогу созданія болѣе прочнаго общественнаго права, исторія должна была сначала создать новыя силы, способныя стать источниками новаго права. Для Герцена стояли вопросы—гдѣ эти силы? Каковы тенденціи ихъ правосознанія? Какое право выработаютъ они и въ какое отношеніе выработка его станетъ къ дѣйствующему праву того „свода", власть котораго была пока еще поверхностною властью не шла глубоко въ жизнь, но, все таки, была единственною, монопольною властью?

Для „западниковъ" все было гораздо проще... „Петровская метода избаловала насъ своей необычайной легкостью— иронизируетъ Герценъ. „Нѣтъ гражданскаго катихизиса— взять нѣмецкій, переложить на наши нравы, какъ перекладываютъ французскіе водевили, переплести въ юфть, вотъ и будетъ катихизисъ. Такъ думаютъ девять-десятыхъ нашихъ просвѣтителей in spe. Такъ поступали англичане съ индѣйцами (индусами): находя у нихъ какіе-то неразвившіеся зачатки патріархально-общиннаго управленія, они его замѣнили англійскимъ. Какое изъ двухъ управленій, индѣйское или англійское, выше—кажется, нельзя спрашивать. Посмотрите, что въ примѣненіи къ индѣйскимъ земледѣльцамъ сдѣлало это повышеніе въ юридическомъ чинѣ. Оно кретинизировало народъ, мѣстами убило его, мѣстами развило ту ненависть къ Англіи, которую мы видѣли годъ тому назадъ" (181—182).

Итакъ, для Герцена возможность *заимствованія* ничего не разрѣшаетъ. Вопросъ о томъ, какъ же можетъ создаться

въ Россіи не сверху грубо на нее наложенное, а живыми силами страны выработанное право,—этотъ вопросъ такъ и остается неразрѣшеннымъ. И въ этомъ нѣтъ никакого нелѣпаго, славянофильскаго или какого угодно иного „самобытничества“. Впрочемъ, не г. Кистяковскому намъ это доказывать. Онъ самъ слишкомъ хорошо понимаетъ всю глубокую важность самостоятельнаго народнаго право-творчества. Въ его статьѣ мы находимъ, напр., слѣдующее прекрасное мѣсто. „Намъ могутъ сказать—пишетъ онъ—что русскій народъ вступилъ черезчуръ поздно на историческій путь, что намъ незачѣмъ самостоятельно вырабатывать идеи свободы и правъ личности, правового порядка, конституціоннаго государства, что всѣ эти идеи давно высказаны, развиты въ деталяхъ, воплощены, и потому ихъ остается только заимствовать. Если бы это было даже такъ, то и тогда мы должны были бы все-таки пережить эти идеи; недостаточно заимствовать ихъ, надо было бы въ извѣстный моментъ жизни быть всецѣло охваченными ими; какъ бы ни была сама по себѣ стара та или другая идея, она для переживающаго ее впервые всегда нова; она совершаетъ творческую работу въ его сознаніи, ассимилируясь и претворяясь съ другими элементами его... Но это и по существу не такъ. Нѣтъ единыхъ и однихъ и тѣхъ же идей свободы личности, правового строя, конституціоннаго государства, одинаковыхъ для всѣхъ народовъ и временъ, какъ нѣтъ капитализма или другой хозяйственной и общественной организаціи, одинаковой во всѣхъ странахъ. Всѣ правовыя идеи въ сознаніи каждаго отдѣльнаго народа получаютъ своеобразную окраску и свой собственный оттѣнокъ“.

Кто же могъ совершить въ Россіи эту работу? Историческая власть? Но ея оцѣнку Герценомъ мы уже видѣли. Буржуазія? Но ея еще не было, какъ сколько-нибудь сознательной политической силы. Дворянство? Но оно, въ массѣ ревниво хватающееся за ускользающія крѣпостническія привилегіи, на это не было способно. Взгляды Герцена должны были направиться на трудовыя массы, на русское крестьянство, да еще на передовую интеллигенцію, идейно пережившую весь горькій опытъ Запада.

Но интеллигенція сама только нарождалась, а крестьянство едва пробуждалось къ сознательной жизни. При такомъ младенческомъ состояніи новыхъ силъ, способныхъ въ будущемъ къ истинному творчеству правовыхъ формъ, внѣшнее неустройство Россіи, наряду съ тысячью неудобствъ,

представляло зато для Герцена и одну счастливую возможность. Правотворчество интеллигенціи и народа легче могло пробиться на свѣтъ Божій, легче преодолѣть неокрѣпшую кору того правового устройства, которое было продиктовано своекорыстіемъ привиллегированныхъ слоевъ и подражательностью доктринерствующихъ администраторовъ. Слабость этого конкурента грядущихъ правообразующихъ силъ—вотъ то положительное, что усматривалъ Герценъ въ общей безотрадной картинѣ русскаго безправія...

Нужны ли доказательства? Послушайте самого Герцена. „Нѣтъ у насъ тѣхъ завершенныхъ понятій—писалъ онъ—тѣхъ гражданскихъ истинъ, которыми, какъ щитомъ, западный міръ защищался отъ феодальной власти, отъ королевской, а теперь защищается отъ соціальныхъ идей; или онѣ до того у насъ спутаны, искажены, обезображены, что самый яростный западный консерваторъ отъ нихъ отшатнется. Что въ самомъ дѣлѣ можетъ сказать въ пользу неприкосновенной собственности помѣщикъ-людосѣкъ, смѣшивающій въ своемъ понятіи собственности—огородъ, бабу, сапоги, старосту?“ (181). „Гдѣ у насъ эти us et coutumes, связывающіе каждый шагъ, тяжелая парламентская жизнь, роды родовъ судейскихъ фамилій, которыя словно по наслѣдству судили и рядили народъ, наконецъ, гдѣ у насъ древній, сѣдой институтъ королевской власти, связанный со всѣми воспоминаніями исторіи, и съ феодализмомъ, и съ городской жизнью, и съ католицизмомъ, и со славою „великаго вѣка“,—институтъ, послѣдовательно разработавшійся въ цѣлую систему аристократической монархіи? Народы вживаются до того въ вѣковыя формы и обряды, что не понимаютъ жизни въ другихъ формахъ, хотя бы онѣ были лучше. Консерватизмъ Англіи основанъ на этомъ; но для того, чтобы имѣть эти обязательныя воспоминанія, надобно много прожить, *надо что-нибудь имѣть для храненія.* У насъ ничего подобнаго нѣтъ“ (15—16). „Прошедшее Запада обязываетъ его—не насъ. Его живыя силы скованы круговой порукой съ тѣнями прошедшаго, съ тѣнями, дорогими ему, не намъ. Свѣтлыя, человѣческія стороны современной европейской жизни выросли въ тѣсныхъ средневѣковыхъ переулкахъ и учрежденіяхъ; онѣ срослись со старыми доспѣхами, рясами и жильями, разсчитанными совсѣмъ для другого быта—рознять ихъ опасно, тѣ же артеріи пробѣгаютъ по нимъ. Западъ—въ неудобствахъ наслѣдственныхъ формъ—уважаетъ свои воспоминанія, волю своихъ отцовъ. Ходу его впередъ мѣ-

шают камни—но камни эти памятники гражданскихъ побѣдъ или надгробныя плиты“ (311—312).

Не то—въ Россіи. Вотъ какъ рисуетъ Герценъ этотъ контрастъ. „Упорная живучесть всего существующаго въ Европѣ прочно основана на всемъ быломъ ея. Ея многосложный бытъ сложился самъ по себѣ, выработался въ длинной и тяжелой борьбѣ; онъ ей естествененъ, у нея есть другіе *идеалы*, но другого *быта* нѣтъ. Къ тому-жъ въ обветшалыхъ и узкихъ формахъ ея захвачено бездна изящнаго и хорошаго. Оно-то и утратилось при *переложеніи на наши нравы*, удивляться этому нельзя. Европейскій бытъ и цивилизація были надѣты на насъ въ томъ родѣ, какъ въ Лондонѣ мальчишки зашиваютъ, для продажи, плебейскаго происхожденія щенка въ волнистую шкуру аристократической собаченки; щенокъ, вымытый и расчесанный, бѣгаетъ въ своемъ *болонскомъ* кафтанѣ по гостинымъ, спитъ на диванахъ—но увы, онъ растетъ, и чужая шубенка лопается по швамъ“ (310).

Контрастъ огромный. „Вмѣсто статистическихъ, юридическихъ, историческихъ торныхъ дорогъ, по которымъ мы ѣздимъ во всѣ стороны на Западѣ, у насъ вездѣ лѣсъ, проселки, дичь... Стремленія, способности, огромный ростъ, въ ужасъ приводящее молчаніе и какой-то народный бытъ, засыпанный мусоромъ...—вотъ и все“ (167). „Дѣло въ томъ, что у насъ собственно нѣтъ завѣтныхъ основъ, нѣтъ прочно вкопанныхъ въ разумѣніе межевыхъ камней, означающихъ предѣлы. Мы не сложились, мы еще ищемъ своихъ началъ...“ (103). „Жизнь наша не приняла окончательнаго склада, не наткнулась на формы, ей соотвѣтствующія, *не развила ихъ изъ своего быта*, не можетъ осѣсться и живетъ на кочевьи“ (436). „Тѣ народы пусть отвѣчаютъ за свое прошедшее, которыхъ пуповина съ исторіей не разрѣзана, которые горды своимъ прошедшимъ. Мы, напротивъ, только разрываясь съ нимъ идемъ впередъ. Мы скорѣе похожи на двуутробку, бѣгущую съ обнищалаго поля, унося съ собою будущее поколѣніе,—чѣмъ на верблюда, несущаго черезъ степи кивотъ съ старымъ завѣтомъ“ (123).

Все это, конечно, не богъ вѣсть какое богатство: напротивъ, это нищета. „У насъ исторической ноши меньше—мы бѣдны“. „Россія не дошла еще до такого гражданскаго русла, которое бы ей соотвѣтствовало, въ которомъ было бы достаточно простору для обнаруженія всѣхъ или большаго числа внутреннихъ силъ своихъ... Эта неспѣтость, урод-

ливое *кое-какъ* учрежденій, вмѣстѣ съ праздностью силъ и дурнымъ употребленіемъ ихъ избытка или вѣковымъ усыпленіемъ ихъ доказываетъ *незрѣлость* русскаго народа. Долгая незрѣлость не всегда право на зрѣлость, и потому надобно опредѣлить, что такое русскій государственный бытъ, есть ли это смирительный домъ для юродиваго старика или воспитательный домъ для юношескаго возраста“ (116).

Думается, во всемъ этомъ—болѣе чѣмъ достаточное пониманіе всѣхъ отрицательныхъ сторонъ *зародышеваго* правового состоянія. Думается, что даже г. Кистяковскій не найдетъ неуваженія къ праву, какъ таковому, въ томъ, что Герценъ, усматривая въ русскомъ народномъ бытѣ *ростки новаго права*, радовался, что для нихъ еще есть незанятая почва, что не все захвачено пустоцвѣтомъ правового строительства сверху, представляющаго уродливую смѣсь византійскаго и татарскаго съ нѣмецкимъ... Послѣ всего, сказаннаго выше, слишкомъ понятно, почему и въ *какомъ* смыслѣ Герценъ усматривалъ нѣкоторое преимущество въ „крайнемъ недостаткѣ русской жизни“—правовомъ неустройствѣ. „Каждый русскій долженъ благословлять, что временныя смирительныя учрежденія петроградскаго самовластья вызвали только одни нелѣпѣйшія безобразія, а не стараться какъ-нибудь привести его въ порядокъ на основаніяхъ нѣмецкой бюрократіи. Наше неустройство — это великій протестъ народный, это наша magna charta, нашъ вексель на будущее. Не на́до ошибаться въ его характерѣ, это не распаденіе на части ветхаго тѣла, а безпокойное ломанье живого организма, отдѣлывающагося отъ постороннихъ путъ; не гнилое броженіе, а броженіе вокругъ бьющагося зародыша“ (124).

Гдѣ же этотъ зародышъ? Въ правосознаніи народныхъ низовъ, вытекающихъ изъ прочныхъ трудовыхъ устоевъ ихъ существованія.

Въ эпоху Герцена было большою смѣлостью мысли искать тамъ, въ глуши деревень, гдѣ царитъ „душный воздухъ, дымъ лучины“, гдѣ пыльной паутиною затканы углы, гдѣ крѣпостное право вѣками внушало забвеніе человѣческаго достоинства—какого-то *правосознанія*, съ которымъ можно считаться, на которое можно опираться въ разрѣшеніи тѣхъ міровыхъ вопросовъ права, которые такъ остро были поставлены послѣ революціи 1848 года!

Было провозглашено банкротство буржуазнаго права; въ сознаніе передовыхъ людей все болѣе и болѣе входило убѣжденіе, что перечень „правъ человѣка и гражданина“,

данный великой французской революціей, односторонен и не полонъ; что субъективныя публичныя права человѣка не должны исчерпываться формальными свободами, что личность можетъ имѣть правовыя притязанія къ коллективности въ наиболѣе важной сферѣ своего существованія—въ обезпеченіи элементарныхъ своихъ матеріальныхъ нуждъ. Соціализмъ впервые начиналъ поиски юридической формулировки основного своего требованія, колеблясь между формулами права на трудъ, права на полный продуктъ труда и права на существованіе, устанавливая взаимное отношеніе и взаимную зависимость между этими частными формулами. Кризису въ *мысли* соотвѣтствуетъ кризисъ въ *жизни*. „Міръ, основанный на римскомъ правѣ собственности и на гражданскомъ правѣ личности, можетъ бросить голодному хлѣба, но признать его *право на хлѣбъ* не можетъ; за то онъ даетъ ему гражданскую свободу, а за это голодный даритъ ее Наполеону“ (115). И этотъ пронырливый охотникъ ловитъ рыбу въ мутной водѣ, рядомъ своихъ демагогическихъ плебисцитовъ наноситъ жестокій ударъ „ариѳметическому пантеизму всеобщей подачи голосовъ“...

Спрашивалось: какое значеніе при разрѣшеніи этихъ огромныхъ міровыхъ вопросовъ можетъ имѣть справка съ бытомъ и сознаніемъ какого-то полудикаря—темнаго русскаго мужика?

„Будто онъ можетъ внести что-нибудь въ этотъ великій споръ, въ тотъ нерѣшенный вопросъ, передъ которымъ остановилась Европа, политическая экономія, экстраординарные и ординарные профессора, камералисты и государственные люди? Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ онъ внести, кромѣ продымленнаго запаха черной избы и дегтя?“

„Вотъ подите тутъ и ищите справедливости въ исторіи, мужикъ нашъ вноситъ не только запахъ дегтя, но еще какое то допотопное понятіе *о правѣ каждаго работника на даровую землю.* Какъ вамъ нравится это? Положимъ, что еще можно допустить *право на работу, но право на землю?*“

„А между тѣмъ оно у насъ гораздо больше, чѣмъ право, оно фактъ; оно больше чѣмъ признано, оно существуетъ. Крестьянинъ на немъ стоитъ, онъ его мѣритъ десятинами и для него его право на землю—естественное послѣдствіе *рожденія и работы.* Оно такъ же несомнѣнно въ народномъ сознаніи, такъ же логически вытекаетъ изъ его понятія родины и необходимости существованія возлѣ отца, какъ право на *воздухъ*, пріобрѣтаемое дыханіемъ, вслѣдъ за отдѣленіемъ отъ матери“ (131).

„И это не все. Сверхъ признанія права каждаго на землю, въ народномъ бытѣ нашемъ есть другое начало, необходимо пополняющее первое, безъ котораго оно никогда не имѣло бы своего полнаго развитія. Это начало состоитъ въ томъ, что земля, на пользованіе которой каждый имѣетъ право, вмѣстѣ съ тѣмъ не принадлежатъ *никому лично и потомственно*".

„Далѣе, *право на землю и общинное владѣніе* ею предполагаютъ сильное *мірское устройство*, какъ родоначальную базу всего государственнаго зданія, долженствующаго развитія на этихъ началахъ" (192).

Опираясь на эти реальные факты, строилъ Герценъ всю свою общественную программу. „Право на землю—бытовой фактъ, существующій на своей естественной непосредственности, и который *слѣдуетъ возвести въ фактъ вполнѣ сознательный*" (656). „Нашъ переворотъ долженъ начаться съ сознательнаго возвращенія къ народному быту... Закрѣпляя право каждаго на землю, т. е. объявляя землю тѣмъ, чѣмъ она есть—*неотъемлемой стихіей*—мы только подтверждаемъ и обобщаемъ народное понятіе объ отношеніи человѣка къ землѣ" (345). „Право на землю предполагаетъ иную *нравственность*, другія общественныя отношенія, не развившіяся, но и не замѣнимыя чужими, идущими изъ гражданскаго устройства, отрицающаго всякое право на землю, кромѣ купли и наслѣдства. Въ основу нашему законодательству непремѣнно лягутъ элементы нашего бытового, непосредственнаго соціализма. Общинное начало, напр., круговая порука пойдутъ у насъ впередъ передъ самодержавіемъ собственности во всей его западной неумолимости. Задача нашего законодательства будетъ состоять въ соглашеніи правъ личной независимости съ сохраненіемъ общиннаго устройства" (559).

Такимъ же образомъ—*снизу*—подходилъ Герценъ и къ вопросамъ политическаго устройства. Онъ выражалъ твердую вѣру въ то, что, „имѣя выборное начало и сельское самоуправленіе, русскій человѣкъ непремѣнно дойдетъ до воли" (659). „Сельская община представляетъ у насъ ячейку, которая содержитъ въ зародышѣ государственное устройство, основанное на самозаконности, на мировомъ сходѣ, съ избирательной администраціей и выборнымъ судомъ. Ячейка эта не остается обособленной, она составляетъ клѣтчатку или ткань съ опредѣленными общинами, соединеніе ихъ—волость—также управляетъ своими дѣлами и на томъ же выбор-

номъ началѣ. Волостью оканчивается народное устройство"... (458). Дальше нея и надъ ней тяготѣетъ сверху наложенная тяжелая система правительственной власти. Чтобы расчистить дорогу завершенію народнаго устройства, Герценъ считалъ необходимымъ „подвинуть правительство на созваніе Собора безсословнаго, всенароднаго, безъ различія вѣроисповѣданій, съ предоставленіемъ *каждому избирать каждаго*. Если бы правительство согласилось—тѣмъ лучше, много спаслось бы крови и несчастій. Если же нѣтъ, надобно было его заставить созвать соборъ, или созвать его помимо правительства" (459).

Это ли называется у г. Кистяковскаго пренебреженіемъ къ правому устройству? Это ли—близость къ славянофильству въ правовыхъ вопросахъ? Это ли—отсутствіе въ русской интеллигенціи всякой правовой идеи?

Мы здѣсь говоримъ не объ ошибкахъ Герцена, которыя, конечно, были, и которыхъ было не мало. О многихъ изъ нихъ онъ самъ первый говорилъ, и говорилъ съ полной, съ рѣдкой откровенностью. Этотъ блестящій писатель, по натурѣ прежде всего художникъ съ широкимъ философскимъ размахомъ мысли, часто увлекался—въ жизни, какъ и въ мысли—увлекался горячо, страстно, безоглядно. Отсюда его политическіе выводы часто отличались такой эстетической цѣльностью и законченностью, которая становилась въ противорѣчіе съ жизнью, гдѣ все осложнено посторонними примѣсями, ничто не встрѣчается въ чистомъ видѣ. И потому умы гораздо болѣе посредственные нерѣдко могли замѣчать чрезмѣрный абсолютизмъ многихъ сужденій Герцена и ограничивать ихъ своевременными и умѣстными оговорками. Въ частности, что касается антитезы между Россіей и Западомъ, о которой шла рѣчь выше, невольно вспоминается замѣчаніе Тургенева въ его письмѣ къ Герцену, что „ни Европа не такъ стара, ни Россія не такъ молода". Но какимъ трезвымъ реализмомъ ни вѣетъ отъ этого замѣчанія, оно не даетъ никакого понятія о сравнительномъ уровнѣ двухъ этихъ умовъ. Въ нѣсколько парадоксальной формѣ Герценъ поставилъ глубочайшій вопросъ, надъ которымъ доселѣ работаютъ лучшіе представители нашей общественной мысли, тогда какъ трезваго разума Тургенева хватило лишь на то, чтобы *утопить* этотъ вопросъ въ одной фразѣ: „мы (Россія и Европа) сидимъ въ одномъ мѣшкѣ и никакого за ними спеціально новаго слова не предвидится". Вопросъ, который былъ

поставленъ Герценомъ, заключался вотъ въ чемъ: „есть ли путь европейскаго развитія единый возможный, необходимый такъ, что каждому народу, гдѣ бы онъ ни жилъ, какіе бы антецеденты ни имѣлъ, должно пройти имъ, какъ младенцу прорѣзываніемъ зубовъ, сростаніемъ черепныхъ костей и пр.? Или оно само есть частный случай развитія, имѣющій въ себѣ общечеловѣческую канву, которая сложилась и образовалась подъ вліяніями частными, индивидуальными, вслѣдствіе извѣстныхъ событій, при извѣстныхъ элементахъ, при извѣстныхъ помѣхахъ и отклоненіяхъ?“ Въ эту постановку вопроса послѣдующее развитіе мысли внесло лишь одну поправку: расчлененіе мнимаго нераздѣльнаго тождества „пути европейскаго развитія“. Для выходца изъ дореформенной Россіи, столкнувшагося съ передовыми странами міра, по пословицѣ „всѣ мухи на одно лицо“, первоначально ускользала своеобразная индивидуальность отдѣльныхъ культурно-національныхъ типовъ, и выступала общая картина, объединявшая ихъ въ единое и нераздѣльное цѣлое. Эта аберрація подкрѣплялась тогдашнимъ направленіемъ европейской мысли, получившимъ законченное выраженіе въ извѣстныхъ словахъ Маркса, что промышленно-развитая страна показываетъ отсталымъ странамъ только картину ихъ собственной будущности. Вмѣсто многообразія индивидуально-отличныхъ путей развитія, среди которыхъ и своеобразная національная физіономія эволюціи Россіи могла бы найти свое видное мѣсто, получилось болѣе абсолютное противоположеніе Россіи и Европы. Надлежащія поправки внесены были уже Михайловскимъ и развиты его продолжителями. Теорія „частныхъ случаевъ развитія“, не исключающая возможность выдѣлить въ нихъ и „общечеловѣческую канву“, отъ этого только выиграла. И теперь она настолько вошла въ общее сознаніе, что даже такой „западникъ“, какъ г. Кистяковскій, не задумался написать уже цитированныя нами слова, что нѣтъ единаго капитализма, одинаковаго для всѣхъ временъ и народовъ, нѣтъ и единаго „правового строя“ или „конституціоннаго государства“: конкретное различіе національныхъ условій сообщаетъ имъ обязательно „своеобразную окраску и свой собственный оттѣнокъ“.

Тѣмъ болѣе удивительно, что г. Кистяковскій въ правовой идеологіи русской интеллигенціи не замѣтилъ какъ разъ той особенности, которая для нея болѣе всего характерна. Въ Западной Европѣ побѣда теченій *индивидуализма* надъ господствовавшимъ ранѣе принципомъ *авторитета* привела

къ выработкѣ понятія правъ личности въ ихъ односторонней, отрицательной, чисто политической формулировкѣ. Западно-европейская идеологія должна была пройти черезъ стадію *разочарованія* въ этомъ односторонне-политическомъ опредѣленіи „правовой личности“, чтобы придти къ возрожденію этого понятія въ новой формѣ: къ формулировкѣ, въ дополненіе къ основнымъ общегражданскимъ политическимъ правамъ, основныхъ экономическихъ правъ. Работа интеллигентной мысли въ Россіи совпала съ эпохой европейскаго кризиса и разочарованія въ чистой „политикѣ“. Неудивительно, что въ формулѣ „правъ личности“ на первый планъ выступилъ именно вопросъ о формулировкѣ основныхъ экономическихъ правъ; а среди послѣднихъ сообразно экономомическимъ особенностямъ хозяйственнаго строя Россіи, было выдвинуто „право на землю“. Но относительно „права на землю“ у г. Кистяковскаго во всей статьѣ нѣтъ ни единаго слова. А между тѣмъ посмотрите, съ какой настойчивостью постоянно возвращался къ этому лозунгу Герценъ! [1]). Да, впрочемъ, развѣ лозунгъ этотъ раздавался только въ „Колоколѣ“? Несмотря на почти полное отсутствіе свободы слова въ Россіи, въ Вольно-экономическомъ обществѣ этотъ лозунгъ былъ повторенъ *Панаевымъ*, поднявшимъ тамъ голосъ въ защиту общины, въ которой онъ усматривалъ—по изложенію одной изъ тогдашнихъ газетъ—„великое начало, существующее только у насъ: это начало—право человѣка на землю“. „Право на землю—то же самое, что извѣстное право на трудъ!“ провозгласилъ, по словамъ той же газеты, на этомъ засѣданіи г. Бушенъ. Насколько эти лозунги возбудили газетную сенсацію, показываетъ хотя бы примѣръ органа крѣпостниковъ, „Вѣсти“, который счелъ необходимымъ успокаивать читателей: „Крестьяне освобождены съ землею не потому, чтобы законъ призналъ какое-то право работника на обрабатываемую имъ землю, а потому, что законодатель опасался предоставить неизвѣстности двадцать милліоновъ людей“. „Этотъ принципъ дѣйствительно провозглашался и поддерживался настойчиво,—но гдѣ?—въ лондонскомъ журналѣ *Колоколъ*. Отсюда до введенія права на землю, какъ принципа, въ русское законодательство еще далеко“.

Г. Кистяковскій не усмотрѣлъ той же правовой идеи еще у *Чернышевскаго*... Онъ готовъ попрекать русскую ин-

---

[1]) См. въ сборн. статей изъ „Колокола“, стр. 191—192, 345, 346, 530, 559—560, 579, 607, 610, 656 etc.

теллигенцію чѣмъ угодно, даже правовыми идеями англійскихъ левеллеровъ. Но если бы онъ хотѣлъ брать *сравнимыя* величины, онъ долженъ былъ бы остановиться на первыхъ попыткахъ формулировки въ Англіи основныхъ *соціально-экономическихъ* „естественныхъ правъ человѣка". И тогда онъ натолкнулся бы на бьющія въ глаза аналогіи.

Прежде всего ему пришлось бы сравнить со взглядами Н. Г. Чернышевскаго правовыя идеи *Томаса Спенса*. Идея земельной реформы у Спенса возникла изъ наблюденія надъ общинными распорядками, которыя во время его юности сохранились въ его приходѣ [1]). Логически развивая и обобщая здоровое зерно этихъ распорядковъ, онъ пришелъ къ идеѣ обобществленія всей земли, при чемъ характеръ распоряженія обобществленною землею обусловливался неотъемлемыми личными правами. „Онъ обосновывалъ свой проектъ—говоритъ историкъ чартистскаго движенія—на томъ положеніи, что каждый родившійся въ извѣстномъ государствѣ имѣетъ въ немъ и право на существованіе, право, котораго у него не могутъ отнять родившіеся ранѣе него". Отсюда—право на землю въ данномъ приходѣ, потребительный принципъ въ распредѣленіи, отсюда же—отрицаніе права на выкупъ со стороны нынѣшнихъ владѣльцевъ. Еще рельефнѣе правовая сторона системы Спенса выступаетъ въ характеристикѣ А. Менгера. „Спенсъ исходитъ изъ положенія, что всѣ жители какой нибудь страны, благодаря праву на существованіе, имѣютъ одинаковое право на землю со всѣмъ, что на ней находится... Поэтому земля должна принадлежать общинѣ или приходу такъ, чтобы всѣ жители имѣли на нее одинаковое право и чтобы община никогда не могла отчуждать своего права собственности" [2]). Невольно вспоминаются при этомъ слова Н. Г. Чернышевскаго: „Я—сынъ моей родины, этого довольно, родина поступаетъ со мною, какъ мать: она даетъ мнѣ пріютъ, она даетъ мнѣ наслѣдство, достаточное для моего существованія, если я буду имъ пользоваться;

---

[1]) „In seiner Jugend wurde in seinem Kirchspiele von Newcastle ein Gemeindlanger eingefriedigt und die Rente wurde unter alle Freipächter des Dorfes ausgeteilt. Dies rief in ihm den Gedanken hervor, alles Land solle Eigenthum der Gemeinde sein und der Ertrag solle zu allgemeinen Zwecken verwendet werden. 1775 veröffentlichte er seinen Forschlag, dass alle Ländereien im Königreiche in derselben Weise behandelt werden sollten, wie dieser Gemeindeanger in Newcastle". Iohn L. Tildsley „Die Entstehung und die ökonomische Grundsätze der Chartistenbewegung" Iena 1898, s. 63.

[2]) „Право на полный продуктъ труда", изд. „Просвѣщеніе" стр. 113.

я получаю участокъ изъ государственной собственности. Всѣ дѣти равно милы ей,—я получаю столько же, сколько мои братья. Они, быть можетъ, должны были нѣсколько потѣсниться, чтобы дать мѣсто новому гражданину, они не ропщутъ на то, потому что и сами прежде меня получили участіе въ государственной землѣ такимъ же образомъ; мое право есть ихъ право; явятся новые граждане, и когда мнѣ придется въ свою очередь потѣсниться для нихъ, я не ропщу на то, потому что самъ помѣщенъ былъ въ участіе наслѣдства моей родины такимъ же образомъ—ихъ право есть мое право".

Какъ видите, сходство въ *правовой* формулировкѣ—полное. Есть, конечно и громадная разница—*въ экономической* теоріи и степени ея разработанности. Вслѣдствіе этой разницы мысль Спенса пошла дальше путемъ „единаго налога", взимаемаго съ пользователей, становящихся въ положеніе арендаторовъ, т. е. по линіи того односторонняго аграръ-реформаторства, которое получило дальнѣйшее, еще болѣе типичное развитіе въ работахъ Генри Джоржа, Флюршейма и др. Чернышевскій же шелъ по линіи синтетическаго, интегральнаго [1]) соціализма. Аграрное движеніе, руководящееся лозунгомъ „право на землю", должно было идти рука объ руку съ индустріальнымъ пролетарскимъ движеніемъ; оно должно было являться частью цѣлаго, подобно тому, какъ и лозунгъ „право на землю" является частнымъ случаемъ, частнымъ проявленіемъ общаго права на существованіе, обусловленнаго трудомъ.

Герценъ выразилъ эту мысль яркимъ и красивымъ, поистинѣ пророческимъ восклицаніемъ въ видѣ заключенія своихъ разсужденій о связи движенія Россіи съ движеніемъ на Западѣ: „Подумайте теперь о результатѣ, когда эта шестая доля земного шара, со всѣми своими туранскими и чудскими примѣсями, съ соціальными инстинктами, освобожденная отъ нѣмецкихъ колодокъ и лишенная воспоминаній и наслѣдства, перекликнется съ пролетаріемъ-работникомъ и пролетаріемъ-батракомъ на Западѣ, и они поймутъ, что собственно у нихъ дѣло одно. Кто можетъ предвидѣть всѣ борьбы и столкновенія, которыя вызовутся въ тѣ дни. Но что онѣ будутъ страшны, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія" (126).

Событія 1905—1906 года были первымъ, слабымъ наме-

---

[1]) Я беру, конечно, этотъ терминъ вовсе не въ смыслѣ „интегрализма" Бенуа Малона.

комъ на такую попытку „перекликнуться“. Ужасы послѣдовавшей за ней контръ-революціи понятны. Но вѣдь это былъ только прологъ, или даже, вѣрнѣе „прологъ пролога“. Какъ говорится въ народной сказкѣ, „это еще только службишка, служба будетъ впереди“.

IV. Демократическій и дворянскій либерализмъ.

Одинаковой съ Герценомъ участи подвергся въ освѣщеніи г. Кистяковскаго и Кавелинъ. Признавъ этого либеральнаго демократа „однимъ изъ самыхъ выдающихся нашихъ юристовъ-мыслителей“, г. Кистяковскій говоритъ: „Но это не помѣшало ему въ рѣшительный моментъ въ началѣ 60-хъ годовъ, когда впервые былъ поднятъ вопросъ о завершеніи реформъ Александра II, проявить невѣроятное равнодушіе къ гарантіямъ *личныхъ правъ*. Въ 1862 году, въ своей брошюрѣ, изданной анонимно въ Берлинѣ, и особенно въ перепискѣ, которую онъ велъ тогда съ Герценомъ, онъ безпощадно критиковалъ конституціонные проекты, которые выдвигались въ то время дворянскими собраніями; онъ считалъ, что народное представительство будетъ состоять у насъ изъ дворянъ и слѣдовательно приведетъ къ господству дворянства. Отвергая во имя своихъ демократическихъ стремленій конституціонное государство, онъ игнорировалъ, однако, его правовое значеніе. Для К. Д. Кавелина, поскольку онъ высказался въ этой перепискѣ, какъ бы не существуетъ безспорная съ нашей точки зрѣнія истина, что свобода и неприкосновенность личности осуществимы только въ конституціонномъ государствѣ, такъ какъ вообще идея борьбы за права личности были ему тогда совершенно чужда“.

Это—типичный образецъ чисто-доктринерскаго разсужденія. Конкретныя олигархическо-сословныя притязанія дворянства, исторически совершенно безпочвенныя, у г. Кистяковскаго, незамѣтно подмѣняются абстрактными идеями „конституціоннаго государства“ и „народнаго представительства“, а критика исторически безпочвенныхъ поползновеній eo ipso превращается въ „невѣроятное равнодушіе къ гарантіямъ личныхъ правъ“. Примѣръ этотъ особенно хараактеренъ потому, что здѣсь рѣчь идетъ о Кавелинѣ. Но Кавелинъ былъ не соціалистъ, и впослѣдствіи усиленно брюжжалъ противъ соціализма (достаточно вспомнить, какой жестокій отпоръ далъ ему въ своихъ „Запискахъ профана“ Н. К. Михайловскій,

по поводу его выходокъ противъ Герцена, Чернышевскаго и Добролюбова). Кавелинъ былъ либераломъ съ умѣренно-народнической экономической программой—какъ и большинство русскихъ либераловъ. Принадлежа вообще къ числу людей по всему складу натуры *умѣренныхъ*, онъ и въ политикѣ, конечно, не заходилъ слишкомъ далеко, чѣмъ и оттолкнулъ отъ себя въ концѣ концовъ Герцена, подъ замѣтнымъ вліяніемъ котораго одно время находился. И характерно, что отношеніе Кавелина къ тогдашнимъ политическимъ претензіямъ дворянства взялъ подъ свое покровительство М. М. Ковалевскій, котораго, кажется, никто не заподозритъ въ равнодушіи къ конституціоннымъ гарантіямъ. „Не болѣе справедливъ упрекъ, брошенный мимоходомъ въ Кавелина“— пишетъ онъ [1]).—„Въ самый разгаръ преній о крестьянской эмансипаціи Кавелинъ высказалъ случайно мысль, что если пріобщить къ этому дѣлу представительную палату, которая, прибавлялъ онъ, въ данныхъ условіяхъ будетъ состоять изъ однихъ дворянъ, крестьянскій вопросъ и связанные съ нимъ не найдутъ желательнаго разрѣшенія. Что можно прочесть въ этомъ заявленіи, какъ не сбывшееся предсказаніе, что представительство землевладѣльцевъ-дворянъ дастъ перевѣсъ тому элементу, который у насъ слыветъ подъ оригинальнымъ прозвищемъ „зубровъ“? Но какъ видѣть въ этихъ словахъ Кавелина добровольный отказъ отъ конституціонной формы правленія?“

Въ письмахъ къ Герцену Кавелинъ прямо говоритъ: „Брошюра моя написана въ маѣ 1861 года, когда россійское дворянство драло горло о конституціи, разумѣя подъ нею отмѣну положенія 19 февраля“ [2]). Самъ Кавелинъ былъ несомнѣнно конституціоналистомъ, но путь, которымъ онъ считалъ возможнымъ дойти до конституціи, трудно охарактеризовать лучшимъ терминомъ, чѣмъ „мирнообновленческій“. Онъ рисовалъ себѣ постепенную выработку конституціи изъ укрѣпленія и развитія земскаго самоуправленія, изъ мирнаго проникновенія либеральныхъ идей и завоеванія ими всего общества, вплоть до носительной власти. Судъ, свобода пе-

---

[1]) „Грѣхи интеллигенціи“ въ „Запросахъ Жизни“, № 1, стр. 8.

[2]) „Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева къ Ал. Ив. Герцену“, стр. 51. Эта характеристика, конечно, не можетъ относиться къ ярко-либеральному и весьма демократическому выступленію Тверского Земства; но послѣднее—увы! осталось одинокимъ въ общемъ хорѣ дворянскихъ голосовъ, настроенныхъ по совершенно другому камертону.

чати, мѣстное самоуправленіе—въ разрѣшеніи ихъ видѣлъ онъ ключъ къ дальнѣйшей эволюціи: „за разрѣшеніемъ ихъ конституція пришла бы сама собой, какъ необходимое послѣдствіе, dans une couple d'annéés“ [1]). Либеральная партія такимъ образомъ ему рисовалась, какъ принципіально отвергающая всякое воздѣйствіе, кромѣ моральнаго. „оппозиція Его Величества“, которая рано или поздно мирнымъ путемъ доходитъ до положенія „правительственной партіи“. Это, конечно, была маниловская утопія; но не питаетъ ли ее до сихъ поръ [2]) едва ли не большинство русскихъ конституціоналистовъ? Крайніе лѣвые поэтому вправѣ упрекать ихъ за сдѣлки съ врагами свободы; но не „вѣховцамъ“ обвинять ихъ за недостатокъ свободолюбія, да еще сваливая вину за это на вліяніе крайнихъ лѣвыхъ! *Въ этомъ отношеніи* они—законные наслѣдники Кавелина!

Но мы имѣемъ гораздо болѣе интересную и яркую иллюстрацію отношенія *демократическаго* либерализма къ попыткамъ тогдашняго дворянства въ лицѣ И. С. Тургенева. Какъ установлено теперь, въ 1862 г. онъ задавался даже самъ мыслью выступить въ качествѣ активнаго политическаго агитатора, съ проэктомъ адреса о созваніи въ Россіи Земскаго Собора, „какъ единственнаго спасенія Россіи“. И, однако, просмотрите его письмо къ Герцену объ одномъ изъ циркулировавшихъ тогда проэктовъ такого адреса. „Редакція адреса составлена ясно съ цѣлью пріобрѣсти нѣсколько сотенъ или тысячъ подписей отъ крѣпостниковъ, которые, обрадовавшись случаю высказать свою вражду къ эмансипаціи и положенію—зажмурятъ глаза на послѣдствія Земскаго Собора“. „Если этотъ адресъ дойдетъ до крестьянъ—а это несомнѣнно—то они по справедливости увидятъ въ немъ новое нападеніе дворянства на освобожденіе“ [3]). А вѣдь рѣчь шла объ одномъ изъ лучшихъ проектовъ адреса, къ которому кое въ чемъ даже издатели „Колокола“ руку приложили! Г. Кистяковскій изъ этого можетъ увидѣть, что вопросъ объ отношеніи къ конституціоннымъ стремленіямъ тогдашняго дворянства немножко посложнѣе, чѣмъ ему кажется. Такой искренній убѣжденный конституціоналистъ, какъ И. С. Тургеневъ, боялся, какъ бы конституціонная идея не была совершенно *скомпрометирована* столь своеобразными „конституціоналистами“!

---

[1]) Ibid, стр. 48.
[2]) Писано въ 1910 году. *Авторъ*.
[3]) Ibid., стр. 152—153.

Разсужденія г. Кистяковскаго тѣмъ-то и хромаютъ, что совершенно отвлекаются отъ „данныхъ условій“ и парятъ надъ землею. Ему представляются „завершеніемъ реформъ“ даже тѣ дворянскія требованія, которыя въ свое время возникли, какъ требованіе *политической компенсаціи* за отмѣну крѣпостного права. Это было, поистинѣ, самобытнымъ „дикимъ мясомъ“, которое выросло на пересаженныхъ изъ-за границы идеяхъ аристократической конституціи. Примѣръ *либерала* Кавелина показываетъ лишь, до чего нагляденъ былъ каррикатурный характеръ политическихъ притязаній внезапно объявившагося русскаго торизма. Недаромъ Щедринъ далъ типъ помѣщика, который самъ не знаетъ, чего онъ хочетъ—не то конституціи, не то севрюжины съ хрѣномъ, и для котораго существуетъ прежде всего такой конституціонный вопросъ: полагается ли при конституціяхъ казначей?

Но нападки г. Кистяковскаго на Кавелина и защита послѣдняго Ковалевскимъ не случайный споръ объ одномъ, подвернувшемся подъ руку литературномъ имени. Этотъ споръ имѣетъ глубокое *симптоматическое* значеніе. Не менѣе симптоматическое значеніе имѣетъ и споръ о другомъ литературномъ имени, которое всячески выдвигаютъ „Вѣхи“. Мы говоримъ о Борисѣ Чичеринѣ [1]). Кавелинъ и Чичеринъ—отмѣчаютъ собою два различныхъ пути, которыми могъ пойти русскій либерализмъ. Кавелинъ, какъ мы видѣли, одно время находился подъ сильнымъ вліяніемъ Герцена. Чичеринъ же представляетъ самую рѣзкую антитезу Герцена, какую только возможно вообразить.

Герценъ совершенно отрицалъ возможность руководящей прогрессивной роли дворянства въ Россіи, да и вообще не считалъ тогдашняго дворянства крупной *самостоятельной* общественной силой, какъ не считалъ онъ *самостоятельной* общественной силой тогдашняго духовенства. Онъ полагалъ, что ихъ судьба—быть прислужниками исторической царской власти. Активной, положительной роли въ творчествѣ русской государственности и культуры онъ за ними не признавалъ. Въ его глазахъ это были силы прошлаго, отживающія

---

[1]) Г. Бердяевъ прямо заявляетъ, что, у Чичерина „многому можно было бы поучиться“. И даже г. Кистяковскій, который не могъ найти у него никакого взгляда въ разработку вопросовъ права, все-таки выражаетъ сожалѣніе, что не его правовыя идеи пріобрѣли широкую популярность среди русской интеллигенціи, а ложныя анти-правовыя тенденціи Герцена, Кавелина и Михайловскаго.

силы, обреченныя на союзъ съ самодержавной властью въ эпохи реакціи и на безсильное будированіе—въ эпохи вынужденныхъ необходимостью реформъ. „У насъ есть императорская диктатура да сельскій бытъ, а между ними всякія учрежденія, попытки, начинанія, да мысль, больше и больше оживающая, не привязанная ни къ какой кастѣ, ни къ какому изъ существующихъ порядковъ“. „Мы сто пятьдесятъ лѣтъ живемъ въ ломкѣ стараго; цѣлаго ничего не осталось, да и жалѣть не о чемъ“. „Что у насъ преемственное, древнее, неискоренимо-прочное? Табель о рангахъ, дворянская грамота, городовыя положенія, сенатъ, синодъ, крѣпостное право, чиновники, лейбъ-гвардія? Или не въ самомъ ли дѣлѣ иностранная шутка—the old Moscovit party, the old boyards? По счастію, это old—самое новое въ русской жизни. Мы воротились школой и книгой къ нашему православному Геркулануму и къ нашей славянофильской Помпеѣ; оно очень интересно, но мертвый живому не товарищъ“ (16).

Въ этомъ-то отношеніи и былъ прямой антитезою Герцену Борисъ Чичеринъ. Онъ въ дворянствѣ видѣлъ „единственное сословіе въ Россіи, которое имѣетъ какое-нибудь сознаніе своихъ правъ“. Безправное положеніе другихъ сословій не развило въ нихъ необходимыхъ навыковъ къ отвѣтственной роли и необходимаго коллективнаго самосознанія; а чѣмъ менѣе разлиты въ населеніи эти драгоцѣнныя свойства, тѣмъ важнѣе, чтобы монопольные ихъ обладатели „соединялись въ одно организованное цѣлое, проникнутое общимъ духомъ, носящее въ себѣ преданія и соединяющее свою честь и свои права“. „А это—заключалъ Чичеринъ—въ соединеніи съ образованіемъ, дѣлаетъ дворянство единственнымъ возможнымъ политическимъ дѣятелемъ въ Россіи. Въ немъ одномъ есть зародышъ политической жизни“. Нужно, поэтому, до поры до времени, дорожить сословной организаціей дворянства и укрѣплять ее: въ этомъ—залогъ прочности разумнаго государственнаго строительства. Только послѣ развитія, вмѣстѣ съ экономическою жизнью, новыхъ общественныхъ силъ, только послѣ образованія не менѣе прочной опоры въ достаточно культурномъ среднемъ сословіи можно пожертвовать „юридическими перегородками“. Сдѣлать же это преждевременно—„значитъ установлять шаткость всѣхъ отношеній и водворять анархію въ обществѣ“. „Въ настоящее время—краснорѣчиво заключаетъ Чичеринъ—при отмѣнѣ крѣпостного права, при совершенномъ измѣненіи хозяйственныхъ и юридическихъ отношеній двухъ главныхъ сословій

въ государствѣ, при томъ броженіи, которое господствуетъ въ обществѣ, и безъ того трудно сказать, на что можно опереться, за что можно ухватиться. Опрокиньте остальныя грани, расшатайте зданіе во всѣхъ его концахъ, подъ предлогомъ послѣдовательнаго развитія началъ, тогда исчезнетъ послѣдняя возможность справиться съ бродячими стихіями и установить какой-нибудь порядокъ; тогда нѣтъ предѣла произволу и случайностямъ. Тѣ немногія силы, которыя, соединенныя и организованныя, могли бы получить вѣсъ и служить центромъ тяжести при общественномъ шатаніи, распущенныя въ массѣ, потеряютъ свою крѣпость. Тогда всплыветъ та пѣна, которая обыкновенно выбрасывается наверхъ общественнымъ броженіемъ. При отсутствіи у насъ самыхъ элементарныхъ понятій о правѣ, о потребностяхъ порядка, объ общественномъ устройствѣ, при паденіи всякихъ твердыхъ преградъ, всякихъ положительныхъ точекъ опоры, выдвинутся впередъ съ неотразимою силою самые легкомысленные планы и самыя мечтательныя притязанія".

Послѣднія слова прямо направлены противъ общественной программы Герцена и его друзей, и вообще все построеніе Чичерина по отношенію къ ней является послѣдовательной и стройной контръ-программой. Историчность и органичность—таковы, какъ будто, лозунги Чичерина. Но эта историчность и эта органичность мнимыя. Они списаны съ Англіи, они выдвигаютъ миѳъ русскаго торизма, незамѣтными переходами очищающаго мѣсто русскому вигизму. Русская дѣйствительность знала, конечно, кучку англизированныхъ помѣщиковъ, знала либеральныхъ консерваторовъ и консервативныхъ либераловъ, процвѣтавшихъ подъ сѣнью московскаго „Англійскаго клуба", но вѣдь этимъ и исчерпывалось все „англійское" въ русской жизни. Надѣвая на себя костюмъ просвѣщеннаго тори, Б. Чичеринъ позабылъ немногое: перевезти ужъ, кстати, въ Россію и всѣ англійскія условія.

Совершенно естественно, конечно, что русское дворянство того времени обнаруживало притязанія стать у государственнаго руля, взять въ свои руки дѣло всѣхъ реформъ. Вѣдь колебались самыя основы существованія дворянства. У этого сословія не только въ Германіи „Und der König absolut, wenn er unsrn Willen thut". Отсюда и опредѣленныя олигархически-„конституціонныя" тенденціи дворянства того времени. Но, спрашивается: возможно ли было ихъ торжество? и, если бы оно было возможно, было ли бы оно для крѣпост-

ной Россіи лучшимъ выходомъ на новый путь сравнительно съ тѣмъ выходомъ, который осуществился исторически?

Достаточно, думается намъ, поставить этотъ вопросъ, чтобы на него отвѣтить. Центральною осью реформъ было уничтоженіе крѣпостного права: оно было фундаментомъ всего дореформеннаго зданія; только освобожденіе крестьянъ съ землей создавало внутренній рынокъ для будущей промышленности; только ликвидація сословнаго строя открывала путь новымъ началамъ жизни. И во всѣхъ этихъ отношеніяхъ дворянство, въ своемъ цѣломъ, въ большинствѣ своемъ было не прогрессивнѣе, а реакціоннѣе той прогрессивной части бюрократіи, которая вела дѣло реформъ, часто не смотря на сопротивленіе большинства дворянства. Достаточно вспомнить одно: даже такой просвѣщенный и широко образованный представитель дворянскихъ тенденцій, какъ Б. Чичеринъ, былъ въ то время противникомъ земской реформы. „Хаосъ—вотъ въ настоящее время единственно возможное послѣдствіе господства пресловутаго земства"—писалъ онъ. Лишь впослѣдствіи долженъ онъ былъ принести въ этомъ вопросѣ свое запоздалое покаяніе... Точно также всеобщая воинская повинность и судъ присяжныхъ представлялись ему въ 60-ые годы чуть не авантюрами. Тогдашняя бюрократія, для которой интересы казны и интересы государственной мощи стояли на первомъ планѣ, смѣлѣе разрывали во всѣхъ этихъ вопросахъ съ сословностью, растворяя ее во всесословности и безсословности. Она не боялась хаоса, ибо вѣрила въ собственную силу, въ силу іерархически-стройнаго бюрократическаго механизма. Передовое дворянство того времени было для Россіи одновременно и слишкомъ консервативно и слишкомъ либерально: слишкомъ либерально, поскольку мечтало объ олигархическомъ ограниченіи самодержавія, слишкомъ консервативно, поскольку вставало поперекъ дороги всѣмъ тѣмъ реформамъ, которыя *однѣ* представляли сколько-нибудь дѣйствительный выходъ изъ тупика дореформеннаго строя.

И если мы на одну чашку вѣсовъ положимъ урѣзки крестьянской реформы, оттягиваніе введенія земства, всеобщей воинской повинности, суда присяжныхъ etc., а на другую—ограниченіе императорской власти сословною верхней палатой, какимъ нибудь дворянскимъ Государственнымъ Совѣтомъ—то что перевѣситъ? что въ большей мѣрѣ обезпечивало пріобщеніе Россіи къ культурному міру? Чѣмъ достигалось быстрѣйшее развитіе производительныхъ силъ страны, внутренняго рынка, навыковъ самоуправленія въ массѣ населенія,

платежныхъ силъ населенія? что давало наиболѣе прочную основу для развитія государственнаго хозяйства и государственной силы Россіи?

Врядъ ли мыслимы два разныхъ отвѣта на этотъ вопросъ. Черезъ уничтоженіе крѣпостного права и сословнаго строя къ развитію условій, при которыхъ возможна дѣйствительная и побѣдоносная борьба за настоящее народное представительство,—а вовсе не черезъ установленіе новыхъ политическихъ прерогативъ дворянства къ самоотверженному уничтоженію имъ матеріальныхъ и юридическихъ основъ своего собственнаго существованія, какъ первенствующаго сословія—лежалъ историческій путь Россіи. Программа Чичерина, при всей внѣшности трезвеннаго реализма, была маниловщиной и утопіей. Когда-то это хорошо понималось по крайней мѣрѣ нѣкоторыми изъ авторовъ, выступившихъ въ „Вѣхахъ". Напр., П. Струве когда-то писалъ: „Такъ, какъ состоялись эти реформы, онѣ ознаменовали собою безповоротное пораженіе сословнаго начала вообще и дворянства въ частности—бюрократизмомъ, самымъ блестящимъ quasi—демократическимъ выразителемъ котораго явился Николай Милютинъ" [1]).

Въ такъ называемую „эпоху великихъ реформъ" русское бюро-державіе оказало *послѣднюю* услугу прогрессивной эволюціи страны, этимъ оно исчерпало до конца весь исторически-необходимый смыслъ своего существованія. Вся дальнѣйшая его исторія есть сплошная исторія борьбы съ живыми силами страны, рѣдкихъ уступокъ, вынуждаемыхъ страхомъ и смѣняющихся приступами свирѣпой реакціи. Порою, какъ въ началѣ 80-хъ годовъ, она еще пытается демагогически рядиться, напр., въ одѣяніе „народной политики" гр. Игнатьева, но у нея уже ничего не можетъ выйти, кромѣ фарса и каррикатуры. Подъ флагомъ исторической богопомазанной царской власти бюрократія все болѣе и болѣе становится центральнымъ членомъ тройственнаго союза, въ который входятъ, съ одной стороны, переходящее на положеніе государственнаго нахлѣбника старое дворянство, а съ другой—новосозданная, при благосклонномъ участіи правительства, плутократія. Ихъ коллективная способность къ „правотворчеству" прекрасно иллюстрируется—законодательной стряпней, „вермишелью" III-й государственной думы...

Дворянская Дума въ русской исторіи могла получиться не

---

[1]) П. Струве. „На разныя темы". СПБ. 1902 г., стр. 90.

путемъ возстанія дворянства противъ бюрократіи, а наоборотъ—въ результатѣ стремленія бюрократіи опереться на безвредное для нея дворянство; не въ результатѣ успѣшнаго конституціоннаго похода на прерогативы исторической власти, а наоборотъ—въ результатѣ *неудачи* народнаго похода противъ нея и противъ дворянства, вмѣстѣ взятыхъ; она могла быть не исходной точкой прогрессивнаго движенія, а этапомъ контръ-революціи. Такова великая мораль русской исторіи.

Съ этой точки зрѣнія понятна историческая безпочвенность, несерьезный и нежизненный характеръ quasi—либеральныхъ притязаній дворянства въ концѣ пятидесятыхъ и началѣ шестидесятыхъ годовъ. Однимъ изъ симптомовъ этой нежизненности и несерьезности было причудливое сплетеніе въ нихъ аристократизма съ демагогіей и либерализма съ мракобѣсіемъ. Это не укрылось отъ вниманія Герцена. „Мы долго думали—иронизировалъ онъ—что за муха укусила англійскій клубъ и лордовъ его... Отчего вдругъ Безобразову стало ужъ такъ маркотно жить безъ ограниченія царской власти, а Орлову-Давыдову—такъ не въ мочь терпѣть l'arbitraire? Мы все искали Чацкаго, который произвелъ всю эту кутерьму. И вышло,—что этотъ Чацкій—Константинъ Николаевичъ, l'impenetrable... Испугались, видите ли, что его назначеніе остановить палачей въ Литвѣ и „Моск. Вѣд.", что не всю Польшу вывѣшаютъ и ушлютъ въ Сибирь, что не весь Катковъ будетъ печататься. Неукротимые бароны и мирзы, дѣти степной воли и англійскаго клуба, этого не могли вынести. Они-то встрепенулись и кликнули кличъ по всѣмъ уѣздамъ Московскимъ: постоимте-де, братцы, за Иверскую Божію Матерь, не дадимъ въ обиду нашихъ. Постоимъ за свободу дѣйствій Муравьева и за вольное катковское слово!—Нѣтъ, господа, этимъ путемъ до свободы не дойдете и не доѣдете, ни даже съ двумя форейторами и однимъ гайдукомъ" (545). „И сколько при всей лжи, при всемъ раболѣпіи, коварствѣ—сколько глупости въ людяхъ, кичащихся дворянской грамотой, на ней строющихъ свои законодательныя притязанія и становящихся за уничтоженіе *польской* аристократіи! Чему радуются наши помѣщики, что правительство такъ поступаетъ съ литовскимъ дворянствомъ?" (552). „А тутъ добрые люди воображаютъ, что мы должны *сочувствовать* конституціонному прорѣзыванію зубовъ у этихъ московскихъ шакаловъ, которые съ самаго перваго слова, безъ малѣйшей нужды привѣнчали себя Муравьеву и висѣлицѣ, *вотируя* свою чернильницу благодарности „Моск. Вѣдомостямъ". „И на насъ каплю крови, и

на насъ комокъ грязи, дайте и намъ потянуть кончикъ веревки, хоть послѣ казни!" „Пожалуй, палачъ можетъ имъ дать кончикъ веревки, такъ, какъ кучера даютъ баричамъ возжу пристяжной: но пусть же они не освобождаютъ отечества, не дѣлаются ни Гемпденами, ни Лафайетами, а остаются родовымъ потомствомъ Ноздрева, дѣтьми Собакевича и внучатами Фамусова".

Картина нарисована Герценомъ блестящая. Онъ смѣется, конечно, надъ всей этой бурей въ стаканѣ воды, но онъ ничего противъ нея не имѣетъ. „Мы вовсе не противъ попытки звенигородскихъ, можайскихъ и всякихъ другихъ лордовъ бархатной книги и сенатской геральдіи. Вреда они сдѣлать не могутъ, олигархическая конституція была возможна, да и то на нѣсколько дней, при воцареніи Анны Іоанновны, а, конечно, не теперь" (540). „Вмѣсто Земскаго Собора, Земской Думы потребовали думу боярскую, явилась попытка жмудскихъ норманов и татарскихъ бароновъ, сто лѣтъ тому назадъ избавленныхъ Петромъ Федоровичемъ отъ тѣлесныхъ наказаній и выросшихъ теперь до требованій временъ крестовыхъ походовъ—ограничить бѣлой, дворянской костью царскій произволъ. Бѣды нѣтъ, успѣхъ невозможенъ, а за почин имъ спасибо. Оспа, снятая съ торизма, оказалась очень прочной и доброкачественной, benigna (какъ выражались старинные врачи); отъ нея едва останется рябина на нѣжномъ плечикѣ московскаго дворянства, вотъ и все. Словомъ, вреда никакого, а путь указанъ, слово произнесено, печать молчанія сломлена..." (544). И, возвращаясь въ другой разъ по поводу извѣстнаго инцидента въ СПБ. дворянскомъ собраніи, къ тому же вопросу, Герценъ говорилъ, что нѣтъ основанія вступаться въ эту семейную ссору дворянства съ бюрократіей, но нельзя ее не привѣтствовать: „Ломайте, господа, ломайте пуще всего другъ друга... На эту ломку уйдетъ вся ваша и вся наша жизнь... Дѣти наши потомъ сосчитаются. Революціи вообще оставляютъ не майораты, а полудостигнутые идеалы и вновь раскрытые горизонты" (620).

Мы думаемъ, что это была единственно правильная и единственно реалистическая оцѣнка положенія. Г. Кистяковскій не вдумался въ конкретную ситуацію того времени; онъ скользнулъ по поверхности и ушелъ въ абстрактную область столкновенія безплотныхъ принциповъ отъ дѣйствительнаго столкновенія опредѣленныхъ классовыхъ силъ. Онъ забылъ свои собственныя слова, что нѣтъ единыхъ для всѣхъ временъ и странъ идей конституціоннаго устройства. Но при

такомъ забвеніи и замыслы верховниковъ можно превратить въ идею self-gouvernement'а. А тѣ проекты, о которыхъ шла рѣчь, могутъ по справедливости оттуда начинать свою родословную. Связующимъ звеномъ между ними можетъ считаться извѣстный Мордвиновъ. Этотъ образованный и умный ученикъ Смита и Бентама тоже стоялъ за политическую свободу, обезпечиваемую верхней палатой,—и въ то же время „во избѣжаніе неудовольствій и гоненій дворянства и возбужденія слишкомъ большихъ надеждъ въ крестьянахъ“ противился проекту освобожденія дворовыхъ и запрету продавать крестьянъ безъ земли, да и вообще былъ противъ того, чтобы освобождать крестьянъ „всѣхъ вмѣстѣ и единовременно“: онъ предпочиталъ, чтобы „благо это предоставлялось въ видѣ награды трудолюбію и пріобрѣтаемому умомъ достатку“. „Потерпимъ еще немного и рабство само собой исчезнетъ въ Россіи“—говорилъ онъ. Нечего и говорить, что онъ мыслилъ освобожденіе крестьянъ—безъ земли... Неудивительно, что конституціонныя чаянія такихъ людей были мертворожденнымъ дѣтищемъ и заставляли многихъ лучшихъ людей того времени, ненавидѣвшихъ крѣпостное право,—говоря словами Николая Тургенева—„сочувствовать неограниченной власти, защищая необходимость ея для освобожденія страны отъ чудовищнаго угнетенія и эксплоатаціи человѣка человѣкомъ“.

Когда-то, повторяемъ, все это понималось и нѣкоторыми изъ авторовъ, нынѣ ставящихъ „вѣхи“ для попятнаго хода русской общественной мысли. Посмотрите, какую оцѣнку въ свое время далъ П. Струве Б. Чичерину и его общественно-политической позиціи. Онъ находилъ, что для своего времени Б. Чичеринъ съ его либерализмомъ „рѣзко выраженнаго буржуазно-доктринерскаго типа или толка“ не имѣлъ почвы, ибо русскій либерализмъ, по условіямъ времени, долженъ былъ воспринять въ себя соціально-народническіе элементы; что Чичеринъ, кромѣ того, для того времени былъ „въ одно и то же время и слишкомъ консервативенъ, и слишкомъ либераленъ“. Его тогдашняя публицистика „любопытный образецъ соединенія теоретическаго реализма съ практическимъ доктринерствомъ. *Его охранительный либерализмъ былъ безпочвеннымъ: въ русской дѣйствительности не нашлось реальной силы, на которую онъ могъ бы опереться.* Въ этомъ отношеніи Чичеринъ—полная противоположность Каткову. Когда послѣдній сдѣлался силой, г. Чичеринъ сталъ къ нему въ оппозицію—и этотъ фактъ самъ по себѣ, краснорѣчивѣе

всякихъ разсужденій, говоритъ о доктринерскомъ характерѣ Чичеринскаго либеральнаго консерватизма 60-хъ годовъ". „Такимъ образомъ, къ г. Чичерину, какъ публицисту этого времени, можетъ быть съ полнымъ правомъ примѣнено знаменитое выраженіе: онъ явился *красивой*—хотя и очень умной—*ненужностью*" [1]).

Иныя времена—иныя пѣсни. Тогда г. Струве писалъ противъ Чичеринскаго „обращенія къ прошлому", разумѣя подъ этимъ выраженіемъ то, что разумѣлъ подъ нимъ Щедринъ: попытки реставрировать прошлое. „Къ сожалѣнію, такія попытки не всегда безплодны—писалъ онъ:—къ сожалѣнію, онѣ часто удаются. То, что мы называемъ прошлымъ, что составляло дѣйствительность вчерашняго дня, нерѣдко есть не прошлое, а могущественная, хотя и отживающая сила настоящаго". Нынѣ онъ самъ руководитъ „обращеніемъ къ прошлому", идетъ рядомъ съ Булгаковымъ, этимъ раскапывателемъ „православнаго Геркуланума", и Гершензономъ, этимъ раскапывателемъ „славянофильской Помпеи". Нынѣ ихъ выступленія привѣтствуются „могущественными, хотя и отживающими силами настоящаго". Немудрено, что нынѣ имъ приходится хвататься въ прошломъ и за разныя „ненужности", очень умныя и не очень умныя, красивыя и некрасивыя. Немудрено, что имъ приходится теперь, чтобы лучше отчураться отъ Герцена, кокетничать и съ Б. Чичеринымъ.

Столкновеніе Б. Чичерина съ Герценомъ, которое было вызвано присылкой первымъ цѣлаго обвинительнаго акта противъ послѣдняго, пріобрѣтаетъ такимъ образомъ особо-знаменательный характеръ. Здѣсь произошло существенное размежеваніе. Либералы Кавелинскаго типа тоже, конечно, были далеки отъ Герценовской программы. Но они представляли собою принципіально совершенно иной сортъ либерализма сравнительно съ Чичеринымъ. Стоялъ вопросъ: какимъ быть русскому либерализму? буржуазно-доктринерскимъ или умѣренно-народническимъ? тяготѣть ли ему къ среднему сословію или къ будущей крестьянской демократіи? Б. Чичеринъ остался „красивой ненужностью"; это значило, что эволюція русскаго либерализма опредѣлилась въ сторону крестьянской демократіи. Эта линія поведенія сохранялась въ дальнѣйшемъ. Ея логическимъ завершеніемъ была аграрная программа кадетовъ въ первой Думѣ. Становясь

---

[1]) П. Струве, „Б. Чичеринъ и его обращеніе къ прошлому" въ сборникѣ „На разныя темы", стр. 91.

противъ Кавелина за Чичерина, г. Кистяковскій оказываетъ посильную поддержку *ревизіонистамъ* русскаго либерализма, которые хотѣли бы ликвидировать эту прошлую линію поведенія, теоретически вернуться къ тому распутью, на которомъ русскій либерализмъ стоялъ въ эпоху Герцена, и пойти другимъ путемъ. Противъ этихъ ревизіонистовъ стоятъ поборники прежнихъ демократическихъ традицій. Въ этомъ смыслѣ защиты Кавелина М. М. Ковалевскимъ. Мы не принадлежимъ къ поклонникамъ К. Д. Кавелина. Онъ только разжижалъ и обезцвѣчивалъ кое-какія идеи Герцена и Чернышевскаго примѣнительно ко вкусамъ „умѣренно-благоразумнаго" лагеря; его попытка создать философію и идеологію умѣреннаго либерализма (см. его претенціозные труды по психологіи и этикѣ) была болѣе чѣмъ неудачной. Но дорога, которую избралъ Кавелинъ, есть все-таки дорога съ опредѣленнымъ направленіемъ, указываемымъ именами А. Посникова, А. И. Чупрова и др. Дорога же, въ началѣ которой стоялъ Б. Чичеринъ, не можетъ привести никуда, кромѣ безнадежнаго тупика. *Она* сдѣлала Чичерина Симеономъ-Столпникомъ буржуазно-либеральнаго доктринерства и обратила его въ какую-то смоковницу, пораженную безплодіемъ. Безплодіемъ въ смыслѣ общественнаго вліянія, которое только еще рѣзче оттѣнялось литературной плодовитостью нашего автора.

И здѣсь-то ищетъ г. Кистяковскій слѣдовъ національнаго русскаго сознанія правовой идеи! „Есть въ Россіи каста отупѣвшихъ отъ школьной политики доктринеровъ, которые съ комической suffisance репетируютъ идеи Пилевской реформы и либерализма временъ Казиміра Перье. Тяжелая ученость, схоластическія занятія выѣли ихъ слабыя способности; а совершенное безучастіе къ живой жизни не вызвало ихъ идти съ каѳедры на рынокъ. Испуганные дикими, неустроенными элементами русскаго развитія, они попадаютъ то во французскую болѣзнь—централизаціи, то въ англійскую—буржуазнаго self gouvernement'a". Этотъ суровый приговоръ Герцена до сихъ поръ сохраняетъ всю свою силу для той группы, *великаномъ* которой былъ Б. Чичеринъ.

V. Интеллигенція и народное правосознаніе.

Едва ли не самымъ поразительнымъ мѣстомъ въ статьѣ Кистяковскаго является его попытка поставить въ примѣръ русской интеллигенціи нѣмецкое правовѣдѣніе въ его по-

пыткахъ теоретическаго освѣщенія и оцѣнки *обычнаго права.* Рѣчь идетъ, конечно, о трудахъ исторической школы. „Изъ этой школы—говоритъ онъ—вышла такая замѣчательная книга, какъ „Обычное право“ Пухты. Съ нею самымъ тѣснымъ образомъ связано развитіе новой юридической школы—германистовъ, разрабатывающихъ и отстаивающихъ германскіе институты права въ противоположность римскому праву. Одинъ изъ послѣдователей этой школы Безелеръ въ своей замѣчательной книгѣ „Народное право и право юристовъ“ оттѣнилъ значеніе народнаго правосознанія еще больше, чѣмъ это сдѣлалъ Пухта въ своемъ „Обычномъ правѣ“. И, переходя къ Россіи, г. Кистяковскій замѣчаетъ: „русскій народъ въ цѣломъ не лишенъ организаторскихъ талантовъ; ему, несомнѣнно, присуще тяготѣніе даже къ особенно интенсивнымъ формамъ организаціи; объ этомъ достаточно свидѣтельствуетъ его стремленіе къ общинному быту, его земельная община, его артели и т. п. Жизнь и строеніе этихъ организацій опредѣляются внутреннимъ сознаніемъ о правѣ и не-правѣ, живущимъ въ народной душѣ... Конечно, нормы права и нормы нравственности въ сознаніи русскаго народа недостаточно дифференцированы и живутъ въ слитномъ состояніи. Но именно тутъ интеллигенція и должна была бы придти на помощь народу и способствовать какъ окончательному дифференцированію нормъ и правъ, такъ и ихъ систематическому развитію. Только тогда народническая интеллигенція смогла бы осуществить поставленную ею себѣ задачу способствовать развитію общинныхъ началъ и пересозданію ихъ въ болѣе высокія формы общественнаго быта, приближающіяся къ соціалистическому строю“.

Все это вѣрно, все это прекрасно, но неужели г. Кистяковскій полагаетъ, что онъ указываетъ новый путь, которымъ не шла русская интеллигенція? Та невозмутимая серьезность, съ какою онъ ставитъ намъ на видъ открытіе германскаго обычнаго права исторической школою, особенно вызываетъ въ насъ недоумѣніе. Слава Богу! Ужъ въ чемъ другомъ, а въ невниманіи къ обычному праву меньше всего можно было обвинить поколѣнія 70-хъ и 80-хъ годовъ. Еще вышедшій въ 1875 году *первый* выпускъ „Обычнаго права“ Е. Якушкина („Матерьялы для библіографіи обычнаго права“) содержалъ списокъ *больше чѣмъ* 1500 книгъ и статей, касающихся русскаго и инородческаго права. Уже по этому можно судить, насколько колоссальный матеріалъ собранъ въ нашей литературѣ для разработки относящихся сюда вопросовъ.

Намъ говорятъ о цѣлой школѣ германистовъ, возставшихъ противъ римскаго права и противопоставившихъ ему германскіе обычно-правовые институты. Точно будто съ иною цѣлью обращалась къ крестьянскому обычному праву наша литература! Возьмемъ хотя бы такого упорнаго журнальнаго борца за принципы народнаго права, какъ Александру Ефименко. Пересмотрите хотя бы бѣгло ея статьи, собранныя къ ея „Изслѣдованіяхъ народной жизни“ (вып. 1-й, „Обычное право“). Одна и та же мысль красною нитью проходитъ черезъ всѣ эти статьи. Недостаточно изучать обычное право, только какъ симптомъ того или другого состоянія народа; нѣтъ, его необходимо изучать и съ той точки зрѣнія, которую, говоря современной терминологіей, пришлось бы назвать точкой зрѣнія *политики права*. На народъ нужно смотрѣть, какъ на активный элементъ, рано или поздно способный выступить, какъ факторъ правотворческій, и съ этой точки зрѣнія произвести расцѣнку различныхъ элементовъ народнаго правосознанія. Эта расцѣнка приводитъ автора, въ концѣ концовъ, къ полному признанію, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, того, что онъ называетъ „народной правдой“, нерѣдко враждебно сталкивающейся съ дѣйствующимъ законодательствомъ.

Ефименко—какъ, впрочемъ, еще ранѣе ея Оршанскій („Народный судъ и народное право“) установили одну важную типическую черту обычнаго права. Черту эту Ефименко называетъ *субъективизмомъ* этого права. Въ то время, какъ господствующему праву присуще стремленіе предвидѣть и вмѣстить всѣ возможные случаи жизни въ рядѣ точныхъ, объективныхъ правовыхъ опредѣленій, примѣненіе которыхъ могло бы быть почти механическимъ—обычное право обнаруживаетъ наклонность руководиться соображеніями „естественной справедливости“, входя въ субъективныя особенности каждаго даннаго случая, индивидуализируя свои рѣшенія, и широко примѣняя принципъ „примирительныхъ“ рѣшеній: чтобы „никому не было обидно“.

Этотъ *принципіальный* субъективизмъ не слѣдуетъ смѣшивать съ другимъ одновременнымъ сопутствующимъ признакомъ—неразвитостью и шаткостью обычнаго права. Нѣтъ, эта черта имѣетъ будущность, ибо крайній объективизмъ и формализмъ въ правѣ уже встрѣчаютъ реакцію въ наукѣ; зарождается въ судебной практикѣ стремленіе къ „индивидуализаціи“, которое — прибавимъ отъ себя—достигаетъ своего апогея въ т. н. „преторскомъ законодательствѣ“,

исходящемъ изъ той предпосылки, что никакіе законы не могутъ охватить всей сложности быстро текущей жизни, и что судебныя рѣшенія не только „примѣняютъ“ законы, но и непосредственно творятъ новое право [1]).

Подкрѣпляя этими данными разныя другія соображенія, Ефименко приходила къ выводу, ничуть не менѣе яркому, чѣмъ теоріи „германистовъ“. Она заключала, что изученіе обычнаго права „можетъ намъ дать гораздо больше, чѣмъ мы привыкли ожидать: во-первыхъ, лишь путемъ такого изученія можно уяснить себѣ, что составляетъ наши настоящія національныя особенности, а едва ли кто сомнѣвается въ безусловной важности такого національнаго самопознанія; во-вторыхъ, оно можетъ указать тотъ путь, которому должно слѣдовать, чтобы придти къ какимъ-нибудь вѣскимъ и цѣннымъ результатамъ—въ вышеприведенномъ случаѣ онъ даетъ прямыя указанія юристамъ и законодательству, что нужно дѣлать, чтобы создать вполнѣ цѣльное и послѣдовательное и въ то же время національное право“.

Въ этомъ выводѣ—программа всѣхъ дальнѣйшихъ работъ Ефименко. Въ статьѣ „Народныя юридическія воззрѣнія на бракъ“ она указываетъ на ихъ реалистическій характеръ, рѣзко расходящійся съ духомъ нашего законодательства, видящаго въ бракѣ явленіе чисто-религіознаго характера, таинство. Осторожно, но достаточно опредѣленно показываетъ она, какую изрядную долю лицемѣрія вноситъ въ дѣло столь „возвышенный“ взглядъ въ дѣйствительности своимъ отказомъ гарантировать слабую сторону лишь отворяющій настежь двери произволу сильнаго. Она показываетъ, что для крестьянъ, наоборотъ, бракъ по способу своего заключенія есть частный видъ гражданскаго договора, что его существеннымъ моментомъ являются рядныя и сговорныя записи, обезпечиваемыя неустойками—акты, съ точки зрѣнія формальнаго права юридически ничтожные или даже прямо *запрещенные* закономъ. Она отмѣчаетъ и обычай—минуя церковный разводъ,—„дѣлать расходку“, заключая при этомъ опять таки договоры и принимая обоюдныя обязательства, часто безпрепятственно регистрируемыя

---

[1]) Интересный анализъ понятія „преторскаго законодательства“ см. въ книгѣ Максима Леруа „Эволюція государственной власти“ СПБ. 1907 г., стр. 2—4 и 130—137. Авторъ—талантливый юристъ, примыкающій къ революціонному синдикализму. Подробнѣе о „субъективизмѣ“ обычнаго права см. у К. Качаровскаго, „Народное право“, стр. 105—117.

волостными судами; отмѣчаетъ *общественный* характеръ брачнаго акта въ народномъ быту въ противоположность строго индивидуальному его характеру по закону. „Народные взгляды, заключала она, представляютъ готовое основаніе для законодательства, если оно, сознавъ непрактичность своего настоящаго направленія, захочетъ нѣсколько отступить отъ его исключительности... Народный принципъ, введенный въ законодательство, положилъ бы начало развитію настоящаго русскаго права, основаннаго не на ученыхъ теоріяхъ, а въ дѣйствительности на истинно-народныхъ началахъ, брачнаго права, единаго для всѣхъ сословій, для всѣхъ религіозныхъ убѣжденій“ [1]).

Очеркъ г-жи Ефименко „Женщина въ крестьянской семьѣ“ (собственно „Женщина по обычному праву нашего крестьянства“) заканчивается еще болѣе широкими выводами. „Два противоположныя начала господствуютъ въ жизни русскаго крестьянства. Одно—продуктъ древнѣйшихъ эпохъ народной жизни—начало патріархальное, родовое, поглощающее личность; другое—результатъ дальнѣйшаго развитія народа, приспособлявшагося къ окружающимъ его условіямъ—начало экономическое, трудовое, стремящееся вызвать къ жизни самостоятельную личность“. Торжество второго начала, ведущаго къ *малой семьѣ* вмѣсто патріархальной семьи, создаетъ зародышъ признанія къ женщинѣ трудовой, полноправной личности [2]).

Это приводитъ къ болѣе общему вопросу о „Трудовомъ началѣ въ народномъ обычномъ правѣ“. Особый взглядъ на земельную собственность; особый взглядъ вообще на естественныя произведенія природы, въ созданіи которыхъ не принималъ участія человѣческій трудъ; обычай вознагражденія за трудъ, который bona fide—а иногда даже и не bona fide—произведенъ въ *чужихъ* владѣніяхъ; порядки наслѣдованія и семейной собственности; способъ опредѣленія имущественныхъ правъ женщины; вознагражденіе, въ договорномъ правѣ, „труда возможности“, т. е. рабочаго времени, пропущеннаго или непроизводительно потраченнаго по чужой винѣ; перевѣсъ, сравнительно съ законодательствомъ, интересовъ нанимаемаго передъ интересами нанимателя, или подряжаемаго—передъ интересами подряжающаго, и т. д.,

---

[1]) А. Ефименко. „Изслѣдованія народной жизни“, Москва 1884 г., стр. 9, 17, 33—35, 38, 40, 57.

[2]) Ibid., 122—123.

и т. д.—все это приводитъ автора къ огромной важности выводу: въ обычномъ крестьянскомъ правѣ „имѣешь дѣло съ совсѣмъ особымъ, своеобразнымъ правомъ, *типически* отличающимся отъ того систематизированнаго права, которое находитъ свое приложенiе во всѣхъ современныхъ цивилизованныхъ законодательствахъ“.

Первенствующая роль въ этомъ правѣ принадлежитъ трудовому началу, игнорируемому римскимъ правомъ и примыкающимъ къ нему правомъ большинства современныхъ буржуазныхъ государствъ. Опираясь на теорiю Михайловскаго о „типахъ и степеняхъ развитiя“ [1]), она говоритъ: „Конечно, мы не можемъ ожидать отъ крестьянскаго права той логической стройности, законченности, точности, всей той массы формальныхъ достоинствъ, которыми обладаетъ право высшихъ классовъ, сознательно культивированное множествомъ поколѣнiй, отшлифованное и отдѣланное до степени изящнѣйшаго chef-d'oeuvre'a. Что значитъ въ сравненiи съ нимъ грубый самородокъ, какимъ представляется обычное крестьянское право? Но едва ли будетъ разумно съ нашей стороны, если мы, увлекшись красотой и художественнымъ совершенствомъ chef-d'oeuvre'a, совсѣмъ оставимъ безъ вниманiя самородокъ. Если будущiе идеалы человѣчества дѣйствительно тяготѣютъ, какъ это думаютъ нѣкоторые мыслители, къ тому, чтобы измѣнить существующее отношенiе между трудящимся и продуктомъ его труда, то, можетъ быть, и право должно будетъ перейти къ типу, тѣхъ юридическихъ воззрѣнiй, представителемъ которыхъ является для насъ въ настоящую минуту наше крестьянство“ [2]).

Н. К. Михайловскiй выражалъ эту мысль въ такихъ терминахъ: крестьянское трудовое право является *низшей степенью развитiя* нѣкотораго *высшаго*, сравнительно съ дѣйствующимъ правомъ, типа: именно, типа *трудового* права. Наоборотъ, дѣйствующее право, буржуазное, собственническое, анти-трудовое, сравнительно съ нимъ есть *низшiй* соцiальный типъ, но за то достигшiй наивысшей возможной степени своего развитiя. Будущее принадлежитъ не ему, а новому трудовому праву—соцiалистическому—которое возведетъ въ развитую и законченную систему тѣ

[1]) Я надѣюсь въ другомъ мѣстѣ показать, что зародышъ этой теорiи содержится уже у Герцена, и Михайловскiй вообще является продолжателемъ Герцена въ гораздо большей степени, чѣмъ это обыкновенно думаютъ.

[2]) Ефименко, цит. соч. стр. 13—138.

трудовые принципы пріобрѣтенія правъ, которыя въ неясной и зародышевой формѣ содержатся въ обычномъ правѣ трудового населенія, въ частности—крестьянства. И въ этомъ смыслѣ соціализмъ вовсе не будетъ какимъ-то чисто головнымъ изобрѣтеніемъ, чисто книжнымъ и апріорнымъ построеніемъ. Напротивъ, ему будетъ къ чему примкнуть въ реальной дѣйствительности, для его творчества будетъ опорная точка и въ глубинахъ народнаго правосознанія...

Насъ поражаетъ, какъ могъ пройти мимо всего этого, какъ будто ничего не замѣтивъ, такой вдумчивый писатель, какъ г. Кистяковскій. А между тѣмъ охарактеризованныя нами воззрѣнія, защищавшіяся тогдашней журналистикой, вызвали отклики и со стороны записныхъ юристовъ. Г. Пахманъ, напримѣръ, во второмъ томѣ своего „Обычнаго гражданскаго права въ Россіи“ много разъ обращался къ полемикѣ противъ статей Ефименко, хотя самъ онъ долженъ былъ (еще въ первомъ томѣ своей работы) признать преобладающее значеніе труда въ народной жизни, связывая, однако, этотъ фактъ съ „низкимъ уровнемъ экономической жизни“, и не признавая, чтобы такое же преобладающее значеніе труду могло достаться и въ будущемъ строѣ. Какъ бы то ни было, онъ призналъ, что „такимъ образомъ трудъ получаетъ и значеніе юридическое“ (т. I, стр. 44). Еще рѣзче отнеслись къ этимъ взглядамъ другіе юристы старой школы. Г. Гольмстенъ въ своемъ разборѣ трудовъ Ефименко пришелъ къ полному, категорическому отрицанію „не только въ нашемъ обычномъ правѣ, но и вообще, самостоятельнаго юридическаго значенія труда, какъ правового принципа“; г. Побѣдоносцевъ во второмъ изданіи своего курса гражданскаго права, разумѣется, возсталъ на защиту оффиціально-юридической квалификаціи брака, исключительно какъ таинства, и противъ попытокъ „низвести“ законъ съ его „идеальной высоты“ и отдать его на служеніе „низменнымъ“ матеріальнымъ интересамъ жизни...

Еще болѣе интересна съ этой точки зрѣнія судьба вопроса о юридическомъ анализѣ и формулировкѣ общиннаго владѣнія. Здѣсь ярче, чѣмъ гдѣ-либо, проявилось банкротство оффиціальной юриспруденціи, и ярче, чѣмъ гдѣ либо, обнаружилось, что наша общая литература, сравнительно съ нею, проявляетъ гораздо болѣе чуткости въ опредѣленіи правовой сущности институтовъ обычнаго права. Идя по стопамъ Герцена и Чернышевскаго, литература эта утверждала, что правовая сердцевина общиннаго землевладѣнія

есть признаніе *права на землю*; что право это есть право *личное*; что, представляя собою разновидность *права на трудъ* или *права на существованіе, обусловленнаго рожденіемъ* и *трудомъ*, оно должно быть поставлено въ ряду *субъективныхъ публичныхъ правъ*; что община, являясь общественнымъ органомъ, въ своихъ предѣлахъ воплощающимъ осуществленіе этого права, въ зародышѣ есть *публично-правовой*, а не *частно-правовой* институтъ. Что же противопоставила этому положенію формальная юриспруденція? Г. Кистяковскій можетъ взять хотя бы книгу своего соратника по сборнику, г. Изгоева, посвященную „общинному праву" [1]). Г. Изгоевъ самъ *не* стоитъ на той точкѣ зрѣнія, которая развита нами выше; онъ даже и не сводитъ съ нею счетовъ; повидимому, какъ настоящій „непомнящій родства", онъ даже и не подозрѣваетъ, чтобы у Герцена и Чернышевскаго можно было искать юридическихъ опредѣленій общиннаго права. Если онъ *частично* приближается къ ихъ точкѣ зрѣнія, то только, на подобіе купца Америго Веспуччи, вторично открывая Америку. Но ошибки казенной юриспруденціи онъ, за немногими исключеніями, подмѣчаетъ недурно.

Что же оказывается въ результатѣ его обзора теорій русскихъ юристовъ? Они, какъ и законъ, тщетно искали общинному владѣнію мѣста въ системѣ институтовъ римскаго права; вмѣстѣ съ закономъ и сенатомъ, они колебались между двумя полюсами: сведеніемъ общины къ простой *общей собственности*, совладѣнія нѣсколькихъ индивидуальныхъ частныхъ собственниковъ, и признаніемъ общиннаго владѣнія за владѣніе *юридическаго лица*, причемъ община разсматривалась бы, какъ обыкновенная корпорація, являющаяся субъектомъ права—частнаго, буржуазнаго права собственности.

Мейеръ, Анненковъ, Шершеневичъ, Гольмстенъ—первые трое безъ всякихъ оговорокъ, послѣдній съ чисто-эмпирическими, непринципіальными оговорками—съ поразительной поверхностностью помѣщаютъ общинное право на одной изъ привычныхъ для нихъ полочекъ, представляемыхъ систематикой римскаго права.

Только Кавелинъ—вліяніе на котораго Герцена оказалось и здѣсь—впервые признаетъ въ общинномъ владѣніи

[1]) А. С. Изгоевъ. „Общинное право. Опытъ соціально-юридическаго анализа общиннаго землевладѣнія, какъ института гражданскаго права". СПБ. 1906 г.

„особливый гражданскій институтъ, не похожій на всѣ извѣстные доселѣ и менѣе всего на частную собственность". Онъ даже видитъ порою, что „право каждаго изъ членовъ общины на равный надѣлъ землею" есть органическая принадлежность общиннаго владѣнія, откуда характерное требованіе *единогласія* въ цѣломъ рядѣ дѣлъ. И все-таки, со свойственнымъ ему эклектизмомъ, Кавелинъ не доходитъ до конца, не порываетъ съ обычными представленіями господствующаго буржуазнаго права, а стремится къ *примиренческому* рѣшенію, признавая общину юридическимъ лицомъ... *особаго рода*.

Этотъ словесный *обходъ* вопроса вмѣсто его рѣшенія, конечно, никого не могъ удовлетворить. Побѣдоносцевъ, вслѣдъ за Кавелинымъ, признаетъ „совершенно особый характеръ" общиннаго права; признаетъ, что „этотъ институтъ совершенно неизвѣстенъ римскому праву"; онъ видитъ даже, что „здѣсь община и члены ея по отношенію къ праву сливаются вмѣстѣ, и не община представляетъ собою субъектъ права, а всѣ члены ея суть субъекты права, и владѣніе общины выражается, обнаруживается ни въ чемъ иномъ, а именно во владѣніи всѣхъ ея членовъ". Но юридически развернуть эту формулу, дать полное идеальное выраженіе, г. Побѣдоносцевъ, какъ реакціонеръ, не могъ. Онъ только *констатировалъ* это своеобразіе, которое для него, въ смыслѣ политики права, есть юридическій nonsens; онъ, изъ чисто практическихъ соображеній, всталъ, вмѣстѣ съ закономъ и сенатомъ, на точку зрѣнія *временной терпимости* по отношенію къ нему, какъ къ переходному состоянію отъ крѣпостного права къ чистой буржуазной собственности.

Дальше Побѣдоносцева въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ пошелъ В. Лешковъ, понявшій, что „наше общинное владѣніе есть *само право на землю*, только особое право общинное", что общинное право въ извѣстномъ смыслѣ поэтому аналогично „праву государства и народа на ихъ землю", такъ какъ въ опредѣленныхъ территоріальныхъ границахъ „общины осуществляютъ право своего народа на землю". Но *почти* понявъ публично-правовой характеръ общины, какъ цѣлаго, Лешковъ пошелъ не впередъ, а назадъ въ пониманіи *субъективныхъ публичныхъ правъ* ея членовъ...

Подъ вліяніемъ Лешкова, еще болѣе приблизился къ существу общины г. Пахманъ. Онъ уже отчетливо выговариваетъ, что община, въ своей сферѣ преслѣдуетъ „тѣ же цѣли, которыя свойственны государству: подобно послѣднему,

она имѣетъ своею задачею осуществленіе всѣхъ необходимыхъ условій благосостоянія членовъ". Онъ даже не менѣе отчетливо выговариваетъ, что „право ихъ на землю и составляетъ само по себѣ коренной и существенный элементъ общиннаго владѣнія". Казалось бы, достаточно сопоставить два эти положенія, чтобы въ итогѣ получить законченную и полную теорію. Но нѣтъ: оба эти положенія остаются какъ membra disjecta *возможной* теоріи, тонутъ подъ разными наслоеніями и въ результатѣ, какъ у Лешкова, *личныя* права оказываются лишь производными, существующими постольку, поскольку они представляются общиной.

Спѣша поправить эту ошибку, г. Изгоевъ, возвращаясь къ Побѣдоносцеву, снова настаиваетъ на томъ, что „юридическій стержень общиннаго права, если такъ можно выразиться, составляетъ правомочіе отдѣльнаго лица, а не общины, какъ массовой единицы". Но, изъ реакціи къ Лешкову и Пахману, г. Изгоевъ перегибаетъ палку въ противоположную сторону, совершенно отбрасывая все, что было ими сдѣлано для разъясненія публично-правового элемента въ общинѣ... И онъ направляется по торной дорожкѣ, разсматривая общину, какъ своеобразное проявленіе *частнаго права*—обычнаго, индивидуальнаго вотчиннаго права...

Шагъ впередъ, два шага назадъ; хвостъ вытащитъ, носъ увязнетъ, носъ вытащитъ, хвостъ увязнетъ. Такова мораль блужданій нашей юриспруденціи по загадочной области народнаго—въ частности общиннаго—права. И это въ то самое время, когда, идя по стопамъ Герцена и Чернышевскаго, наше направленіе заняло совершенно опредѣленную, и, полагаемъ, неуязвимую позицію въ этомъ вопросѣ. Для него „понять общину" значило—какъ пишу я въ другомъ мѣстѣ—„развить изъ нея новое трудовое земельное право, новый земельный строй на началахъ равенства общегражданскихъ правъ на землю", на основѣ признанія земли „необходимымъ условіемъ всякой жизни", и, слѣд., „общимъ достояніемъ, къ которому долженъ быть обезпеченъ на равныхъ правахъ доступъ каждому". Въ общинѣ, какъ и въ другихъ проявленіяхъ народнаго права, оно усматривало естественное соединеніе частно-правового и публично-правового элемента. „Въ этомъ — его сходство съ трудовымъ соціалистическимъ правомъ будущаго. Различіе лишь въ томъ, что смѣшеніе этихъ элементовъ въ обычномъ народномъ правѣ основывается на неразвитости, на зачатной формѣ отношеній, тогда какъ въ правѣ будущаго будетъ господствовать

гармоническое сліяніе когда-то распавшихся областей, но уже достаточно усложнившихся, дифференцированныхъ“.

Мѣсто не позволяетъ намъ распространиться на той разработкѣ вопросовъ крестьянскаго права, которая дана въ „Народномъ правѣ“ К. Р. Качаровскаго и въ недавно вышедшей книгѣ А. А. Леонтьева. Кто читалъ эти книги, тотъ знаетъ, что симпатіи и лозунги даннаго направленія общественной мысли не измѣнились. Наряду съ грознымъ броженіемъ въ народной средѣ, отмѣчается въ ней и ростущее „живительное, созидающее новое народное право“, благодаря которому намъ „не только есть чѣмъ разрушать, но и есть изъ чего строить“. Провозглашается лозунгъ „переплавить элементы новаго народнаго права въ огнѣ высшаго идеала, и изъ этого синтеза построить новое народно-государственное право“ [1]). „Въ защиту права“ хочетъ говорить г. Кистяковскій. Поздно спохватился! Когда въ первой государственной думѣ былъ поднятъ огромный вопросъ *о земельной реформѣ*,—вотъ когда былъ настоящій моментъ для выступленія *въ защиту права!..* Вотъ когда былъ моментъ поднять вопросъ о томъ, что въ основу земельной реформы долженъ быть положенъ какой-нибудь опредѣленный *правовой принципъ*. Кто же это сдѣлалъ? Можетъ быть г. Кистяковскій? Или его соратникъ по сборнику г. Изгоевъ? Нѣтъ—они молчали, словно воды въ ротъ набравши. За то не молчали представители того направленія, духовными отцами котораго являются Герценъ и Чернышевскій. Они указывали на *правовую безпринципность* аграрнаго проекта к.-д. партіи; они критиковали слѣва эту правовую безпринципность и неопредѣленность; и характерно, что такой же критикѣ она подверглась въ нѣдрахъ самой к.-д. партіи *справа*, со стороны такого крупнаго и мыслящаго юриста, какъ г. Петражицкій. И пріоритетъ этой безпощадной, но правильной критики—на *лѣвой* сторонѣ. Пересмотрите брошюры и статьи—вплоть до газетныхъ статей—того времени. Посмотрите „Право на землю“, „Аграрный вопросъ съ правовой точки зрѣнія“, „Конституціонно-демократическая партія и земельная реформа“ П. Вихляева, „Соціализація земли съ юридической точки зрѣнія“, „Соціализація земли и община“, „Право на землю въ проектѣ к.-д. партіи“ и др. статьи пишущаго эти строки, статьи Качаровскаго о позиціи, занятой въ земель-

---

[1]) К. Качаровскій. „Народное право“, Москва, 1906 г., стр. 250 и 251.

номъ вопросѣ г. Петражицкимъ, „Экономика и политика въ русскомъ освободительномъ движеніи“ И. Бунакова—о чемъ въ одинъ голосъ твердятъ они? „Отсутствіе какихъ бы то ни было правовыхъ нормъ для правильнаго рѣшенія тѣхъ сложныхъ взаимоотношеній, которыя возникаютъ въ современной общинѣ“; необходимость возвести въ принципъ „административное усмотрѣніе проектируемыхъ землеустроительныхъ комиссій“, вслѣдствіе отсутствія опредѣленнаго „правового принципа, на которомъ слѣдуетъ построить земельную реформу“ [1]) и, какъ результатъ „пораженіе гражданскихъ правъ крестьянскаго населенія по отношенію къ землѣ“ [2])—вотъ что вмѣняется въ вину аграрному проекту к.-д. Посмотрите на проектъ к.-д., внесенный въ думу, сравните его съ предыдущими проектами и съ мастерской критикой ихъ, данной Вихляевымъ—вы увидите потуги обойти предъявленныя возраженія, устранить зіяющіе пробѣлы, создать хоть какую-нибудь правовую основу для способа распредѣленія земли между соискателями ея. Но съ какимъ результатомъ? Съ самымъ плачевнымъ. Изъ анализа проекта было видно лишь, что въ средѣ к.-д. „есть и сторонники, есть и противники признанія твердаго и прочнаго права на землю трудящихся“. Въ результатѣ попытки „примирить“ обѣ эти противоположныя тенденціи получилось вотъ что: „кадетскій проектъ все время ходитъ вокругъ да около признанія равенства общегражданскихъ правъ на землю. То какъ будто признаетъ это право, то испугается и начнетъ ограничивать категорію „управомоченныхъ“ лицъ. То совсѣмъ ихъ ограничитъ, то опять испугается и дастъ ограниченіямъ такую формулировку, что они лишь запутываютъ, но толкомъ ничего не ограничиваютъ. То установитъ правила, то снова создастъ брешь, которую можно такъ расширить, что черезъ нее совершенно вывалится правило... Въ результатѣ—плачевный итогъ: совершенно неопредѣленному кругу лицъ проектъ даетъ не менѣе неопредѣленное и, въ сущности, фиктивное право. Все построеніе пріобрѣтаетъ полную шаткость и юридическую несостоятельность. Попранная логика и принципіальность мстятъ за себя непоправимо. „Горе грѣшнику, на двѣ стези ходящу!“ [3]).

---

[1]) П. Вихляевъ. „Аграрный вопросъ съ правовой точки зрѣнія“, стр. 17, 21 и проч.

[2]) П. Вихляевъ. „К.-д. партія и земельная реформа“, стр. 27.

[3]) Такими словами заканчивается анализъ к.-д. проекта въ моей статьѣ—„Право на землю въ проектѣ к.-д. партіи“.

Насколько мѣтко била въ цѣль эта критика, показываетъ тотъ фактъ, что въ послѣдующемъ к.-д. партія предпочла совершенно очистить эти позиціи и торжественно отречься отъ прежнихъ своихъ юридическихъ „покушеній съ негодными средствами". Устами г. Кутлера во второй думѣ было заявлено, — sic transit! — что „партія народной свободы не предлагаетъ создавать никакого права на землю". „Проще, какъ можно проще" предлагалъ онъ отнестись къ дѣлу „помощи крестьянскому населенію", „не осложняя" ея ничѣмъ, ибо „законъ не призванъ учить крестьянъ и навязывать имъ какія-либо теоріи". Юридическая безпринципность, возведенная въ единственный принципъ; упрощенная точва зрѣнія маленькой, самодовольной филантропіи, какъ единственная „правовая основа" задуманнаго дѣла—приступа къ разрѣшенію аграрнаго вопроса. Спрашивается: гдѣ же были, почему не возстали „въ защиту права" сотрудники „Вѣхъ"?

Гдѣ они были? Странный вопросъ... Они были въ рядахъ той самой к.-д. партіи, отъ имени которой бывшій членъ кабинета Витте-Дурново говорилъ всѣ эти пошлости и провозглашалъ „святую простоту" въ качествѣ наилучшей юридической теоріи...

И когда теперь со страницъ „Вѣхъ" г. Кистяковскій безмятежно учитъ насъ, что „интеллигенція должна придти на помощь народу" въ дѣлѣ „дифференцированія нормъ права и систематическаго ихъ развитія"; что такимъ путемъ мы могли бы способствовать развитію общинныхъ началъ и пересозданію ихъ въ болѣе высокія формы общественнаго быта, приближающіяся къ соціалистическому строю"—то что намъ отвѣтить? Напомнить ли о законопроэктѣ соціализаціи земли, внесенномъ во вторую Думу? Напомнить ли, что при численности внесшей ея группы въ 37 человѣкъ, подъ законопроектъ этотъ было собрано 104 подписи, и почти сплошь подписи депутатовъ-крестьянъ *всѣхъ* фракцій? Напомнить ли... Или ничего не напоминать, а просто задать вопросъ: есть ли мѣра наивности г. Кистяковскаго?

VI. Юридическія идеи соціализм·

Нѣтъ, не противъ насъ выступать г. Кистяковскому „въ защиту права". Это значитъ стучаться въ открытую дверь. Болѣе, чѣмъ какое-либо другое направленіе, склонны мы стремиться къ *правовой* формулировкѣ нашихъ требованій,

къ разработкѣ и обоснованію *юридической* стороны нашего міросозерцанія. И поскольку въ современномъ соціализмѣ есть еще значительные пробѣлы въ этомъ отношеніи, постольку менѣе всего въ насъ найдетъ онъ охотниковъ затушевывать существованіе этихъ пробѣловъ.

Беру первую изъ попавшихся подъ руки живыхъ свидѣтельствъ этого; беру брошюру тов. Веніамина Маркова „личность въ правѣ“ и на первой же страницѣ читаю: „Первоучители соціализма, проповѣдуя *полное* и *коренное* переустройство *всего* современнаго общества, сосредоточились почти всецѣло на критикѣ *только* экономическаго строя, на предначертаніи *только* экономическаго идеала... соціализмъ претворился въ *экономическій* соціализмъ. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ соціалистическая мысль не внесла ничего въ разрѣшеніе правовыхъ проблемъ. Вопросы права она или вовсе игнорировала, или болѣе или менѣе искусно обходила, или ограничивалась общими указаніями, что соціализмъ, мыслимый ими, какъ экономическій идеалъ, все разрѣшитъ и всѣхъ удовлетворитъ. Въ области правового творчества и строительства соціалистическая мысль не только не явила міру чего-либо оригинальнаго, но не выработала даже для себя яснаго и категорическаго отвѣта на многіе элементарнѣйшіе вопросы не завтрашняго, а даже сегодняшняго дня“ [1]).

Если въ этой характеристикѣ есть какія-нибудь увлеченія и преувеличенія, то только въ сторону самокритики. Желаніе, чтобы факелъ соціализма ярче свѣтилъ въ правовой области, чтобы соціализмъ скорѣе развернулъ всѣ свои огромныя творческія силы и на этой аренѣ, заставляетъ автора возможно мрачнѣе изобразить современное положеніе вещей. Его мотивы намъ понятны и мы ихъ всецѣло раздѣляемъ. Изъ всѣхъ „текстовъ“, которые когда-либо цитировались въ писаніяхъ Маркса, намъ ближе всего и памятнѣе всего тотъ, который рѣже всего цитируется: „Никогда не объявляли мы нашего развитія законченнымъ; мы хотѣли творить и учиться вмѣстѣ съ нашимъ временемъ изъ содержанія нашего времени, вмѣстѣ съ реальными условіями изъ этихъ реальныхъ условій, вмѣстѣ съ движеніемъ дѣйствительнаго человѣка изъ этого движенія; и мы попрежнему вѣримъ, что стоянія на одномъ мѣстѣ

---

[1]) Веніаминъ Марковъ. „Личность въ правѣ“, книгоиздател. „Трудъ и Борьба“ СПБ. 1907 г., стр. 3.

не существуетъ, и только тотъ не идетъ назадъ, кто идетъ впередъ" [1]).

Но, чтобы идти впередъ, нѣтъ необходимости забывать тѣхъ опорныхъ точекъ, которыя даны для этого движенія нашими первоучителями. И если *въ общемъ* тов. В. Марковъ правильно указалъ односторонне-экономическое „устремленіе мысли" творцовъ научнаго соціализма, то все-таки и у нихъ можно найти опредѣленныя глубокія правовыя идеи,—правда, не получившія дальнѣйшаго развитія, но отъ этого не теряющія въ своей цѣнности. Я говорю о положительныхъ правовыхъ идеяхъ, о созданіи „высшей нормы" правовыхъ нормъ, т. е. идеаловъ политики права. О заслугахъ соціалистической мысли въ области общей теоріи права, разработки вопросовъ о генезисѣ права, отношенія его къ другимъ сторонамъ общественной жизни и т. д. говорить не приходится. Авторитетными представителями юридической мысли эти заслуги давно и безоговорочно признаны. „Выясненіе связи между развитіемъ права и общественными движеніями составляетъ заслугу соціалистовъ и ихъ послѣдователей"—говоритъ Г. Еллинекъ [2]), органически воспринимая въ свою систему почти всѣ идеи, развитыя Ф. Лассалемъ въ блестящихъ по ясности и силѣ мысли рѣчахъ: „О сущности конституціи" и „Что же теперь?" Если совокупность этихъ идей и не даетъ намъ всеобъясняющаго принципа, то во всякомъ случаѣ „лишь благодаря ей дѣлаются намъ понятными возникновеніе и дѣйствіе важныхъ отдѣловъ публичнаго права". И далѣе Еллинекъ совершенно справедливо отмѣчаетъ вліяніе, которое этими идеями оказано на всю реалистическую школу права, въ частности Іеринга, Меркеля и др.

Обыкновенно думаютъ, что марксизмъ всецѣло проникнутъ крайнимъ историзмомъ, релятивизмомъ и объективизмомъ, а потому не даетъ руководящей, идеальной точки зрѣнія для творчества права. Это и вѣрно, и невѣрно. Вѣрно, поскольку мы говоримъ о преобладающемъ *тонѣ* марксистской аргументаціи; невѣрно, поскольку вопреки этому общему тону и въ противорѣчіи съ нимъ марксизмъ содержитъ недоразвившіяся, зачаточныя формы субъективной оцѣнки и творчества идеаловъ.

---

1) „Aus dem literarischen Nachlass v. K. Marx. etc." 18. II. s. 428.

2) Г. Еллинекъ. „Право современнаго государства", СПБ., 1903, стр. 62 и 223.

Образцомъ *экономическаго релятивизма* въ вопросахъ права можетъ служить аргументація Энгельса въ его полемикѣ съ Мюльбергеромъ [1]). „На извѣстной, весьма примитивной ступени развитія—говоритъ онъ—передъ обществомъ выдвигается потребность подчинить нѣкоторому общему правилу повседневно возобновляющіеся акты производства, распредѣленія и обмѣна, позаботиться о томъ, чтобы каждый отдѣльный индивидъ подчинялся общимъ условіямъ производства и обмѣна. Правило это, являясь первоначально принадлежностью нравовъ и обычаевъ, вскорѣ становится *закономъ*. Вмѣстѣ съ закономъ неизбѣжно возникаютъ и органы, которымъ ввѣрено наблюденіе за его выполненіемъ—общественная власть, государство. Съ дальнѣйшимъ общественнымъ развитіемъ законъ выростаетъ въ болѣе или менѣе многообъемлющее законодательство. Чѣмъ развитѣе это законодательство, тѣмъ болѣе отдаляется форма его выраженія отъ той, въ которой обычно выражаются повседневныя экономическія жизненныя условія общества. Оно выступаетъ, какъ самостоятельный элементъ, получающій свое происхожденіе и основаніе своего дальнѣйшаго развитія не изъ экономическихъ отношеній, но изъ собственныхъ внутреннихъ основъ—скажемъ, хотя изъ „понятія воли". Люди забываютъ происхожденіе своего права изъ своихъ экономическихъ жизненныхъ условій, какъ они позабыли свое собственное происхожденіе изъ животнаго міра. Съ развитіемъ законодательства въ нѣкоторое развитое, многообъемлющее цѣлое выступаетъ необходимость въ новомъ общественномъ раздѣленіи труда: образуется сословіе профессіональныхъ юристовъ, а съ ними возникаетъ и правовѣдѣніе, какъ особая дисциплина. Она, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, приходитъ къ сравнительному изученію правовыхъ системъ различныхъ народовъ и различныхъ временъ, какъ системъ, находящихъ свое обоснованіе въ себѣ самихъ, а не въ качествѣ отраженій соотвѣтствующихъ имъ экономическихъ отношеній. Сравненіе предполагаетъ общія черты; онѣ и отыскиваются, когда юристы объединяютъ болѣе или менѣе общія черты всѣхъ этихъ системъ права, въ качествѣ *естественнаго права*. Масштабъ, которымъ мѣряютъ, что есть и что не есть естественное право, является абстрактнѣй-

[1]) „Zur Wohnungsfrage" von. F. Engels, Separatabdruck aus dem „Volkstadt", Leipzig, 1872, dritter Heft, s. 13—15. Приводимъ здѣсь эту цитату, такъ какъ она малоизвѣстна, и самая брошюра Энгельса очень рѣдка.

нимъ выраженіемъ самого права: это—*справедливость.* И съ этихъ поръ развитіе права, какъ для юристовъ, такъ и для тѣхъ, кто вѣритъ имъ на слово, превращается въ стремленіе какъ можно болѣе приблизить человѣческія отношенія въ ихъ юридическомъ выраженіи къ идеалу справедливости—*вѣчной* справедливости. И справедливость эта всегда является не болѣе, какъ выраженіемъ—конечно, идеализированнымъ и заоблачнымъ—существующихъ экономическихъ отношеній, то съ ихъ консервативной, то съ ихъ революціонной стороны. Справедливость грековъ и римлянъ санкціонировала рабство; буржуазная справедливость 1789 г. требовала уничтоженія феодализма, такъ какъ онъ противорѣчитъ справедливости. Для прусскаго юнкера даже самыя плохенькія обязательныя постановленія даннаго округа есть уже оскорбленіе вѣчной справедливости. Такимъ образомъ представленіе о вѣчной справедливости мѣняется въ зависимости не только отъ времени и мѣста, но даже и отъ лицъ, и принадлежитъ къ числу такихъ вещей, подъ которыми каждый подразумѣваетъ свое. Если въ обычной жизни, при элементарной простотѣ отношеній, о которыхъ приходится судить, и можно примѣнять къ общественнымъ явленіямъ безъ большихъ недоразумѣній такія понятія, какъ справедливый, несправедливый, справедливость, чувство права—то въ научныхъ изслѣдованіяхъ экономическихъ явленій они порождаютъ такую же безвыходную путаницу, какая, напримѣръ, произошла бы въ современной химіи, если бы въ ней попытались удержать терминологію временъ ученія о флогистонѣ“.

Казалось бы, такая система воззрѣній разъ навсегда устраняетъ изъ научной дисциплины всякую точку зрѣнія идеала. Но уже въ ней есть маленькая трещина, которая можетъ легко быть настолько расширена, чтобы пропустить обратно только что торжественно выдворенный изъ царства права идеальный критерій. А именно: „естественное право“, являвшееся сначала какъ будто бы простымъ „общимъ знаменателемъ“ всѣхъ возможныхъ правовыхъ системъ (т. е. чѣмъ-то совершенно элементарно-безсодержательнымъ), потомъ является уже „отраженіемъ“ *данной* дѣйствительности, и притомъ либо съ ея консервативной, либо съ ея *революціонной* стороны. Но что значитъ „отражать дѣйствительность съ ея революціонной стороны“? Это значитъ давать оріентировку *динамическимъ*, творческимъ элементамъ дѣйствительности; это не значитъ просто предлагать въ качествѣ идеальной *фактическую линію* направленія будущихъ собы-

гій; эта фактическая линія будетъ лишь *равнодѣйствующей* разныхъ силъ — исторически-консервативныхъ, исторически-революціонныхъ и промежуточныхъ—а вовсе не чистой линіей направленія динамической, революціонной силы. Ея credo въ области правотворчества, конечно, не будетъ „вѣчной“ справедливостью; но мы не только въ этой области, а и въ области точнаго естествознанія давно распростились съ „вѣчными“ истинами. Ихъ замѣнили теоріи, все болѣе и болѣе полно охватывающія ростущій матеріалъ человѣческаго опыта, и лишь въ этомъ смыслѣ все болѣе и болѣе „правильныя“. Правильно—въ смыслѣ нормы знанія—то, что движетъ впередъ, что увеличиваетъ власть человѣческаго ума надъ явленіями природы; правильно—въ смыслѣ нормы права—что движетъ впередъ, что увеличиваетъ власть человѣка, какъ родового существа, надъ природой и собственными общественными отношеніями. Но это предполагаетъ прогрессъ въ „очеловѣченіи“ самого человѣка, въ превращеніи его изъ прежняго полузвѣря въ „родовое существо“, т. е. въ солидарную, гармоническую человѣческую семью. Дѣло справедливости въ этомъ смыслѣ исторически относительно, оно вѣчно обновляетъ свои формулы, но всегда оно представлено въ исторіи извѣстной творческой силой. Какъ относительность всѣхъ научныхъ истинъ не лишаетъ каждое данное поколѣніе общечеловѣческаго критерія истины (хотя наличность этого критерія и не упраздняетъ всѣхъ споровъ и борьбы за истину), такъ и относительность общественныхъ идеаловъ не лишаетъ насъ всякаго общечеловѣческаго идеальнаго критерія (хотя наличность его и не упраздняетъ борьбы между разными общественными идеалами). И лучшее доказательство — самъ Энгельсъ, который въ своемъ научномъ изслѣдованіи экономическихъ явленій—въ той же самой брошюрѣ „Zur Wohnungsfrage“, не могъ обойтись безъ понятія *прогресса*, „des Fortschritts“, хотя это понятіе предполагаетъ идеальный критерій, ибо не всякій „Schritt“ исторіи есть „Fortschritt“...

Но марксизмъ, вопреки своему общему ультра-релятивизму, не только *проговаривается*, подобно Энгельсу, противоположными утвержденіями. Онъ порою прямо становится на точку зрѣнія положительнаго правотворчества. Образцомъ такого построенія является извѣстная статья К. Маркса „Zur Judenfrage“. Статья эта поистинѣ представляетъ высокій теоретическій интересъ—только совсѣмъ не тѣмъ, о чемъ свидѣтельствуетъ ея заглавіе; попытка „матеріалисти-

чески“ упразднить еврейскій вопросъ, какъ національный и религіозный, поставлена въ ней на совершенно ложные рельсы и не имѣетъ ни малѣйшаго значенія; за то въ ней содержатся разсужденія по философіи права, въ высокой степени замѣчательныя.

Разсужденія Маркса имѣютъ своею осью вопросъ о взаимоотношеніи между политической и полной, интегральной человѣческой эмансипацiей. Одной изъ сторонъ политической эмансипаціи является уничтоженіе теологическаго характера государства. Государство становится свѣтскимъ. Это не значитъ, что *человѣчество* становится свѣтскимъ. Человѣкъ лишь частично эмансипируется отъ религіи: послѣдняя изъ общегосударственнаго дѣла дѣлается лишь *частнымъ* дѣломъ. Въ своемъ публичномъ правѣ человѣкъ становится атеистомъ, индифферентистомъ—дѣлая государство индифферентистомъ въ вопросахъ вѣры. Весь свой атеизмъ человѣкъ помѣщаетъ въ публичное право; этого атеизма оказывается недостаточно на что-нибудь большее; ибо человѣкъ, человѣчество не становится менѣе религіознымъ оттого, что оно религіозно privatim. Марксъ прибѣгаетъ при этомъ къ слѣдующей остроумной аналогіи. Человѣкъ, еще недостаточно поднявшійся надъ міромъ животныхъ, лучшую часть своей природы идаализируетъ и превращаетъ въ понятіе божественнаго. Этой лучшей части человѣческаго существа еще недостаточно, чтобы человѣкъ сталъ божествомъ для человѣка. Человѣкъ еще долженъ выдѣлить лучшую часть своей природы и высоко поднять надъ собой; только чрезъ посредство „божества“, а не непосредственно можетъ онъ доставить идеальному началу своей натуры торжество надъ низшей, животной. Такъ же точно и съ свѣтскимъ характеромъ государства. Лишь косвеннымъ, обходнымъ путемъ здѣсь человѣкъ достигаетъ торжества свѣтскаго начала надъ духовнымъ. Въ этомъ сказывается неполный характеръ этого торжества, неполный характеръ человѣческой эмансипаціи—освобожденіе ума человѣческаго отъ религіозныхъ узъ.

Въ частномъ вопросѣ о борьбѣ свѣтскаго начала съ религіознымъ мы подошли къ болѣе общему вопросу—объ ограниченности и неполнотѣ чисто-политической эмансипаціи, какъ таковой. Она основывается также сплошь на двойной бухгалтеріи. Это ярко выражается въ распаденіи всего права на право частное и право публичное. Человѣкъ, какъ обособленный, эгоистическій индивидуумъ, и человѣкъ, какъ родовое, общественное существо—вотъ основа этого дѣленія.

Съ одной стороны—политическая жизнь: это сфера общаго интереса, достигаемаго общими, совокупными, организованными усиліями всѣхъ. Съ другой стороны—жизнь гражданскаго общества: это сфера частнаго интереса, достигаемаго индивидуальными, разрозненными, сталкивающимися между собою усиліями каждаго. Человѣчество еще недостаточно поднялось надъ животнымъ міромъ борьбы за существованіе, чтобы создать міръ гармонизированной общественности. Всей лучшей общежительной стороны человѣческаго существа хватаетъ лишь настолько, чтобы косвеннымъ, обходнымъ путемъ доставить ей перевѣсъ надъ эгоистическимъ началомъ: область публичнаго права становится областью равенства; концентрированная общественная власть перестаетъ быть собственностью отдѣльнаго лица, деспотическаго повелителя; она становится сферой, изъ которой изгнаны всякія монополіи; всѣ становятся равны передъ закономъ. Но это лишь обходное и потому неполное торжество началъ равенства и общественной солидарности. Privatim человѣкъ остается тѣмъ же эгоистическимъ существомъ изъ міра борьбы за существованіе, privatim господствуетъ то же неравенство, то же присвоеніе создаваемыхъ общественностью силъ—напр., капитала—отдѣльными лицами. Начало „собственности“ изгоняется, въ извѣстномъ смыслѣ, изъ публичнаго права,—когда уничтожается цензъ, и не собственники дѣлаются законодателями надъ собственниками; но жизнь показываетъ, что отъ этого еще очень далеко до полной эмансипаціи отъ собственниковъ и отъ капитала вообще.

Марксъ анализируетъ, далѣе, знаменитыя „права человѣка и гражданина“ и усматриваетъ въ нихъ ту же двойную бухгалтерію. Она ярко выражается въ самомъ фактѣ распаденія правовой личности на „человѣка“ и „гражданина“. Гражданинъ citoyen, есть членъ политическаго общества, человѣкъ есть членъ гражданскаго, буржуазнаго общества (politische Gesellschaft—bürgerliche Gesellschaft). Права человѣка, въ отличіе отъ правъ гражданина, оказываются правами эгоистическаго индивидуума: здѣсь красуется, разумѣется, право собственности, которое, вмѣстѣ съ правомъ отправлять тотъ или другой религіозный культъ, оказывается „всеобщимъ и неотъемлемымъ человѣческимъ правомъ“; сюда относятся, далѣе, свобода и безопасность, опредѣляемыя деклараціей очень недвусмысленно, какъ права дѣйствовать подъ охраной государства въ сферѣ своихъ частныхъ буржуазныхъ интересовъ. Дальнѣйшимъ анализомъ

Марксъ показываетъ, что, по духу деклараціи, гражданинъ, citoyen, „der öffentliche Mensch“ подчиненъ „человѣку“, Privatmensch'у; политическая, публичная, общественная жизнь оказывается простымъ средствомъ, а цѣлью для нея является поддержаніе жизни „гражданскаго общества“. Естественное взаимное отношеніе ихъ, такимъ образомъ, „поставлено вверхъ ногами: цѣль сдѣлана средствомъ, а средство = цѣлью“. Только въ моменты крайняго напряженія политической жизни революціи мы видимъ попытки публичнаго права взять верхъ надъ частнымъ, „конституироваться въ дѣйствительную, цѣлостную, лишенную внутреннихъ противорѣчій родовую жизнь человѣка“. Эти попытки носятъ, однако, характеръ не органическаго сліянія двухъ этихъ сферъ, а чисто-механическаго подавленія одною изъ нихъ—другой: средствами являются принудительныя таксы, конфискаціи, установленіе максимума, преслѣдованіе религіи, наконецъ, гильотина. Это, однако, дѣлаетъ революцію перманентной, и заканчиваетъ ее столь же необходимо возстановленіемъ религіи, собственности и всѣхъ элементовъ современнаго „гражданскаго общества“, какъ необходимо всякая война кончается миромъ.

Органическое устраненіе противорѣчія между публичнымъ и частнымъ правомъ предполагаетъ критику этого противорѣчія въ самомъ его корнѣ. Должна быть устранена подстановка подъ понятіе *человѣка* болѣе узкаго понятія—члена современнаго буржуазнаго общества; нужно понять, что человѣкъ есть существо родовое, общественное, а вовсе не представлять родовую жизнь человѣка, общественность, въ качествѣ внѣшнихъ рамокъ, ограничивающихъ какую то „первоначальную“ самостоятельность человѣка; истиннаго понятія человѣческой свободы, его развитія и торжества нужно искать въ соединеніи человѣка съ человѣкомъ, а не въ разобщеніи ихъ. Буржуазное понятіе о человѣкѣ, какъ какой то самодовлѣющей монадѣ, есть миѳъ, а человѣкъ, какъ существо общественное, есть реальность; между тѣмъ, для буржуазной философіи правъ человѣка соотношеніе рисуется въ обратномъ видѣ: человѣкъ, какъ гражданинъ, является какой то „абстрактной, искусственной“ или „аллегорической, моральной личностью“, тогда какъ членъ буржуазнаго общества является дѣйствительнымъ человѣкомъ; это—человѣкъ въ его ближайшемъ, чувственномъ, конкретномъ опредѣленіи. Человѣкъ въ его данномъ, исторически-преходящемъ видѣ противопоставляется человѣку въ динамиче-

скомъ понятіи этого слова, человѣку, какимъ онъ *становится*, какимъ онъ *вырабатывается* въ творческомъ процессѣ исторіи. Конкретный человѣкъ противопоставляется истинному человѣку, ограниченный „человѣкъ" буржуазнаго міра человѣку историческаго развитія (а, слѣдовательно, и человѣку будущаго). Политическая эмансипація есть неполная эмансипація, но все таки эмансипація, а, слѣдовательно, и прогрессъ. Въ ней признанъ не только конкретный, реальный человѣкъ, но и человѣкъ, какъ таковой, въ его истинномъ, родовомъ, исторически-развивающемся понятіи: одинъ— въ видѣ субъекта частнаго права, другой—въ видѣ субъекта публичнаго права. „Der wirkliche Mensch ist erst in der Gestalt des egoistischen Individuums, der wahre Mensch erst in der Gestalt des abstracten citoyen anerkannt".

Гражданское общество стараго времени—феодальное—въ противоположность современному, буржуазно капиталистическому, само имѣло „непосредственно-политическій характеръ". Элементы тогдашней гражданской жизни—собственность, семья, формы и пріемы труда—были подняты до степени элементовъ государственной жизни въ формѣ сословій, замкнутыхъ, регламентирующихъ корпорацій, публично-правовыхъ функцій феодальнаго землевладѣнія. Они опредѣляли и связывали политическими узами частную жизнь индивида съ жизнью государственнаго цѣлаго. Революція разбила всѣ эти узы и рамки. Тѣмъ самымъ она сбросила съ гражданскаго общества его политическій характеръ и разложила его на его простѣйшія составныя части. Феодальное *смѣшеніе* публичнаго права съ частнымъ было уничтожено, но на его мѣстѣ не поставлено никакихъ другихъ способовъ ихъ сочетанія. Революція расковала политическій духъ народа, скованный и разсѣянный по разнымъ закоулкамъ и тупикамъ феодальной системы; она сосредоточила политическую жизнь и конституировала ее, какъ особую сферу родового бытія, общенароднаго дѣла въ его идеальной независимости отъ конкретныхъ составныхъ частей гражданскаго общества. Но эта заключенная „идеализація" государства имѣла своею обратною стороной завершеніе матеріализма гражданскаго общества.

Практическій выводъ ясенъ. „Политическая эмансипація сводитъ человѣка съ одной стороны на члена гражданскаго общества, на эгоистическаго самодовлѣющаго индивидуума, а съ другой стороны на гражданина, на моральную личность. Но лишь тогда, когда дѣйствительный индивидуальный чело-

вѣкъ воспринимаетъ обратно въ себя абстрактнаго гражданина, сольется съ нимъ; когда онъ, въ качествѣ индивидуальнаго человѣка, въ своей эмпирической жизни, въ своей личной трудовой дѣятельности, въ своихъ частныхъ отношеніяхъ сдѣлается родовымъ существомъ; когда человѣкъ придетъ къ *пониманію* и къ *организаціи* своихъ собственныхъ силъ, какъ общественныхъ силъ; когда ему не будетъ нужды отдѣлять отъ себя общественной силы въ качествѣ висящей надъ нимъ политической силы,—только тогда завершится человѣческая эмансипація“ [1]).

Это, конечно, только общій абрисъ; въ немъ совершенно отсутствуютъ детали; но общіе контуры нанесены смѣлой и твердой рукой, рукой мастера, рукою геніальнаго мыслителя. И развѣ не въ этомъ направленіи развивалась вся соціалистическая теорія права? Развѣ, напр., Антонъ Менгеръ, видящій не только въ марксизмѣ, но и въ самомъ Марксѣ, одно сплошное игнорированіе правовой проблемы, въ своемъ ученіи о сліяніи публичнаго права съ частнымъ путемъ растворенія послѣдняго въ первомъ (или, если угодно, вростанія перваго во второе)—не идетъ тѣмъ самымъ путемъ, который указанъ приведенными разсужденіями Маркса? Да и только ли соціалистическія теоріи права слѣдуютъ этими путями? Возьмите основныя положенія хотя бы современныхъ „солидаристовъ“ французской юриспруденціи съ Дюги во главѣ: развѣ у нихъ, въ полинявшемъ видѣ, съ всевозможными благоразумными оговорками, не излагаются многія изъ этихъ самыхъ идей? Развѣ, вообще, ихъ позиція въ юриспруденціи не относится къ соціалистической теоріи права въ томъ же самомъ отношеніи, въ какомъ катедеръ-соціализмъ относился къ научному соціализму?

Вопросы теоріи и политики права представляютъ собою въ настоящее время особенно широкое поприще для работы соціалистической мысли. Это—самая неразработанная часть соціалистической теоріи. Насколько глубоки и плодотворны провозглашенные ею здѣсь основные принципы и начала, настолько же не вскрыты послѣдствія и примѣненія. О приведеніи всего въ одну цѣлостную, до конца разработанную систему и говорить нечего. Это, впрочемъ, и неудивительно. Идеологическое развитіе соціализма не можетъ слишкомъ далеко опережать его практическаго, жизненнаго развитія. Лишь въ той мѣрѣ, въ какой увеличивается вліяніе соціа-

---

[1]) „Aus dem literarischen Nachlass“, B. I, ss. 406–424.

лизма на ходъ законодательства, соціалистическія требованія получаютъ все болѣе и болѣе отчетливую юридическую формулировку. Развитіе правовой теоріи и конкретнаго, жизненнаго правового творчества взаимно другъ друга обусловливаютъ, представляются двумя сторонами одного и того же процесса. Неудивительно поэтому и то, что въ Россіи соціализмъ не далъ въ области права столько, сколько могъ и хотѣлъ.

Два основныхъ теченія намѣчаются въ развитіи современной соціалистической мысли, работающей надъ правовыми проблемами. Типичнѣйшимъ представителемъ одного является Антонъ Менгеръ. Онъ—строго-эволюціонно, прежде всего ищетъ путей для мирнаго проникновенія началъ соціалистическаго права въ современное законодательство. Дѣятельность центральной власти, соціальныя реформы—вотъ что служитъ преимущественнымъ матеріаломъ для его обобщеній. Въ лицѣ Жореса (см. его серію статей „О частной собственности"), это направленіе стремится доказать, что „корни коммунизма имѣются уже въ буржуазномъ революціонномъ правѣ, уже въ „деклараціи правъ", и порою такъ далеко заходитъ въ этихъ стараніяхъ, что само чувствуетъ потребность оговориться и устранить такое пониманіе своей аргументаціи, при которомъ возникаетъ ребяческое представленіе, будто „соціалистическое право выльется путемъ толкованія и эволюціи изъ текстовъ буржуазнаго права" [1]). Устами Антона Менгера это направленіе видитъ едва ли не главный смыслъ юридической формулировки требованій соціализма въ томъ, что только благодаря ей „государственные люди смогутъ понять, насколько дѣйствующее право должно быть реформировано въ интересахъ страдающихъ народныхъ массъ" [2]). И вотъ почему, несмотря на всѣ крупныя заслуги этого направленія въ дѣлѣ разработки съ соціалистической точки зрѣнія цѣлаго ряда правовыхъ проблемъ, оно не пользуется въ соціалистическомъ мірѣ—особенно же въ рабочемъ мірѣ—той популярностью, которой оно заслуживаетъ и которую оно завоевало бы себѣ при большей смѣлости мысли и свободѣ отъ тенденціозно-реформистскихъ симпатій. Вотъ почему отъ него въ революціонно-соціалистическомъ мірѣ нерѣдко съ пренебреженіемъ отмахиваются, какъ отъ „чиновничьяго" или „бюрократическаго соціализма".

---

[1]) Ж. Жоресъ. „Очерки соціализма", СПБ. 1906, стр. 166.
[2]) См. предисловіе къ „Праву на полный продуктъ труда".

Другое теченіе, не чуждое противоположной крайности, представлено преимущественно теоретиками „революціоннаго синдикализма“. Его слабымъ пунктомъ является какъ разъ та сторона, которая лучше всего разработана Менгеромъ и его школой: законодательно-централистическая. За то это направленіе, въ противовѣсъ ей, выдвигаетъ чрезвычайно важные элементы творчества новаго права снизу, въ учрежденіяхъ, которыя нынѣ являются частно-правовыми учрежденіями пролетаріата, но которымъ суждено въ будущемъ сдѣлаться институтами публичнаго права и органически врости въ общую правовую систему грядущаго общества. Синдикаты, коопераціи, ассоціаціи всякаго рода, служащіе ареной классовой жизни и борьбы пролетаріата—вотъ та среда, въ которой органически выростаютъ зародыши новаго права, превращающіе эти учрежденія въ ячеичныя формы будущаго. Въ этомъ смыслѣ говоритъ Сорель, что „рабочій синдикатъ — это соціализмъ въ миніатюрѣ“. Статуты этихъ рабочихъ организацій—замѣчаетъ Сержіо Панунціо—заключаютъ въ себѣ, напр., множество весьма разнообразныхъ и спеціальныхъ формъ *воздѣйствія* коллективности на личность, изъ которыхъ онъ ждетъ развитія „соціальныхъ санкцій“ грядущаго строя, одновременно болѣе мягкихъ, эластичныхъ, гуманныхъ, но и болѣе дѣйствительныхъ, чѣмъ механическія, внѣшнія санкціи „уложеній о наказаніяхъ“ буржуазныхъ государствъ. Пролетарское понятіе о правѣ растетъ на почвѣ общности труда и интересовъ; оно проникнуто насквозь принципами *солидарности,*—но это не та, расплывчатая профессорская идея „солидарности“, которая объединяетъ разношерстную школу „солидаризма“; нѣтъ, это самая реальная, конкретная, положительная солидарность, со своими обычно-правовыми понятіями о чести, достоинствѣ, равенствѣ и правѣ; она является дѣтищемъ трудовой жизни и борьбы. „Генетическій и конструктивный процессъ“ выработки новаго права происходитъ прежде всего и болѣе всего въ синдикатѣ, учрежденіи „динамическомъ по преимуществу“ [1]). Изъ федералистическаго строя синдикатовъ талантливый юристъ, Максимъ Леруа, выводитъ основныя черты государственнаго строя будущаго, причемъ его построенія въ этомъ пунктѣ неожиданно встрѣчаются съ выводами Эдуарда Берн-

---

[1]) См. Панунціо, „Critique du socialisme juridique“, Mouv. Socialiste, 1906, № 172 и 173; G. Sorel, „L'avenir socialiste des syndicats“. Lagardelle „Le droit syndical“ etc.

штейна о будущемъ отмираніи буржуазнаго парламентаризма [1]).

Такой ходъ мыслей приводитъ данное теченіе соціалистической мысли къ чрезвычайно внимательному отношенію къ обычному праву вообще. „Нѣтъ ничего болѣе глубокаго въ соціальной наукѣ—говоритъ самый видный теоретикъ синдикализма, Г. Сорель—какъ изученіе этого народнаго правового сознанія; оно сохраняется съ упорствомъ поистинѣ замѣчательнымъ тогда, когда обстоятельства, его породившія, уже исчезли; оно лишь въ концѣ своего развитія пріобрѣтаетъ то, что для наблюдателя представляется въ немъ наиболѣе характернымъ“. Но еще болѣе интересны для насъ другіе выводы того же автора. „Ясно,—говоритъ онъ—что эта сила въ не одинаковой мѣрѣ присуща разнымъ классамъ; правовое сознаніе *тѣмъ болѣе сильно, чѣмъ больше жизнь человѣка сконцентрирована вокругъ труда*“. Мы уже видѣли это на примѣрѣ рожденія новаго правосознанія и права въ пролетарскихъ синдикатахъ; но затѣмъ „это правосознаніе очень сильно въ деревнѣ“, и многія правовыя понятія, зарождающіяся въ пролетаріатѣ „приводятъ насъ прямымъ путемъ къ крестьянскому міровоззрѣнію“ [2]). Какого еще болѣе разительнаго совпаденія нужно между русскими писателями, писавшими о трудовомъ началѣ въ крестьянскомъ обычномъ правѣ, и заграничными теоретиками трудового правосознанія пролетаріата?

И будетъ большою ошибкою думать, будто такое отношеніе къ обычному праву совершенно исключается духомъ ученія Маркса. Прочтите статью Маркса „Debatten über Holzdiebstahls gesetz“ изъ „Rheinische Zeitung“. Что противопоставляетъ онъ юнкерскому ультра-классовому законопроэкту, какъ двѣ капли воды похожему на произведенія юридическаго генія нашихъ помѣщиковъ? Что говоритъ онъ этимъ самодовольнымъ „практикамъ“? „Мы, непрактичные люди—говоритъ онъ—въ защиту бѣдныхъ, политически и соціально неимущихъ массъ выдвигаемъ то, въ чемъ ученое и податливое прислужничество такъ называемой историче-

---

[1]) См. главу „L'Etat future“ въ его книгѣ „Les transformations de la puissance publique“, Paris 1907, pp. 269—286. См. у Бернштейна въ сборн. „Задачи соціалистической культуры“, (СПБ. 1907), ст. Парламентаризмъ и соціальдемократія“, стр. 251—252.

[2]) Жоржъ Сорель, „Введеніе въ изученіе современнаго хозяйства“, Москва. 1908 г. См. главу „Сельское хозяйство и право“, стр. 46, 47, 59 etc.

ской школы открыло настоящій философскій камень, чтобы превращать всякое неясное притязаніе въ чистое золото права. Мы въ пользу бѣдноты апеллируемъ къ *обычному праву*, и притомъ не какому-нибудь локальному, но такому обычному праву, которое во всѣхъ странахъ является обычнымъ правомъ бѣдноты. Мы идемъ еще дальше и утверждаемъ, что обычное право по природѣ своей только и можетъ быть правомъ этихъ низшихъ, неимущихъ, простыхъ народныхъ массъ". Обычное право имѣетъ смыслъ лишь какъ антиципація законодательнаго права; но о какомъ же обычномъ правѣ господствующихъ классовъ можно говорить, когда самъ законъ является антиципаціей всѣхъ ихъ правовыхъ вожделѣній, какъ бы они ни противорѣчили элементарному человѣческому правовому чувству. „Но если эти обычныя права благородныхъ классовъ суть обычаи, противорѣчащіе понятію разумнаго права, то обычныя права бѣдноты суть права противъ обычныхъ формъ положительнаго права. Содержаніе ихъ идетъ не противъ формъ закона, а скорѣе противъ своей собственной безформенности. Форма закона не противоположна имъ, а только еще не достигнута ими". „Всѣ обычныя права бѣдноты базировали на томъ, что извѣстный видъ собственности носилъ колеблющійся характеръ, благодаря которому онъ не былъ отмѣченъ рѣшительной печатью частной собственности, хотя не былъ отмѣченъ и рѣшительной печатью собственности общественной, представляя, какъ это встрѣчается во всѣхъ учрежденіяхъ средневѣковаго происхожденія, смѣшеніе частнаго права съ публичнымъ правомъ". Обычное право неимущихъ классовъ „съ вѣрнымъ инстинктомъ умѣло пройти къ собственности съ ея неопредѣленной, нерѣшительной стороны". Какъ видно изъ всего этого, „въ обычныхъ воззрѣніяхъ неимущаго класса живетъ инстинктивное чувство права, которое въ корнѣ своемъ надо признать позитивнымъ и законнымъ"... [1]). Вотъ каковы идеи *Маркса* о правѣ,—идеи, о которыя, я боюсь, ни разу даже не спотыкалась идущая *мимо ихъ* мысль *марксистовъ*...

Русская общественная мысль не ограничилась тѣмъ общимъ признаніемъ, которое мы находимъ у Маркса. Она, въ духѣ этого признанія, съ факеломъ своего идеала спустилась въ глубины народнаго правосознанія и попыталась

---

[1]) „Aus dem literarischen Nachlass", B. I, ss. 286. 288, 289, 290, 291.

найти въ немъ элементы, допускающіе развитіе въ духѣ соціализма. Что для этого избранъ былъ настоящій, единственно-истинный путь,—показала исторія. Только этимъ и объясняется тотъ загадочный для авторовъ „Вѣхъ“ фактъ, что—несмотря на предполагаемую ими мистическую рознь между народомъ и интеллигенціей—„прививка политическаго радикализма интеллигентскихъ идей къ соціальному радикализму народныхъ инстинктовъ совершилась съ ошеломляющей быстротой“ (П. Струве).

VII. Правовые идеалы.

Намъ осталось объ очень немногомъ поговорить по поводу „защиты права“ г. Кистяковскимъ. Это немногое относится къ нѣкоторымъ наиболѣе общимъ положеніямъ философіи права. И прежде всего—къ вопросу о „личности въ правѣ“.

Г. Кистяковскій признаетъ, что „личность“ играла всегда огромную роль въ идеологіи русской интеллигенціи. Смѣну эпохъ въ исторіи ея развитія можно, пожалуй, даже отмѣчать смѣной разныхъ формулъ, касающихся личности: сознательной, критически мыслящей, всесторонне развитой, самосовершенствующейся, этической, религіозной, революціонной личности. Съ другой стороны—противоположныя теченія, объявляющія личность quantité négligéable и выдвигающихъ соборную личность. Наконецъ, ницшеанство, штирнеріанство и анархизмъ выдвигаютъ новые лозунги—самодовлѣющей личности, эгоистической личности и сверхличности. „Трудно найти болѣе разностороннюю и богатую разработку идеала личности, и можно было бы думать, что по крайней мѣрѣ она является исчерпывающей. Но именно тутъ мы констатируемъ величайшій пробѣлъ, такъ какъ наше общественное сознаніе никогда не выдвигало идеала *правовой личности*“.

Если бы г. Кистяковскій правильно констатировалъ этотъ фактъ, то позиція, занятая имъ противъ русской интеллигенціи, была бы неуязвима. Но фактъ констатированъ имъ неправильно, и это нетрудно доказать.

Если въ центрѣ всей своей соціологической системы Н. К. Михайловскій ставилъ личность, то уже a priori ясно, что личности должно было принадлежать то же центральное мѣсто и въ системѣ его правовыхъ воззрѣній. Такъ и было на самомъ дѣлѣ. Изъ современныхъ ему правовыхъ теорій для

него ближе всего оказалась та, въ которой ярче всего проявилась идея примата „правовой личности". Это была теорія Дюринга. Далеко не будучи дюрингіанцемъ, Михайловскій находилъ, что теорія эта у Дюринга „стоитъ на довольно шаткомъ основаніи", но въ то же время онъ считалъ ее разработанной достаточно разносторонне и послѣдовательно, такъ что „подъ нее можно подвести и другой, болѣе прочный фундаментъ, не колебля самой постройки". Такимъ фундаментомъ онъ считалъ свою теорію борьбы за индивидуальность.

„Права человѣка—говоритъ Михайловскій вмѣстѣ съ Дюрингомъ—существуютъ и всегда будутъ существовать не милостью какой-нибудь общественной формы, а, напротивъ, формы эти должны основываться на правахъ человѣка. Личность есть единственный исходный пунктъ и цѣль всякаго права; общественныя формы изъ нея исходятъ и къ ней же опять примыкаютъ. Всякій союзъ лишь постольку живетъ истинною жизнью, поскольку въ немъ выразилась свободная воля отдѣльныхъ личностей. Поэтому и право способно къ жизни въ той мѣрѣ, въ какой имъ приняты въ соображеніе основныя влеченія индивидуальной человѣческой природы". Съ этой точки зрѣнія подвергается критикѣ теорія суверенитета Руссо, „схоронившаго волю личности въ верховной власти народа". Нравственная роль большинства велика, такъ какъ въ немъ различныя уклоненія взаимно сокращаются, вслѣдствіе чего можетъ возникнуть рѣшеніе болѣе вѣрное и безпристрастное, чѣмъ какое доступно одному индивиду; но „большинство такъ же мало имѣетъ правъ посягать на интересы и достоинство личности, какъ и любой отдѣльный человѣкъ"... Дѣло сводится, слѣдовательно, къ свободному союзу для взаимной охраны неприкосновенности личности. Въ основу такого союза должна лечь „die Individualsouveränität". Исторія, съ этой точки зрѣнія, открываетъ, черезъ рядъ этаповъ, величественныя перспективы: „Вполнѣ мыслимо, что нравственно усовершенствованная личность будетъ нѣкогда существовать безъ особенныхъ охранительныхъ союзовъ, и держаться только того чисто-положительнаго вида сообщества, которое по техническимъ основаніямъ необходимо для производительной дѣятельности" [1]).

Какъ видите, „гармонически развитая личность" Н. К. Михайловскаго была въ то же время „правовою личностью", „еди-

---

[1]) Сочиненія Н. К. Михайловскаго, т. III, стр. 244—245, 264 и 247.

ственнымъ исходнымъ пунктомъ и цѣлью всякаго права“. Я понимаю, что отъ г. Кистяковскаго совершенно ускользнула эта сторона воззрѣній Н. К. Михайловскаго, и что онъ совершенно bona fide писалъ, будто наше общественное сознаніе „никогда не выдвигало идеала правовой личности“. Но незнаніе—не аргументъ [1]).

Цитированное нами мѣсто изъ Михайловскаго можетъ, однако, возбудить одно весьма существенное недоумѣніе. Суверенитетъ и приматъ „личности въ правѣ“ въ немъ такъ подчеркнуты, неотъемлемость „правъ человѣка“ въ немъ такъ рѣшительно провозглашена, что возникаетъ вопросъ: да ужъ нѣтъ ли тутъ простого возвращенія къ столько разъ отвергнутой и похороненной доктринѣ „естественнаго права“? По этому вопросу необходимо объясниться.

Мы не станемъ при этомъ ссылаться на ту школу, которая выступила въ русской литературѣ съ идеей „возро-

---

[1]) Я лишенъ здѣсь возможности распространиться вообще о правовыхъ воззрѣніяхъ Н. К. Михайловскаго. Но одного пункта я не могу оставить. Г. Кистяковскій, на основаніи двухъ цитатъ, попытался представить Н. К. Михайловскаго аполитикомъ, равнодушнымъ къ правамъ личности. Только въ одной—самой старой—изъ этихъ цитатъ можно, дѣйствительно, замѣтить нѣкоторое вліяніе аполитическихъ настроеній 70-хъ годовъ, да и то въ условной формулировкѣ, вырывающей у нихъ аполитическое жало. Другая цитата есть сплошное недоразумѣніе: въ ней Михайловскій, говоря о прошлыхъ аполитическихъ увлеченіяхъ русской интеллигенціи и ликвидируя ихъ, употребляетъ риторическій оборотъ „мы думали“, „мы доходили до того“ и т. д. Я очень радъ, что для устраненія этого недоразумѣнія могу сослаться на свидѣтельство совершенно незаинтересованнаго въ данномъ случаѣ лица—М. М. Ковалевскаго. Одобряя въ общемъ ст. г. Кистяковскаго, онъ говоритъ, что въ ней „нашелъ, къ сожалѣнію, и незаслуженный навѣтъ на человѣка, съ которымъ я не разъ расходился во взглядахъ, что, можетъ быть, и побуждаетъ меня воздать ему должное послѣ смерти. Я разумѣю, Н. К. Михайловскаго; насъ раздѣляло многое и прежде всего рекомендуемый имъ субъективный методъ при изученіи общественныхъ явленій, методъ, осужденный еще Спинозою, сказавшимъ „не плакать, не смѣяться, но понимать“. Но ни сторонникамъ, ни научнымъ противникамъ Михайловскаго никогда не приходило въ голову заподозрѣвать, что онъ не стремился надѣлить русскихъ гражданъ свободою. Правда, *въ семидесятыхъ годахъ* зародилось ученіе предпочитавшее *равенство въ безправіи неравенству въ правахъ*. Но кому неизвѣстно, что оно связано съ именемъ Юзова *и съ самаго начала встрѣтило въ Михайловскомъ рѣшительный отпоръ*. Мнѣ хорошо памятна его горячая рѣчь въ домѣ писателя Златовратскаго *противъ тѣхъ, кто готовъ былъ жертвовать интересами личной автономіи и свободой самоопредѣленія общества*“. (Запросы Жизни, № 1, стр. 8).

жденія естественнаго права“ (см. Leo von Petrazycki, Die Lehre von Einkommen“, B. II. Anhang „Civilpolitik und politsche Oekonomie“). Г. Кистяковскій не совсѣмъ неправъ, когда говоритъ: „Ничто до сихъ поръ не даетъ основанія предположить, что онѣ будутъ имѣть широкое общественное значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ у этихъ идей тотъ внѣшній обликъ, та опредѣленная формула, которые обыкновенно придаютъ идеямъ эластичность и помогаютъ ихъ распространенію? Гдѣ та книга, которая была бы способна пробудить при посредствѣ этихъ идей правосознаніе нашей интеллигенціи?“ Г. Петражицкій, конечно, очень обстоятельно и хорошо доказываетъ, что „существующую систему юридическихъ наукъ, посвященную историческому и практическо-догматическому изученію дѣйствующаго положительнаго права, желательно и необходимо пополнить построеніемъ науки политики права (законодательной политики), какъ особой дисциплины, служащей прогрессу и усовершенствованію существующаго правопорядка путемъ научной, методической и систематической разработки соотвѣтственныхъ проблемъ“ [1]). Идея эта, въ нѣмецкой литературѣ особенно настойчиво защищаемая Штаммлеромъ („Die Lehre von dem richtigen Rechte“), несомнѣнно, имѣетъ научную будущность. Но промежуточный характеръ той политической позиціи, которую занимаетъ г. Петражицкій—правое крыло к.-д. партіи—его полное непониманіе самыхъ острыхъ, роковыхъ вопросовъ современной Россіи, блестяще имъ обнаруженное въ дебатахъ объ аграрной реформѣ въ первой Думѣ, вырываютъ у его теоріи всякое боевое соціально-политическое жало.

Работы другого неутомимаго защитника идеи возрожденія естественнаго права, проф. Новгородцева, какъ, напр., его послѣдній трудъ о „Кризисѣ современнаго правосознанія“, вполнѣ подходятъ подъ то опредѣленіе, которое мы дали выше французской школѣ „солидаристовъ“, къ которымъ онъ и примыкаетъ въ своихъ практическихъ выводахъ, исходя изъ отличныхъ теоретическихъ посылокъ. Если бы наряду съ ними тѣ же идеи, но въ рѣшительной, боевой формѣ, со смѣлыми практическими заключеніями и рѣшительнымъ вызовомъ дѣйствующему праву, развивали люди иного склада и направленія, то г.г. Новгородцевы могли бы оказать этимъ идеямъ ту же услугу, которую „соціалисты каѳедры“ оказывали иде-

[1]) Л. Петражицкій. „Введеніе въ изученіе права и нравственности“, СПБ. 1905 г., вып. I, стр. V.

ямъ научнаго соціализма. Они были бы проводниками этихъ идей въ научный міръ, они обставляли бы ихъ тяжелымъ балластомъ профессорской эрудиціи и тутъ же ослабляли ихъ боевой характеръ настолько, чтобы примирить съ ними тѣхъ, кто не видитъ возможности ихъ побѣдить. Предоставленныя же самимъ себѣ, идеи гг. Петражицкаго и Новгородцева совершаютъ свой путь по научнымъ журналамъ и кабинетамъ, дѣйствительно, безъ большого значенія и вліянія на ходъ общественной жизни и ростъ общественнаго сознанія.

Для насъ здѣсь гораздо важнѣе сослаться на такой авторитетъ въ области правовѣдѣнія, какъ Г. Еллинекъ. Онъ указываетъ, что критики естественнаго права, отвергая его, какъ миѳъ, не объяснили и не поняли причинъ его живучести: не оцѣнили того, что невозможно устранить изъ конкретной исторіи творчества права „критику положительныхъ правовыхъ отношеній съ точки зрѣнія какой-либо долженствующей быть достигнутой цѣли“. „Представленіе о правѣ de lege ferenda, безъ сомнѣнія, на вѣки останется могучимъ факторомъ въ процессѣ правообразованія“. „Съ измѣненіемъ соціальныхъ отношеній измѣняется и цѣнность, признаваемая за дѣйствующими въ данное время нормами. Общество непрерывно движется и преобразуется, и къ этому процессу измѣненія привлекается и нормативный элементъ“. Въ моменты, когда этотъ процессъ достигаетъ высшей степени интенсивности, „дѣйствующему праву противополагается другое, высшее право,—право, призванное осуществлять новыя притязанія, борющіяся за свое признаніе. *Не случайно то, что всѣ революціи новѣйшаго времени происходили подъ знаменемъ естественнаго права.* Естественное право въ существѣ есть ничто иное, какъ совокупность требованій, предъявляемыхъ измѣнившимся съ теченіемъ времени обществомъ *или отдѣльными его классами* къ правотворческимъ силамъ“ [1]).

Неудивительно, что въ настоящее время носителемъ идеи новаго права является рабочій классъ и его теоретическій представитель—соціализмъ. „Право на достойное человѣка существованіе, право на трудъ, право на весь продуктъ труда—все это постулаты соціалистическаго естественнаго права. И для убѣжденнаго соціалиста его „экономическія основныя права“ (выраженіе Менгера) служатъ такимъ же критеріемъ для оцѣнки истинной правомѣрности существующаго порядка, какимъ для французскаго радикала прошлаго столѣтія былъ

---

[1]) „Право совр. государства“, стр. 226.

его contrat social“ [1]). Иллюстраціей этого положенія Еллинека могутъ служить хотя бы приведенныя выше цитаты изъ Маркса, съ его различеніемъ между „положительнымъ правомъ“ и „разумнымъ правомъ“—„positives Recht“ и „vernünftiges Recht“ [2]).

Новое, „естественное“ право пролагаетъ себѣ путь въ исторіи сплошь и рядомъ *силою*. Иногда жизненность его, соотвѣтствіе его измѣнившимся обстоятельствамъ бываетъ такъ велико, что матеріальную силу въ значительной мѣрѣ замѣняетъ собою сила внутренней убѣдительности, покоряющая идейная и моральная сила. Въ томъ и другомъ случаѣ въ конечномъ счетѣ получается одинъ результатъ, формулируемый Еллинекомъ въ одной фразѣ: „если, вообще, какъ указано выше, фактъ порождаетъ право, то въ этихъ случаяхъ, напротивъ, *представленіе о правѣ порождаетъ фактъ*“ [3]).

Обратимся, наконецъ, въ русской литературѣ къ такому представителю строго-реалистической школы, какъ Ю. Гамбаровъ. И онъ чуждъ фетишизма положительнаго закона; и онъ признаетъ, что „сами законы должны опредѣляться высшими началами, безъ отношенія къ которымъ они стали бы не болѣе, чѣмъ предшествующее имъ состояніе беззаконія. Установленіе, оцѣнка и предложеніе этихъ высшихъ нормъ, стоящихъ надъ всѣми отдѣльными законами и находящихъ свое полнѣйшее выраженіе въ понятіи справедливости, составляетъ проблему философіи права, которая должна разрѣшать ее, однако, не въ смыслѣ вѣчныхъ и непреложныхъ началъ, вложенныхъ природой въ человѣка,—какъ это проповѣдывалось старой и проповѣдуется живущей и до сихъ поръ школой „естественнаго права“,—а въ смыслѣ культурныхъ идеаловъ времени, обусловленныхъ всей совокупностью данныхъ общественныхъ условій. Несостоятельность приписыванія праву свойствъ „вѣчности, неизмѣнности и всеобщности“, *не говоритъ ничего противъ естественнаго права*, въ смыслѣ нерегулированныхъ положительнымъ законодательствомъ *индивидуальныхъ правъ личности* и идеальныхъ нормъ—*съ измѣнчивымъ содержаніемъ*, наполняемымъ идеями каждой данной исторической эпохи“. Гамбаровъ идетъ даже еще дальше, и говоритъ про такое „естественное право, которое противополагается положительному и служитъ для послѣдняго иде-

---

[1]) Ibid., стр. 229.

[2]) „Aus dem lit. Nachl.“, I. 288. „Das vernünftige Recht“ Маркса невольно заставляетъ вспомнить „das richtige Recht“ Штаммлера.

[3]) Ibid., стр. 226.

альной цѣлью и мѣриломъ оцѣнки", что никакое здоровое правотворчество „не можетъ быть свободно отъ вліянія указываемыхъ такимъ естественнымъ правомъ культурныхъ идеаловъ" [1]).

Можно многое возразить противъ употребленія въ этомъ новомъ смыслѣ термина „естественное право", съ которымъ соединено столько привычныхъ ассоціацій идей и который можетъ вести къ самымъ нежелательнымъ смѣшеніямъ и недоразумѣніямъ. Но, если ужъ употреблять этотъ сбивчивый терминъ для обозначенія того, что мы предпочли бы назвать, вслѣдъ за Михайловскимъ, *субъективной точкой зрѣнія* или *точкой зрѣнія личности* въ правѣ, то нужно, по крайней мѣрѣ, точно опредѣлить всѣ глубокія принципіальныя отличія новой точки зрѣнія отъ теоріи „естественнаго права" въ собственномъ, старомъ смыслѣ этого слова.

Старая школа естественнаго права, *во-первыхъ*, брала личность, какъ самодовлѣющую монаду, по отношенію къ которой общество является какъ бы внѣшними рамками, ограничивающими ея „первоначальную" свободу. Новая точка зрѣнія, какъ указалъ уже Марксъ, должна брать личность за то, чѣмъ она является реально: „существомъ родовымъ", т. е. соціальнымъ, общественнымъ по преимуществу. Соотвѣтственно этому понятіе свободы будетъ не отрицательнымъ лишь, а положительнымъ понятіемъ; она вырабатывается въ соціальной средѣ и благодаря соціальной средѣ, а не „до" нея; она не позади, а впереди насъ или, говоря словами Михайловскаго, исторически „личность права свои почерпаетъ не изъ самой себя, а изъ коопераціи, изъ ассоціаціи". Эту же идею на всѣ лады нынѣ твердятъ и „солидаристы". Для нихъ, „въ дѣйствительности, человѣкъ рождается членомъ коллективнаго цѣлаго; онъ всегда жилъ въ обществѣ и не можетъ жить иначе, какъ въ обществѣ. Отправнымъ пунктомъ всякой доктрины объ основаніи права, несомнѣнно, долженъ быть естественный человѣкъ; но естественный человѣкъ не является изолированнымъ и свободнымъ существомъ философовъ XVIII вѣка; это—индивидъ, взятый въ узахъ соціальной солидарности" [2]).

Старая школа естественнаго права, *во-вторыхъ*, принимала „личность" за что-то разъ навсегда данное и неизмѣнное.

---

[1]) Ю. Гамбаровъ. „Право въ его основныхъ моментахъ", въ „Сборникѣ по общественно-юридическимъ наукамъ", СПБ. 1899, стр. 94—95.

[2]) Н. К. Михайловскій, сочиненія, т. III, стр. 39.

„Природа“ личности была для нея какимъ-то абсолютомъ. Отсюда и ея исканіе столь же абсолютной правовой формулы, воплощающей „вѣчную“ справедливость. Понятно, что на дѣлѣ въ рангъ абсолютной природы человѣка каждый разъ возводилась *конкретная*, исторически опредѣленная „природа“ человѣка данной страны, даннаго времени и часто— даннаго общественнаго слоя или класса. „Der wirkliche Mensch“—говоря уже цитированными словами К. Маркса, у нея превращался въ „der wahre Mensch“. Здѣсь-то и необходима поправка. Выставивъ верховный критерій человѣческой личности, въ качествѣ краеугольнаго камня не только своихъ правовыхъ, но и общесоціологическихъ воззрѣній, Н. К. Михайловскій замѣчаетъ, что „въ число нашихъ знаній о человѣкѣ входитъ и знаніе объ его измѣняемости. Ничто не мѣшаетъ намъ, принимая во вниманіе людей, каковы они въ дѣйствительности, ввести въ свои разсчеты и понятіе измѣняемости, роста человѣка“ [1]). Понятіе о личности, какъ исходномъ пунктѣ и цѣли права, должно быть понятіемъ *динамическимъ*. И потому „личность“ Михайловскаго не есть что-то неподвижное, кристаллизовавшееся: нѣтъ, это вѣчно эволюціонирущая, *всесторонне развивающаяся* личность. Отсюда и формулой основного права личности является динамическая формула: право на всестороннее развитіе, возможное при каждомъ данномъ уровнѣ культуры.

Наконецъ, *въ-третьихъ*,—какъ совершенно справедливо замѣчаетъ Петражицкій—„у школы естественнаго права не было въ распоряженіи системы научныхъ посылокъ и научнаго метода, необходимыхъ для достиженія научно-обоснованныхъ правно-политическихъ положеній, и даже не было сознанія, въ чемъ должны состоять эти посылки и каковъ долженъ быть методъ правно-политическаго мышленія“. Отсюда—метафизическій и догматическій характеръ ученія объ естественномъ правѣ. Въ противоположность этому современная „политика права“ стремится конституироваться въ особую нормативную дисциплину, „исходя изъ посылокъ, признанныхъ путемъ научнаго изслѣдованія пригоднымъ основаніемъ для рѣшенія правно-политическихъ проблемъ и примѣняя сознательно-научный методъ мышленія“ [2]). Она есть часть философіи права и самымъ непосредственнымъ образомъ связана съ общей динамическою соціологіею или теоріей прогресса и съ этикой, какъ нормативной дисциплиной.

---

[1]) Н. К. Михайловскій, сочиненія, т. III, стр. 147.
[2]) „Введеніе“ etc., стр. VI и VII.

„Не случайно то, что всѣ революціи новѣйшаго времени происходили подъ знаменемъ естественнаго права“. Перефразируя эти слова Еллинека, я скажу: не случайно то, что идея возстановленія естественнаго права въ новомъ теоретическомъ одѣяніи пробивается такъ часто въ русской литературѣ, какъ общей, такъ и спеціально-юридической. Виною этому—глубокій, внутренно-революціонный характеръ процесса развитія Россіи въ послѣднее время. Дѣйствующее право, окостенѣлое, неподатливое, встало въ самое рѣзкое противорѣчіе съ вновь развившимися условіями и силами. Это революціонное противорѣчіе такъ велико, что даже совершенно нереволюціонныхъ людей, какъ Новгородцевъ и Петражицкій, заставляетъ обращаться мыслью къ столь отличнымъ отъ дѣйствующаго права началамъ и принципамъ, что они образуютъ совершенно самостоятельное, оторванное отъ существующаго правопорядка цѣлое, т. е. невольно противополагаются ему въ качествѣ „естественнаго права“. Мы видѣли, что у такихъ представителей реалистической школы, какъ Ю. Гамбаровъ, неизбѣжная оппозиція ко всей дѣйствующей системѣ права порождаетъ тѣ же теоретическія послѣдствія. И если вся неустанная борьба проф. Новгородцева за его излюбленную идею похожа на работу Данаидъ, то вовсе не потому, что безнадежно дѣло самой этой идеи. Почему же? Стоитъ просмотрѣть трудъ его о „Кризисѣ современнаго правосознанія“, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ. Потому, что г. Новгородцевъ облекъ эту идею въ одежды безпочвеннаго сентиментальнаго идеализма, потому что у него нѣтъ ни малѣйшаго понятія о реальныхъ силахъ, движущихъ правомъ, потому, что оно замѣняется у него прекраснодушными фразами о „новомъ сознаніи, что правовыя учрежденія сами по себѣ не въ силахъ осуществить дѣйствительное преобразованіе общества и что они должны войти въ сочетаніе съ силами нравственными, чтобы достигнуть своей цѣли“, жалобами на то, что для такого преобразованія „люди не готовы“, „чувства, привитыя человѣку культурой, нуждаются въ новомъ расширеніи и подъемѣ“ и т. п. [1]).

Нѣтъ, не этотъ расплывчатый и прѣсный идеализмъ способенъ указывать пути нашему общественному сознанію. Только *строгій теоретическій реализмъ* можетъ найти дѣйствительный выходъ чувству *живого практическаго идеа-*

---

[1]) П. Новгородцевъ. „Кризисъ современнаго правосознанія“. Москва, 1909, стр. 381, 382, 387 etc.

лизма. А это опять возвращает насъ къ вопросу о правотворческихъ силахъ,—реальныхъ коллективныхъ силахъ, борющихся въ человѣческомъ общежитіи. Здѣсь сердцевина всѣхъ правовыхъ проблемъ, здѣсь ключъ, которымъ заводится сложный механизмъ права.

„Господствующая доктрина—признаетъ Еллинекъ—ограничивается указаніемъ на обычай и законъ, какъ источникъ права, снабжая въ лучшемъ случаѣ эти указанія нѣсколькими общими замѣчаніями, но не задумываясь вовсе надъ тѣмъ, какія силы опредѣляютъ направленіе этихъ источниковъ"... „Необходимо въ корнѣ выяснить существо правотворящихъ и потому предшествующихъ праву силъ", чтобы отвѣтить на „великій принципіальный вопросъ: какимъ образомъ не-право дѣлается правомъ". „Чего, дѣйствительно, недостаетъ современной наукѣ права и что не можетъ быть замѣнено простымъ констатированіемъ положительности всякаго права—это проникающаго вглубь изучаемаго явленія ученія о правотворящихъ силахъ" [1]).

Но—спросимъ мы—что же такое наука права *безъ* ученія о правотворящихъ силахъ и *безъ* ученія, дающаго оцѣнку правовыхъ системъ, оцѣнку, предполагающую научное построеніе правовыхъ идеаловъ? Она превращается въ мертвенную юриспруденцію, чисто техническую дисциплину, „готовую къ услугамъ" кого угодно и не дающая никакого отвѣта на „проклятые вопросы" жизни. Что же удивительнаго, если къ *такой* дисциплинѣ лучшая часть русской интеллигенціи относилась съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ, какъ къ ученой схоластикѣ? Что удивительнаго, если въ нашихъ патентованныхъ теоретикахъ права она видѣла вульгарныхъ апологетовъ безправія? И чего могла стоить въ ея глазахъ та мантія спеціальной эрудиціи, за которой скрывалась простая санкція неприглядной дѣйствительности?

Что въ такомъ отношеніи къ господствующей школѣ юриспруденціи не было большого преувеличенія, показываютъ многіе отзывы самихъ юристовъ—конечно, болѣе мыслящихъ изъ нихъ. Г. Петражицкій, напр., не спеціалистъ и менѣе всего революціонеръ. Ему, кромѣ того, дороги судьбы науки, являющейся его спеціальностью. И однако, онъ безъ всякихъ оговорокъ констатируетъ, что въ XIX столѣтіи произошелъ упадокъ государственныхъ наукъ: онѣ „оказались лишенными принципіальнаго и идеальнаго руко-

---

[1]) „Право совр. государства", стр. 230.

водства и частью занялись исторической и догматической микроскопіей, частью же впали въ поверхностно-утилитарное, „практическое" въ вульгарномъ смыслѣ этого слова направленіе, лишенное общихъ идей, принциповъ и идеаловъ. Особенно сильное развитіе эти болѣзненныя явленія получили въ правовѣдѣніи". Онъ идетъ даже еще дальше и утверждаетъ, что такое направленіе этихъ наукъ „отравляетъ и деморализуетъ общественную психику".

Безплодное практически, старое правовѣдѣніе—по мнѣнію Петражицкаго—безплодно и теорически. „Въ погонѣ за призраками и болѣе или менѣе остроумномъ продумываніи и конструированіи несуществующихъ вещей (съ помощью метафизическихъ, мистическихъ и т. п. гипотезъ, разныхъ неумышленныхъ натяжекъ или даже умышленнаго принятія несуществующаго за существующее, съ оправданіемъ, что безъ этого, безъ т. н. фикціи, нельзя рѣшить проблемы и т. п. средствъ) и состояли и состоятъ ученія юристовъ и философовъ о правѣ и его элементахъ, видахъ и т. д., причемъ съ теченіемъ времени эти ученія становятся не только все болѣе спорными, богатыми по количеству противоположныхъ утвержденій, но и все болѣе и болѣе темными, замысловатыми и противоестественными" [1]).

Отсюда ясно, что прежде выступленія „въ защиту права" отъ соціалистической интеллигенціи, слѣдовало бы закончить „защиту права" отъ правовѣдовъ.

VIII. Путь компромисса и путь „перерыва въ правѣ".

По мнѣнію г. Кистяковскаго „особеннаго вниманія съ соціологической точки зрѣнія" заслуживаетъ опредѣленіе права, данное Меркелемъ. „Всякій сколько-нибудь важный новоиздающійся законъ въ современномъ конституціонномъ государствѣ является *компромиссомъ*, выработаннымъ различными партіями, выражающими требованія тѣхъ соціальныхъ группъ или классовъ, представителями которыхъ они являются. Само современное государство основано на *компромиссъ*, и конституція каждаго отдѣльнаго государства есть *компромиссъ*, примиряющій различныя стремленія наиболѣе вліятельныхъ соціальныхъ группъ въ данномъ государствѣ". Ему кажется, что непониманіемъ этого положенія

---

[1]) Петражицкій. „Введеніе" etc., стр. VI и 4.

и грѣшили Михайловскій, Кавелинъ и др., когда въ своей непримиримой враждѣ къ дворянскому или буржуазному характеру конституціоннаго государства „не допускали его даже какъ *компромиссъ*“, тогда какъ „на *компромиссъ* съ конституціоннымъ государствомъ идутъ соціалисты всего міра“.

Я написалъ эту тираду, и мое вниманіе невольно остановилъ на себѣ тотъ фактъ, что въ ней склоняется по всѣмъ падежамъ одно и то же слово. Компромиссъ, компромисса, компромиссу, компромиссомъ, о компромиссѣ, о, компромиссъ! Менѣе всего склонны мы закрывать глаза на факты и отрицать значеніе компромисса въ общественной жизни. Но вѣдь для того, чтобы идти на компромиссъ, нужно, чтобы было съ кѣмъ на него идти. А та дворянская конституція, съ которою не шелъ на компромиссъ Кавелинъ или Герценъ, существовала только, какъ маленькій историческій фарсъ, въ фантазіи кучки помѣщиковъ, нарядившихся англійскими торіями. Подъ нею не было никакой реальной исторической основы во-первыхъ, а во-вторыхъ, мы видѣли, что сравненіе лидеровъ тогдашняго дворянства и quasi-демократической бюрократіи по меньшей мѣрѣ давало выводъ, что „хрѣнъ рѣдьки не слаще“. И, поистинѣ, нужна какая то любовь къ „компромиссу для компромисса“, чтобы и тутъ некстати припутывать Меркеля съ его теоріей компромисса. При томъ же одно дѣло констатировать значеніе компромисса въ общественной жизни и въ исторіи права, а другое дѣло—сдѣлать его принципомъ политики права. Для послѣдняго пришлось бы подумать о томъ, что слово „компромиссъ“ имѣетъ слишкомъ много значеній и что компромиссы бываютъ разные... Пришлось бы подвергнуть изученію и расцѣнкѣ разные виды компромиссовъ, а это работа большая и сложная. Можетъ быть, г. Кистяковскій ее сдѣлалъ, но пока мы объ этомъ ничего не знаемъ...

Какимъ образомъ не-право становится правомъ? — вотъ „великій принципіальный вопросъ“, который ставитъ Еллинекъ. „Посредствомъ компромисса“—повидимому, слѣдуетъ изъ приведенной тирады. Но это не отвѣтъ. Или, если отвѣтъ, то вродѣ того отвѣта, который былъ данъ на вопросъ: „за что такого-то повѣсили?“ — „за шею“. Самая возможность компромисса предполагаетъ созданіе нѣкоторой новой общественной силы, которая, сообразно условіямъ своего жизненнаго существованія, вырабатываетъ, первоначально въ собственной узкой средѣ, новыя формы взаимо-

отношеній между людьми, новое коллективное право и правосознаніе. Прежде, чѣмъ буржуазное право восторжествовало и разбило оковы феодализма, оно само должно было зародиться, расти и гнѣздиться, такъ сказать, въ порахъ феодальнаго строя. Такъ точно и разные виды коллективнаго трудового права зарождаются въ порахъ буржуазнаго государства. По мѣрѣ своего роста, эти зародыши новаго классоваго права начинаютъ выступать съ претензіей обобщиться въ публичное право, въ дѣйствующее право всего государства. Быть можетъ, они достигнутъ этого путемъ ряда мелкихъ компромиссовъ,—быть можетъ, послѣ остраго кризиса. Но этотъ рядъ компромиссовъ—только поверхностная рябь процесса, которую нужно отличать отъ глубокаго теченія. Новая крупная правотворческая сила должна думать не о компромиссѣ, а о томъ, чтобы раскрыть во всю величину свое правно-политическое содержаніе и доказать величину стоящей за нимъ силы. Компромиссъ придетъ, но онъ можетъ быть только *послѣдствіемъ* борьбы за всю широту этого содержанія, а не замѣной этой борьбы.

Понятіе компромисса взято, впрочемъ, г. Кистяковскимъ такъ широко, что результатъ всякой революціи, какъ и всякой контръ-революціи, можетъ быть названъ въ этомъ смыслѣ компромиссомъ наряду съ любой мелкой псевдо-реформаторской стряпней. Ужъ не для того ли это сдѣлано, чтобы подъ флагомъ копромисса въ широкомъ, универсальномъ смыслѣ этого слова провести политику компромиссовъ въ самомъ узенькомъ смыслѣ этого слова? На то похоже...

Въ самомъ дѣлѣ, въ вину русской интеллигенціи, напр., г. Кистяковскій ставитъ даже то, что она обнаруживала поразительное равнодушіе къ суду—гражданскому и уголовному. А между тѣмъ, по теоріи, судья можетъ высоко держать знамя права и даже творить новое право—но при условіи, чтобы ему помогало живое и активное правосознаніе народа. Да, оно такъ въ теоріи, оно такъ и въ нѣкоторыхъ, болѣе счастливыхъ странахъ. Но нашъ судъ... г. Кистяковскому не менѣе насъ извѣстно, какъ переводится на русскій языкъ „принципъ несмѣняемости судей". Независимаго суда у насъ не было и тѣни. Высшее судебное учрежденіе, Сенатъ, ярко иллюстрировало свою сущность знаменитой серіей своихъ „разъясненій", бывшихъ предтечами coup d'etat 3-го іюня,—попытками „государственнаго переворота въ розницу". Та часть интеллигенціи, отъ имени которой мы говоримъ, искала точки опоры въ народномъ трудовомъ правосознаніи, чтобы

опрокинуть дѣйствующее право. Дѣятельность нашего суда и ея дѣятельность находились въ двухъ разныхъ плоскостяхъ—всякое сотрудничество этимъ было почти исключено. Когда представители нашей интеллигенціи брали дѣятельность судовъ, какъ матеріалъ для теоретической разработки,—какъ это сдѣлалъ, напр., Н. К. Михайловскій въ своей статьѣ „Преступленіе и наказаніе (по поводу нашихъ уголовныхъ процессовъ)“, то они были чужды „безсмысленныхъ мечтаній“ практически повліять на судебную практику. Ихъ выводы носили гораздо болѣе теоретическій характеръ: критики самыхъ основъ криминалистики, доказательства на фактахъ, что число преступленій прямо пропорціонально количеству и остротѣ „соціальныхъ контрастовъ“ и т. п. Можетъ быть, это очень жаль, но... c'était la fatalité. Фактически же г. Кистяковскій, конечно, правъ. Работа русскихъ судовъ и работа русской интеллигенціи происходила въ двухъ разныхъ плоскостяхъ. И потому—увы! русская интеллигенція давала больше матеріала для вниманія судовъ (которые, надо полагать, поэтому и были замѣнены вскорѣ производствомъ въ административномъ порядкѣ), чѣмъ русскіе суды—матеріала для вниманія русской интеллигенціи... „Такъ было—такъ будетъ“... еще до нѣкотораго времени.

Но, не интересуясь настоящимъ судомъ, русская интеллигенція употребляетъ всуе слово „судъ“! Не грозилъ ли во второй думѣ одинъ изъ представителей крайней лѣвой врагамъ народа судомъ его, который „страшнѣе всѣхъ судовъ?“ О, ужасъ! О, крайнее оскорбленіе святости юридической терминологіи и судейской мантіи! Но на этомъ антиюридическія выходки интеллигенціи не останавливаются. Въ 1905 г. она не понимала даже, что „старое право не можетъ быть просто отмѣнено, такъ какъ отмѣна его имѣетъ силу только тогда, когда оно замѣняется новымъ правомъ“; и непониманіе этого „сказалось въ проведеніи явочнымъ путемъ свободы собраній“. Плехановъ выступалъ на II съѣздѣ Р. С. Д. Р. П. „съ проповѣдью относительно всѣхъ демократическихъ принциповъ, равносильной отрицанію сколько бы то ни было устойчиваго правового порядка и самаго конституціоннаго устройства“; онъ провозгласилъ, что „преступно было бы остановиться передъ временнымъ ограниченіемъ того или другого демократическаго принципа, если бы это потребовалось ради успѣха революціи“; что, напр., „революціонный пролетаріатъ могъ бы ограничить политическія права высшихъ классовъ, подобно тому, какъ высшіе классы когда-

то ограничивали его политическія права"; что, смотря по потребностямъ революціи, можно сдѣлать удачный парламентъ—долгимъ парламентомъ, а неудачный—разогнать вооруженной силой народа и т. п. И г. Кистяковскій негодуетъ противъ этой „прямо чудовищной идеи господства силы и захватной власти вмѣсто господства принциповъ права"...

Безъ всякихъ затушевываній и замалчиваній мы должны сказать, что въ рукахъ г. Кистяковскаго есть одинъ—только одинъ, зато крупный козырь: это рѣчь Плеханова. смѣшеніе понятій въ ней построено на красивомъ аргументѣ „salus revolutionis—suprema lex"; все прочее—относительно! Но вѣдь это жестокое недоразумѣніе. Вопросъ о революціи и вопросъ о правотворчествѣ, о законахъ революціи и законахъ правотворчества лежатъ въ двухъ совершенно разныхъ сферахъ. Смѣшивать ихъ нелѣпо, переносить принципы одной въ другую—еще нелѣпѣе. Революція есть *перерывъ* въ дѣйствіи права; она можетъ *оборвать* дѣйствіе одного правопорядка; изъ нея, на мѣсто стараго можетъ родиться новый правопорядокъ. A la guerre, comme à la guerre. Революція можетъ прекратить дѣйствіе всякаго избирательнаго и парламентскаго механизма: какія ужъ тутъ избирательныя урны, когда ставятся урны погребальныя! Революція можетъ прекратить дѣйствіе всякихъ судовъ—какіе тутъ суды, когда революція есть верховный судъ исторіи надъ отжившимъ строемъ, и въ то же время народный самосудъ надъ нимъ! Революція можетъ прекратить всякія гарантіи неприкосновенности личности—какая ужъ тутъ неприкосновенность, когда вопросъ рѣшается на баррикадахъ, на улицахъ, съ оружіемъ въ рукахъ, въ рядѣ возстаній и контръ-возстаній! Здѣсь все подчинено высшему закону войны; управляетъ не парламентъ, а временное правительство, которое, только упрочивъ побѣду надъ старымъ порядкомъ, кладетъ конецъ собственной революціонной диктатурѣ созывомъ Учредительнаго Собранія. Совсѣмъ другое дѣло, когда пойдетъ вопросъ *о новомъ правѣ*, родящемся *изъ* революціи. Если *сюда* приложить беззаботное отношеніе къ „демократическимъ принципамъ"; если сюда отнести „ограниченіе политическихъ правъ высшихъ классовъ" на подобіе прежняго „ограниченія политическихъ правъ пролетаріата" (вотъ уже, поистинѣ, необыкновенное открытіе: цензъ на изнанку, свидѣтельство о бѣдности, дающее право на вотумъ!); если сюда отнести безразличное отношеніе къ сроку, на который избирается парламентъ; если здѣсь признать, какъ заявлялъ Плехановъ,

что „гипотетически мыслимъ случай, когда мы, соціальдемократы, высказались бы противъ всеобщаго избирательнаго права“—то, конечно, получится нѣчто чудовищное. Съ Плехановымъ, поистинѣ, произошло роковое qui pro quo. Какъ это случилось? Очень просто. На соц.-дем. съѣздѣ шелъ вопросъ о политическихъ требованіяхъ соціальдемократіи, т. е. о постулатахъ выдвигаемаго ею новаго государственнаго права. Зашли споры о цѣнности нѣкоторыхъ изъ этихъ постулатовъ, и, очутившись въ невыгодной позиціи по нѣкоторымъ изъ спорныхъ вопросовъ, г. Плехановъ попробовалъ со своею обычной находчивостью, обезпечить себѣ почетный выходъ посредствомъ нѣкотораго tour de force. И вотъ онъ разомъ смѣшалъ всѣ карты, перекинувшись совершенно въ другую область, смѣшавъ то, что необходимо различать, провозгласивъ свое „suprema lex“ и упразднивъ всѣ споры о цѣнности тѣхъ или другихъ правовыхъ принциповъ. Конечно, если бы попробовать сдѣлать изъ этого смѣшенія всѣ логическіе выводы, то получилось бы правовое столпотвореніе Вавилонское. Но что же здѣсь характернаго для русской интеллигенціи? Поистинѣ, приключеніе съ Плехановымъ есть не болѣе, какъ его маленькая личная адвокатско-діалектическая неудача, „скверный анекдотъ“. Но это, говоря языкомъ П. Струве, „явленіе не соціальное, а персональное“.

Но г. Кистяковскій не замѣчаетъ, что самъ онъ дѣлаетъ ту же ошибку, что и Плехановъ—только въ противоположную сторону. Плехановъ думалъ въ области правотворчества распоряжаться съ однимъ только принципомъ, вынесеннымъ изъ совершенно другой области—изъ области пріостановокъ права и рѣшенія посредствомъ гражданской войны, кому быть правотворящей силой. А г. Кистяковскій съ мѣркою изъ области господства правовыхъ началъ подходитъ къ моментамъ пріостановки ихъ дѣйствія, гдѣ все рѣшается явочнымъ, захватнымъ порядкомъ, „народнымъ судомъ“ и т. п. Подходитъ—и ужасается, подходитъ—и изрекаетъ съ высотъ своего юридическаго Олимпа суровые приговоры...

Боюсь, что въ своей „защитѣ права“ г. Кистяковскій не только оставилъ оборонительную позицію и перешелъ въ наступательную, но и увлекся настолько, что перешелъ за границы права. И я позволю себѣ напомнить ему слова Еллинека, что „факты насильственныхъ государственныхъ переворотовъ, исходящихъ отъ носителей власти или подвластныхъ, *вообще не поддаются юридической квалификаціи,—въ противномъ случаѣ пришлось бы судить исто-*

рію примѣнительно къ статьямъ уголовнаго кодекса". „Возможность такого рода событій, находящихся совершенно *внѣ области права*, никогда не исключается поэтому фактомъ существованія законодательства, а даже при самомъ развитомъ правопорядкѣ возможны „пробѣлы въ конституціи", пополняемые въ конкретномъ случаѣ фактическимъ соотношеніемъ силъ". „Право никогда не бываетъ достаточно сильно, чтобы разрѣшать существенныя столкновенія силъ въ предѣлахъ самого государства". „Преисполненная вѣры въ мнимый догматъ законченности системы права, юриспруденція упускаетъ, по общему правилу, изъ виду, что исторія права есть въ то же время исторія переворотовъ въ правѣ и незаполненныхъ правовымъ содержаніемъ промежутковъ въ предѣлахъ отдѣльныхъ правопорядковъ и рядомъ съ ними"... [1]). Похоже, что г. Кистяковскій тоже не составляетъ исключенія изъ этого общаго правила, и недостаточно отошелъ отъ тѣхъ представителей юриспруденціи, которые являются истинными каррикатурами на Архимеда и негодуютъ, что вторженіе вооруженныхъ людей портитъ стройность и законченность ихъ чертежей; или отъ тѣхъ судей, которые, въ своемъ рвеніи спеціалистовъ юриспруденціи, готовы даже „судить исторію примѣнительно къ статьямъ уголовнаго кодекса".

Впрочемъ, не всегда—или лучше сказать, не ко всѣмъ— г.г. юристы бываютъ такъ немилостивы. Г. Маклаковъ, напримѣръ, въ статьѣ своей „Законность въ русской жизни" озабоченъ опроверженіемъ мнѣнія, будто послѣ закона 3-го іюня у насъ нѣтъ болѣе конституціи, „будто этимъ актомъ основные законы были отмѣнены, что ихъ болѣе нѣтъ". Г. Маклаковъ ограничиваетъ себя чисто-формальной стороною дѣла: „меня интересуетъ только юридическая сторона этого акта", говоритъ онъ. Оказывается, что опредѣлить ее нетрудно. Есть „одинъ институтъ, отрицать который было бы вполнѣ безполезно, ибо отъ нашего отрицанія онъ не исчезнетъ: это институтъ государственаго переворота. Вѣдь, государственный переворотъ имѣетъ тоже свои юридическіе признаки, свою юридическую природу". Вотъ въ чемъ эта природа: „актъ юридически неправильный, юридически ничтожный, благодаря политическимъ обстоятельствамъ, получаетъ признаніе, становится правомъ". Основные законы противорѣчатъ этому акту; но онъ тѣмъ не менѣе входитъ въ силу.

---

[1]) „Право совр. государ.", стр. 232—235.

Предсѣдатель совѣта министровъ мотивируетъ это ссылкой на... особаго рода „естественное право“ (откуда видно, что существуетъ не только революціонное, но и реакціонное естественное—точнѣе, супра-естественное—право): „Не мнѣ, конечно, защищать право Государя спасать въ минуту опасности ввѣренную ему Богомъ державу“. Отсюда—заключаетъ Маклаковъ—видно, что актъ 3-го іюня „юридически былъ признанъ тѣмъ, чѣмъ онъ былъ: государственнымъ переворотомъ“. А это и значитъ, что онъ самъ по себѣ, а основные законы сами по себѣ. „И поэтому конституція и послѣ него сохранила всю свою юридическую цѣльность“ [1]). Все хорошо, что хорошо кончается. Успокоительный выводъ г. Маклакова юридически безупреченъ.

Не менѣе юридически безупречно и такое замѣчаніе Еллинека. „Осуществленіе государственной власти узурпаторомъ тотчасъ же создаетъ новое правовое состояніе, такъ какъ здѣсь нѣтъ такой инстанціи, которая могла бы признать фактъ узурпаціи юридически ничтожнымъ“ [2]). Право здѣсь безсильно; въ его банкротствѣ сознается авторитетнѣйшій теоретикъ права. Но если это такъ, то кто же запретитъ намъ, профанамъ, искать въ такихъ случаяхъ другой—не правовой „инстанціи“? Правда, обращеніе къ ней предполагаетъ и „самосудъ“, и „явочный“, и „захватный“ порядокъ. Но, можетъ быть, принявъ во вниманіе предыдущее, господа присяжные жрецы храма юриспруденціи и приватъ-звонари этого храма будутъ къ намъ немного поснисходительнѣе? Или они скажутъ, что „quod licet Iovi, non licet bovi? bovi—т. е. народу, ибо онъ давно уже является воломъ, съ той лишь разницей отъ обыкновеннаго, что съ него полагается драть не только одну шкуру...

А вотъ и еще одинъ „казуистическій“ вопросъ юриспруденціи. Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ—„въ какой странѣ—разсчитывай, въ какомъ краю—угадывай“ — существуетъ конституція, „сохраняющая всю свою юридическую цѣльность“. Это значитъ, что цѣльность ея блестяще доказана рядомъ опытовъ надъ ней, произведенныхъ при помощи государственнаго переворота. Ея цѣльность пробовали въ розницу: разъясняли. Потомъ оптомъ: замѣняли. Пришло дѣло къ тому, что представительное учрежденіе, воплощающее „юридическую цѣльность“ консти-

---

[1]) В. Маклаковъ. „Законность въ русской жизни“, „Вѣстникъ Европы“, май 1909 г., стр. 260 и 262.

[2]) „Право совр. государ.“, стр. 223.

туціи, не рѣшается произнести этого слова, боясь, какъ бы цѣльное не разсыпалось. Юридическая природа этой конституціи или обновленнаго строя заключается въ его цѣльности, соціологическая же—въ способности легко разсыпаться. Лассаль, сводившій конституціи государствъ къ фактическимъ отношеніямъ силы, говаривалъ, что подобныя конституціи суть „листки бумаги“ не болѣе. Вѣдь и листки бумаги цѣльны... пока ихъ не разорвутъ.

Какъ относиться къ „листку бумаги“? Лассаль говорилъ: измѣнить фактическое отношеніе силъ въ странѣ—во первыхъ; доказать ощутительно и неопровержимо, что это измѣненіе состоялось—во вторыхъ; тогда все прочее приложится. Но можно отнестись къ нему и иначе. Можно вспомнить о Меркелѣ, просклонять во всѣхъ падежахъ слово „компромиссъ“ и пойти на компромиссъ... съ листкомъ бумаги, пока его не разорвутъ.

И мнѣ кажется, что вся бѣда г. Кистяковскаго заключается въ томъ, что онъ слишкомъ часто вспоминаетъ кстати и некстати Меркеля, занимается склоненіемъ слова „компромиссъ“ и забываетъ о словахъ Георга Еллинека: „исторія права есть въ то же время исторія переворотовъ въ правѣ“.

КЪ ВОПРОСУ О ВЫКУПѢ.

I.

Настоящія условія Россіи во многомъ приводятъ на память шестидесятые годы. Тогда нашей родинѣ предстояла ликвидація общественнаго порядка, базой котораго было рабство—крѣпостное рабство. Теперь наступила эпоха разсчета со строемъ, основаннымъ на рабствѣ политическомъ. Какъ тогда, такъ и теперь ликвидируемый строй настолько изжилъ себя, настолько прогнилъ насквозь, что внѣшняя война немедленно вывела наружу весь ужасъ, весь позоръ, всѣ бѣдствія, которые онъ уготовалъ странѣ, имѣвшей несчастіе терпѣть его такъ долго. Наконецъ, какъ тогда, какъ и теперь вопросъ политическій, правовой оказался неразрывно связаннымъ съ вопросомъ соціально-экономическимъ. Какъ тогда, такъ и теперь возникаетъ жгучій вопросъ объ экономической базѣ новаго, свободнаго общественнаго уклада. Какъ тогда, такъ и теперь дѣлается несомнѣннымъ, что въ отношеніяхъ собственности неминуемо должна произойти глубокая перетасовка. Какъ тогда, такъ и теперь наша существенно-земледѣльческая страна особенно выдвигаетъ на сцену вопросъ о *деревнѣ*—все тотъ же старый и вѣчно юный у насъ *крестьянскій вопросъ*.

Нѣтъ сомнѣнія, что рядомъ съ этими чертами сходства мы имѣемъ и множество чертъ отличія. Прежде всего, старая освободительная эпоха не могла быть ничѣмъ инымъ, какъ эпохой реформъ сверху, въ то время, какъ великая освободительная эпоха, въ которую мы теперь вступаемъ, имѣетъ всѣ шансы завершиться болѣе бурной, но и болѣе плодотворной революціей снизу.

Вокругъ этого основного отличія группируются всѣ остальныя—которыхъ не меньше, чѣмъ чертъ схожденія.

Вопросъ объ освобожденіи личности крестьянина стоялъ неразрывно съ вопросомъ объ освобожденіи крестьянской земли. Неудержимое стремленіе крестьянъ стать вольными, очевидно, не могло дольше оставаться безъ удовлетворенія. Взять въ свои руки дѣло этого удовлетворенія и совершить

его безъ ущерба, а если можно, то и съ выгодой для помѣщиковъ—таковъ былъ планъ болѣе благоразумныхъ представителей дирижирующихъ элементовъ общества. Вопреки непримиримой оппозиціи „дикихъ помѣщиковъ“, эта партія достаточно окрѣпла, и дѣло кончилось компромиссомъ. Въ этомъ домашнемъ спорѣ „реакціонеровъ“ съ „либералами“—или, какъ правильнѣе было бы сказать, крайнихъ реакціонеровъ съ умѣренными и осторожными консерваторами—послѣдней инстанціей оказывался слабовольный императоръ, въ которомъ, какъ въ центральномъ узлѣ, сплетались всѣ нити вліяній, интригъ, колеблющихся и соперничающихъ теченій. Правда, съ другой стороны, небольшая, самоотверженная кучка людей тогдашней „Земли и Воли“, Серно-Соловьевичъ, Мих. Михайловъ, Шелгуновъ, Н. Г. Чернышевскій—пытались было найти иную высшую апелляціонную инстанцію—народъ. Но народъ—этотъ вѣчный сфинксъ русской исторіи—„народъ безмолвствовалъ“.

Что крестьянская реформа выйдетъ ублюдкомъ, компромиссомъ,—эта горестная истина была совершенно ясна проницательнѣйшимъ людямъ того времени, каковымъ въ особенности былъ тотъ, кого Марксъ съ глубокимъ уваженіемъ называлъ „великимъ русскимъ ученымъ и критикомъ“—Н. Г. Чернышевскій. Невыносимо тяжело было положеніе этихъ людей. Въ своемъ „Прологѣ пролога“ Чернышевскій необычайно ярко обрисовалъ трагизмъ этого положенія. Они были обречены на роль безсильныхъ зрителей величайшаго преступленія передъ народомъ, величайшаго обмана народа. Они, видѣвшіе всю глубину этого преступленія, всю беззастѣнчивость этого обмана, помѣшать ему не могли—они могли лишь выказать свое пониманіе обмана и пострадать за то, что были зрячими среди слѣпыхъ.

Они видѣли, что испорченное, прогнившее сословіе крѣпостниковъ готовится выдать за великую милость то, что оно перестанетъ владѣть, какъ вещью, милліонами здоровыхъ, крѣпкихъ, сильныхъ рабочихъ людей; что, отягощенное безконечнымъ количествомъ злодѣяній и надругательствъ надъ этими милліонами, оно будетъ считать ихъ въ долгу передъ собой за то только, что, наконецъ, нашло своевременнымъ прекратить эти надругательства, по крайней мѣрѣ въ старыхъ формахъ и старыми способами; что естественное право человѣка на жизнь, на волю, на счастье оно потребуетъ выкупать у себя, какъ милость, за которую должно быть выплачено чистоганомъ; что самую землю,

которая никогда не была въ собственности дворянскаго сословія, которая всегда числилась за крестьянами, попавшими въ крѣпостную зависимость, оно юридическими хитросплетеніями оторветъ отъ мужика, обкарнаетъ, какъ ему удобнѣе, и тогда согласится на „отчужденіе“ ея тому же мужику, испоконъ вѣковъ поливавшему ее трудовымъ потомъ, и притомъ, на „отчужденіе“ за такое кругленькое вознагражденіе, что оно мѣстами будетъ поглощать всю естественную доходность съ земли, да еще требовать приплаты изъ другихъ источниковъ дохода; что, благодаря всему этому, будетъ создана фикція якобы безвозмезднаго освобожденія личности крестьянина, ибо выкупъ за эту личность переносится формально въ другую графу—въ графу о выкупѣ крестьянами своей земли—у тѣхъ, кому эта земля никогда не принадлежала...

Все это видѣли наши духовные отцы и дѣды. Они видѣли еще большее: они видѣли, какъ остервенѣлые, непримиримые крѣпостники, ярые мужиконенавистники, забывъ всякій стыдъ и совѣсть, съ пѣной у рта требовали такого выкупа, цифры котораго были явно разсчитаны на то, чтобы сдѣлать реформу невозможной, чтобы затормозить ее, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самое дѣло освобожденія человѣческой личности крестьянина. Перечтите только убійственно-саркастическую статью—„Труденъ-ли выкупъ земли“ или „О необходимости держаться возможно умѣренныхъ цифръ при опредѣленіи величины выкупа“—и передъ вами ярко предстанетъ во всей своей наготѣ, разоблаченный при свѣтѣ цифръ, наглый разгулъ дворянскихъ аппетитовъ. И передъ этою темною силою стояла фаланга передовыхъ людей 60-хъ годовъ, людей „Современника“—это воплощеніе одновременно и огромной силы, и полнѣйшаго безсилія. Безсилія—ибо ей не на что было опереться; силы—потому что огромный умственный и моральный ростъ людей этой фаланги заставлялъ невольно склониться передъ ними даже противниковъ. Достаточно вспомнить тотъ безжалостный разгромъ, которому подверглась отъ убійственнаго полемическаго меча Чернышевскаго тогдашняя буржуазная политическая экономія, въ лицѣ Вернадскаго и „Экономическаго Указателя“, неосторожно вступившая съ нимъ въ полемику по вопросу объ общинѣ...

Неудивительно, что, не имѣя подъ собой той Архимедовской точки опоры, которая позволила бы перевернуть весь внутренній міръ Россіи, фаланга „Современника“ пыта-

лась воспользоваться своимъ громаднымъ интеллектуальнымъ вліяніемъ, такъ рѣзко контрастировавшимъ съ физическимъ ея безсиліемъ, чтобы положить кое-что отъ себя на чашу вѣсовъ, на которыхъ въ неустойчивомъ равновѣсіи колебалось дѣло освобожденія крѣпостныхъ рабовъ. Къ голосу ея, смѣлому, властному, убѣжденному, умѣвшему „глаголомъ жечь сердца людей“, все прислушивалось. И этотъ голосъ возвысился, отстаивая въ крестьянской реформѣ пядь за пядью каждую мельчайшую выгоду трудового крестьянства отъ натиска хищническихъ вожделѣній крѣпостниковъ. Для характеристики позиціи, какую въ этомъ отчаянномъ положеніи долженъ былъ занять Чернышевскій, достаточно привести хотя бы то мѣсто изъ его статьи „Труденъ ли выкупъ земли“, въ которомъ онъ языкомъ, чуждымъ всему своему характеру, всему складу своихъ мыслей, долженъ былъ выражать надежду, что де „большинство разсудительныхъ помѣщиковъ убѣдится въ справедливости нашего увѣренія, что цѣль наша—не нападеніе на ихъ выгоды, а, напротивъ, охраненіе ихъ собственныхъ интересовъ“. Отстоять „возможно умѣренныя цѣны“, и тѣмъ облегчить возможность все равно *неизбѣжнаго* выкупа, который иначе страшно затянулся и затормозился бы,—такова была скромная и неблагодарная задача, которой должны были ограничить себя эти люди смѣлаго полета мысли и широкаго размаха творческой руки. Такова была горькая иронія исторіи.

И суровый, безпощадный приговоръ былъ произнесенъ надъ этой задачей и надъ исполненіемъ ея самимъ же Чернышевскимъ. Пусть теперь историки учитываютъ извѣстное фактическое вліяніе, которое было все-таки произведено на ходъ и содержаніе крестьянской реформы его упорной литературной борьбой и вліяніемъ на общественное мнѣніе. Какъ бы оно ни было относительно велико, это для него такъ безконечно мало сравнительно съ той ареной, которая была бы дѣйствительно ему по плечу, что никто не удивится его горькому самоосужденію, вырвавшемуся въ результатѣ неблагодарной борьбы, послѣ окончательнаго опредѣленія общихъ, основныхъ началъ реформы. „Я стыжусь самого себя—писалъ онъ [1]) по поводу своей попытки литературной защиты идеи освобожденія крестьянъ съ землею, на основахъ неприкосновенности общиннаго владѣнія—

[1]) „Критика философскихъ предубѣжденій противъ общиннаго владѣнія“.

„мнѣ совѣстно вспоминать о безвременной самоувѣренности, съ которой поднялъ я (данный) вопросъ... этимъ дѣломъ я сталъ безразсуденъ, скажу прямо, сталъ глупъ въ своихъ собственныхъ глазахъ". „Какъ я былъ глупъ, что хлопоталъ о дѣлѣ, для полезности котораго не обезпечены условія! Кто, кромѣ глупца, можетъ хлопотать о сохраненіи собственности въ извѣстныхъ рукахъ, не удостовѣрившись прежде, что собственность достанется въ эти руки и достанется на выгодныхъ условіяхъ"? Крестьянство, при характерѣ свершившейся реформы, оказывается въ положеніи наслѣдника, которому впору лучше отказаться отъ полученія огромнаго количества десятинъ, достающихся ему послѣ какого-нибудь родственника, потому что долговыя обязательства, лежащія на землѣ, почти равняются не одной только рентѣ, но и вообще всей суммѣ доходовъ, доставляемыхъ помѣстьемъ"...

Или—вотъ другая метафора, въ которой изливалъ Чернышевскій ту же гнѣвную скорбь своей души:

„Предположимъ, что я былъ заинтересованъ принятіемъ средствъ для сохраненія провизіи, изъ запаса которой составляется вамъ обѣдъ. Само собою разумѣется, что если я это дѣлалъ изъ расположенія собственно къ вамъ, то моя ревность основывалась на предложеніи, что провизія принадлежитъ вамъ, и что приготовляемый изъ нея обѣдъ здоровъ и выгоденъ для васъ. Представьте же мои чувства, когда я узнаю, что провизія вовсе не принадлежитъ вамъ и что за каждый обѣдъ, приготовляемый изъ нея, берутся съ васъ деньги, которыхъ не только не стоитъ самый обѣдъ, но которыхъ вы вообще не можете платить безъ крайняго стѣсненія...

„Человѣкъ самолюбивъ—и первая мысль, рождающаяся во мнѣ, относится ко мнѣ самому; вторая моя мысль—о васъ, предметѣ моихъ заботъ, и о томъ дѣлѣ, однимъ изъ обстоятельствъ котораго я интересовался: „лучше пропадай вся эта провизія, которая приноситъ только вредъ любимому мной человѣку! лучше пропадай все дѣло, приносящее вамъ только разореніе!" Досада за васъ, стыдъ за свою глупость—вотъ мои чувства.."

Уродливый компромиссъ, которымъ только и могло быть освобожденіе „сверху", при отсутствіи возможности аннулировать его „освобожденіемъ снизу", сдѣлался совершившимся фактомъ, и наши великіе революціонные предшественники сошли со сцены съ неизъяснимо-горестнымъ чув-

ствомъ, завѣщая намъ, своимъ духовнымъ дѣтямъ, прощальное пожеланіе,—

Будь борьба успѣшнѣй ваша,
Встрѣть въ бою побѣда васъ,
И минуй васъ эта чаша,
Отравляющая насъ...

* * *

Но спрашивается: какая же краска гнѣвной скорби и стыда за своихъ духовныхъ дѣтей бросилась бы въ лицо нашего великомученика-учителя, если бы онъ увидалъ, съ какою легкостью теперь многіе изъ нихъ, заблудившись въ рядахъ „кадетской“ партіи, сами тянутъ свои уста къ той же отравленной чашѣ, такъ много забывши и такъ малому научившись изъ горестнаго опыта отцовъ и дѣдовъ? Что сказалъ бы онъ о тѣхъ, кто уже теперь, при новомъ возрожденіи крестьянскаго вопроса, заранѣе, съ завидной предупредительностью спѣшалъ забѣжать впередъ передъ аппетитами землевладѣльцевъ и по собственной иниціативѣ выставлять проекты новаго *выкупа* земель? Что сказалъ бы онъ объ этихъ людяхъ, съ самодовольной торопливостью идущихъ на компромиссъ съ дѣтьми и внуками тѣхъ же крѣпостниковъ, несмотря на то, что явилась полная возможность революціоннаго рѣшенія вопроса, освобожденія земли *снизу?* Что сказалъ бы онъ объ этихъ людяхъ, которые, внѣшне почитая его имя, не имѣютъ достаточной смѣлости, чтобы попытаться рѣшительнымъ ударомъ создать ту новую базу экономической жизни крестьянства, которая рисовалась его великому уму! Объ этихъ людяхъ, которые, „по малу, по полсаженки низкомъ перелетаючи“, боятся всего крупнаго и смѣлаго и тянутъ инстинктивно въ заѣзженныя колеи половинчатыхъ рѣшеній и сдѣлокъ съ врагами?..—„Приближаются ко мнѣ люди сіи усты своими и устнѣми чтутъ мя, сердце же ихъ далече отстоитъ отъ мене—всуе же чтутъ мя“...

„Дополнительный надѣлъ съ государственнымъ выкупомъ!“—такова формула, выдвигаемая противъ насъ, противъ нашего „аграрнаго утопизма“ людьми трезвенными и благоразумными, людьми претендующими на истинный государственный смыслъ. Мы ему не завидуемъ и отвѣтимъ имъ словами Н. Г. Чернышевскаго: „Мнѣ говорятъ: для удобства и скорости рѣшенія, мы произнесемъ рѣшеніе такого рода, что вамъ слѣдуетъ получить изъ цѣлаго дома,

слѣдующаго вамъ, только одну комнатку; объ остальныхъ комнатахъ мы поговоримъ когда-нибудь послѣ, черезъ десять, черезъ двадцать лѣтъ, когда это будетъ удобнѣе.— Но, принявъ такого рода рѣшеніе, я тѣмъ самымъ уже почти лишусь возможности возобновить вопросъ. Рѣшеніе состоялось, я его принялъ—чего же больше я хочу!"

И мы поддерживаемъ во всей цѣлости наше требованіе *всего* дома, не потому, чтобы были убѣждены, будто жизнь ни въ какомъ случаѣ не сможетъ урѣзать этого нашего требованія, а потому, что не хотимъ сами себя урѣзывать и уменьшать размахъ своихъ дѣйствій. Мы поддерживаемъ требованіе *всего* дома—ибо вся земля есть домъ, который служитъ обиталищемъ трудовому населенію; мы требуемъ его для трудящихся *по праву*, и потому *безъ выкупа*. И въ этомъ отношеніи мы, и только мы, дѣйствительно остаемся вѣрны лучшимъ завѣтамъ Н. Г. Чернышевскаго.

Въ самомъ дѣлѣ, онъ первый заложилъ основы той аграрной политики, за которую выступаемъ мы, логически развивая эти основы и примѣняя ихъ къ развившимся политическимъ и соціальнымъ отношеніямъ Россіи. Воззрѣнія его на этотъ вопросъ были какъ нельзя болѣе опредѣленны и ясны.

„Та форма поземельной собственности—говорилъ онъ — есть наилучшая для успѣховъ сельскаго хозяйства, которая соединяетъ собственника, хозяина и работника въ одномъ лицѣ. Государственная собственность съ общиннымъ владѣніемъ изъ всѣхъ формъ собственности наиболѣе подходитъ къ этому идеалу.

„Вся выгода отъ улучшеній и отъ труда должна принадлежать лицу, трудящемуся и улучшающему.

„Каждый земледѣлецъ долженъ быть землевладѣльцемъ.

„Первая черта идеала относится къ успѣхамъ сельскаго хозяйства, вторая—къ національному благосостоянію. Чѣмъ полнѣе осуществляются они въ дѣйствительности, тѣмъ, при равныхъ условіяхъ, быстрѣе успѣхи сельскаго хозяйства и національнаго благосостоянія.

„Я—сынъ моей родины—этого довольно, родина поступаетъ со мною, какъ мать: она дастъ мнѣ пріютъ, она дастъ мнѣ наслѣдство, достаточное для моего существованія, если я буду имъ пользоваться;—я получаю участокъ изъ государственной собственности.

„Всѣ дѣти равно милы ей,—я получаю столько же, сколько мои братья. Они, быть можетъ, должны были нѣсколько потѣсниться, чтобы дать мѣста новому гражданину,—

они не ропщутъ на то, потому что и сами прежде меня получили участіе въ государственной землѣ такимъ же образомъ,—мое право есть ихъ право; явятся новые граждане, и когда мнѣ прійдется, въ свою очередь, потѣсниться для нихъ, я не ропщу на то, потому что самъ помѣщенъ былъ въ участіе наслѣдства моей родины такимъ же образомъ—ихъ право есть мое право.

„Только общинное владѣніе распредѣляетъ землю такимъ образомъ, что рента, проценты оборотнаго капитала и трудъ соединяются въ одномъ лицѣ, которое имѣетъ поэтому всю выгоду и трудиться наилучшимъ образомъ, и затрачивать наибольшее количество капитала на оживленіе труда улучшеніями...“

Развѣ, въ основѣ своей, это—не то же самое требованіе, которому мы придаемъ еще болѣе конкретную форму, и которое мы называемъ требованіемъ соціализаціи земли? Земля—общая, общественная собственность, изъятая изъ гражданскаго оборота. Терминъ „общественная“ собственность мы, по многимъ причинамъ, считаемъ гораздо болѣе удобнымъ и отвѣчающимъ существу дѣла, чѣмъ терминъ „государственная“ собственность—послѣдній терминъ вызываетъ невольно представленіе о томъ, что находится въ полномъ распоряженіи централизованной бюрократіи, о чемъ-то вродѣ нынѣшнихъ „государственныхъ имуществъ“, чего здѣсь совсѣмъ не должно быть. Земля находится въ распоряженіи общинъ и территоріальныхъ ихъ союзовъ—т. е. волостныхъ, земскихъ самоуправляющихся единицъ, мелкихъ и крупныхъ, областныхъ союзовъ при контролѣ, на тѣхъ же началахъ, общегосударственныхъ органовъ; господствуетъ принципъ широкой децентрализаціи распоряженія землей, въ рамкахъ нормъ уравнительнаго пользованія. Не центральная государственная власть, а трудовое населеніе, самоуправляющееся населеніе выступаетъ на первый планъ, какъ субъектъ права на землю—трудового по существу своему права. Такова возможная хозяйственная база новаго, свободнаго режима, база, на которой единственно легокъ и быстръ выходъ изъ того состоянія хозяйственнаго паралича, въ которомъ нынѣ находятся производительныя силы Россіи. Политическая свобода и соціализація земли—мы можемъ сказать словами Чернышевскаго, что „за осуществленіемъ этихъ условій слѣдуетъ и все остальное, нужное для успѣховъ земледѣлія: пробужденіе промышленной дѣятельности, развитіе городовъ, увеличеніе удобствъ сообщенія производителей съ рынкомъ“ и т. д., и т. д.

И мы предпочитаемъ быть „аграрными утопистами“ вмѣстѣ съ Чернышевскимъ, чѣмъ вступать на ту „стезю умѣренности и аккуратности“, на которую приглашаютъ насъ трезвенные сторонники простого дополнительнаго надѣла на началахъ государственнаго выкупа. Во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній намъ придется только сдѣлать здѣсь одну оговорку. Н. Г. Чернышевскій считалъ, что общественный поземельный фондъ долженъ быть достаточно великъ, чтобы дать возможность безбѣднаго существованія каждому, желающему прилагать свой трудъ къ землѣ. Въ то же время онъ считалъ, что за вычетомъ этого фонда останется еще опредѣленное количество земель, которое будетъ ареной свободнаго соперничества частныхъ собственниковъ. Какъ бы ни оцѣнивать эту идею съ точки зрѣнія ея принципіальной выдержанности или общественной цѣлесообразности для *того* времени, совершенно ясно, что теперь считаться съ ней не приходится. Огромный приростъ населенія за истекшіе почти полвѣка со времени начала спора объ общинномъ владѣніи совершенно упразднилъ этотъ вопросъ. И потому мы поступимъ совершенно правильно, если мы будемъ поддерживать и пропагандировать свое требованіе соціализаціи земли *во всей его полнотѣ.*

* * *

Съ какими трудностями связанъ *выкупъ* земли?

Н. Г. Чернышевскій для своего времени скорѣе всего можетъ быть названъ крайнимъ оптимистомъ въ данномъ вопросѣ. Впрочемъ, этотъ оптимизмъ его въ извѣстной степени является тактическимъ пріемомъ. Онъ самъ довольно откровенно высказалъ это, избравъ эпиграфомъ для статьи „Труденъ ли выкупъ земли“ слова Мальтуса: „Когда палка искривлена въ одну сторону, чтобы исправить ее, надобно перегнуть на другую сторону“. Дѣло въ томъ, что по тогдашнему соотношенію общественныхъ силъ, освобожденіе крестьянъ и земли безъ выкупа было абсолютнѣйшей невозможностью. И, хотя „Современникъ“ въ рядѣ другихъ статей доказывалъ, что наоборотъ, помѣщики должны разсматриваться, какъ должники крестьянства, а не на него накладывать выкупъ,—однако, съ безвыходнымъ положеніемъ приходилось считаться. Если ужъ выкупа обойти нельзя, пусть лучше онъ будетъ скорѣе—чѣмъ дольше онъ задержится, тѣмъ дороже онъ обойдется.

И вотъ почему писатель-соціалистъ, такъ далеко опередившій свое время и потому оставшійся на положеніи почти „одного въ полѣ воина“, выступаетъ въ несвойственной ему роли добровольнаго бухгалтера финансовыхъ операцій, предстоявшихъ самодержавному правительству. Въ противоположность крѣпостникамъ, старавшимся затормозить дѣло выкупа преувеличенными разсчетами и запугать колоссальностью дѣла, онъ „перегибалъ палку на другую сторону“... Онъ указывалъ вообще на то, что текущая сила живого національнаго труда безконечно превышаетъ всякій матеріально-данный капиталъ, продуктъ этого труда; что всякое облегченіе, улучшающее производительность живого труда, возмѣщается сторицею, а потому, чего бы оно ни стоило, оно не обойдется слишкомъ дорого. Что значитъ на его языкѣ „легкость“ выкупа, показываетъ уже одно то, что, исчисливъ матеріальную стоимость наличныхъ богатствъ Франціи, онъ приходитъ къ выводу, что „если бы французамъ нужно бы было выкупить всю Францію, они могли бы это сдѣлать въ продолженіе одного поколѣнія, употребляя на выкупъ только пятую часть своихъ доходовъ“.

Мы знаемъ, какимъ горькимъ аккордомъ долженъ былъ закончить онъ свой „оптимизмъ поневолѣ“. Но самый фактъ этой оптимистической ноты заставляетъ насъ особенно цѣнить тѣ соображенія, которыя высказываетъ онъ относительно степени трудности выкупа въ будущемъ. Эти соображенія его тѣмъ и важны, что цѣликомъ могутъ быть примѣнены къ вопросу о дополнительномъ надѣлѣ на началахъ государственнаго выкупа въ настоящее время.

„Отложить выкупъ до будущаго времени!“—писалъ онъ:—„*Но съ каждымъ годомъ будетъ уменьшаться и матеріальная возможность выкупа.* Земля быстро возвышается въ цѣнѣ. Черезъ десять, пятнадцать лѣтъ она повсюду будетъ стоить въ полтора раза дороже, чѣмъ теперь; а во многихъ мѣстахъ... она будетъ стоить въ три, въ четыре раза дороже, чѣмъ теперь... Населеніе будетъ возрастать... На землю набросятся новые соискатели...

„Отложить до будущаго времени! Не поздно ли будетъ будущему приниматься за то, *самая возможность чего станетъ исчезать съ каждымъ годомъ?*

„Повышеніе цѣнъ на землю, пониженіе заработной платы, соперничество болѣе крупныхъ покупщиковъ, платящихъ вѣрнѣе и вдругъ, обрѣзыванія всякаго рода, наконецъ, что, быть можетъ, всего важнѣе, ослабленіе сознанія о неизбѣж-

ной принадлежности земли крестьянину,—сведемъ эти факты и увидимъ, что *если выкупъ земли труденъ въ настоящее время, то чѣмъ дальше, тѣмъ труднѣе онъ будетъ и скоро сдѣлается совершенной невозможностью и въ матеріальномъ, и, въ нравственномъ отношеніи.*

„Тогда лучше ужъ прямо сказать, что о немъ нечего и думать, что масса крестьянъ должна остаться по матеріальнымъ условіямъ въ прежнемъ положеніи или даже превратиться въ сословіе батраковъ“...

Стоитъ посмотрѣть на современныя непмовѣрно вздутыя, особенно кабальными системами хозяйства, цѣны на землю, стоитъ посмотрѣть на ростъ спроса на землю, на усиленную конкуренцію и вздорожаніе—особенно мелкихъ—участковъ чтобы убѣдиться, какъ много пророческаго было въ этихъ словахъ. И, что крайне важно, проповѣдь идеи „выкупа“, идущая со стороны передовыхъ элементовъ общества, дѣйствительно, не можетъ не вліять ослабляющимъ образомъ на ту увѣренность въ неизбѣжной, правомѣрной принадлежности земли *только* трудящимся, которая является лучшимъ залогомъ широкаго земельнаго переустройства. Проповѣдь выкупа есть косвенная проповѣдь уваженія къ земельнымъ правамъ землевладѣльца, въ то время, какъ именно отсутствіе такого уваженія и взглядъ на частныхъ собственниковъ, какъ на узурпаторовъ земли, долженъ во что бы то ни стало поддерживаться и логически развиваться нашей пропагандой.

А какъ обстоитъ дѣло съ другими условіями выкупа? Или, можетъ быть, финансы Россіи въ такомъ удовлетворительномъ положеніи, что можно со спокойнымъ сердцемъ идти навстрѣчу огромной выкупной операціи? Но мы знаемъ всѣ, и знаемъ достаточно хорошо, къ чему пришло дѣло съ нашимъ хозяйствомъ. Или мы можемъ прибѣгнуть къ кредиту, и этимъ найдемъ простое разрѣшеніе вопроса? Но наша задолженность и безъ того колоссальна. А затяжной кризисъ? А голодовка? А крайне угнетенное состояніе всей вообще производительной дѣятельности?

Всѣ эти затрудненія такъ огромны, что принципіальное признаніе необходимости *выкупа* непремѣнно должно оказать—и дѣйствительно оказываетъ—самое сильное психологическое вліяніе въ смыслѣ тенденціи къ *сокращенію* размѣровъ дополнительнаго надѣла—чтобы хоть этимъ путемъ сократить и величину выкупной суммы, которую должно взять на себя государство. Успокоительныя рѣчи въ этомъ смыслѣ

уже дѣйствительно начаты либеральными мужами. Мы должны самымъ энергическимъ образомъ возстать противъ этой тенденціи, какъ чрезвычайно вредной и способной привести къ такому же уродливому компромиссу, какъ въ 1861 году,—къ акту, который, по своимъ послѣдствіямъ, будетъ равносиленъ *обману* народа. Но въ отличіе отъ *того* обмана, который подрывалъ вѣру народа въ правительство, *этотъ* обманъ сможетъ привести къ подрыву вѣры народа въ свободныя политическія формы, въ новый общественный строй, къ атавизму старыхъ реакціонныхъ представленій, что было бы величайшимъ историческимъ преступленіемъ въ мірѣ.

На сторонникахъ выкупа лежитъ onus probandi, обязанность доказательства, что при современномъ нашемъ финансовомъ и экономическомъ положеніи могутъ быть выкуплены достаточныя для хозяйственнаго воскресенія деревни количества земли на условіяхъ, которыя, вмѣстѣ съ другими дезорганизующими факторами, не обрушатся на плательщиковъ (т. е. прежде всего на ту же деревню) такою тяжестью, которая сведетъ на нѣтъ животворящее значеніе реформы.

Сторонники выкупа должны дать намъ исчисленія на тему „труденъ ли выкупъ земли“, и притомъ исчисленія, на столько же превосходящія въ точности и научной убѣдительности исчисленія, сдѣланныя для своего времени Чернышевскимъ, насколько современные методы и данныя статистики превосходятъ методы и данныя того времени.

Пока они этого не дали, съ ихъ стороны является легкомысленнымъ и преступнымъ выступать съ той пропагандой идеи выкупа земли и во имя выкупа вести тотъ походъ противъ революціонной идеи безвыкупной (хотя и не безвозмездной) экспропріаціи, который начатъ рядомъ либеральныхъ и эксъ-народническихъ референтовъ и писателей.

И это не потому, чтобы мы были убѣждены въ томъ, будто земельное переустройство фактически несомнѣнно обойдется безъ выкупа. Исторія слишкомъ часто не справляется съ нашими желаніями и на каждомъ шагу урѣзываетъ и передовыя стремленія времени. Почемъ знать, быть можетъ, суровая дѣйствительность опять будетъ мачехой для нашего народа, и, избѣжавъ военной контрибуціи, мы будемъ за то платить домашнюю контрибуцію въ пользу помѣщиковъ. Люди, болѣе скептически настроенные, быть можетъ, даже убѣждены въ этомъ. Но правы они или не правы, а одно вѣрно. Только при стойкой, систематической, упорной и непримиримой защитѣ народныхъ *правъ* на землю и

безправія алчущихъ выкупа землевладѣльцевъ — только при ней можно разсчитывать довести въ худшемъ случаѣ, по крайней мѣрѣ, до исторически возможнаго minimum'а притязанія послѣднихъ. Но та легкость духа и предупредительность, съ которой многое множество „прогрессивныхъ" писателей ухватились за идею выкупа, не внушаетъ никакого довѣрія къ ихъ способности отстаивать при этомъ сколько-нибудь серьезнымъ образомъ интересы народа.

Но этого мало. Иные изъ сторонниковъ выкупа не брезгаютъ при этомъ никакими софизмами, вплоть до того, что, неожиданно превращаясь изъ сторонниковъ умѣренности и аккуратности въ сторонниковъ лозунга „все или ничего"— требуютъ либо немедленной же конфискаціи, въ интересахъ справедливости, вмѣстѣ съ землей и всѣхъ фабрикъ, заводовъ, капиталовъ и т. д., либо, если это невозможно, отказа отъ всякихъ конфискацій. При видѣ такихъ неожиданныхъ метаморфозъ становится трудно, признаемся, довѣрять даже субъективной искренности этихъ людей. Кому же не ясно, что экспропріація экспропріаторовъ вообще не совершается въ одну секунду? Или они боятся, что мы совсѣмъ позабудемъ о необходимости экспропріировать другихъ капиталистовъ? Тогда мы можемъ успокоить ихъ: настанетъ чередъ для всѣхъ эксплуататоровъ народа, и довлѣетъ дневи злоба его. Есть опредѣленная послѣдовательность въ переходѣ отъ болѣе легкихъ задачъ къ болѣе сложнымъ и труднымъ, отъ исторически болѣе назрѣвшихъ и подготовленныхъ къ такимъ, разрѣшеніе которыхъ придвинится лучше всего именно осуществленіемъ логически предшествующихъ задачъ. Марксъ высказалъ когда-то твердое убѣжденіе, что дѣло соціальной ликвидаціи и устройства „von Grund aus, d. h. von Grund und Boden aus ernsthaft anfangen muss". Мы полагаемъ, что именно въ Россіи это положеніе глубоко вѣрно. Вы боитесь, что капиталы фабрикантовъ несправедливымъ образомъ останутся неприкосновенными, когда земля отчуждается? Не бойтесь, и повѣрьте,что экспропріація земли будетъ лучшимъ прецедентомъ для того, чтобы тѣмъ же путемъ, т.е е. безъ выкупа, прошла и вся предстоящая въ будущемъ долгая и сложная операція экспропріаціи экспропріаторовъ...

Пока же вотъ что скажемъ мы вамъ. Вы надѣетесь встрѣтить въ крестьянской средѣ сочувствіе. Не скроемъ, вы имѣете на это извѣстные шансы. Изголодавшемуся по землѣ мужику вы скажете: „тебѣ мы прирѣжемъ земли".—„Заставьте

бога молить, по гробъ жизни будемъ благодарны".—Съ тебя за это ничего не возьмутъ: все казна заплатитъ".—Чего-жъ лучше, дай богъ ей и вамъ царствія небеснаго!"—Вотъ что можетъ отвѣтить вамъ *часть* крестьянства. Но *какая* часть? И что скажетъ другая часть, давно понимающая что „казну" крестьянство же прежде всѣхъ и болѣе всѣхъ должно будетъ наполнять тѣми деньгами, которыя потомъ эта „казна-матушка заплатитъ";—что скажетъ она, давно уже заинтересованная вопросомъ не только о томъ, сколько прирѣжутъ земли, но и о томъ, во что обойдется это удовольствіе?

Эта часть крестьянства превосходно пойметъ, что, несмотря на всѣ сладкія рѣчи, плохими заступниками ихъ интересовъ будутъ тѣ, которые ни на мгновеніе не рѣшаются выступить съ открытой проповѣдью *права трудящихся на землю* и безправія узурпаторовъ земли; которые готовы всѣми софизмами прикрывать ту горькую истину, что денежное вознагражденіе они предлагаютъ платить за фактъ узурпаціи общественнаго достоянія; которыхъ не научилъ горькій опытъ отцовъ и дѣдовъ и не вдохновилъ на смѣлое, принципіальное поведеніе даже въ тотъ великій, роковой историческій кризисъ, который потрясаетъ мучительными судорогами всю Россію...

Эта часть крестьянства пойметъ, чего стоютъ эти новые радѣтели о ея благѣ; пойметъ, что рабочій народъ можетъ разсчитывать вполнѣ только на самого себя, да на людей, безповоротно разрывающихъ со старымъ міромъ, чтобы бороться и гибнуть въ рядахъ арміи труда подъ знаменемъ соціализма; пойметъ, что непросвѣщенно-грубые и просвѣщенно-либеральные представители имущихъ слоевъ въ иныхъ отношеніяхъ весьма недалеко отстоятъ другъ отъ друга, а потому и къ тѣмъ, и къ другимъ приходится примѣнять вѣками выношенное и выращенное правило:

...отъ господъ подалѣй!
Минуй насъ пуще всѣхъ печалей
И барскій гнѣвъ, и барская любовь...

II.

Итакъ, на сторонникахъ выкупа лежитъ onus probandi. обязанность доказательства, что при современномъ нашемъ финансовомъ и экономическомъ положеніи могутъ быть выкуплены достаточныя для хозяйственнаго воскресенія деревни

количества земли на условіяхъ, которыя, вмѣстѣ съ другими дезорганизующими факторами, не обрушатся на плательщиковъ (т. е. прежде всего на ту же деревню) такою тяжестью, которая сведетъ на нѣтъ животворящее значеніе реформы.

А между тѣмъ, еще не-представивши такихъ доказательствъ, русскіе либералы, однако, съ большою легкостью духа открыли цѣлый походъ противъ идеи *революціонной экспропріаціи* земли. Мы и раньше отлично понимали, конечно, что такой походъ долженъ будетъ начаться, и знали, что именно въ этомъ пунктѣ намъ придется очень рѣзко столкнуться съ либералами. Но мы не ожидали, чтобы свой походъ противъ экспропріаціи и соціализаціи земли они рѣшились открыть съ такимъ скуднымъ запасомъ аргументовъ, какъ это случилось. Намъ пришлось констатировать, что идею *выкупа государствомъ земли для крестьянъ* либералы бросили въ публику поспѣшно, въ нѣсколько демагогической формѣ, не взвѣсивъ условій такой операціи, не опредѣливши ея размѣровъ, не выяснивъ ея формъ. Это была „синица въ руки" противъ революціонныхъ „журавлей въ небѣ". Нужно было съ ней торопиться, ибо навстрѣчу соціально-революціонной пропагандѣ въ деревнѣ снова пошли стихійныя крестьянскія волненія, не предвѣщавшія для либераловъ ничего добраго.

Вслѣдствіе этой торопливости, конечно, либералы и не успѣли запастись для начала своего похода необходимой арматурой. Лишь постепенно этотъ пробѣлъ сталъ заполняться. Прежде всего въ „Русск. Вѣд." появилась серія статей г. Герценштейна „Выкупная операція". Ученый авторъ выступаетъ въ этихъ статьяхъ застрѣльщикомъ идеи выкупа и ведетъ борьбу „на два фронта": съ одной стороны—противъ защитниковъ полной неприкосновенности помѣщичьей собственности, съ другой—и болѣе всего—противъ сторонниковъ ея революціонной экспропріаціи.

„*Конечно,* отчужденіе земель должно быть произведено на началахъ выкупа съ уплатой землевладѣльцамъ стоимости отчуждаемыхъ земель по справедливой оцѣнкѣ", — такова исходная точка зрѣнія г. Герценштейна. Это „конечно" кажется, однако, г. Герценштейну еще недостаточно сильнымъ, и онъ добавляетъ: „*Другого пути я не могу себѣ представить,* потому что экспропріація безъ вознагражденія была бы совершенно не мотивированнымъ актомъ несправедливости". Странно, что у ученаго, бывшаго профессора, такъ притупилась способность „представлять себѣ"

что либо вмѣсто выкупа. Не менѣе странно, что онъ такъ перескакиваетъ отъ экспропріаціи *безъ всякаго* вознагражденія прямо къ выкупу съ уплатой полной стоимости земли. Вѣдь ему должно бы быть небезызвѣстно, что между двумя этими крайними полюсами — конфискаціей и выкупомъ съ немедленной уплатой по полной стоимости (иначе говоря, *покупкой*)—стоитъ цѣлый рядъ промежуточныхъ системъ неполнаго вознагражденія или же безъ немедленной уплаты, а съ назначеніемъ опредѣленной ренты на опредѣленный срокъ. Почему же онъ предпочитаетъ имъ всѣмъ—полный выкупъ съ немедленной уплатой? И настолько предпочитаетъ, что даже теряетъ способность представить себѣ что либо вмѣсто выкупа? Впрочемъ, суть дѣла не въ этомъ, мы говоримъ это все мимоходомъ, для характеристики того особаго настроенія, подъ властью котораго находятся умственныя способности бывшаго профессора. Но онъ желаетъ блеснуть не только умомъ, но и сердцемъ. Экспропріація безъ вознагражденія (т. е. безъ выкупа, что одно и то же, по мнѣнію г. Герценштейна) была бы, видите ли, „ничѣмъ не мотивированнымъ актомъ несправедливости". Ну, это ужъ какъ будто „слишкомъ много цвѣтовъ"! говоря словами Калхаса. Не только актомъ несправедливости, но, къ тому же, еще ничѣмъ не мотивированнымъ—хотя чѣмъ лучше „актъ несправедливости" мотивированный сравнительно съ не мотивированнымъ, нашъ авторъ въ припадкѣ краснорѣчія прибавить забываетъ.

Справедливо или несправедливо отнять то, владѣніе чѣмъ противорѣчитъ справедливости? Вотъ вопросъ, который приходится поставить г. бывшему профессору. А затѣмъ и другіе вопросы, напримѣръ: справедливо ли, что при бѣдности и нищетѣ трудового народа землевладѣльцы монополизируютъ огромныя пространства? Мы уже слышимъ готовое сорваться съ устъ г. Герценштейна то же, приблизительно, возраженіе, къ которому онъ прибѣгаетъ въ другихъ случаяхъ: „Да, конечно"... но вѣдь это съ точки зрѣнія совершенно другой стадіи развитія, экономической конструкціи другого порядка... но вѣдь тогда придется говорить о цѣломъ рядѣ другихъ правъ, не мирящихся съ современнымъ правосознаніемъ"... Пусть, однако г. Герценштейнъ успокоится. Такъ высоко, на „точку зрѣнія экономической конструкціи другого порядка" мы его не зовемъ подниматься: у него, пожалуй, еще голова закружится. Тутъ не въ „экономической конструкціи другого порядка", не въ

соціализмѣ дѣло. Г. Герценштейнъ, напротивъ, могъ бы не только не забѣгать впередъ, къ нравственности будущаго, а, напротивъ, поступить вполнѣ сообразно своимъ силамъ и вернуться назадъ... ну, хоть бы къ пророку Исаіи, который гнѣвно возглашалъ: „горе вамъ, присоединяющіе поле къ полю и домъ къ дому, такъ что другимъ не остается мѣста, точно вы одни поселены на землѣ“! Да вѣдь даже съ точки зрѣнія части современной передовой буржуазіи собственность на землю, какъ на объектъ ограниченный по своимъ размѣрамъ и невоспроизводимый трудомъ, имѣетъ сугубо монопольный характеръ и потому противорѣчитъ справедливости. Итакъ, рѣшайтесь же, г. Герценштейнъ, и умозаключайте, такъ сказать, по складамъ. Силлогизмъ первый—монополія несправедлива; частная собственность на землю есть монополія; частная собственность на землю несправедлива. Силлогизмъ второй: уничтожить несправедливость (и даже не только безъ вознагражденія, а еще съ карою пользующимся сю) справедливо, частная собственность на землю несправедлива; уничтожить частную собственность безъ вознагражденія справедливо. (Читатели извинятъ насъ за столь утомительныя и азбучныя разсужденія: они нужны не имъ и не намъ, а г. Герценштейну).

— „Да—можетъ снова возразить намъ Герценштейнъ—но чѣмъ же виноваты тѣ, которые, дѣйствуя на основѣ стараго порядка, купили землю и затратили на это капиталъ? развѣ правильно лишать ихъ этого капитала, отбирая у нихъ купленную землю?“—Какъ жаль, что г. Герценштейна не было на свѣтѣ во время освобожденія негровъ въ Сѣв. Америкѣ! Его только тамъ и не хватало. Какую бы началъ онъ тамъ блестящую агитацію за уплату владѣльцамъ полной стоимости ихъ рабовъ—въ самомъ дѣлѣ, вѣдь и здѣсь было не мало случаевъ, что въ покупку груза чернокожихъ владѣльцами вкладывался опредѣленный—и не малый капиталъ; справедливо ли было отнимать этотъ капиталъ? О, г. Герценштейнъ—ярый другъ справедливости...

— „Но вѣдь это же не то—попробуетъ, быть можетъ, защититься г. Герценштейнъ (или не попробуетъ? мы бы ему совѣтовали лучше не пробовать) — покупая рабовъ, владѣльцы достаточно вознаграждали себя ихъ трудомъ, и потому можно было совершить эмансипацію рабовъ безъ всякаго дальнѣйшаго вознагражденія!“ О, справедливый г. Герценштейнъ, посмотрите хоть на высоту цѣнъ мелкой аренды, что ли—и вы увидите, какъ достаточно вознаграждали себя

тѣ, кто, „дѣйствуя на основѣ существующаго порядка землевладѣнія“, затратили свой капиталъ въ землю... Не высчитать ли, сколько перебрали они съ общества излишняго? Не взыскать ли это съ нихъ? Займитесь-ка этимъ дѣломъ во имя торжества справедливости—вы вѣдь все озабочены, какъ бы не пострадала справедливость...

* * *

Но—мимо, мимо всего этого! Переходимъ къ вопросу о фактической возможности выкупа. Г. Герценштейнъ констатируетъ, разумѣется, прежде всего, что „помѣщикамъ надо уплатить сразу всю капитальную стоимость отчуждаемой земли“. „Вотъ почему финансовая сторона дѣла пріобрѣтаетъ огромное значеніе. Какъ бы ни было важно произвести выкупъ, все же операція эта *должна была бы быть отсрочена*, если бы вслѣдствіе тяжелыхъ условій денежнаго рынка, невозможности выпустить въ большомъ количествѣ бумаги, нельзя было бы ее финансировать. При неблагопріятныхъ условіяхъ рынка—а именно такое время мы переживаемъ—даже самыя обезпеченныя бумаги съ трудомъ размѣщаются, съ каждымъ новымъ выпускомъ курсъ понижается; приходится возвышать процентъ безъ увѣренности въ успѣхѣ займа“.

Какъ видите, трудности дѣла не скрыты отъ проницательности г. Герценштейна. Но характерно для него, какъ для катедеръ... либерала, что центръ тяжести вопроса о трудности выкупа для него односторонне концентрируется въ вопросѣ о трудности или легкости „финансированія“ реформы. Какъ будто дѣло не въ страшной напряженности платежныхъ силъ земледѣльческаго населенія; какъ будто дѣло не въ необходимости *освободить* мужика отъ того ядра каторжника, которое онъ носитъ на своихъ ногахъ въ видѣ всякаго рода даней и выплатъ, и которое не дастъ ему двигаться даже на увеличенной площади земли; какъ будто дѣло и не въ томъ возможно ли будетъ это сдѣлать, взваливъ на его плечи крупнѣйшее денежное обязательство передъ помѣщиками... Нѣтъ, не въ этой области для г. Герценштейна лежатъ „трудности“ выкупа, не здѣсь для него существо дѣла, не сюда направлены его вычисленія и соображенія. Трудно ли „финансировать“ операцію—вотъ въ чемъ вопросъ. Какъ будто если бы оказалось легко занять денегъ на выгодныхъ условіяхъ, то этимъ самъ собою разрѣшился бы и вопросъ—„труденъ ли выкупъ земли“!

Г. Герценштейнъ быстро преуспѣваетъ на новомъ поприщѣ—либеральнаго государственцаго человѣка и реальнаго политика. Онъ уже усвоилъ себѣ ту точку зрѣнія спеціалиста министерскихъ дѣлъ, которая упрощаетъ всѣ великія соціально-экономическія проблемы, сводя ихъ къ искусству ловкихъ финансовыхъ операцій, къ знанію всѣхъ „входовъ и выходовъ" въ области биржи и кредита. Упростивъ такимъ образомъ свою задачу, г. Герценштейнъ побѣдоностно слѣдуетъ далѣе. Нечего дѣлать, послѣдуемъ за нимъ и мы, хотя для насъ вопросъ о „финансированіи" реформы есть не только не первый, но едва ли не самый послѣдній вопросъ во всемъ этомъ дѣлѣ. Слѣдовать за г. Герценштейномъ „во всѣхъ путяхъ его", однако, приходится, ибо на путяхъ этихъ мы встрѣтимъ весьма интересныя вещи. Итакъ, констатировавъ трудности дѣла, г. Герценштейнъ на нихъ, однако, не останавливается. Онъ идетъ вглубь этихъ трудностей, анализируетъ ихъ, взвѣшиваетъ ихъ размѣры, находитъ облегчающія обстоятельства и, сравнивъ плюсы и минусы, приходитъ къ чрезвычайно утѣшительному выводу: „что, во всякомъ случаѣ, съ финансовой стороны выкупная операція можетъ теперь быть проведена еще легче, чѣмъ это было въ 1861 году", и даже вообще „что съ финансовой стороны осуществленіе выкупной операціи не встрѣчаетъ затрудненій".

Почему же такъ? Откуда эта большая легкость выкупа теперь сравнительно съ 1861 г., тогда какъ Чернышевскій, напримѣръ, предвидѣлъ для будущаго возрастаніе его трудностей? Отвѣтъ по г. Герценштейну очень простой: дѣло облегчается крайней задолженностью частнаго землевладѣнія. „Ясно, что чѣмъ выше задолженность, тѣмъ легче можетъ совершиться выкупная операція, потому что тѣмъ большая часть долга можетъ быть переведена на подлежащую выкупу землю". Банковая ссуда въ среднемъ не превышаетъ 50—60 процентовъ оцѣночной стоимости; оцѣночная стоимость, въ общемъ, ниже продажной цѣны; такимъ образомъ, чаще всего, при зачетѣ долга, оставалось бы приплатить помѣщику еще столько же, сколько зачтено и за долгъ, т. е. долгомъ была бы погашена половина выкупной суммы. Но можно предложить банкамъ такую комбинацію: пусть они переводятъ на каждую подлежащую выкупу десятину не пропорціональную, а раза въ два большую сумму долга. Если правительство гарантируетъ уплату по искусственно увеличенной задолженности выкупаемаго количества земли, банки охотно на это согласятся: „обез-

печеніемъ переводимаго долга будетъ служить *не только отходящая отъ помѣщика въ пользу крестьянъ земля*, но и правительственная гарантія", и, благодаря этой хитрой механикѣ, часто и вся „выкупная сумма можетъ быть переведена въ видѣ долга, въ доплатѣ не представляется никакой нужды..."

Но тутъ мы останавливаемся и въ недоумѣніи протираемъ себѣ глаза. Какъ? что это значитъ: „обезпеченіемъ переводимаго долга будетъ служить... отходящая отъ помѣщика въ пользу крестьянъ земля"? Такъ вотъ оно что! Вмѣстѣ съ землей будетъ также „отходить отъ помѣщика въ пользу крестьянъ" его земельная задолженность, да еще въ почти удвоенномъ—и притомъ искусственнымъ маневромъ удвоенномъ размѣрѣ! [1]). Правительство же только „гарантируетъ банкамъ уплату, ручается за недоимщиковъ, берется уплачивать за нихъ, а потомъ выколачиваетъ съ нихъ же, такъ что ли? Да, если такъ—то, разумѣется, это придумана весьма „хитрая механика": ибо, съ одной стороны, въ утѣшеніе крестьянамъ заявляютъ, что выкупъ будетъ произведенъ за государственный счетъ, а съ другой—задача государства облегчается *замаскированнымъ, обманнымъ* переводомъ выкупной суммы на самихъ крестьянъ, въ видѣ искусственно увеличенной задолженности выкупной земли! Для удобства либеральной агитаціи среди крестьянъ недурно вѣдь это, не правда ли? Недаромъ еще недавно г. Струве писалъ, что у

---

[1]) Стоитъ отмѣтить, что по положенію 1861 г. переводъ долга допускался лишь въ размѣрѣ 70 процентовъ выкупной ссуды. Г. Герценштейнъ въ этомъ пунктѣ „либеральнѣе". Еще Чернышевскій по этому поводу писалъ: „Помѣстья болѣе чѣмъ наполовину обременены долгами, между которыми важнѣйшую часть составляетъ долгъ въ кредитныя учрежденія. Есть мнѣніе, что въ вознагражденіе за уступку крестьянамъ нынѣшняго надѣла помѣщики должны быть вознаграждены перенесеніемъ части опекунскаго долга на освобождаемыхъ крестьянъ... Но наука опять говоритъ, что долгъ по справедливости остается на томъ лицѣ, которое воспользовалось для своей выгоды или своего удовольствія деньгами, полученными въ долгъ. А если мы разсмотримъ употребленіе ссудъ, полученныхъ помѣщиками изъ кредитныхъ учрежденій, мы найдемъ, что большая часть, двѣ трети или больше изъ этихъ денегъ пошли на удовлетвореніе личнаго расхода самихъ помѣщиковъ, желавшихъ вести образъ жизни, для котораго не доставало ихъ дохода; затѣмъ значительная часть была употреблена на покупку новыхъ помѣстій или на основаніе промышленныхъ заведеній, т. е. опять-таки въ личную выгоду помѣщиковъ". („Матеріалы для рѣшенія крестьянскаго вопроса" Н. Г. Чернышевскаго, „Современникъ", т. 77-й).

революціонныхъ партій есть только внѣшній, поверхностный „революціонизмъ“, а истинная *революціонность*, въ смыслѣ глубокаго вліянія на ходъ вещей, принадлежитъ никому другому, какъ либеральной партіи... Иллюстрація этой „истинной революціонности“ недурная, и г. Герценштейнъ за свое открытіе можетъ, поистинѣ, разсчитывать на наименованіе „Витте русскаго либерализма“...

Но, можетъ быть, мы ошиблись? Можетъ быть, г. Герценштейнъ хотѣлъ сказать что-то другое? Вѣдь говоритъ же онъ въ другомъ мѣстѣ: „какъ только условія рынка измѣнятся, государство можетъ выкупить долги банкамъ и замѣнить ихъ собственными займами“. Можетъ быть онъ хотѣлъ просто сказать, что переводъ на выкупаемую землю задолженности въ увеличенномъ размѣрѣ всецѣло падаетъ на государство, и крестьяне получатъ землю чистою отъ долговъ? Но онъ вѣдь не новичекъ въ финансовой терминологіи. Онъ знаетъ, что правительственная *гарантія* уплаты совсѣмъ не то, что принятіе правительствомъ всецѣло на себя хотя бы части долга. Онъ знаетъ также, что если земля достается владѣльцу чистою отъ принятаго кѣмъ-либо на себя долга, то она уже не можетъ быть „обезпеченіемъ“ этого самаго долга. Слѣдовательно, выкупъ государствомъ долговъ банкамъ и замѣна ихъ собственными займами означаетъ либо выкупъ долговъ по гарантіи, либо переводъ государствомъ крестьянскихъ долговъ банкамъ въ долги самому себѣ. Вотъ и все. Итакъ, не подлежитъ сомнѣнію: такъ называемый нашими либералами „выкупъ за государственный счетъ“—по крайней мѣрѣ, въ арранжировкѣ г. Герценштейна, превращается въ... прекрасныя слова, но только слова,—и притомъ слова обманныя. Крестьяне сами должны выкупать землю, и не должны этого замѣчать, такъ какъ должны платить выкупную сумму подъ видомъ процентовъ и погашенія за переведенный на нихъ якобы старый, лежащій на землѣ долгъ...

Выкупъ земли *самими крестьянами* въ проектѣ г. Герценштейна не вездѣ, однако, является скрытымъ. Это только по отношенію къ помѣщикамъ пришлось такъ ухищряться. Въ другихъ случаяхъ либералы откровеннѣе. Ибо въ вопросѣ о „надѣленіи крестьянъ изъ государственныхъ, удѣльныхъ, кабинетскихъ, монастырскихъ земель или земель другихъ учрежденій“—все гораздо проще. Въ большинствѣ случаевъ это будутъ земли, которыми и теперь пользуются на арендныхъ началахъ тѣ же крестьяне. „Дѣло нисколько не

мѣняется, если вмѣсто пользованія земли эти будутъ передаваться въ собственность, потому что *къ платежамъ крестьянъ* присоединится *только* небольшой взносъ на погашеніе; *это повліяетъ, конечно,* на размѣръ платежей, но опять таки не потребуетъ выпуска бумагъ". Иными словами, дѣло обстоитъ такъ: *если* крестьянъ заставить почти всецѣло самихъ выкупать землю, а *назвать* это выкупомъ земель для крестьянъ государствомъ, то для государства, какъ блестяще доказалъ г. Герценштейнъ, „съ финансовой стороны осуществленіе выкупной операціи не встрѣтитъ затрудненій"... А вѣдь это главное! Правда, вся эта „хитрая механика", какъ оказывается, „повліяетъ, конечно, на размѣръ платежей" крестьянства—но это вѣдь такая малость, о чемъ тутъ говорить для спеціалистовъ самоновѣйшей, либеральной финансовой черной и бѣлой магіи... Правда, какъ будто вся операція предназначалась для того, чтобы дать сильный толчекъ впередъ крестьянскому хозяйству, создать для него возможность хозяйственнаго прогресса, даже болѣе того—„прочно устроить экономическій бытъ нашего крестьянства". Это невозможно безъ увеличенія площади землепользованія и безъ интенсификаціи земледѣлія. Послѣдняя, со своей стороны, невозможна безъ перваго, какъ справедливо замѣчаетъ г. Герценштейнъ [1]). Но вѣдь она невозможна также и безъ оборотныхъ средствъ, которыя теперь поглощаются крестьянскими платежами. Необходимо создать для крестьянскаго хозяйства тѣ излишки доходовъ надъ расходами, которые пойдутъ на улучшеніе техники. Ну, а если операція, „конечно, повліяетъ на размѣры платежей"—то откуда возьмутся эти излишки? Правда, г. Герценштейнъ говоритъ о реформѣ налоговой системы. Но уже расчисленія г. Николая—она (см. его статью „Чѣмъ объясняется ростъ нашихъ государственныхъ доходовъ") достаточно показали ограниченность результатовъ такой реформы *при сохраненіи современной экономической базы,* на которую приходится опираться финансовому аппарату государства. А принимая во вниманіе

[1]) „Необходимо довести площадь владѣнія до опредѣленнаго размѣра, ниже котораго примѣненіе интенсивнаго хозяйства невозможно... Какъ это свидѣтельствуютъ комитеты о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, интенсификація, являясь болѣе надежнымъ средствомъ для возвышенія благосостоянія, встрѣтитъ препятствія именно въ недостаточномъ надѣленіи крестьянъ землей. Въ комитетахъ указывалось на то, что нерѣдко многія агрономическія начинанія съ цѣлью поднятія продуктивности земли разбиваются по той причинѣ, что негдѣ проводить эти улучшенія".

страшное увеличеніе расходовъ и неимовѣрной задолженности нашей, грозящей финансовымъ банкротствомъ, мы снова и снова сталкиваемся съ зловѣщимъ вопросомъ: не создастъ ли новая выкупная операція только новыхъ разочарованій! И не приходится ли намъ отвѣтить на всѣ осторожныя комбинаціи г. Герценштейна съ незамѣтнымъ переводомъ главной тяжести выкупа на самихъ же крестьянъ старыми словами Чернышевскаго, что „рента только тогда заслуживаетъ своего имени, когда лицо, ее получающее, не обременено кредитными обязательствами, вытекающими изъ самаго ея полученія... Только при соблюденіи этого условія люди, интересующіеся его благосостояніемъ, могутъ желать ему полученія ренты“.

Г. Герценштейнъ полагаетъ, что если бы задача финансированія выкупной операціи оказалась неразрѣшимой, то „какъ бы ни было важно произвести выкупъ, все же операція эта *должна была быть отсрочена*“. И удивительно, и возмутительно, что въ сознаніе нашихъ либераловъ до такой степени мало проникла мысль о *безусловной неотложности* коренныхъ преобразованій въ хозяйственной базѣ всего нашего существованія—въ русской земледѣльческой деревнѣ. Мы отвѣчаемъ на это: если новая выкупная операція грозитъ еще болѣе запутать финансовую и экономическую жизнь страны, и если безъ усиленнаго перехода земли въ руки трудящихся переживаемый нами кризисъ грозитъ новымъ обостреніемъ, способнымъ, быть можетъ, въ будущемъ еще болѣе затруднить всякія поправки и починки, то изъ этого заколдованнаго круга страна должна выйти путемъ спасительной аграрной революціи, которая покончитъ съ дѣломъ земельнаго переустройства *безъ выкупа*.

Разсмотримъ теперь съ другой точки зрѣнія утвержденіе г. Герценштейна, будто выкупная операція можетъ теперь быть проведена еще легче, чѣмъ это было въ 1861 году. Будемъ игнорировать переводъ помѣщичьяго долга на крестьянъ. Предположимъ, хотя бы, напримѣръ, что государство принимаетъ этотъ долгъ на себя. Нѣтъ спора, такая возможность сильно облегчаетъ дѣло „финансированія выкупной операціи“ (мы предполагаемъ, разумѣется, такой случай, когда банки предпочтутъ имѣть дѣло съ государствомъ, ибо не боятся объявленія государственнаго банкротства). „Какъ въ 1861 году существованіе ипотечнаго долга облегчило выкупную операцію и уменьшило сумму подлежащихъ выпуску выкупныхъ „свидѣтельствъ“,—такъ и теперь. А такъ какъ

съ тѣхъ поръ возросла задолженность, то соотвѣтственно этому возросла и легкость выкупа.

Такова аргументація г. Герценштейна. На первый взглядъ, вся видимость справедливости на ея сторонѣ. Если не вдумываться въ дѣло глубже, то кажется даже, что онъ говоритъ самоочевидныя истины. Абсолютная цифра задолженности 1861 года и 1906 года показываетъ увеличеніе раза въ четыре. Но мы зададимъ г. Герценштейну вопросъ: да развѣ сравненія абсолютныхъ цифръ долга достаточно? Да, долгъ возросъ—но *задолженность* возросла ли? Вѣдь возросла и цѣнность земли. Какую же часть цѣнности земли захватывалъ долгъ въ 1861 г. и какую онъ захватываетъ теперь? Конечно, если бы оказалось, что теперь долгъ составляетъ большій процентъ цѣнности, то, дѣйствительно, можно было бы сказать, что въ теперешней задолженности потенціально заключается и большая легкость выкупной операціи. Но такъ ли это? И намъ приходится констатировать, что г. Герценштейнъ ровно ничего не сдѣлалъ, чтобы доказать это. Правда, по отсутствію точныхъ статистическихъ данныхъ за 1861 годъ сдѣлать это довольно трудно. Возможны лишь приблизительныя расчисленія, да различныя вспомогательныя соображенія. Но г. Герценштейнъ о нихъ и не подумалъ. Онъ предпочелъ выставить свой тезисъ совершенно голословно. Признаться, такое отношеніе какъ-то весьма мало гармонируетъ съ жгучей серьезностью вопроса...

Къ 1 іюля 1904 года въ дѣйствующихъ у насъ учрежденіяхъ долгосрочнаго кредита (кромѣ крестьянскаго банка) было заложено имѣніе на сумму 1.723.617.000 рублей. Но мы не имѣемъ свѣдѣній объ общей продажной цѣнности частновладѣльческихъ земель за то же время. Поэтому намъ придется обратиться къ нѣсколько болѣе раннимъ даннымъ (ихъ г. Герценштейнъ почему-то игнорируетъ). По даннымъ о продажныхъ цѣнахъ, разработаннымъ департаментомъ окладныхъ сборовъ за 1900—1902 гг., министерство финансовъ исчисляетъ общую цѣнность частновладѣльческихъ земель по 45 губ. Европ. Россіи почти въ 7 милліардовъ руб. (6.957.779.000 р.); по даннымъ же статистики долгосрочнаго кредита размѣръ лежавшаго на нихъ долга достигалъ болѣе полутора милліарда рублей (1.641.467.000 р.). Такимъ образомъ, долгъ поглощалъ менѣе четверти (0,236) продажной стоимости землевладѣнія.

То ли или что-нибудь иное было въ 1861 году? Достаточно только поставить этотъ вопросъ, чтобы на него отвѣ-

тить. Смѣшно даже и сравнивать положеніе дѣлъ 1861 г. съ современнымъ. Задолженность и тогда была огромная, несоразмѣрная. Послушаемъ объ этомъ того же Чернышевскаго. „Каждому извѣстно, что когда имѣніе заложено въ опекунскій совѣтъ, то уплата процентовъ беретъ болѣе половины валового дохода у помѣщика; во многихъ помѣстьяхъ она брала (попрежнему разсчету процентовъ на долги кредитныхъ учрежденій) двѣ трети и даже три четверти валового дохода; наконецъ, извѣстно, что часто помѣстья покупались съ прибавкой самой ничтожнѣйшей суммы къ переводу долга на покупщика; наконецъ, извѣстно и то, что при аукціонной продажѣ за неуплату процентовъ помѣщику приходилось получать изъ продажной цѣны, за вычетомъ опекунскаго долга, иной разъ какихъ-нибудь по 10 руб. остатка съ души" [1]). Но вѣдь это была продажная цѣна имѣнія *съ крѣпостными душами*. Между тѣмъ намъ приходится говорить о цѣнности лишь *собственно земли*. А такъ какъ эта цѣнность была тогда ничтожна, то отношеніе къ ней суммы долга было дѣйствительно такого рода, что въ огромнѣйшей степени облегчало выкупную операцію. Вспомнимъ ѣдкую шутку, посредствомъ которой такъ зло насмѣялся Чернышевскій надъ крѣпостниками-помѣщиками. Эти послѣдніе, высчитывая свои потери отъ отмѣны крѣпостного права, выставляли на перебой цѣлую градацію цифръ, которыми они измѣряли доходность обязательнаго труда. Эти ихъ исчисленія и поспѣшилъ использовать Чернышевскій противъ нихъ же, слѣдующимъ образомъ: основываясь на словахъ императорскаго рескрипта, что личность крестьянина не подлежитъ выкупу, а выкупается лишь земля, онъ примѣнилъ помѣщичьи разсчеты стоимости обязательнаго труда во всей Россіи, вычелъ эту среднюю стоимость изъ средней стоимости имѣній, чтобы опредѣлить, сколько же должны крестьяне платить помѣщикамъ въ видѣ выкупа только *за землю*. Получилась... величина отрицательная! „Оказывалось бы (по сравнительно умѣренному помѣщичьему разсчету), что помѣщикъ долженъ былъ бы не только отдать даромъ всю крѣпостную землю, и свою, и крестьянскую, но еще и приплачивать"... Пользуясь другими разсчетами, исходившими отъ болѣе жадныхъ крѣпостниковъ, Чернышевскій насчиталъ тѣмъ же методомъ на нихъ такого рода счетъ: „совершенно задаромъ отказаться отъ всего помѣстья

[1]) „Труденъ ли выкупъ земли?" Соч. Н. Г. Чернышевскаго. изд. Элпидина, т. V, стр. 357—358.

и вдобавокъ приплатить еще цѣну, почти равную той, какую имѣло цѣлое помѣстье“... Но, и взявъ не высшіе и не средніе, а болѣе умѣренные помѣщичьи разсчеты, Чернышевскій на ихъ основаніи получалъ такой результатъ: „выкупъ крестьянскихъ земель за настоящій надѣлъ составлялъ бы всего 21 рубль съ души, т. е., при численности тогдашняго крѣпостного населенія по Тройницкому въ 10.844.902 чел., выкупная сумма не достигала бы 228 милл. рублей; а между тѣмъ задолженность помѣщичьей земли онъ опредѣлялъ приблизительно въ 450 милл. рублей... [1]). Выкупная сумма погасила бы немногимъ больше половины долга...

Что это означало? А вотъ что, какъ превосходно выяснялъ помѣщикамъ Чернышевскій.

„Крѣпостное право—это истинное подобіе рѣшета, въ прорѣхи котораго вытекаетъ рѣшительно вся цѣнность, находящаяся въ немъ. Мужикъ трудится на васъ цѣлый годъ—это правда; земли у васъ много—и это правда. Но вы все-таки разоряетесь съ каждымъ годомъ все больше и больше; ваша земля и съ мужиками заложена и перезаложена, и какъ хотите высоко цѣните стоимость обязательнаго труда и земли, уступленной крестьянамъ, а въ результатѣ все-таки оказывается, что съ земли, уступленной крестьянамъ, вы не получаете ни копѣйки: она служитъ только къ прокормленію крестьянъ; а прокормленіе крестьянъ служитъ только къ тому, чтобы они работали на васъ; а изнурительная работа ихъ на васъ служитъ только къ тому, что вы съ вашихъ господскихъ полей получаете съ десятины по 20 руб. вмѣсто того, что получали бы по 40 или по 50 руб., если бы крѣпостного права не было. Такъ вотъ оно каково дѣло: половина полей вашего помѣстья служитъ только къ тому, чтобы другая половина приносила вамъ гораздо меньше дохода, нежели получалось бы вами съ нея тогда, когда бы другая половина не принадлежала къ вашей собственности. Что же вы теряете, лишаясь этой другой, убыточной для васъ половины? Ровно то же самое, что теряетъ больной, лишаясь ревматизма, не дающаго ему владѣть правой рукой, или мозолей, мѣшающихъ ему“ [2]).

Но оставимъ въ сторонѣ даже болѣе умѣренные изъ помѣщичьихъ разсчетовъ стоимости обязательнаго труда,—даже такіе разсчеты, изъ которыхъ все-таки вытекало, что выкупъ

---

[1]) По Л. Ходскому (см. ст. „Выкупная операція“ въ Энц. Словарѣ Брокгауза и Ефрона) всего было тогда въ залогѣ 44.166 имѣній, на которыхъ было долгу 425.503.061 руб.

[2]) „Труденъ ли выкупъ земли,?“ стр. 400—401.

земли могъ состояться простымъ зачетомъ болѣе половины ихъ земельныхъ долговъ въ кредитныхъ учрежденiяхъ. Возьмемъ „примирительный“ разсчетъ самого Чернышевскаго. Имѣя въ виду, что, при освобожденiи личности безъ вознагражденiя, „чѣмъ ниже мы оцѣнимъ обязательный трудъ, тѣмъ большая часть цѣнности останется на долю земли, подлежащей выкупу, слѣдовательно, тѣмъ выгоднѣе для владѣльца будетъ цифра выкупа“, Чернышевскiй принялъ цѣнность обязательнаго труда всего *за пятую часть* цѣнности крѣпостного имущества, хотя прекрасно зналъ, что „на самомъ дѣлѣ обязательный трудъ составляетъ, безъ сомнѣнiя, *гораздо значительнѣйшую* часть общей суммы“. Дѣлая далѣе „всевозможныя натяжки для возвышенiя выкупной суммы“, вродѣ принятiя въ оброчныхъ имѣнiяхъ гораздо болѣе благопрiятныхъ для помѣщиковъ цѣнъ земли и личности, чѣмъ это есть на дѣлѣ, или гораздо болѣе благопрiятнаго отношенiя между количествомъ оброчныхъ и барщинныхъ крестьянъ,—все таки при надѣлѣ, захватывающемъ *половину* всей помѣщичьей земли, онъ получилъ ссуду въ 531.942.433 руб., всего на 82 милл. рублей превышающую долгъ помѣщиковъ кредитнымъ учрежденiямъ. Въ настоящее время, какъ это явствуетъ изъ приведенныхъ выше цифръ, выкупная сумма для половины частновладѣльческой земли превысила бы долгъ болѣе, чѣмъ въ два раза [1]). Итакъ, несмотря на огромный ростъ долговъ частнаго землевладѣнiя, смѣшно говорить, будто благодаря этому выкупная операцiя можетъ быть произведена „еще легче, чѣмъ въ 1861 г.“. Нѣтъ, несмотря на ростъ долга, благодаря еще болѣе стремительному росту земельныхъ цѣнъ, операцiя эта въ настоящее время по крайней мѣрѣ вдвое, если не втрое, труднѣе. Этотъ выводъ совершенно неопровержимо слѣдуетъ изъ всѣхъ имѣющихся данныхъ [2]).

---

[1]) Читатель замѣтилъ, конечно, что мы беремъ выкупную сумму по продажной цѣнности земли; это исключительно для того, чтобы получить данныя, сравнимыя съ разсчетами Чернышевскаго, основанными также на данныхъ о продажныхъ цѣнахъ. Г. Герценштейнъ предполагаетъ выкупъ по „справедливой оцѣнкѣ“.

[2]) Намъ могутъ здѣсь возразить: но вѣдь вы берете для сравненiя не ту сумму, въ которую дѣйствительно обошлась въ 1861 г. выкупная операцiя, а ту, въ которую она только должна была бы обойтись по разсчетамъ Н. Г. Чернышевскаго. Совершенно вѣрно—точно такъ же какъ мы беремъ не тѣ условiя, при которыхъ совершится новая выкупная операцiя (если она будетъ), а тѣ, при которыхъ она должна бы была совершиться по разсчетамъ г. Герценштейна.

Такъ вотъ почему для „облегченія“ выкупной операціи г. Герценштейну и не оставалось ничего, кромѣ двухъ средствъ: 1) свалить возможно большую часть операціи на самихъ крестьянъ, и 2) возможно уменьшить размѣры предполагаемой имъ къ выкупу земли. Что касается первой мѣры, то, кромѣ всего прочаго, мы не можемъ не считать ее реакціонной еще и потому, что, какъ достаточно свидѣтельствуетъ прошлое, выкупъ крестьянами переходящей въ ихъ пользованіе земли неизбѣжно развиваетъ въ нихъ взгляды на эту землю, какъ на свою исключительную, индивидуально оплаченную; оно является, таким образомъ, проводникомъ въ деревню частно-собственническихъ началъ. Что касается второго средства, то значеніе его очевидно: оно—самое простое, и вмѣстѣ съ тѣмъ, самое лучшее средство для того, чтобы „окарнать“ реформу...

Впрочемъ, къ этому „послѣднему, вѣрному средству“ г. Герценштейнъ подходитъ весьма нерѣшительно. „Какіе разряды крестьянъ должны быть надѣлены землей и въ какомъ размѣрѣ“—онъ не считаетъ возможнымъ опредѣлять „по какой-нибудь общей и однообразной нормѣ“. Нѣкоторые предлагаютъ взять за норму высшій надѣлъ по реформѣ 1861 г., распространивъ ее на увеличенное земледѣльческое населеніе; г. Герценштейнъ готовъ разсматривать эту норму, какъ такую, которая „можетъ служить лишь схемой для примѣрнаго разсчета“; но считать ее больше, чѣмъ такой схемой, онъ не согласенъ. Еще менѣе онъ согласенъ съ тѣми, кто предлагаетъ положить въ основу земельнаго переустройства „учетъ потребностей населенія и исчисленіе того количества земли, которое необходимо при данныхъ условіяхъ хозяйства“. Почему же? А потому, что послѣдствіемъ такой постановки дѣла должна быть „необходимость совершенно уничтожить частную собственность, передать всѣ частновладѣльческія земли въ пользу крестьянъ“. Это значить—признать за земледѣльческимъ населеніемъ право на опредѣленное количество земли, необходимое для удовлетворенія потребностей; но тогда вѣдь нельзя же обидѣть и рабочихъ: необходимо будетъ одновременно признать „право рабочаго на опредѣленное вознагражденіе, право на трудъ, вообще цѣлый рядъ правъ, не мирящихся съ современнымъ правосознаніемъ“. Не пугайте насъ такъ, г. Герценштейнъ. „Право рабочаго на опредѣленное вознагражденіе“—это значитъ установленіе минимальныхъ заработныхъ платъ; что-жъ тутъ такого страшнаго? Это—одно изъ главныхъ требованій

профессіональныхъ рабочихъ союзовъ, фигурирующее также въ *программъ-минимумъ* многихъ соціалистическихъ партій; его проведеніе вполнѣ возможно въ рамкахъ современнаго индивидуалистическаго хозяйственнаго строя. Но „право на трудъ“! Вотъ новый жупелъ, выдвигаемый г. Герценштейномъ. Однако, что онъ разумѣетъ подъ „правомъ на трудъ“? Отжившую теорію Луи-Блана, что ли? Но для чего ему понадобилось тревожить въ могилѣ прахъ покойника? „Спящій въ гробѣ мирно спи, жизнью пользуйся, живущій“. Правда, чтобы „живущій“ дѣйствительно „жизнью пользовался“, необходимо, чтобы общество признавало за нимъ право на честный заработокъ и вознаграждала бы его за лишеніе заработка не по своей винѣ. Это и имѣетъ въ виду современное „страхованіе отъ безработицы“. Если угодно, въ основѣ этого страхованія также лежитъ признаніе своего рода „права на трудъ“, или, общее сказать, права на существованіе. Если г. Герценштейнъ припомнитъ, резолюція послѣдняго международнаго соціалистическаго конгресса (въ Амстердамѣ) полагала признаніе за каждымъ человѣкомъ права на существованіе въ основу современнаго соціальнаго законодательства. Но—возражаетъ намъ г. Герценштейнъ— „мы тогда переносимся на совершенно другую стадію развитія, въ экономическую конструкцію другого порядка, не знающую права частной собственности ни на землю, ни на другія орудія производства“.—Ничего подобнаго: и минимальная заработная плата, и страхованіе отъ безработицы, и всѣ другія аналогичныя мѣры—все это мѣры, весь смыслъ которыхъ—именно лежитъ въ условіяхъ *современнаго* общества. Г. Герценштейнъ, очевидно, полагаетъ, будто требованіе перехода земли въ общественную собственность, какъ мѣра въ области земледѣлія, деревни, требуетъ—во имя справедливости—равнозначущаго акта и въ городѣ, т. е. передачи въ общественную собственность фабрикъ и заводовъ. Нерѣдко встрѣчающаяся ошибка, основанная на грубѣйшемъ смѣщеніи понятій. Обобществленіе земли не есть еще обобществленіе земледѣльческаго производства, не есть еще переходъ къ соціалистическому земледѣлію. И потому въ городѣ ему соотвѣтствуетъ вовсе не обобществленіе фабрикъ и заводовъ—послѣднее соотвѣтствовало бы вступленію и земледѣлія въ фазу соціалистической организаціи *производства*, а—что такое, какъ бы вы думали? Поломайте голову, не догадаетесь ли? Нѣтъ? Ну, такъ мы вамъ поможемъ. Уничтоженію частнаго землевладѣнія въ деревнѣ соотвѣт-

ствовало бы въ городѣ—такое же уничтоженіе частнаго землевладѣнія, признаніе за городомъ верховныхъ правъ на распоряженіе всей земельной территоріей города. Это означаетъ *комунализацію* (муниципализицію) городской земли, а тѣмъ самымъ и ренты. Ибо—по секрету мы можемъ вамъ это сообщить, г. Герценштейнъ—не для чего тревожить прахъ Луи-Блана, разыскивая въ городѣ что нибудь параллельное деревенской „соціализаціи земли": въ городѣ также есть земля, смѣемъ васъ въ этомъ увѣрить; только ея существованіе въ городѣ законспирировано, сокрыто отъ вашихъ глазъ: гдѣ—асфальтовымъ тротуаромъ, гдѣ—торцовой мостовой, гдѣ—закрывающими ее строеніями... Но земля всетаки тамъ есть, и стало быть есть и монополія, есть и монопольная рента, да еще чудовищно-растущая—посмотрите-ка въ исторію растущихъ городовъ... Земля въ деревнѣ есть только *одно* изъ условій производства; она есть, далѣе, не только условіе земледѣльческаго, но и всякаго производства; она есть, наконецъ, условіе не только производства, но и жизни вообще—и даже, пожалуй смерти, ибо три аршина земли на кладбищѣ до сихъ поръ всякому въ свое время бываютъ надобны... Проистекающій отсюда *особенный* характеръ поземельной собственности дозволяетъ *не отодвигать* вопроса объ ея уничтоженіи къ тому, еще достаточно отдаленному, времени, когда будетъ разрѣшенъ вопросъ объ уничтоженіи частной собственности на всѣ вообще средства и орудія труда.

Г. Герценштейна, какъ мы видѣли, ужасно безпокоитъ, что экспропріація земли затронетъ землевладѣльцевъ въ то время, какъ буржуазія фабрично-заводская, купеческая и кредитно-биржевая останутся нетронутыми. Поэтому онъ и... отвергаетъ экспропріацію земли. Но по существу дѣла, этотъ практическій результатъ является довольно неожиданнымъ. Другой выводъ былъ бы гораздо логичнѣе. Если тутъ все дѣло въ томъ, чтобы не обидѣть чрезмѣрно землевладѣльцевъ сравнительно съ промышленниками, то г. Герценштейнъ могъ бы предложить вѣдь и нѣчто иное: напримѣръ, онъ могъ бы предложить извѣстное вознагражденіе по крайней мѣрѣ части землевладѣльцевъ *за счетъ* промышленниковъ—экстренный, спеціальный налогъ на товарно-торговый, индустріальный и денежный капиталъ для покрытія необходимыхъ, справедливыхъ расходовъ по проведенію земельной реформы. Это было бы осуществленіемъ, такъ сказать, взаимнаго страхованія имущихъ классовъ; равно-

мѣрно распредѣляющаго убытки по экспропріаціи, надвигающейся поочередно на разные слои экспропріаторовъ. И приди г. Герценштейнъ къ такому, дѣйствительно довольно логичному выводу, онъ не встрѣтилъ бы въ насъ такихъ ожесточенныхъ противниковъ. Мы только полагаемъ, что не случайно возможность *такого* практическаго вывода ускользнула изъ его кругозора. Мы сильно боимся также, что если бы онъ даже и вздумалъ придти къ этому выводу—врядъ ли онъ такъ оптимистически смотрѣлъ бы на вопросъ о томъ, „труденъ ли выкупъ земли". Боимся, что тогда онъ серьезно задумался бы надъ вопросомъ—вынесетъ ли русская промышленность тяжесть выкупа? Боимся, что тогда онъ вспомнилъ бы о многихъ системахъ неполнаго и разсроченнаго вознагражденія по экспропріаціи... Боимся, словомъ, что онъ *опасливѣе* отнесся бы къ интересамъ капитала, чѣмъ теперь относится къ интересамъ крестьянства, которые должны быть удовлетворены его проектомъ выкупной операціи.

* * *

Мы видѣли, что, при первой же сколько-нибудь реальной и конкретной разработкѣ г. Герценштейномъ даннаго вопроса, либеральный лозунгъ, принимаемый имъ, претерпѣлъ цѣлый рядъ чрезвычайно характерныхъ превращеній, совершенно измѣнившихъ его фактическое содержаніе. Правда, г. Герценштейнъ по старой памяти даже въ разбираемой статьѣ еще говоритъ, что разбору всѣхъ частныхъ вопросовъ „должно предшествовать принципіальное признаніе необходимости *выкупа государствомъ*". Но изъ другихъ мѣстъ его статьи, какъ мы видѣли, достаточно явствуетъ, что—говоря словами катихизиса—„сіе нужно понимать духовно". Ибо „должно опредѣляться... въ зависимости отъ мѣстныхъ условій" даже то, „какой критерій долженъ быть принятъ въ основаніе при опредѣленіи правъ того или другого разряда сельскаго населенія на *государственное содѣйствіе*". Значитъ, вмѣсто торжественнаго „выкупа государствомъ" мы имѣемъ болѣе скромное „содѣйствіе государства" при выкупѣ. Но вѣдь государство „посодѣйствовало" и въ 1861 году. *Кому* оно дѣйствительно посодѣйствовало и насколько—это ужъ другой вопросъ. Но вѣдь тотъ же „вопросъ" остается и въ примѣненіи къ плану г. Герценштейна. Отвѣтъ на этотъ вопросъ можно до извѣстной степени найти у него же. Не на всѣ условія выкупа онъ набрасываетъ густой флеръ формулы „сообразно мѣстнымъ условіямъ". Онъ въ нѣкоторыхъ слу-

чаяхъ считаетъ нужнымъ очень ясно оговорить, напримѣръ, что на мелкія владѣнія помѣщиковъ выкупъ простираться не долженъ; далѣе, что „необходимо принимать во вниманіе, какое вліяніе могло бы оказать на частновладѣльческое хозяйство принудительное отчужденіе земли; можно ли продолжать хозяйство на уменьшенной площади; не будутъ ли при измѣнившейся площади постройки слишкомъ обременительны и т. д. Наконецъ, при выкупѣ ему представляется необходимымъ условіемъ „стремиться къ сохраненію цѣльности хозяйственной единицы, чтобы не нарушить хозяйства и связанныхъ съ нимъ производствъ“. Словомъ сдѣлать такъ чтобы выкупъ какъ будто былъ, и какъ будто его и не было. Задача, достойная отысканія квадратуры круга! Но—оговаривается еще г. Герценштейнъ—„я далеко не исчерпалъ тѣхъ условій, соблюденіе которыхъ желательно въ интересахъ частнаго землевладѣнія, основаннаго на собственномъ хозяйствѣ“...

Сюда же слѣдуетъ прибавить и другое замѣчаніе, которое г. Герценштейнъ дѣлаетъ ниже: онъ утѣшаетъ тѣхъ помѣщиковъ, которыхъ „не увеселяетъ“ перспектива расплаты съ значительной частью долговъ, что вѣдь при ея погашеніи „для землевладѣльцевъ, у которыхъ будетъ выкуплена часть земли, откроется кредитъ; и они могутъ, въ случаѣ желанія, прибѣгнуть къ дополнительному залогу оставшейся у нихъ земли“.

Итакъ: итоги и задачи реформы—бережно отнестись къ частному землевладѣнію, основанному на собственномъ хозяйствѣ; „пустить кровь“ и этимъ оздоровить частное землевладѣніе, предпочитающее раціональному хозяйству болѣе легкія способы кабальной эксплуатаціи; сохранить мелкихъ частныхъ землевладѣльцевъ и урѣзать крупныхъ, обычно отличающихся абсентеизмомъ, ликвидировать большую часть помѣщичьяго долга, дать въ руки землевладѣльцевъ наличныя оборотныя средства и при этомъ еще создать для землевладѣнія хорошія условія дополнительнаго залога оставшихся земель; нѣсколько улучшить матеріальное положеніе крестьянства, введя въ его жизнь въ то же время, въ видѣ выкупа, еще одинъ факторъ распространенія частно-собственническихъ понятій и взглядовъ.

Еще разъ пересмотрѣвши эти итоги, невольно изумляешься огромному сходству мотивовъ либеральной аграрной программы въ томъ видѣ, какъ ее проектируетъ г. Герценштейнъ, съ такой же программой нашихъ соціалъ-демо-

кратовъ. Да вѣдь это—все то же самое? Разница не въ задачѣ, а въ исполненіи. И со стороны исполненія, несомнѣнно, либеральная программа г. Герценштейна отличается большей продуманностью и большей рѣшительностью въ самомъ основномъ пунктѣ. Она не цѣпляется за какіе-то старинные «отрѣзки» 1861 года и не прицѣпляетъ механически къ нимъ новыхъ, современныхъ потребностей. Она прямо ставитъ цѣль—нѣкоторое облегченіе крестьянской нужды на основѣ еще рѣзче проведеннаго стараго порядка земельной собственности, подрывъ легкихъ способовъ кабальной эксплуатаціи, толчекъ впередъ частному землевладѣнію въ сторону раціональнаго капиталистическаго хозяйствованія. Соотвѣтствіе этой цѣли — для нея единственный критерій реформъ, и, надо отдать ей справедливость, ея средства и ея цѣли въ полной гармоніи. Соціаль-демократамъ, придерживающимся тѣхъ же цѣлей, но осложняющимъ свою задачу несоотвѣтственными привѣсками, г. Герценштейнъ очень резонно и въ весьма популярной формѣ разъясняетъ, что «отношенія, которыя существовали при крѣпостномъ правѣ... давно прекратились. Отношенія, которыя устанавливаются въ настоящее время, построены на другихъ началахъ... Возстановленіе и нарушенныхъ, можетъ быть, интересовъ невозможно... Какъ бы ни были крестьяне надѣлены землей въ 1861 г., это имѣетъ только историческое значеніе и не можетъ быть почвой для новыхъ отношеній». Отсюда и понятны его выводы, даже болѣе смѣлые въ смыслѣ вмѣшательства въ частную собственность, чѣмъ у соціаль-демократовъ: «Исходнымъ моментомъ не долженъ служить тотъ фактъ, что крестьяне 40 лѣтъ тому назадъ чего-то не дополучили, что они были обижены, что помѣщики надѣлили ихъ не всѣмъ тѣмъ количествомъ земли, которымъ они фактически владѣли до освобожденія. Если настаивать на исправленіи стараго правонарушенія, то, независимо отъ шаткости такого принципа и невозможности практически его осуществить, сильнѣйшимъ образомъ пострадали бы во многихъ случаяхъ интересы именно того сельскаго населенія, во имя котораго предлагается реформа. Такая постановка вопроса вела бы къ тому, что въ мѣстностяхъ, гдѣ крестьяне получили все, что имъ слѣдовало бы получить, и гдѣ вслѣдствіе прироста населенія потребность въ землѣ ощущается въ самой сильной степени, пришлось бы оставить всякую мысль о дополнительномъ надѣлѣ. Равнымъ образомъ въ мѣстностяхъ, гдѣ за помѣщи-

ками осталось мало земель, крестьяне должны были бы оставаться въ прежнемъ положеніи».

Все это, разумѣется, совершенно вѣрно, и свидѣтельствуетъ только о томъ, что соціаль-демократическая аграрная программа есть только плохо продуманная и непослѣдовательно проведенная либеральная аграрная программа. Потому же въ соціаль-демократической аграрной программѣ и вопросъ о выкупѣ поставленъ весьма неопредѣленно. Какъ извѣстно, хотя въ ней размѣры выкупаемой земли и низведены до minimum'a («отрѣзки»)—все-таки предполагается выкупъ, именно въ тѣхъ случаяхъ, если «отрѣзки» эти переходили изъ рукъ въ руки путемъ купли-продажи. Это свидѣтельствуетъ лишь снова и снова о фатальномъ недостаткѣ у соціаль-демократовъ принципіальности при рѣшеніи аграрной проблемы.

Мы—противники самой идеи «выкупа». За это насъ готовы иногда обвинять въ безсердечности. Какъ!—спрашиваютъ насъ: вы хотите безвозмездно отнять землю у цѣлаго класса? Но на что вы обрекаете множество лицъ даннаго класса, не имѣющихъ иныхъ средствъ существованія? Вѣдь вы ихъ совершенно разоряете, пускаете по міру съ сумой! Вѣдь они сами—жертвы извѣстныхъ историческихъ обстоятельствъ, а вы хотите всѣхъ ихъ лично наказать за грѣхи строя, ихъ создавшаго! Это несправедливо, это противорѣчитъ даже простой гуманности!

Мы не можемъ принять этого возраженія, потому что оно основывается на полномъ смѣшеніи понятій. Это—два совершенно различныхъ вопроса и различныхъ принципа. Одно дѣло—точка зрѣнія права. Если мы признаемъ за помѣщиками *право* на землю, которой они владѣютъ, то мы естественно приходимъ къ идеѣ объ *уплатѣ* имъ за отчужденіе этого права по его настоящей стоимости, и наоборотъ, согласіе на выкупъ есть косвенное признаніе, косвенная санкція правъ частнаго владѣнія. Другое дѣло—точка зрѣнія человѣчности. Не признавая этого права и потому не выкупая его, общество можетъ изъ гуманитарныхъ соображеній придти къ мысли о необходимости оказать матеріальную поддержку лицамъ, пострадавшимъ отъ общественнаго катаклизма,—совершенно такъ же, какъ оно оказываетъ поддержку лицамъ, пострадавшимъ отъ какого-нибудь естественнаго, природнаго катаклизма, напр., отъ землетрясенія на Мартиникѣ. Но здѣсь является уже совершенно иной критерій. Помощь оказывается только тѣмъ, кто безъ нея

дѣйствительно не можетъ обойтись, и только постольку, поскольку помощь эта необходима для того, чтобы пострадавшіе отъ переворота могли встать на ноги, приспособиться экономически къ новымъ условіямъ жизни, напр. научиться какому-либо производительному труду, какой-нибудь профессіи. Противъ оказанія *такой* помощи—разумѣется, сообразной съ состояніемъ общественной кассы, ибо нельзя заниматься филантропіей въ ущербъ другимъ общественнымъ обязанностямъ—никакой соціалистъ ничего не можетъ имѣть. Но, строго выдерживая свою принципіальную точку зрѣнія, онъ не можетъ признавать правъ собственниковъ, не можетъ санкціонировать ихъ своими дѣйствіями, не можетъ поддерживать идеи выкупа. И потому мы предоставляемъ это оппортунистамъ всѣхъ цвѣтовъ и ранговъ, прикрываются ли они либеральными или марксистскими тогами, являются ли они эксъ-народниками или эксъ-соціальдемократами. И въ настоящее время мы считаемъ болѣе, чѣмъ когда либо, цѣлесообразнымъ систематически бороться противъ современной проповѣди новой выкупной операціи, которую такъ хитроумно обставляютъ различные Витте русскаго либерализма. Пусть же они знаютъ, что мы сумѣемъ открыть крестьянству глаза на истинный характеръ ихъ проектовъ, въ которыхъ, какъ мы видѣли на примѣрѣ г. Герценштейна, внутреннее содержаніе не всегда соотвѣтствуетъ внѣшнему облику.

Въ этотъ разъ намъ пришлось остановиться на прожектахъ г. Герценштейна. «Ему же убо урокъ—урокъ; а ему же дань—дань; а ему же честь—честь». Причины такой чести, оказанной г. Герценштейну, понятны. Еще на знаменитомъ «аграрномъ съѣздѣ» онъ выступилъ едва ли не главнымъ лидеромъ «выкупного» теченія, въ компаніи съ тамъ же заблудившимся г. Мануиловымъ. Г. Герценштейну принадлежитъ рядъ рефератовъ, а теперь и статей, по данному вопросу, онъ далъ наиболѣе серьезную разработку этого пункта либеральной программы; онъ—не только либеральный публицистъ, но и ученый, спеціалистъ въ нѣкоторыхъ областяхъ финансовой науки. Наконецъ, г. Герценштейнъ—воинствующій сторонникъ идеи выкупа, въ ея защиту онъ ведетъ кампанію на два фронта: не только направо, но и налѣво. Поэтому приходится и намъ начать съ этого будущаго министра финансовъ либеральнаго кабинета. Но, въ заключеніе нашей статьи, мы обѣщаемъ, что самымъ внимательнымъ образомъ будемъ слѣдить за продолженіемъ

либеральной кампаніи въ пользу выкупа, за всѣми ея глашатаями и теоретиками, чтобы оцѣнить по достоинству плоды усилій каждаго. Стоя на стражѣ интересовъ трудового крестьянства, рабочаго земледѣльческаго населенія, тѣсно связанныхъ съ интересами всего рабочаго класса и въ частности индустріальнаго пролетаріата, мы не устанемъ предостерегать его противъ всего этого опаснаго прожектерства,—противъ всей этой новѣйшей выкупной бѣлой и черной магіи!

СОЦІАЛИЗАЦІЯ ЗЕМЛИ

съ юридической точки зрѣнія.

Каждая новая общественная программа, подъ знаменемъ которой собираются активныя дѣйствующія силы, кромѣ всѣхъ другихъ враговъ, встрѣчаетъ всегда еще одного крупнаго врага: непониманіе.

Широкія массы людей крайне туги на усвоеніе хотя нѣсколько новыхъ и своеобразныхъ концепцій. Вмѣсто того, чтобы вдуматься, чтобы анализировать по частямъ и схватить въ цѣломъ данную систему воззрѣній, и, слѣдовательно, затратить на это нѣкоторыя усилія мысли—эта межеумочная масса спѣшитъ отдѣлаться отъ такой задачи гораздо болѣе легкимъ способомъ. Она схватываетъ на лету кое-какія боевыя слова новаго направленія, привязываетъ къ нимъ, по созвучію или по ассоціаціи идей, какое-нибудь изъ обычныхъ для себя представленій, и, привѣсивъ такимъ образомъ наскоро къ новой идеѣ какой-нибудь избитый старый ярлыкъ, благополучно идетъ своей дорогой.

Не нужно, конечно, при этомъ, чтобы идея была абсолютно нова — достаточно, если она нова для этой породы умственныхъ сидней, для которыхъ новое сплошь и рядомъ есть лишь—основательно позабытое старое. Лѣность мысли—одинъ изъ величайшихъ враговъ рядового читателя. Не мудрено, если при наличности такой огромной аудиторіи, стремящейся во что бы то ни стало къ умственному покою и равновѣсію, хотя бы отдѣлываясь отъ вопросовъ, а не разрѣшая ихъ, нѣтъ недостатка и въ людяхъ, спекулирующихъ на эту широко распространенную слабость дешевыми полемическими пріемами, не имѣющими ничего общаго съ серьезной идейной критикой.

Аграрная программа нашего направленія, ставящая въ центрѣ своемъ требованіе соціализаціи земли, особенно сильно испытала на себѣ дѣйствіе этого врага—непониманія, вольнаго и невольнаго. И не удивительно. Всякая партійная литература втеченіе долгаго времени осуждена была на подпольное существованіе. Она проникала въ Россію съ вели-

чайшими трудностями и въ маломъ количествѣ. Распространеніе ея было ограничено, поэтому, сравнительно узкимъ кругомъ лицъ, внѣ котораго ознакомленіе съ партійными взглядами неизбѣжно было крайне отрывочнымъ, случайнымъ и неполнымъ. И въ то же время отвѣчающая данной общественной программѣ дѣятельность естественно приковывала къ себѣ все большее и большее вниманіе. Причиной этого являлась сначала исключительно исходившая изъ рядовъ даннаго направленія энергическая политическая борьба; затѣмъ сюда присоединилась опредѣленная роль въ предвидѣніи и оформленіи современнаго аграрнаго движенія. По мѣрѣ того, какъ событія дѣлали данную программу популярной, о ней стали говорить, толковать ее вкривь и вкось. И трудно перечислить, сколько различныхъ пониманій программы явилось на свѣтъ божій въ этой атмосферѣ повышеннаго интереса и недостатка средствъ ознакомленія. Иного нельзя было и ожидать, если принять во вниманіе, сколько жгучихъ страстей возбудило, сколько жизненныхъ интересовъ задѣло наше направленіе своими выступленіями въ политической и соціальной области. Не только открытые или замаскированные классовые враги, но и „друго-враги" изъ иныхъ соціалистическихъ фракцій не мало потрудились надъ тѣмъ, чтобы сбить съ толку общественное сознаніе и затѣмъ ловить рыбу въ мутной водѣ предубѣжденій, непониманія и кривотолковъ.

Въ самомъ дѣлѣ, одни, услыхавши краемъ уха, что центральнымъ пунктомъ нашей программы является *соціализація земли*, заключаютъ, не мудрствуя лукаво и судя просто по созвучію словъ (мыслить словами легче, чѣмъ понятіями), что мы включаемъ въ программу-minimum *соціалистическую организацію земледѣлія...*

Другіе идутъ немножко дальше и, отрѣшившись отъ этого слишкомъ ужъ нелѣпаго предразсудка, говорятъ о соціализаціи земли, какъ о системѣ, устанавливающей переходъ земли къ земледѣльцу; но, не мудрствуя лукаво о юридической формулировкѣ этого требованія, и услыхавши краемъ уха, что сельская община играетъ въ построеніяхъ нашихъ видную роль, „очень просто" приравниваютъ *соціализацію* земли къ раздѣлу ея въ *собственность* отдѣльныхъ общинъ.

Третьи идутъ еще немного, хотя и очень немного, дальше. Они понимаютъ, что современная крестьянская община имѣетъ, прежде всего сословный характеръ; они понимаютъ и то, что соціализація земли произойдетъ при условіи уничтоженія всякихъ сословій и что уже по одному тому современная

община не можетъ сдѣлаться субъектомъ собственническихъ правъ на землю. И вотъ, они дѣлаютъ новое умственное напряженіе. Они смутно рисуютъ себѣ соціализацію земли, какъ созданіе въ свободномъ демократическомъ государствѣ исключительной корпоративной собственности земледѣльцевъ, т. е. переходъ земли въ собственность профессіональнаго союза или профессіональныхъ союзовъ земледѣльцевъ.

Наконецъ, четвертые, вдумавшись еще немножко больше въ идею соціализаціи замли, въ ея существо, какъ принципа перехода земли ко всему народу, легко приравниваютъ ее къ требованію перехода земли въ собственность *государства* и начинаютъ понимать „соціализацію" какъ синонимъ „національизаціи".

Но тутъ то и начинается переходъ отъ одной, первой серіи недоразумѣній къ другой, второй. Съ „соціализаціей" земли у рядового читателя нерѣдко происходила путаница потому, что это было для него слово незнакомое. Зато съ національизаціей земли происходитъ постоянная путаница потому, что это—слово знакомое. А извѣстно, что всѣ „знакомые", ходячіе термины легко вульгаризируются: ихъ всѣ употребляютъ, но каждый вкладываетъ въ нихъ свое излюбленное содержаніе, и они, словно давно обращающаяся монета, ходятъ въ полустертомъ видѣ, съ множествомъ посторонниxъ наслоеній. Не избѣгло этой участи и понятіе „національизація земли".

Одни съ этимъ словомъ немедленно связываютъ представленіе о „единомъ налогѣ" Генри Джорджа, какъ панацеѣ отъ соціальныхъ золъ. Другіе — немедленно представляютъ себѣ превращеніе центральныхъ государственныхъ органовъ въ юридическую личность, впитавшую въ себя всѣ права землевладѣльца и относящуюся къ отдѣльнымъ гражданамъ, какъ къ конкуррирующимъ кандидатамъ на роль арендаторовъ государственной земли. Третьи, отрѣшаясь отъ различныхъ конкретныхъ формъ земельной реформы, предлагаемыхъ различными буржуазными „національизаторами", объединяютъ въ понятія „національизаціи" общіе имъ признаки: признаніе за земельной реформой значеніе панацеи въ соціальномъ вопросѣ; противопоставленіе „національизаціи" соціализму; бюрократически - централистскій характеръ реформы; крайне зависимое и необезпеченное положеніе пользующихся землею. Наконецъ, четвертые вкладываютъ въ понятіе „національизаціи" только самый общій и неопредѣленный смыслъ— подъ этимъ словомъ они разумѣютъ абстрактный принципъ

изъятія земли изъ частной собственности и передачи ея всему народу, въ лицѣ государственныхъ органовъ его.

Теперь представьте себѣ рядового читателя, незнакомаго или слабо знакомаго по первоисточникамъ съ „національзаціей", представьте себѣ, что онъ попадаетъ въ атмосферу споровъ о томъ, въ какомъ отношеніи одна къ другой стоятъ эти идеи—и вы легко поймете, сколько самыхъ причудливыхъ комбинацій можетъ составиться въ результатѣ различнаго пониманія какъ того, такъ и другого термина... Быть можетъ, большинство споровъ запутывается изъ-за того, что спорящіе и не замѣчаютъ, насколько различное содержаніе вкладываютъ они въ слова, которыя оба одинаково употребляютъ. Неустановленность, путаница въ терминологіи есть такая вещь, изъ которой выбраться къ правильному обсужденію вопроса можно лишь съ величайшими трудностями; и не даромъ говорятъ, что правильная, методическая постановка вопроса есть уже половина рѣшенія.

Я надѣюсь, поэтому, что читатели не удивятся, если увидятъ, что я считаю необходимымъ посвятить цѣлый очеркъ *юридической* формулировкѣ „соціализаціи земли" и отграниченія этого понятія отъ другихъ, сопредѣльныхъ понятій. Переходя къ этой задачѣ, я считаю нужнымъ сдѣлать еще одну существенную оговорку. Я крайне боюсь, чтобы ходъ моей аргументаціи при усвоеніи его читателемъ не былъ бы извращенъ вмѣшательствомъ тѣхъ или другихъ укоренившихся предубѣжденій и привычныхъ ассоціацій идей. Поэтому, я предложилъ бы читателямъ совершенно отбросить на время все то, что они привыкли думать о „соціализаціи" и „національзаціи". Я начну свое изложеніе намѣренно издалека, и постараюсь не вводить въ свое положеніе никакихъ основныхъ понятій безъ немедленнаго вскрытія всего ихъ содержанія. При этомъ пусть читатели не посѣтуютъ, что иногда не удается избѣжать довольно элементарныхъ разъясненій: это необходимо какъ для цѣльности и ясности изложенія, такъ и для полной стойкости и послѣдовательности въ его ходѣ.

* * *

Итакъ, мы начнемъ лишь съ слѣдующаго элементарнаго положенія. Соціализація земли есть такая система поземельныхъ отношеній, которая предполагаетъ уничтоженіе частной собственности на землю. Какъ видите, положеніе это носитъ чисто-отрицательный характеръ. Оно еще ничего не говоритъ

о томъ, каково положительное содержаніе данной реформы, въ чемъ состоятъ тѣ новые порядки, тотъ новый строй земельныхъ отношеній, который она несетъ съ собою. Иными словами: мы пока еще не говоримъ, *что есть* соціализація земли. Мы начинаемъ съ установленія того, *что она не есть*. Въ этомъ вопросѣ мы не рискуемъ наткнуться на такія разногласія, какъ въ первомъ. А между тѣмъ, принявъ отрицательное опредѣленіе соціализаціи земли за безспорное, мы уже имѣемъ нѣкоторый исходный пунктъ, отъ котораго можемъ шагъ за шагомъ, съ должной осмотрительностью и оглядкой, подвигаться далѣе въ глубь вопроса.

Итакъ, соціализація земли прежде всего является уничтоженіемъ частной собственности на землю, освобожденіемъ земли изъ путъ частной собственности. Вдумаемся на минуту во всѣ послѣдствія этого. Что представляетъ собою современная частная собственность? Исторически она является метаморфозой частной собственности, какъ института римскаго права. Къ послѣднему она относится, примѣрно, такъ, какъ слинявшая, выцвѣтшая копія — къ своему оригиналу. „Наша современная частная собственность—говоритъ А. Менгеръ—исходитъ изъ римскаго права, въ которомъ она представляется, какъ принадлежащая отдѣльной личности неограниченная власть надъ матеріальной вещью“. Но нетрудно убѣдиться, что, несмотря на все идолопоклонство современныхъ юристовъ и законодателей передъ „священной собственностью“, на дѣлѣ „неограниченность“ власти собственника давно уже стала фикціей. Съ одной стороны законодательство, уставы и правила—строительные, санитарные, промысловые, горные, полевые, лѣсные, водные, пожарные, дорожные, спеціально-аграрные и т. п.—заключили и продолжаютъ заключать власть собственника въ совершенно опредѣленныя и тѣсныя рамки. Только въ предѣлахъ этихъ съуживающихся рамокъ собственникъ можетъ двигаться свободно и независимо. Право принудительнаго отчужденія государствомъ (какъ, напримѣръ, въ случаяхъ проведенія дорогъ, каналовъ, перестройки въ видахъ санитарныхъ городовъ, прокладыванія новыхъ улицъ и т. п.) особенно ярко иллюстрируетъ миѳическій характеръ „неограниченности“ власти собственника. Не менѣе яркую иллюстрацію представляютъ и „заповѣдныя имѣнія“. Съ другой же стороны, съуживаются и размѣры пользованія плодами „собственности“. И здѣсь между собственникомъ и собственностью встаетъ государство со своей системой налоговъ и повинностей, связанныхъ съ облада-

ніемъ собственностью и захватывающихъ иногда львиную долю дохода. Наконецъ, въ современной усложнившейся соціальной средѣ возникаетъ масса отношеній между частными лицами, опутывающихъ иногда собственность такою сѣтью обязательствъ (для примѣра достаточно взять залогъ, или хотя бы такой институтъ, какъ вѣчно-наслѣдственная аренда), что собственнику, этому въ теоріи неограниченному владыкѣ, иногда на дѣлѣ не остается ничего, кромѣ крайне тяжелыхъ обязанностей. И замѣтьте, что еще до сихъ поръ законодательство дѣлало крайне мало, въ иныхъ же странахъ не дѣлало ничего или почти ничего, для огражденія неимущихъ классовъ населенія. Почти всѣ ограниченія собственности, указанныя выше, предприняты въ интересахъ дирижирующихъ классовъ, т. е. классовъ, которые сами обладаютъ собственностью и безъ крайней нужды никогда не склонны идти на урѣзыванія тѣхъ самыхъ „вѣчныхъ и священныхъ правъ“, которыми они такъ обильно надѣлены за счетъ неимущихъ слоевъ населенія, наиболѣе чувствующихъ потребность въ защитѣ отъ грознаго Молоха отсутствующей у нихъ собственности [1]). И, тѣмъ не менѣе, „современная частная собственность стала только тѣнью римскаго правового института“; „собственникъ именно въ наиболѣе важныхъ случаяхъ оказывается занимающимъ чуть ли не скромное положеніе управляющаго, связаннаго при пользованіи своимъ правомъ на каждомъ шагу согласіемъ представителей государственной власти и даже принужденнаго значительную часть своего имущества уступать государству (и владѣльцамъ ипотекъ“ [2]).

Такимъ образомъ, теорія „неприкосновенности“ и „неограниченности“ собственника есть не болѣе, какъ нѣкотораго рода теоретическій „жупелъ“. Имъ лишь стараются запугивать наивную и робкую публику. Дѣлается это постоянно въ тѣхъ случаяхъ, когда ограниченія или экспропріація собственности выдвигаются въ интересахъ рабочаго народа. Тогда самыя скромныя притязанія этого рода объявляются колебаніемъ самыхъ основъ общежитія. То, что безъ всякихъ разговоровъ дѣлается въ интересахъ большинства имущихъ, какъ вещь естественная и сама собою понятная, — кажется ужаснымъ покушеніемъ на устои общества, если направляется

---

[1]) Ср. А. Менгеръ. „Гражданское право и неимущіе классы населенія“. Изд. книгоиздательства „Просвѣщеніе“.

[2]) А. Менгеръ, „Новое ученіе о государствѣ“, пер. Б. Кистяковскаго, стр. 102.

на благо рабочихъ массъ. Итакъ, ссылки на неограниченность собственности являются сознательнымъ или инстинктивнымъ лицемѣріемъ. И это лицемѣріе пускается въ ходъ каждый разъ, когда буржуазіи приходится бороться противъ враждебныхъ ей соціальныхъ принциповъ, все равно—идутъ ли они справа или слѣва, представляютъ ли они пережитокъ прошлаго или зародышъ будущаго. Фикція неограниченности собственности въ прошломъ съ особеннымъ жаромъ проповѣдывалась тогда, когда юному капиталу приходилось бороться со связанной феодальной или общинной собственностью. Съ не меньшимъ жаромъ провозглашается она и теперь, когда ему приходится бороться противъ стремленій къ обобществленію собственности въ интересахъ рабочаго класса. Этой полезной фикціей теоретики буржуазіи очень удачно пользовались и пользуются, хотя, конечно, въ большинствѣ случаевъ прекрасно понимаютъ настоящее положеніе дѣла. Фактически подъ вопросомъ было не то—ограничивать собственность или нѣтъ,—а лишь то, *какъ и въ чью пользу* ее ограничивать: въ интересахъ ли собственническихъ классовъ или въ интересахъ классовъ трудящихся и неимущихъ.

Конечно, и собственность по римскому праву *фактически* отнюдь не была столь абсолютно независимой и неограниченной, какъ это можно было бы думать. Не слѣдуетъ поддаваться, въ сужденіяхъ о вопросахъ факта, тому теоретическому представленію о ней, которое составляетъ „духъ римскаго права", и которое—хотя даже и „не было вполнѣ опредѣленно высказано римлянами,—лежитъ въ основѣ всего ихъ отношенія къ вопросу о частной собственности". Дѣйствительность была далека отъ теоріи. Но дѣло въ томъ, что „соціальная связанность" римской собственности была особаго рода: она составляла пережитокъ семейно-родовой связанности, т. е. была устарѣлымъ, отживающимъ институтомъ. И противъ него теорія неограниченности собственности выступала, какъ боевой лозунгъ новаго времени, какъ прогрессивный, какъ исторически-творческій, какъ новый правообразующій принципъ. Съ развитіемъ обширной торговли и капиталистическаго хозяйства, принципы индивидуализма все болѣе властно давали знать о себѣ. Они постепенно вторгались въ римское право, сначала просачиваясь въ него въ рамкахъ старыхъ нормъ, путемъ обходныхъ толкованій и чисто фиктивныхъ его примѣненій. Затѣмъ они уже вламывались въ него открыто и побѣдоносно перестраивали его на новыхъ началахъ. „Въ послѣдній періодъ развитія рим-

скаго права... оно оттѣснило на задній планъ всѣ коллективныя формы обладанія и пришло — по крайней мѣрѣ, въ теоріи — къ той формѣ почти неограниченнаго господства человѣка надъ вещью, которая, получивъ извѣстность подъ именемъ „*квиритской собственности*“, стала для европейской юриспруденціи единственнымъ типомъ и идеаломъ всякаго порядка собственности“ [1]). Новыя формы соціальной связанности тогда еще не успѣли вырости, окрѣпнуть и опредѣлиться (настолько не успѣли, что въ теченіи первыхъ четырехъ вѣковъ по Р. Х. поземельная собственность въ Италіи была даже совершенно свободна отъ государственнаго налога), старыя же разрушались или подлежали разрушенію. Правда, на практикѣ нѣтъ и никогда не было собственности, не связанной соціально; правда, напрасно стали бы мы искать въ исторіи права и сравнительномъ правовѣдѣніи „индивидуальную собственность безъ всякаго слѣда коллективизма“ [2]); однако, въ этотъ моментъ „соціальная связанность“ собственности ближе всего подходила къ минимуму; а потому болѣе чѣмъ когда-либо *идея* частной собственности могла въ теоріи смѣло перешагнуть всѣ границы, налагаемыя суровой практикой. Какъ „чистая идея“, она могла пережить эпоху своего наибольшаго торжества, наслѣдовать „жизнь вѣчную“, пережить всѣ историческія мытарства и воскреснуть снова, какъ боевой лозунгъ буржуазіи, какъ ея „крылатая мечта“. Именно какъ таковая она и „сдѣлалась со времени рецепціи римскаго права въ Западной Европѣ всеобщимъ идеаломъ народовъ, унаслѣдовавшихъ римскую культуру“ [3]). Фактическое несуществованіе и даже неосуществимость *такой* идеальной собственности не мѣшала дѣлу. Вѣдь всякій идеалъ есть своего рода „предѣльное понятіе“. Подобно тому, какъ кругъ является, говоря языкомъ математики, предѣломъ вписаннаго въ него многоугольника съ послѣдовательно увеличивающимся числомъ сторонъ—многоугольника, который можетъ безконечно приближаться къ кругу, никогда съ нимъ однако не совпадая,— такъ и это абстрактное понятіе собственности является „соціальнымъ предѣломъ“ буржуазной собственности, къ которому возможно безконечное приближеніе, но не полное со-

[1]) Ю. С. Гамбаровъ въ „сборникѣ лекцій Русской Высшей Школы обществ. наукъ“, стр. 463.

[2]) Тамъ же, Тарбуріешъ (Tarbouriech), „Понятія индивидуальной и коллективной собственности“, стр. 401.

[3]) Гамбаровъ „Право собственности“, стр. 463.

впаденіе—ибо онъ недосягаемъ, какъ всякій идеалъ. Такая „идеализація“ собственности безусловно необходима для существующаго порядка. Она маскируетъ грубую дѣйствительность. Не будь ея, пришлось бы прозаически опредѣлить современную собственность, какъ такую мѣру власти отдѣльнаго лица надъ движимыми и недвижимыми вещами, которая наиболѣе гарантируетъ для него извлеченіе незаработаннаго дохода изъ труда неимѣющихъ собственности лицъ, въ то же время наименѣе мѣшая заниматься этимъ дѣломъ другимъ, ему подобнымъ. Конечно, гораздо лучше, когда можно опредѣлить собственность, какъ „высшее“, „всестороннее“ господство надъ вещью въ совокупности ея отношеній—какъ абсолютное, неограниченное, индивидуальное и вѣчное право, по своей полнотѣ и исключительности сравнивающееся лишь съ властью человѣка надъ самимъ собою и въ этомъ смыслѣ представляющее собою какъ бы гордое выступленіе человѣческой личности за границы своей собственной индивидуальной природы...

Такъ буржуазный паразитизмъ облекается въ тогу истинно-человѣческаго величія... „*Человѣкъ!*“. „*Свободная собственность!*“—„Поистинѣ, это звучитъ гордо“...

* * *

Наше требованіе соціализаціи земли съ его отрицательной стороны означаетъ уничтоженіе частной собственности на землю. Въ этомъ согласны всѣ; но не всѣ дѣлаютъ изъ этого положенія необходимые логическіе выводы. Разсуждая о томъ, кому же достанется экспропріированная земля, иные аргументируютъ такъ, какъ будто бы земля не изъемлется вовсе изъ круга дѣйствія началъ собственности, а лишь передвигается въ руки какого то единаго конкретнаго собственника, напр., государства или области и т. п. Это—серьезное недоразумѣніе, которое должно быть радикально устранено. При современномъ поземельномъ строѣ, когда земля есть такой же товаръ, какъ и всякіе другіе, государство также является однимъ изъ собственниковъ. Оно владѣетъ землей на началахъ современнаго частнаго права: можетъ путемъ покупокъ увеличивать свою земельную площадь, путемъ продажъ уменьшать ее; можетъ сдавать ее въ аренду или капиталистически обрабатывать и т. п. Состоитъ ли соціализація земли просто на просто въ томъ, чтобы тѣми или иными путями передвинуть всю землю на началахъ того же частнаго права въ руки государства? Ничего подобнаго.

Въ этомъ то и заключается одно изъ существенныхъ различій между вульгарной націонализаціей, какъ ее представляютъ себѣ лѣвые „кадеты“, и соціализаціей земли по нашей программѣ. Соціализируя землю, мы отбираемъ у нынѣшнихъ собственниковъ извѣстную сумму правъ на землю; но развѣ мы просто на просто передаемъ эту сумму правъ, опредѣляемую понятіемъ собственности, jus utendi et abutendi римскаго права, какому то опредѣленному органу общественнаго управленія—и только? Развѣ самый объемъ и характеръ этихъ правъ не реформируется самымъ радикальнымъ образомъ? Этотъ вопросъ достаточно поставить, чтобы на него отвѣтить. Соціализируя землю, мы именно ставимъ ее въ такое положеніе, при которомъ обычныя опредѣленія частнаго права къ пользованію ею становятся болѣе неприложимы. Мы не дѣлаемъ землю ни имуществомъ общины, ни имуществомъ области, мы не переводимъ ее и просто въ разрядъ современныхъ „государственныхъ имуществъ“. Мы дѣлаемъ ее *ничьей*. Именно, какъ *ничья*, она и становится *общенароднымъ достояніемъ*. Инымъ сторонникамъ соціализаціи земли, однако, это положеніе кажется слишкомъ неопредѣленнымъ и употребленные здѣсь термины—слишкомъ не юридичными. „Вѣдь мы обобществляемъ землю въ рамкахъ буржуазнаго строя; мы должны считаться съ опредѣленіями римскаго права собственности; скажите, кто же вмѣсто отдѣльнаго лица становится послѣ соціализаціи субъектомъ правъ на землю; кто этотъ „обще-народъ“, о которомъ вы говорите, кто его представляетъ?“ На первую часть этого вопроса отвѣтъ простъ: въ рамкахъ буржуазнаго строя, въ рамкахъ товарнаго производства мы, однако, боремся противъ самыхъ устоевъ его, и въ первую очередь изъемлемъ землю изъ товарнаго оборота; и поскольку мы ее изъемлемъ, поскольку мы прекращаемъ ея нахожденіе въ сферѣ дѣйствія современнаго частнаго права. Стремленіе разсмотрѣть съ строго юридической стороны сущность земельнаго переворота можно только привѣтствовать. Но при этомъ юридическомъ разсмотрѣніи нельзя же забывать, что рѣчь идетъ объ установленіи новыхъ правовыхъ началъ. А потому всѣ желающіе быть „юридичными“ должны понатужиться и вырваться изъ круга обычныхъ понятій римскаго права Они должны вспомнить прежде всего о томъ, это римское право. въ сущности, народу совершенно чуждо, навязано ему сверху и успѣло его коснуться лишь поверхностно. Современному праву частной поземельной собственности въ Россіи не болѣе

одного съ четвертью вѣка, развитіе его шло очень медленно и слабо. Оно не успѣло проникнуть всей жизни народа, чѣмъ и объясняется сила народнаго воззрѣнія на землю, какъ на общее достояніе, которымъ должны пользоваться тѣ, кто на ней трудится и пока трудится. И во многихъ другихъ мѣстахъ, какъ въ Германіи, напр., римское право было навязано народу противъ его воли и вопреки его потребностямъ абсолютистскими князьями и юристами, но тамъ оно успѣло укорениться. У насъ же новыя правовыя воззрѣнія соціализма выступили противъ буржуазныхъ правовыхъ началъ тогда, когда эти послѣднія еще не успѣли побѣдить народныхъ трудовыхъ правовыхъ воззрѣній. Будемъ же смѣлѣе, внесемъ въ неокрѣпшія и смутныя народныя воззрѣнія всю логичность и силу новыхъ взглядовъ, не будемъ безсильно путаться въ терминахъ устарѣлаго римскаго права,—мы должны стремиться къ тому, чтобы оно на нашей почвѣ отцвѣло, не успѣвши расцвѣсть!

Къ сожалѣнію, очень многіе товарищи не могутъ выбиться изъ заколдованнаго круга старыхъ правовыхъ понятій, а потому и создаютъ для себя искусственно цѣлый рядъ ненужныхъ недоразумѣній, которыя разрѣшить имъ никакъ не удастся. Возьмемъ хотя бы приведенный выше примѣръ. Насъ иногда спрашиваютъ съ недоумѣніемъ, о какомъ такомъ „обще-народѣ“ идетъ у насъ рѣчь? Кто его представляетъ? Хотятъ, чтобы мы непремѣнно указали какое нибудь конкретное общественное учрежденіе, которое можно было бы разсматривать, какъ юридическое лицо, къ которому и перешла земля. Но „народъ“ не исчерпывается своими общественными и государственными учрежденіями. Онъ, кромѣ того, есть совокупность живыхъ индивидовъ. Перенесемъ ли мы черезъ ихъ голову права на землю къ какимъ нибудь учрежденіямъ? Забудемъ ли мы ихъ? Нѣтъ! При соціализаціи земли мы отбираемъ у индивидуума извѣстную сумму правъ; но развѣ мы оставляемъ личность до чиста обобранной, развѣ мы не замѣщаемъ изъятыхъ у нея правъ иными? Личность остается субъектомъ нѣкоторыхъ юридическихъ правъ на землю; забыть это можно лишь по недоразумѣнію, не представляя себѣ иныхъ правъ, кромѣ правъ собственническихъ. Но мы можемъ признать за каждой личностью трудовое право на пользованіе землей, при чемъ, конечно, это право ограничивается равнымъ правомъ каждой другой личности на такое же пользованіе. Разъ мы исходимъ изъ этого субъективно-публичнаго права, то совершенно ясно, что органы народнаго самоуправленія,

отъ общины до центральныхъ учрежденій, будутъ для насъ вовсе не искомыми суверенными собственниками земли, спорящими изъ-за этого суверинита, а регуляторами личныхъ трудовыхъ правъ на землю. Ихъ задача—установить въ каждый данный моментъ гармонію между наличными индивидуально-трудовыми правами. Формы установленія такой гармоніи могутъ быть крайне разнообразны; мы мыслимъ ихъ себѣ развивающимися все далѣе и далѣе; развитіе ихъ въ основномъ и главномъ будетъ состоять въ переходѣ отъ уравнительныхъ системъ распредѣленія и перераспредѣленія земли между отдѣльными хозяйствами и группами хозяйствъ къ уравнительнымъ системамъ коллективной обработки земли.

Итакъ, органы самоуправленія не суверены земли, а регуляторы поземельныхъ отношеній между личностями, за которыми признается равное право на землю.

Еще въ срединѣ 1905 г. я указывалъ на то, что эта *сущность* нашей идеи соціализаціи земли—не новость, что, развивая ее, мы идемъ по стопамъ нашихъ великихъ предшественниковъ—Герцена и Чернышевскаго.

Н. Г. Чернышевскій формулировалъ идею новаго права на землю столь же ясно, сколько сжато и рѣшительно.

„Я—сынъ моей родины, этого довольно, родина поступаетъ со мною, какъ мать: она даетъ мнѣ пріютъ, она даетъ мнѣ наслѣдство, достаточное для моего существованія, если я буду имъ пользоваться; я получаю участокъ изъ государственной собственности.

„Всѣ дѣти равно милы ей,—я получаю столько же, сколько мои братья. Они, быть можетъ, должны были нѣсколько потѣсниться, чтобы дать мѣсто новому гражданину, они не ропщутъ на то, потому что и сами прежде меня получили участіе въ государственной землѣ, такимъ же образомъ; мое право есть ихъ право; явятся новые граждане, и когда мнѣ придется, въ свою очередь, потѣсниться для нихъ, я не ропщу на то, потому что самъ помѣщенъ былъ въ участіе наслѣдства моей родины такимъ же образомъ—ихъ право есть мое право“.

Не менѣе опредѣленно и ясно высказывается и Герценъ. „Закрѣпляя право каждаго на землю, т. е. объявляя землю тѣмъ, что она есть—*неотъемлемой стихіей*,—мы только подтверждаемъ и обобщаемъ народное понятіе объ отношеніи человѣка къ природѣ. Отрекаясь отъ формъ, чуждыхъ народу, втѣсненныхъ ему полтора вѣка назадъ, мы продол-

жаемъ прерванное и отклоненное развитіе, вводя въ нее новую силу мысли и науки".

* * *

Формулируя свои требованія соціализаціи земли, мы во избѣжаніе дальнѣйшихъ недоразумѣній должны попробовать самымъ рѣзкимъ и послѣдовательнымъ образомъ порвать съ терминологіей римскаго права,—чего еще не дѣлалъ Чернышевскій, пользуясь для характеристики новаго поземельнаго строя такимъ неудачнымъ выраженіемъ, какъ просто „государственная собственность". Должно быть ясно понято, что здѣсь мы переходимъ въ совершенно, такъ сказать, другую плоскость. Поэтому, когда приходится характеризовать юридическое положеніе земли при ея „соціализаціи" терминъ „общенародное достояніе" я предпочитаю термину „общенародная собственность". Лучше бросимъ совсѣмъ это слово „собственность", невольно тянущее за собою рядъ обычныхъ буржуазныхъ представленій. Намъ иногда возражаютъ, что, изымая землю изъ внутренняго товарнаго оборота, мы не изъемлемъ ея изъ международнаго оборота: отдѣльныя націи или государства все-таки будутъ противостоять другъ другу, какъ собственники своихъ территорій, будутъ и уступать ихъ другъ другу въ силу договоровъ на началахъ частнаго права. И здѣсь опять смѣшеніе совершенно различныхъ понятій. Уступка однимъ государствомъ другому извѣстной территоріи есть уступка суверенныхъ *государственныхъ* правъ на территорію и людей, на ней обитающихъ, а вовсе не уступка права поземельной собственности. По Версальскому договору Франція уступила Германіи Эльзасъ-Лотарингію, но развѣ это значитъ, что эльзаскіе землевладѣльцы-французы перестали быть собственниками своихъ имѣній? Тоже происходитъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда государство уступаетъ территорію за деньги. Въ стоимости территоріи оно капитализируетъ не ренту. Оно капитализируетъ лишь свои доходы съ этой территоріи, какъ суверена, облагающаго населеніе податями, косвенными налогами и вообще имѣющаго тѣ или иныя, коммерческія или стратегическія выгоды отъ обладанія данной территоріей. И это недоразумѣніе, такимъ образомъ, надо устранить. Наконецъ, чтобы еще полнѣе провести разрывъ съ буржуазной терминологіей, въ свое время въ партійномъ проектѣ программы даже слова „распоряженіе соціализированной землей" были замѣнены словами „завѣдываніе соціализированной землей". Такъ какъ

для человѣка, мыслящаго терминами римскаго права, „распоряженіе есть одно изъ проявленій права собственности и только его одного“, то мы и предпочли слово „завѣдываніе“—это терминъ чисто экономическій, не влекущій за собой никакихъ нежелательныхъ представленій изъ области буржуазной юриспруденціи.

Уже теперь выясняется съ достаточной опредѣленностью, насколько программа соціализаціи земли отличается отъ программы буржуазныхъ націонализаторовъ всѣхъ толковъ и видовъ, отъ Генри Джоржа и Уоллеса до Флюршейма и Оппенгеймера. Духовную сущность, сердцевину ихъ теоріи составляютъ прежде всего слѣдующіе взгляды: современный частно-правовой строй съ его свободой конкурренціи есть нормальный строй человѣческаго общежитія; въ экономическихъ бѣдствіяхъ массъ онъ нисколько не повиненъ; вся бѣда отъ того, что этотъ строй, основанный на полной свободѣ частной предпріимчивости, никогда не могъ развернуться вполнѣ, всецѣло; его благодѣтельныя послѣдствія уродуются вліяніемъ начала, совершенно чуждаго его основамъ—начала монополіи, выражающагося въ частной собственности на землю; уничтожимъ этотъ по самому своему существу монопольный видъ частной собственности, и эксплуатація, въ послѣднемъ счетѣ всегда происходящая отъ монополіи, исчезнетъ. Итакъ, націонализаторская школа стоитъ, по существу, на почвѣ основныхъ буржуазныхъ принциповъ, мечтая лишь дать имъ вполнѣ послѣдовательное развитіе во всей ихъ чистотѣ. Съ этимъ тѣсно связана и вся ихъ концепція націонализаціи земли, какъ положительной системы. Для однихъ она состоитъ въ передвиженіи всей поземельной собственности въ руки государства; обрабатывающіе землю являются обыкновенными свободными арендаторами; сущность частно-правовыхъ отношеній остается та же, только въ ихъ рамкахъ происходитъ концентрація собственническихъ правъ у одного юридическаго лица—центральной государственной власти. Другимъ кажется достаточной еще болѣе простая мѣра—конфискація путемъ особаго налога всей поземельной ренты; фактически это должно уничтожить всѣ экономическія преимущества собственника, какъ монополиста и эксплуататора. Въ томъ и другомъ случаѣ свободная игра соперничающихъ силъ приводитъ, по мнѣнію націонализаторовъ, какъ къ своему логическому выводу, къ уничтоженію эксплуатаціи. Характерными чертами обѣихъ буржуазныхъ-націонализаторскихъ системъ является централистическій и бюрократическій ха-

рактеръ предлагаемой ими реформы. Государство, остающееся буржуазнымъ, опирающееся на признаніе святости принциповъ частной собственности и частной предпріимчивости, является единственнымъ колоссальнымъ поземельнымъ собственникомъ; отъ него въ непосредственной зависимости находятся массы мелкихъ и иныхъ арендаторовъ; или же, по другой концепціи, колоссальный фискальный механизмъ охватываетъ ихъ, опредѣляя и конфискуя въ пользу государства поземельную ренту; въ то время какъ наше требованіе соціализаціи земли покоится на принципахъ самой широкой децентрализаціи и гарантіи правъ личности.

Все это буржуазно-націонализаторское теченіе настолько характерно и цѣлостно, что мнѣ кажется болѣе чѣмъ нецѣлесообразнымъ стремленіе нѣкоторыхъ товарищей заимствовать у этого теченія для характеристики нашей программы самый терминъ „націонализація", только пополнивъ его обновленнымъ содержаніемъ. Я боюсь, что этимъ мы не только внѣшнимъ образомъ сблизимъ себя съ теченіями, столь рѣзко противоположными намъ по своему духу и конечнымъ цѣлямъ; я боюсь, что мы введемъ въ заблужденіе значительную часть публики; я боюсь, наконецъ, какъ бы многіе изъ нашихъ товарищей не оказались плѣнниками чужой терминологіи, тѣсно сросшейся съ цѣлымъ рядомъ идей и представленій, намъ чуждыхъ. Конечно, терминологія—дѣло условное, дѣло, до извѣстной степени, литературнаго вкуса, а на вкусъ и цвѣтъ товарищей нѣтъ. Но я лично предпочиталъ бы оставить буржуазнымъ націонализаторамъ ихъ терминологію и ужъ во всякомъ случаѣ не употреблять параллельно и той, и другой. Иначе получается путаница и неразбериха, прекраснымъ примѣромъ которой могутъ служить нѣкоторыя пренія на первомъ партійномъ съѣздѣ. Раскройте „протоколы" этого съѣзда, и вы въ этомъ легко убѣдитесь. Такъ отъ одного изъ ораторовъ вы узнаете, что онъ представляетъ себѣ „соціализацію, какъ путь къ націонализаціи" а отъ другого, что „логически соціализація уже предполагаетъ націонализацію". Вдумайтесь въ сущность ихъ мыслей, и окажется, что тотъ и другой просто употребляли слова „соціализація" и „націонализація" въ различныхъ смыслахъ. Одинъ подъ „соціализаціей" разумѣлъ *процессъ* обобществленія земельной собственности, явно не надѣясь, чтобы въ главномъ и цѣломъ земельная реформа могла осуществиться единовременно; что же касается до *конечнаго результата* этого процесса, то онъ почему то предпочиталъ взять для него

другое слово, и „увѣнчаніе зданія“ объединенія земли въ общественныхъ рукахъ, реформу въ ея окончательномъ, стройномъ и законченномъ видѣ называлъ „націонализаціей земли“. Другой, наоборотъ, подъ „націонализаціей“ разумѣлъ исключительно осуществленіе основного принципа передачи земли *всему* народу, націи; прибавленную же къ этому определенную систему распорядковъ, обезпечивающую трудовое и уравнительное пользованіе этою землею, при децентрализаціи завѣдыванія ею, онъ называлъ „соціализаціей“. Понятно, что при столь различномъ словоупотребленіи одинъ получаетъ, что соціализація ведетъ къ націонализаціи, а другой—что соціализація уже предполагаетъ націонализацію, какъ свое необходимое условіе. Пѣшехоновъ въ „Рус. Бог.“, придерживаясь приблизительно второго словоупотребленія, объявилъ „соціализацію“ частнымъ видомъ „націонализаціи“. Отъ слова не станется, конечно, и словоупотребленіе есть вещь условная. Однако, условиться на какомъ-нибудь одномъ словоупотребленіи необходимо. А такъ какъ понятіе „націонализаціи земли“ исторически чрезвычайно тѣсно ассоціировалось съ совершенно конкретнымъ и опредѣленнымъ *способомъ* разрѣшенія аграрной проблемы, причемъ особенностью этого способа является отчужденіе ренты въ пользу центральной государственной власти на началахъ взиманія *арендной платы*, то было бы гораздо предпочтительнѣе *націонализацію* и *соціализацію* противополагать другъ другу, какъ двѣ разныхъ разновидности одного общаго, родового понятія: уничтоженія частной собственности на землю, и ея функціи—присвояемой частнымъ собственникомъ земли ренты. При этомъ одна система сохраняетъ и ренту, и прибыль на капиталъ, первую взимаетъ въ пользу государства, вторую оставляетъ арендатору (въ извѣстныхъ случаяхъ даже арендатору капиталистическаго типа); вторая же, стремясь установить новое трудовое право на землю, отказывается отъ обложенія права прилагать трудъ къ землѣ, и другими способами „уравненія“ условій пользованія подкапывается подъ ренту и стремится „извести“ ее. Только такое различеніе способно вывести насъ изъ терминологическаго хаоса и путаницы.

Итакъ, я полагаю, что, избирая новый терминъ „соціализація земли“ и порывая съ терминологіей „націонализаторовъ“, мы поступаемъ такъ же правильно, какъ и тогда, когда освобождаемся изъ путъ юридическихъ опредѣленій римскаго права. И пусть не говорятъ намъ, что у термина „соціали-

зація“ могутъ быть свои неудобства, ибо ее могутъ смѣшать съ соціализмомъ. Да, могуть, но кто? Я самъ былъ свидѣтелемъ того, какъ одна провинціальная барынька, услыхавъ въ первый разъ слово „соціальная наука“, была убѣждена, что это означаетъ „соціалистическая наука“. Но, устанавливая терминологію, съ провинціальными барыньками или со спекулирующими на уровень ихъ развитія въ полемикѣ противъ насъ, считаться не приходится. Неудобства отъ принятія терминовъ „національзація„ или „государственная собственность“ гораздо хуже. Эти термины не только не точны; и въ агитаціонномъ отношеніи они неудобны. Они порождаютъ видимость, будто мы „отнимаемъ“ у отдѣльныхъ крестьянъ и крестьянскихъ общинъ и передаемъ государству, какъ центральной власти, всю собственность; а между тѣмъ мы вовсе не мыслимъ при нашей реформѣ роли государства, въ лицѣ его суверенныхъ, центральныхъ органовъ, какъ дѣйствующаго просто-на-просто на правахъ полнаго собственника и неограниченнаго властелина земли. Такой централизаціи собственническаго права, въ смыслѣ классическаго jus utendi et abutendi, мы и не помышляемъ вводить, напротивъ,—возстали бы противъ нея, какъ противъ крайняго деспотизма. Въ области права на землю, какъ и въ области личныхъ *политическихъ* правъ, мы мыслимъ гарантію индивидуальныхъ правъ, правъ трудового пользователя, въ основномъ конституціонномъ законѣ страны,—мыслимъ эти права огражденными и отъ произвола центральной административной власти. Простой примѣръ пояснитъ дѣло всего лучше. Крестьяне имѣютъ передъ собой въ видѣ образца „государственной собственности“ современныя государственныя имущества. Не скажу, чтобы они могли считаться факторомъ „наглядной пропаганды“ преимуществъ государственной собственности. И развѣ мы хотимъ всѣ земли страны перевести на положеніе „государственныхъ имуществъ“? Конечно, нѣтъ; но къ чему же брать термины, которые не только теоретически неудовлетворительны, но въ агитаціонномъ отношеніи скорѣе вредны, чѣмъ полезны?

* * *

Выше мы достаточно, мнѣ кажется, очертили юридическую сущность соціализаціи земли въ отличіе отъ ея національзаціи.

Но существуетъ теченіе, которое впадаетъ въ „максимализмъ“ и „аполитизмъ“, а потому хотѣло бы противопо-

ложеніе между „національзаціей“ и „соціализаціей“ обострить въ смыслѣ полнаго вытравленія изъ нашей земельной программы *государственнаго* элемента. Впервые, это теченіе выразилось на первомъ же общепартійномъ съѣздѣ, гдѣ максималисты впервые выступили со своими лозунгами. Взгляды съ которыми они выступили, были несложны: государство никуда не годится; отдать землю государству значило бы провести національзацію; но вѣдь органы мѣстнаго самоуправленія вплоть до сельскаго суть также органы государственные. Государство въ широкомъ смыслѣ этого слова охватываетъ всю совокупность общественно-правовыхъ союзовъ, обладающихъ принудительной властью. Но какъ же быть? Очевидно, есть только одинъ исходъ: земля достается не этимъ территоріальнымъ, хотя бы и демократически-организованнымъ союзамъ, а „чисто классовымъ организаціямъ“ трудового крестьянства. Ячейкой должна быть „община земледѣльцевъ“ не въ смыслѣ совокупности сельскихъ жителей, связанныхъ въ одно самоуправляющееся цѣлое, а въ смыслѣ свободнаго, добровольнаго трудового союза; что выходитъ по существу изъ узкой арены дѣятельности такой „трудовой общины“, то должно быть въ вѣдѣніи союза такихъ общинъ, вплоть до ихъ національной федераціи. Такимъ образомъ „чисто трудовая“, „чисто классовая“ и вполнѣ „свободная“ организація создалась. До сихъ поръ все шло хорошо. Но тутъ то вдругъ и оказывается, что создана въ сущности просто-на-просто замкнутая корпорація, и земля отдана ей въ собственность. Корпорація, замѣтьте, совершенно свободная, добровольная. Однако „добровольность“ ея довольно страннаго сорта. Земля вся отдана въ полное распоряженіе такого рода корпорацій; иначе говоря, земли нельзя получить иначе, какъ только войдя въ одну изъ нихъ. Конечно, при такихъ условіяхъ поневолѣ „свободно“ войдешь! Но вѣдь войдешь, если примутъ; а если не примутъ? Наши „аполитики“ сами замѣтили, что въ этомъ пунктѣ дѣло не ладно, и придумали, чтобы поправить дѣло, новую сложную надстройку. Чтобы ихъ „чисто классовая“ организація не замкнулась въ касту, не допускающую до земли другихъ, они импровизировали такой проектъ: создаются смѣшанные комитеты изъ представителей крестьянъ и городскихъ рабочихъ, къ которымъ, при желаніи, можно, пожалуй, присоединить и трудовую интеллигенцію. Какимъ образомъ? Кого считать „трудовой интеллигенціей“? Для представительства въ смѣшанныхъ комитетахъ обяжутъ ли и ее „свободно“

соединиться въ „чисто классовыя организаціи трудовой интеллигенціи“? Будутъ ли „смѣшанные комитеты“ просто третейскими судами, вызываемыми къ жизни соглашеніемъ между „классовыми организаціями“ труда въ городѣ и въ деревнѣ? Или они будутъ существовать въ силу закона? Будутъ ли „чисто классовыя организаціи“ обязаны подчиняться этимъ комитетамъ? Каковы будутъ ихъ прерогативы? Кому, наконецъ, какой „классовой организаціи“ попадетъ въ руки городская земля? Ни на одинъ этотъ вопросъ мы не видимъ отвѣта, или даже хотя бы намека на отвѣтъ. Мало того. Поскольку „чисто трудовыя“, „свободныя“ общины трудящихся суть организаціи не общественно-правового, а *частноправового* характера, постольку вѣдь онѣ могутъ соединяться и *распадаться*. Наши „аполитики“ предвидятъ только первый случай: имъ нужно, чтобы общины группировались въ высшіе союзы общинъ, и они мысленно заставляютъ ихъ это дѣлать. Ну, а если община распадается, что будетъ съ землей? Ну, а если „чисто классовая организація“, хотя бы въ видѣ національной федераціи общинъ, вслѣдствіе какихънибудь разногласій расколется на двѣ организаціи, какъ это и бываетъ, скажемъ, съ профессіональными союзами? Какъ тогда быть съ землей? Вполнѣ ясно, что все это построеніе не выдерживаетъ никакой критики. Въ его основѣ лежитъ рядъ анархическихъ представленій. Трудно понять, какимъ образомъ подобную концепцію передачи земли въ собственность какого то всероссійскаго профессіональнаго союза земледѣльцевъ, какимъ образомъ эту „аграръ-синдикалистскую“ концепцію можно выдавать за что-то такое совмѣстимое съ основами нашей соціально-революціонной аграрной программы. Въ ней ясно сказано, что земля переходитъ во владѣніе *общества*, а не замкнутой корпораціи или профессіональнаго союза. Тамъ было сказано, что земля переходитъ въ завѣдываніе „демократически организованныхъ общинъ и такихъ же территоріальныхъ союзовъ этихъ общинъ“. Наши синдикало-максималисты говорятъ, правда, тоже какъ будто объ „общинахъ“ и ихъ союзахъ. Но у нихъ эти общины—вовсе не территоріальные, демократически-самоуправляющіеся союзы населенія. Ихъ общины не имѣютъ ничего общаго ни съ существующими общинами, сословно-крестьянскими, ни съ будущими безсословными, вполнѣ демократическими и вполнѣ самоуправляющимися. Справедливо замѣчено было на томъ же первомъ съѣздѣ, что тѣхъ „трудовыхъ общинъ“, которыя должны

овладѣть землею по идеѣ аграръ-синдикалистовъ, нѣтъ и не было въ русской деревнѣ. Еще бы! Это просто „общины“ анархистской теоріи, существующія лишь въ противорѣчивыхъ и искусственныхъ построеніяхъ, образецъ которыхъ мы видѣли. Но предположимъ даже, что старый текстъ программы былъ бы настолько туманенъ, настолько неопредѣленно сформулированъ, что, съ грѣхомъ пополамъ, путемъ натянутыхъ толкованій можно было бы доказывать, что даже эта концепція не противорѣчитъ ему такъ рѣзко и такъ наглядно, какъ мы видѣли. Но вѣдь кромѣ этого краткаго текста, мы имѣли въ отчетахъ съѣзда и въ оффиціальныхъ партійныхъ изданіяхъ цѣлую литературу комментаріевъ къ нему. Что же, неужели хоть разъ въ ней встрѣчалось что нибудь похожее на эту полу-анархическую концепцію, не выдерживающую никакой критики?

Въ теченіе преній, одинъ изъ немногихъ товарищей по съѣзду, солидарныхъ съ этой концепціей, заявилъ: „мы боимся государства, какъ чортъ ладана“. Нельзя характернѣе этого провести демаркаціонную линію между нашими взглядами и общимъ духомъ вновь выступившихъ воззрѣній. Этого суевѣрнаго страха, характернаго для анархистовъ, мы не имѣемъ. Мы не боимся работы на почвѣ демократическихъ формъ современнаго государства, особенно на почвѣ его органовъ мѣстнаго самоуправленія, въ иныхъ изъ которыхъ мы можемъ имѣть большинство, а, стало быть, и власть значительно раньше пріобрѣтенія большинства во всей странѣ. Мы, конечно, не имѣемъ ничего общаго съ „государственнымъ соціализмомъ“; мы формулируемъ тѣ же условія и оговорки относительно расширенія сферы буржуазнаго государственнаго хозяйства, какъ и революціонные соціалисты всѣхъ странъ. Но дальше этого наша „боязнь государства“ не идетъ. Итакъ, завѣдываніе соціализированной землей должно находиться въ рукахъ демократически организованныхъ территоріальныхъ союзовъ или органовъ самоуправленія. Но они не безконтрольные и не произвольные „владѣльцы“ земли. Ихъ функція—слѣдить за уравнительностью пользованія землею. Они не могутъ нарушать правъ на землю, признанныхъ за индивидомъ; иначе этотъ послѣдній можетъ судомъ возстановить нарушенное право. Въ „Рев. Рос.“ мы уже давно вскрывали конкретное содержаніе понятія „уравнительности землепользованія“ въ томъ же самомъ духѣ, какъ позднѣе въ проектѣ „закона о землѣ“, внесенное депутатами с. р. во вторую Думу за подписями

болѣе ста крестьянскихъ депутатовъ. Мы указывали, что самый грубый способъ уравненія—количественный: большимъ количествомъ худшей земли уравновѣшивается меньшее количество лучшей. Но такое уравновѣшеніе неполно и одностороннее. Оно уравниваетъ количества получаемаго продукта, но не уравниваетъ затратъ труда на лучшей и худшей землѣ. Совершенно естественно и логически, чтобы при раскладкѣ общественныхъ повинностей это имѣлось въ виду, и чтобы на лучшую землю ихъ падало соотвѣтственно больше; особому обложенію, кромѣ дифференціальной ренты, могутъ еще подлежать только образующіеся „сверхъ надѣльные лишки". Эти и другіе способы уравненія существуютъ и теперь въ опытѣ наиболѣе живыхъ и развитыхъ общинъ. Но тамъ они прилагаются лишь къ членамъ отдѣльной общины. Наша поземельная система предполагаетъ, что общественныя коллективности высшаго порядка будутъ по отношенію къ коллективностямъ низшаго порядка исполнять—въ соотвѣтственно усложненныхъ формахъ—тѣ же уравнительныя функціи, какія община исполняетъ въ примѣненіи къ отдѣльнымъ своимъ сочленамъ. Кромѣ того, болѣе обширныя угодья—лѣса, нѣдра земли, рыбныя ловли и т. п. должны поступить, разумѣется, въ распоряженіе соотвѣтственно болѣе широкихъ органовъ самоуправленія. Совершенно ясно, далѣе, что и центральныхъ государственныхъ учрежденій нельзя совершенно обойти. Такіе вопросы, какъ о разселеніи и переселеніи, завѣдываніи резервнымъ земельнымъ фондомъ и т. п., не могутъ разрѣшаться безъ участія центральныхъ органовъ. Это достаточно ясно хотя бы на примѣрѣ сибирскихъ земель, или на примѣрѣ лѣсовъ, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находятся главнѣйшіе водоемы и истоки большихъ рѣкъ; гдѣ отъ нерасчетливаго хозяйства въ одной территоріи можетъ проистечь рядъ бѣдствій для всей страны. Но зачѣмъ бы намъ стараться въ такихъ случаяхъ обходить и игнорировать центральныя учрежденія? Достаточно относиться съ должной осторожностью къ условіямъ возложенія на центральныя учрежденія той или другой культурно-хозяйственной миссіи. Достаточно относиться съ должной осторожностью къ самодѣятельности и правамъ, какъ индивида, такъ и разныхъ самоуправляющихся территоріальныхъ единицъ. Повторяю, мы чужды суевѣрнаго страха передъ государствомъ. Но мы за то большіе сторонники децентрализаціи. Мы стремимся сохранить въ вѣдѣніи мѣстныхъ органовъ самоуправленія, болѣе близ-

кихъ къ народу, все то, что можно сохранить безъ нарушенія болѣе широкихъ и общихъ интересовъ. Мы помнимъ, что въ Россіи эта тенденція къ широкому самоуправленію, къ его децентрализаціи тѣмъ болѣе важна, что для населенія, непривыкшаго постоянно слѣдить за ходомъ общаго законодательства, мѣстное самоуправленіе должно будетъ сыграть роль первоначальной политической школы. Опытъ сельскаго, волостнаго, затѣмъ земскаго и далѣе областнаго самоуправленія дастъ ему послѣдовательно данныя, необходимыя для вполнѣ сознательнаго отношенія и къ болѣе отдаленнымъ и сложнымъ дѣламъ общегосударственнымъ.

* *

Вообще, при самой борьбѣ за соціализацію земли, мы опираемся на *низы*, на трудовое правосознаніе крестьянства, на существующіе въ его средѣ зародыши или остатки элементарнаго, стихійнаго трудового коллективизма. Съ этой точки зрѣнія пріобрѣтаютъ особенный интересъ внѣшнія условія ихъ существованія въ буржуазномъ обществѣ. Подъ знаменемъ „священной собственности“ буржуазія вынуждена вести борьбу на два фронта: съ одной стороны—противъ элементовъ предшествовавшаго ей, феодальнаго и народно-трудового права,—съ другой стороны, противъ зачатковъ общественнаго, соціалистическаго права будущаго.

Господство режима индивидуальной собственности проявляется и прямо, и косвенно. Гдѣ она не въ силахъ ни совершенно истребить остатковъ первоначальнаго народнаго коллективизма, ни совершенно не допускать развитія коллективистскихъ зародышей будущаго, — тамъ она стремится, по крайней мѣрѣ, возможно болѣе ихъ *ассимилировать*. Для этого, какъ тѣ, такъ и другія формы труда и пользованія обставляются правовыми нормами буржуазнаго строя и всячески втискиваются въ нихъ. Даромъ это не проходитъ... Молодые побѣги коллективизма и упорно-живучія трудовыя формы народнаго быта при этомъ претерпѣваютъ иногда незамѣтныя на первый взглядъ внутреннія метаморфозы. Но постоянное накопленіе ихъ приводитъ къ тому, что постепенно онѣ становятся олицетвореніемъ компромисса съ окружающей буржуазной средой. Какъ олицетворенія такого компромисса, они могутъ переживать процессъ все болѣе и болѣе полнаго приспособленія къ средѣ и, наконецъ совершенно утратить значеніе бродильнаго фермента, воплощеннаго противорѣчія

ея современнымъ буржуазнымъ основамъ, живого двигателя въ сторону новыхъ соціальныхъ формъ.

Нагляднымъ примѣромъ сказаннаго можетъ служить положеніе въ рамкахъ буржуазнаго частно-правового строя различныхъ видовъ коллективной собственности (товарищеской, общинной, корпоративной, муниципальной, государственной).

Возьмемъ одинъ изъ наиболѣе яркихъ примѣровъ, приводимый въ своемъ этюдѣ о коллективной и индивидуальной собственности Тарбуріешемъ. Юристы стараго порядка „представляли себѣ общинное имущество какъ бы связаннымъ вѣчной субституціей, т. е. заранѣе установленнымъ порядкомъ наслѣдованія въ кругу членовъ данной общины". Какъ бы ни было искусственно это толкованіе, но оно, по крайней мѣрѣ, считалось съ фактомъ общиннаго имущества, какъ чего-то связаннаго въ нѣкоторое высшее единство, не нарушаемаго въ ряду смѣняющихся лицъ и поколѣній, пользующихся имъ. Теперь посмотримъ, какъ „распорядились" въ этомъ вопросѣ буржуазные дѣятели Великой французской революціи. „Революціонное законодательство не поняло этого принципа и замѣнило теорію субституціи, обезпечивавшую переходъ общаго имущества изъ поколѣнія въ поколѣнія, теоріей слитной, т. е. нераздѣльной общей собственности наличныхъ членовъ общины — теоріей, которая неминуемо должна была повести къ раздѣлу этой общей собственности" [1]). Фактъ переданъ авторомъ вѣрно, но объясненіе нѣсколько наивно. Дѣло здѣсь, конечно, вовсе не въ „непониманіи", или, по крайней мѣрѣ, не только въ немъ. Дѣло въ томъ, что буржуазное законодательство не мирилось и не желало мириться съ общиннымъ имуществомъ, какъ съ явленіемъ sui generis, какъ съ фактомъ своеобразнымъ, противорѣчащимъ началамъ свободнаго расвѣта „квиритской собственности". Пока въ интересахъ монархическо-феодальнаго управленія и фиска было выгодно считаться съ этой формой народнаго хозяйственнаго строя — всегда можно было составить, путемъ вольной интерпретаціи, изъ запутанныхъ нормъ римскаго права искусственную комбинацію нормъ, охраняющую данное положеніе вещей. Но какъ только въ законодательствѣ возобладали интересы развитія „гражданскаго оборота", такъ тотчасъ явилась на сцену другая, не менѣе искусственная интерпретація: общину представляли себѣ въ видѣ нѣкоторой группы лицъ, не успѣвшихъ раздѣлить прі-

---

[1]) Тарбуріешъ. цит. соч., стр. 398.

брѣтеннаго ими имущества, которое есть по существу не что иное, какъ механическая сумма ихъ индивидуальныхъ имуществъ. Такъ происходило „сведеніе“ общиннаго имущества на противоположное ему соціальное явленіе — частную собственность. Буржуазія провозглашала частную собственность сущностью всякаго соціальнаго отношенія и своимъ юридическимъ анализомъ во всемъ находила лишь ту или иную комбинацію частно собственническихъ правъ...

Та же исторія, въ сущности, произошла и съ русской общиной. Возьмемъ два-три примѣра изъ области ея современнаго правового положенія. Собравшійся въ законномъ числѣ сходъ общинниковъ, какъ извѣстно, можетъ постановить двумя третями голосовъ раздѣлъ общинной земли „навѣчно“, т. е. въ частную собственность. Если приговоръ ихъ утвержденъ и вошелъ въ законную силу хотя бы на полъ-минуты, и если послѣ этой полъ-минуты сходъ, спохватившись, постановитъ отмѣнить свое опрометчивое рѣшеніе и вернуться къ старому положенію, — онъ не можетъ этого сдѣлать, хотя бы второе его постановленіе было принято несравненно болѣе компактнымъ большинствомъ голосовъ, хотя бы всѣми голосами противъ одного-двухъ. Въ этомъ ярко сказывается господство принципа индивидуальной собственности и первенство его надъ началомъ коллективизма. Только при единогласномъ рѣшеніи схода по закону могъ бы состояться возвратъ къ общинной собственности. Общее имущество можетъ создаться лишь какъ механическая сумма единогласныхъ желаній частныхъ лицъ слить свои частныя имущества. Но распаденіе общаго имущества на рядъ частныхъ — это другое дѣло: онъ совершается куда проще! Еще болѣе цѣльности вносилъ въ эту концепцію тотъ пунктъ положенія о крестьянахъ, по которому каждый общинникъ могъ безъ спроса общины выдѣлить свой участокъ въ вѣчную собственность, только при одномъ условіи — досрочнаго выкупа его. Наше законодательство лишь съ большою неохотой, послѣ единодушнаго протеста литературы, изслѣдователей народной жизни, многихъ обществъ и земствъ отмѣнило этотъ пунктъ положенія 19-го февраля. Но, по существу, уже и право схода общинниковъ совершить переходъ къ порядкамъ частной собственности, съ точки зрѣнія стараго народнаго трудового права, есть не что иное, какъ крайняя несправедливость и попраніе права. Двѣ трети даннаго случайнаго наличнаго состава могутъ безповоротно ограбить своихъ дѣтей, внуковъ, всѣ будущія поколѣнія, отнявъ у нихъ тѣ самыя выгоды общиннаго земле-

владѣнія, которыя ими были получены, унаслѣдованы отъ ряда предыдущихъ поколѣній! Это совершенно не вяжется въ народнымъ воззрѣніемъ на землю, какъ общее достояніе, на которое имѣютъ право всѣ, кто на ней трудится и пока трудится, — воззрѣніе, которое инымъ юристамъ удается хотя отчасти усвоить, лишь втиснувъ его правдами и неправдами въ понятіе какой-нибудь „вѣчной субституціи".

Не только въ этомъ, однако, проявляется втискиваніе общинныхъ отношеній въ рамки буржуазныхъ началъ. Вся выкупная операція разсчитана была такимъ образомъ, что неизбѣжно вносила въ общинную среду ферменты индивидуализма. Въ самомъ дѣлѣ, обязанность выкупать индивидуально надѣлъ не могла не заставлять крестьянина перенести на него тѣ чисто-собственническія чувства, которыя естественно соединяютя съ заработанными деньгами у каждаго члена современнаго общества. И даже тѣ ограниченія свободы собственности, которыя то же государство иногда ставило въ деревнѣ ради своихъ фискальныхъ интересовъ, не только не могли быть противовѣсомъ его же индивидуалистическихъ вліяніямъ, но даже наоборотъ. Эти ограниченія носили настолько стѣснительный, бюрократическій характеръ, что могли въ крестьянинѣ вызвать даже реакцію въ сторону индивидуализма. Возьмите, напримѣръ, законъ о неотчуждаемости крестьянскихъ надѣловъ. Онъ фактически превратилъ крестьянскія надѣльныя земли почти что въ государственный иммобилизированный фондъ. Но могъ ли онъ, при системѣ одновременнаго индивидуальнаго выкупа этихъ самыхъ земель, играть роль мѣры, подкапывающей психологію частнаго собственника? Конечно, нѣтъ. Оставляя эту психологію неприкосновенной, онъ еще разжигалъ ее рядомъ своеобразныхъ .неудобствъ. Такъ, напр., онъ создалъ для собственника надѣла частично ухудшенное положеніе въ вопросѣ о кредитѣ. И понятно, почему. При неотчуждаемости надѣла, надѣльная земля не можетъ быть обезпеченіемъ займа. Но при отсутствіи надежнаго обезпеченія буржуазное общество предлагаетъ и болѣе тяжкія условія кредита. И вотъ почему сравнительно съ владѣльцемъ надѣла владѣлецъ купчей земли является привилегированнымъ въ смыслѣ кредита лицомъ. Такимъ образомъ система индивидуальной и государственной собственности такъ переплелись въ крестьянской надѣльной землѣ, что взаимно нейтрализуютъ выгоды другъ друга, и даютъ чувствовать крестьянину только невыгоды.

Нечего и говорить, что при этомъ въ правѣ ничего не осталось отъ стараго народно-трудового воззрѣнія на землю.

Крестьяне говорили когда-то, формулируя свои правовыя отношенія къ землѣ и къ помѣщикамъ: „мы — ваши, а земля — наша". И дѣйствительно, власть помѣщика при крѣпостномъ правѣ была болѣе публично-правовымъ отношеніемъ господства надъ населенной территоріей, чѣмъ частно-правовымъ отношеніемъ поземельнаго собственника къ лицамъ, ставшимъ, ради земли, въ опредѣленныя хозяйственныя отношенія къ нему. Но „великіе освободители" русскаго крестьянства исходною точкой реформы приняли фикцію принадлежности всей земли помѣщикамъ на началахъ „квиритской собственности". Отсюда и выкупная операція, которою крестьяне — до тѣхъ поръ якобы не имѣвшіе собственности пролетаріи — „благопріобрѣтали" землю. Иначе говоря, реформа 19 февраля провозгласила обезземеліе, экспропріацію крестьянства, какъ свой исходный принципъ, чтобы затѣмъ дать крестьянству истинно-буржуазный источникъ земельной собственности: оплату чистоганомъ. Этимъ какъ бы ставился окончательно крестъ надъ традиціями исконнаго земельнаго коммунизма. Общимъ характеромъ реформы онѣ были похоронены — увы, лишь для того, чтобы воскреснуть силою упорнаго народнаго правосознанія, вопреки всѣмъ законодательно-бюрократическимъ экспериментамъ, вопреки всѣмъ могучимъ вліяніямъ „господина Купона"...

* * *

Возьмемъ, однако, еще общѣе тотъ же вопросъ — о той „антихристовой печати" (да простится мнѣ это выраженіе), которую буржуазная частная собственность стремится наложить на всѣ элементы коллективизма и коммунизма въ собственности, какъ унаслѣдованные отъ прошлаго, такъ и являющіеся зародышами будущаго. Это стремленіе частной собственности наложить свою печать даже на собственнаго антипода, формулируется такимъ авторитетомъ въ юридической области, какъ проф. Гамбаровъ, слѣдующимъ образомъ: „эта послѣдняя (коллективная собственность) строится по образцу первой, но не идетъ непосредственно на надобности всѣхъ лицъ, составляющихъ данную коллективную единицу, какъ это было при первоначальной коллективной собственности, а выступаетъ независимо отъ этихъ лицъ и занимаетъ приблизительно то же положеніе, что и частная собственность. Самая форма такъ назыв. *юридическаго лица*, въ которой

юристы мыслятъ съ давнихъ поръ коллективную собственность, есть не что иное, какъ плодъ стремленія свести къ одному индивидуальному обладанію всѣ виды собственности“ [1]). На вопросѣ о собственности „юридическихъ лицъ“ слѣдуетъ остановиться подробнѣе, ибо хотя и считается общеизвѣстной истиной, что теорія эта устарѣла, однако ея вліяніе продолжаетъ сказываться на мышленіи большинства, очевидно, глубоко вкоренясь въ обычные пріемы мышленія и продолжая упорно гнѣздиться за порогомъ сознанія.

Такъ напр., цитированный выше авторъ этюда объ индивидуальной и коллективной собственности Тарбуріешъ хорошо знаетъ, что „теорія юридическаго лица, которая господствовала въ теченіе XIX столѣтія, теперь можетъ считаться совершенно опровергнутой. Заключающійся въ ней родъ антропоморфизма объясняется тѣмъ, что положенія закона, созданнаго для частной собственности, были перенесены безъ измѣненія и на коллективную собственность“. Такъ, „по отношенію къ общиннымъ имуществамъ, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, истиными собственниками — если не на языкѣ римскаго права и не съ чисто-юридической, то съ экономической и соціальной точки зрѣнія, — являются жители общины, посылающіе пасти свой скотъ на общинныя пастбища и запасающіеся дровами для топлива изъ общиннаго лѣса. Община является тутъ лишь юридической подставкой или административнымъ аппаратомъ, и изучить коллективную собственность только съ точки зрѣнія такого юридическаго лица, значило бы впадать въ... ошибку“. Однако, вся эта критика теоріи „юридическаго лица“ можетъ остаться крайне плоской и неглубокой, если она ограничится вульгарными соображеніями на ту тему, что „юридическое лицо“ не наслаждается и не пользуется непосредственно ничѣмъ, что оно—юридическая фикція, что на дѣлѣ и пользуются собственностью, и фактически живутъ, дѣйствуютъ, распоряжаются — составляющіе юридическое лицо индивиды. Это будетъ еще не критика, а лишь вульгарный трюизмъ. Къ такому безсодержательному трюизму и сводитъ ее единомышленникъ Тарбуріеша, Варейль-Сомьеръ, который, начавъ съ того, что „юридическое лицо есть фиктивное лицо“, т. е. начавъ за упокой, кончаетъ за здравіе: „это—созданіе доктрины, форма мысли или способъ изложенія, превосходно изображающіе и резюмирующіе правила и итоги того юридическаго строя, который можетъ

[1]) Гамбаровъ „Право собственности“, стр. 444.

быть принятъ всѣми ассоціаціями, и безъ котораго не могутъ обойтись большія и открытыя ассоціаціи, въ которыя всѣ входятъ и изъ которыхъ всѣ выходятъ съ большою легкостью, и членами которыхъ могутъ быть государства, общины, профессіональныя организаціи и толпа". Или, въ другомъ мѣстѣ, характеризуя этотъ строй словами „régime personnifiant" (строй олицетворенія) онъ говоритъ: „въ юридическихъ отношеніяхъ къ третьимъ лицамъ, къ публикѣ, все происходитъ совершенно такъ, какъ если бы всѣ члены ассоціаціи, взятые въ данномъ качествѣ, составляли одну и ту же личность, обладающую только имуществомъ ассоціаціи. Такимъ образомъ, хотя имущество общины принадлежитъ въ дѣйствительности ея членамъ... но олицетвореніе необходимо въ данномъ случаѣ потому, что это имущество выступаетъ во внѣ такъ, какъ если бы оно принадлежало одному единственному лицу, составленному изъ всѣхъ жителей общины" [1]).

Вотъ что значитъ, поистинѣ, съ разбѣгу перескочить черезъ вопросъ. Если „имущество общины принадлежитъ въ дѣйствительности ея членамъ", то, спрашивается, не вытекаетъ ли изъ этого факта какихъ-либо послѣдствій, благодаря которымъ положеніе становится не совѣмъ одинаковымъ съ тѣмъ случаемъ, когда имущество принадлежитъ „одному единственному лицу"? Не долженъ ли каждый отдѣльный членъ общины обладать въ этомъ случаѣ опредѣленными, строго гарантированными правами, причемъ эти права всѣхъ отдѣльныхъ членовъ общины не могутъ не вліять на „выступленіе всего имущества вовнѣ, въ юридическихъ отношеніяхъ къ третьимъ лицамъ" ограничительнымъ образомъ? Вѣдь если община, по своей правовой конституціи, будетъ, въ качествѣ юридическаго лица, совершенно равна лицу физическому, то за ней надо признать то же право свободной продажи своей поземельной собственности, ея заклада, дарения, завѣщанія, раздѣла, обмѣна, какимъ обладаютъ отдѣльные собственники. Но община можетъ состоять изъ неоднородныхъ элементовъ, и пересилившіе въ данный моментъ индивидуалистическіе элементы при помощи такого „общиннаго права" могутъ безповоротно разрушить самое общину. При этомъ интересы отдѣльныхъ лицъ могутъ быть самымъ жестокимъ образомъ нарушены. Теорія „юридическаго лица" все время и стремится заставить насъ позабыть о томъ, что община есть не одно провомочное существо, а

---

[1]) Сборникъ „Русск. высш. шк. общ. наукъ", стр. 396, пр. 1.

комбинація правомочныхъ лицъ; что права этихъ лицъ,— пусть они иногда будутъ правами меньшаго числа, пусть пойдетъ рѣчь даже о правахъ отдѣльныхъ единицъ — не могутъ и не должны попираться; что есть такія индивидуальныя права, которыя должны стоять впереди, обусловливать, ограничивать и опредѣлять собою поведеніе общины, какъ цѣлаго; словомъ, что община имѣетъ по отношенію ко всѣмъ своимъ членамъ, не только настоящимъ, но и будущимъ, нерасторжимыя обязательства *публично-правового* характера...

Тарбуріешъ самъ вплотную подходитъ къ этому вопросу и, такъ, сказать, задѣваетъ его локтемъ, самъ того не замѣчая. Онъ усматриваетъ глубокій смыслъ въ томъ опредѣленіи французскаго Code civil, по которому общинными имуществами называются тѣ, „на собственность или произведенія которыхъ жители имѣютъ пріобрѣтенное право“. Здѣсь именно отмѣчаются незыблемыя „пріобрѣтенныя“ права отдѣльныхъ жителей на общинныя имущества—слѣдовательно, на права, которыхъ не можетъ нарушать и община, какъ цѣлое. И, возражая лицамъ, называющимъ вышеприведенную формулировку нелѣпой и абсурдной, онъ напоминаетъ опредѣленныя нормы, въ силу которыхъ, напримѣръ, „община не можетъ отказать своимъ членамъ въ обычномъ пользованіи лѣсомъ и обратить этотъ послѣдній на покрытіе своихъ общинныхъ расходовъ“.

Итакъ, отсюда, очевидно, Тарбуріешъ долженъ бы заключить, что общественная собственность принципіально отличается отъ частной, какъ въ своей „внѣшней“, такъ и „внутренней“ политикѣ. Общинное имущество предполагаетъ общинную конституцію, гарантирующую такія права сочленовъ, которыя, какъ права „пріобрѣтенныя“ и неотъемлемыя, направляютъ опредѣленнымъ образомъ всю жизнедѣятельность общины, ставятъ ея дѣйствія въ опредѣленныя рамки—такія рамки, какихъ, естественно, не знаетъ для себя отдѣльный собственникъ. Если бы Тарбуріешъ пришелъ къ этому выводу, то онъ долженъ былъ бы тотчасъ же задаться новымъ чрезвычайно серьезнымъ вопросомъ: въ чемъ же состоятъ эти личныя права членовъ общины, каковы они количественно и качественно? Какъ юридически опредѣлить, какъ классифицировать эти права, какое мѣсто указать имъ въ общей правовой системѣ? И тогда, пересмотрѣвъ весь каталогъ современныхъ личныхъ правъ, онъ, несомнѣнно, увидалъ бы, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ особой, новой группою правъ, непредвидѣнной въ старой теоріи. Онъ пришелъ бы къ во-

просу о публично-правовомъ элементѣ въ общинѣ. Вмѣсто этого, Тарбуріешъ отдѣлывается нѣсколькими общими успокоительнаго характера замѣчаніями: „Если мы вернулись... къ римской теоріи собственности въ лицѣ civitas или populus, то нами руководила, конечно, не абсурдная идея приравнять къ физическому лицу, пользующемуся реально своею собственностью, такія абстракціи, какъ община и государство, и не стремленіе сдѣлать изъ этихъ абстракцій какихъ-то боговъ, скрытыхъ въ глубинѣ алтаря. Управители ассоціацій—не жрецы, питающіеся приношеніями, которыхъ не могутъ переваривать хранимые ими идолы [1]). Нѣтъ, эта теорія хочетъ только сохранить за коллективной собственностью ея назначеніе и обезпечить такое управленіе ею, которое соотвѣтствовало бы требованіямъ общаго интереса, могущимъ и разойтись съ интересами того или другого поколѣнія".

Намъ, однако, нѣтъ дѣла до того, что *хочетъ* данная теорія. „Хочетъ"-то она, можетъ быть, и хорошо, да благими намѣреніями весь адъ вымощенъ. И если, съ одной стороны, „теорію юридическаго лица можно считать опровергнутой", а съ другой стороны, можно къ ней „возвратиться", отдѣлываясь кое-какими общими успокоительными замѣчаніями, то позволительно требовать болѣе детальнаго уясненія особенностей „исправленнаго и дополненнаго" изданія этой теоріи отъ изданія стереотипнаго; позволительно требовать болѣе отчетливаго уясненія отличій коллективной собственности отъ индивидуальной. Вмѣсто этого Тарбуріешъ избирается на какую-то „высшую точку зрѣнія", съ которой „нельзя противопоставлять собственность государства и его послѣдовательныхъ подраздѣленій — собственности отдѣльныхъ индивидовъ", ибо, дескать, при верховной собственности государства права, индивидуальныхъ пользователей могутъ быть широки, а при частной собственности, ея регламентація можетъ быть такъ всестороння, что разница между ними будетъ не качественная, а лишь количественная...

---

[1]) Я вовсе не имѣлъ въ виду здѣсь вдаваться въ полемику съ Тарбуріешемъ, но—да простится мнѣ эта шутка—вопреки его увѣреніямъ, очень многіе „управители" современныхъ обществъ и государствъ дѣйствительно похожи на жрецовъ—особенно если вспомнить то этимологическое объясненіе этого слова, которое влагаетъ въ уста семинарскаго поэта извѣстный Щербина:

Жрецы издревле доказали
Неистовство утробъ своихъ,
И въ древности такъ сладко *жрали*
Что назвали *жрецами* ихъ.

Что между всякими чистыми, типическими формами может быть много компромиссныхъ, переходныхъ—это фактъ общеизвѣстный, но въ высшей степени странно на этомъ основанiи затушевывать противоположность проявляющихся въ нихъ принциповъ. И особенно это вѣрно по отношенію къ области собственности, гдѣ, какъ мы увидимъ ниже, элементы коллективизма и индивидуализма хотя и встрѣчаются постоянно смѣшанными въ разныхъ пропорціяхъ между собою, но только потому, что вся исторія собственности есть исторія борьбы и попеременнаго взаимнаго вытѣсненія этихъ началъ. Въ частности, теорія юридическаго лица тѣмъ-то и вредна, что представляетъ собою орудіе буржуазнаго затушевыванія факта этого смертельнаго антагонизма. Въ области права она соотвѣтствуетъ той теоріи въ области соціальной политики, которая антагонизмъ классовъ замѣняла ихъ мирнымъ сожительствомъ и сотрудничествомъ.

* * *

Мы видѣли, что существуютъ два теченія въ вопросѣ объ отношеніяхъ между частной и общественной собственностью. Одно стремится представить различія между ними, какъ различія лишь количественныя, а не качественныя, не принципіальныя. Къ этому теченію, естественно, примыкаютъ, съ одной стороны, защитники частной собственности, вынужденные дѣлать крупныя уступки новому евангелію коллективизма, а съ другой стороны, оппортунистическіе сторонники общественной собственности, уповающіе ввести въ современное общество незамѣтными дозами весь коллективизмъ и потому затушевывающіе его принципіальную строгость и непримиримость съ основами буржуазнаго строя. Другое теченіе, наоборотъ, разсматриваетъ всю исторію собственности, какъ борьбу этихъ двухъ въ основѣ совершенно противоположныхъ началъ. Съ этой послѣдней точки зрѣнія мы и разсмотрѣли такъ называемую „теорію юридическаго лица“, опредѣляющую положеніе коллективной собственности въ рамкахъ современныхъ частно-правовыхъ отношеній. Мы нашли, что въ соціально-политическомъ смыслѣ теорія эта имѣетъ совершенно опредѣленное предназначеніе: именно, ассимилировать общественную собственность, подчинивъ ее законамъ буржуазныхъ правовыхъ понятій. Эта теорія стремится не только идейно затушевать, но и практически примирить противоположныя начала индивидуализма и коллективизма въ рѣшеніи проблемы собственности—въ нашемъ част-

номъ случаѣ *поземельной* собственности. Частная собственность требуетъ свободной мобилизаціи земли и предполагаетъ исключительность правъ на землю опредѣленнаго лица или лицъ. Земельный коллективизмъ, наоборотъ, предполагаетъ противоположныя начала: изъятіе земли изъ товарнаго оборота, ея *иммобилизированность* и общедоступность къ пользованію. Теорія юридическаго лица даетъ требуемый компромиссъ. Иммобилизированность дѣлается ограниченной и условной, замѣняясь чѣмъ-нибудь вродѣ отчуждаемости и раздѣла по рѣшенію квалифицированнаго большинства. Открытый и общедоступный для общаго пользованія характеръ замыкается въ тѣсныя рамки маленькой, закрытой для „чужаковъ" корпораціи, эгоистически противостоящей всему остальному міру. Изъѣденная такимъ образомъ червоточиной въ самой своей сердцевинѣ, коллективная собственность мало-по-малу превращается въ собственность какого-то сверхъ-индивидуальнаго цѣлаго, заслоняющаго права отдѣльныхъ индивидовъ. Поэтому, критика этой теоріи должна исходить изъ рѣшительнаго признанія и внимательнаго анализа юридической природы этихъ преданныхъ забвенію индивидуальныхъ правъ.

Къ тому же вопросу мы подойдемъ еще ближе съ другой стороны, если остановимся немного на отношеніи къ теоріи юридическаго лица знаменитаго автора „Борьбы за право", Іеринга. Онъ также считалъ, что „настоящими субъектами права въ корпораціи являются ея члены, въ учрежденіи— его дестинатеры [1]), т. е. лица, ради которыхъ существуетъ данное учрежденіе, какъ, напримѣръ, бѣдные, больные,—но отнюдь не такъ называемыя юридическія лица, которыя, не будучи правоспособны къ пользованію и не имѣя ни своего интереса, ни своей цѣли, представляютъ собою не что иное, какъ спеціальную форму, въ которой члены той или другой группы выражаютъ свои отношенія къ стоящему внѣ ихъ міру или третьимъ лицамъ". Отсюда онъ заключалъ, что юридическія лица фиктивны, такъ какъ всѣ обыкновенно связываемыя съ ними явленія суть только формы и видоизмѣненія правъ индивидуальной личности. Всѣ возраженія противъ этого, предъявленныя Тарбуріешемъ, какъ навѣянныя оппортунистскимъ отношеніемь къ теоріи юридическаго лица,

---

[1]) Отъ латинскаго destino—предназначаю; отсюда тѣ, обслуживать кого предназначено данное учрежденіе, и называются дестинатерами (или дестинатаріями).

бьютъ мимо цѣли. Но одинъ изъ примѣровъ Іеринга наводитъ на рядъ соображеній, на цѣлую нить мыслей, по которой, однако, самъ онъ не дошелъ до логическаго конца. Настоящими субъектами правъ въ учрежденіи — говоритъ Іерингъ — являются его дестинатеры, въ корпораціи — ея члены. Нетрудно, однако, видѣть, что, въ отличіе отъ полноправныхъ и равноправныхъ членовъ корпораціи, дестинатаріи многихъ учрежденій,—напримѣръ, попечительства о бѣдныхъ — являются субъектами правъ лишь въ идеѣ, а не въ дѣйствительности. На дѣлѣ они—только объекты воздѣйствія и заботливости этихъ учрежденій. Они не имѣютъ до этого воздѣйствія какихъ-либо опредѣленныхъ, независимыхъ правъ, наличность которыхъ опредѣляла бы характеръ и размѣры попечительнаго воздѣйствія на нихъ. Иными словами, это воздѣйствіе не есть производное изъ заранѣе данныхъ, самостоятельныхъ, особо признанныхъ правъ дестинатаріевъ. Напротивъ: если въ процессѣ попеченія о нихъ того или другого учрежденія дестинатаріи получаютъ извѣстныя права,—то эти права являются лишь отраженіемъ дѣятельности учрежденія, которая сама есть нѣчто самостоятельное, заранѣе и независимо данное. Какіе же они, въ существѣ дѣла, „субъекты правъ"? Субъектъ права есть не просто дестинатарій дѣятельности того или другого учрежденія; нѣтъ, это есть лицо *управомоченное*, лицо, которое „можетъ въ своемъ интересѣ привести въ движеніе правопорядокъ" [1]. „То, что государство (а равно и другія общественныя коллективности. В. Ч.) дѣлаетъ, оно дѣлаетъ для своихъ настоящихъ и будущихъ членовъ, которые, поэтому, являются *дестинатаріями* доставляемыхъ имъ благъ, но не всегда получаютъ ихъ въ качествѣ *управомоченныхъ*" [2].

Теорія юридическаго лица, обходя молчаніемъ вопросъ о правахъ членовъ общественныхъ коллективностей, спѣшила провести аналогію между ними и отдѣльными собственниками. Относительно правъ индивидовъ она оговорилась, что это—вопросъ объ отношеніяхъ внутри коллектива, и его можно игнорировать, разсматривая коллективъ въ его отношеніяхъ къ внѣшнему міру. Но это—глубокая ошибка. Какъ внѣшняя политика государства есть производное изъ его внутренняго строя и внутреннихъ отношеній, ибо только они опредѣляютъ преобладаніе у цѣлаго тѣхъ или иныхъ инте-

[1] Еллинекъ. „Право современнаго государства", т. I, стр. 272—273.
[2] Ibid., стр. 275.

ресовъ, такъ и отношеніе коллективнаго цѣлаго, являющагося юридическимъ лицомъ, къ другимъ физическимъ и юридическимъ лицамъ должно конструироваться изъ внутренней структуры коллектива. А эта внутренняя структура есть вовсе не безформенная масса пассивныхъ дестинатаріевъ, какъ въ лучшемъ случаѣ допускаетъ теорія „юридическаго лица“, поднявшись до пониманія фиктивности послѣдняго: нѣтъ, это, есть живая координація стремленій живыхъ субъектовъ права, *управомоченныхъ*. Итакъ, ошибка теоріи юридическаго лица—не просто въ забвеніи того, что юридическое лицо есть лишь необходимая юридическая фикція, а не какое-то новое, неожиданно открытое метафизическое существо. Нѣтъ, ошибка лежитъ гораздо глубже: она въ существѣ самой концепціи, въ томъ, что по ней — говоря словами проф. Гамбарова — „юридическое лицо считается роспространеніемъ понятія физическаго лица, какъ *единственно возможнаго субъекта права*, на искусственное единство многихъ лицъ, и *отсюда выводится заключеніе о примѣненіи къ этому единству, съ небольшими ограниченіями, тѣхъ же положеній права*, которыя имѣютъ силу по отношенію къ отдѣльному лицу“. А за этой „ошибкой“, какъ ея глубокій источникъ, кроется стремленіе частной собственности и частнаго права поглотить и ассимилировать своего антипода—коллективное пользованіе и народное трудовое (въ корнѣ своемъ общественное, мірское, публичное) право. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь сталкиваются два совершенно особыхъ соціальныхъ уклада. Въ народномъ трудовомъ правѣ мы находимъ — хотя бы въ неразвитомъ, зародышевомъ видѣ—совершенно иное принципіальное отношеніе къ благамъ природы, обезпечивающее равныя трудовыя права индивидовъ. И вотъ его-то буржуазная концепція юридическаго лица уродуетъ, ибо прежній „вольный трудъ на вольной землѣ“, уже парализованный извнѣ феодально-крѣпостническими цѣпями, она начинаетъ подтачивать изнутри. Остатки мужицкаго коллективизма она окончательно превращаетъ въ рядъ искусственныхъ обрывковъ, обособленныхъ группъ, вростающихъ въ существующій буржуазный порядокъ совершенно на тѣхъ же правахъ, какъ отдѣльные частные собственники. Пріемъ, безспорно, удачный. Пріучить эти группы разсматривать себя по отношенію ко всему внѣшнему міру, какъ коллективныхъ буржуазныхъ собственниковъ—значитъ, постепенно пропитать ихъ, заразить ихъ вообще духомъ буржуазно-собственническихъ воззрѣній; значитъ, рано или

поздно пріучить сочленовъ этихъ коллективовъ и другъ на друга глядѣть сквозь ту же буржуазную призму. Буржуазная „внѣшняя политика“ коллектива приводитъ къ буржуазной „внутренней политикѣ“.

* * *

Чтобы еще полнѣе, еще всестороннѣе понять соціально-политическій смыслъ теоріи юридическаго лица — теоріи, оцѣнка которой имѣетъ огромное значеніе въ вопросѣ о соціализаціи земли,—остановимся на государствѣ, какъ своеобразномъ субъектѣ права. Въ современномъ частно-правовомъ строѣ государство также является юридическимъ лицомъ, владѣющимъ, на тѣхъ же правахъ, какъ и частные собственники, опредѣленными имуществами, въ частности—землями. Эти государственныя имущества сплошь и рядомъ эксплуатируются тѣми же самыми способами, какъ и имѣнія частныхъ лицъ: то при помощи наемнаго труда въ благоустроенныхъ хозяйствахъ, съ властными, прижимистыми и оборотливыми управляющими во главѣ; то путемъ сдачи крупнымъ посредникамъ, въ свою очередь пересдающимъ землю мелкимъ арендаторамъ; то путемъ непосредственной сдачи испольщикамъ или за деньги мелкимъ крестьянамъ, со всѣми прелестями „продовольственной“ или кабальной аренды.

Но этого мало. Государство, кромѣ того, является еще и силою, регламентирующей всю остальную частную собственность страны. Вслѣдствіе этой регламентаціи современная частная собственность есть лишь слинявшая и выцвѣтшая „квиритская собственность“ стараго римскаго права. Между собственникомъ и собственностью—съ одной стороны, между собственникомъ и плодами собственности—съ другой, встаетъ государство. Въ его пользу собственникъ вынужденъ поступаться все большей и большей частью своихъ прерогативъ. Какъ логическій конецъ этого процесса, теоретической мысли рисуется,—а извѣстнымъ общественнымъ теченіемъ и провозглашается въ видѣ лозунга—поглощеніе государствомъ и всѣхъ остальныхъ правъ, нынѣ еще не ускользнувшихъ изъ рукъ собственника. И вотъ здѣсь-то и встаетъ неожиданно, но со всей силою формально-логическаго вывода, тревожная мысль: не таится ли въ этой перспективѣ, нежданно-негаданно, воскресеніе—и даже болѣе того, первое реальное воплощеніе абсолютнаго права „квиритской собственности“? Собственникъ не былъ до сихъ поръ тѣмъ „неограниченнымъ властелиномъ“, который рисовался

теоріи, потому что часть его правъ была экспропріирована государствомъ. Но послѣ того, какъ государство безъ остатка сосредоточитъ въ своихъ рукахъ *всѣ* права *всѣхъ* отдѣльныхъ собственниковъ, не станетъ ли оно, какъ юридическое лицо, „Единымъ Великимъ Квиритомъ" римскаго права, съ вѣчной, неограниченной, полной, всесторонней, и какъ тамъ еще ее называютъ, властью надъ землей? И тогда невольно охватываетъ жуткое чувство при мысли о „дестинатаріяхъ" поземельной политики этого новаго колосса римскаго,— такихъ маленькихъ, такихъ жалкихъ бѣднягахъ по сравненію съ нимъ, всевластнымъ и величественнымъ...

Да, не одни либералы типа И. И. Петрункевича при этомъ скажутъ: „Дѣлая государство единственнымъ собственникомъ земли, мы придали бы правительственной власти такую силу и значеніе, которыя въ современныхъ условіяхъ имѣли бы крайне опасный и угрожающій характеръ для развитія въ странѣ гражданской свободы. Даже самая широкая государственная реформа на началахъ народнаго представительства, при современныхъ условіяхъ, не обезпечитъ страну отъ вліянія тѣхъ историческихъ традицій и привычекъ, которыя найдутъ въ національзаціи земли могущественное оружіе противъ правъ и свободы народа" [1]). Въ этой тирадѣ И. И. Петрункевичъ говоритъ то же самое, что, начиная съ 1902 г., твердятъ столь далекіе отъ его взглядовъ люди, какъ мы, соціалисты-революціонеры (ср. съ 1902 г. статьи нашего заграничнаго партійнаго органа „Рев. Россія"). Съ нашей стороны осторожное отношеніе къ государственному началу въ современныхъ условіяхъ вполнѣ понятно. Вѣдь даже „и позже одна изъ важнѣйшихъ задачъ соціалистической политики будетъ состоять въ томъ, чтобы раздѣлить хозяйственныя задачи между высшими и низшими государственными органами столь цѣлесообразно, чтобы центральная власть никогда не могла стать всемогущимъ хозяиномъ всего народа" [2]). Такъ говоритъ даже А. Менгеръ, изъ современныхъ теоретиковъ соціализма наиболѣе склонный къ централизму и „государственному соціализму", къ которымъ мы вовсе не склонны. И если онъ считаетъ долгомъ оговориться такъ по отношенію къ времени, когда разрушеніе классовой структуры общества сгладитъ противопо-

---

[1]) „Аграрный вопросъ", сборн. подъ ред. кн. П. Д. Долгорукова и И. И. Петрункевича, Москва, 1901, стр. XXV.

[2]) А. Менгеръ. „Новое ученіе о государствѣ", стр. 324.

ставленіе „общества“ и „государства“, то тѣмъ болѣе приходится это сказать по отношенію ко всему періоду, предшествующему этой эпохѣ.

Конструкція государства, какъ самодовлѣющей „юридической личности“, подчиняющей себѣ живую личность, выражаетъ извѣстный реальный фактъ и, въ соотвѣтственныхъ теоріяхъ, даетъ ему свою санкцію, возводитъ фактъ—въ принципъ. Реакціонное значеніе теоріи юридическаго лица въ этой области отмѣчено и А. Менгеромъ, который совершенно вѣрно замѣчаетъ: „что касается прежде всего до гипотезы относительно самостоятельнаго существованія государства, какъ юридической личности, то на основаніи этой гипотезы государство отдѣляется отъ своихъ членовъ и ихъ цѣлей и представляется особымъ существомъ съ собственными цѣлями и стремленіями. Благодаря этому, становится возможнымъ приписывать этому вымышленному существу цѣли наиболѣе вліятельныхъ группъ населенія и дѣлать ихъ въ извѣстномъ смыслѣ цѣлями всѣхъ“ [1]). Удача этого пріема обезпечена была въ значительной степени распространенными вульгарными представленіями, ибо „чувственно воспріемлемые носители власти во всѣ времена разсматривались массами, какъ олицетвореніе и потому какъ истинная реальность государства“ [2]). Та же тенденція—санкціонировать фактическое обособленіе современнаго классового государства отъ народа, господство перваго и зависимое состояніе послѣдняго—проявляется и въ органической теоріи государства—„ученіи, разсматривающемъ государство, какъ органическое образованіе въ физическомъ смыслѣ, имѣющее свое самодовлѣющее, независимое отъ индивидовъ и управляемое естественными законами бытіе“, или же, „оттѣняющемъ духовно-нравственную сторону государства, но придающемъ ему, однако, и внѣшній образъ по аналогіи съ человѣческимъ организмомъ“ [3]).

Пусть же намъ не говорятъ, подобно Тарбурiешу, что, воздвигая „юридическія лица“ изъ абстракцій, никто и не думаетъ превращать ихъ въ идолы. Увы! Со временъ Лаврова и Михайловскаго мы знаемъ, какъ эти, въ идеѣ обслуживающія интересы всѣхъ, коллективности могутъ обособляться; какъ государство посылаетъ индивиду грозный окрикъ: „ты, палецъ отъ ноги!“, какъ юриспруденція объ-

---

1) Тамъ же, стр. 217.
2) Еллинекъ, „Право современ. госуд.“, стр. 91.
3) Ibid. стр. 93 и далѣе (критика органической теоріи).

являетъ „fiat justitia, pereat mundus“, какъ религія провозглашаетъ, что не суббота для человѣка, а человѣкъ для субботы; и какъ національное богатство оказывается нищетой народа...

* * *

Теперь мы вплотную подошли къ естественному конечному пункту нашихъ разсужденій. Когда заходитъ рѣчь объ уничтоженіи частной собственности на землю, то сплошь и рядомъ люди впадаютъ въ слѣдующую ошибку: они тотчасъ же задаются вопросомъ—въ чьи же руки будутъ отданы всѣ тѣ права, которыя отбираются у землевладѣльца? Какъ будто бы все дѣло заключается не въ *коренномъ измѣненіи самаго характера* правъ на землю, а лишь въ механическомъ перенесеніи тѣхъ же самыхъ правъ, во всей ихъ совокупности, только въ какія-то новыя руки. Кто же отнынѣ станетъ субъектомъ всѣхъ *собственническихъ* правъ? Такъ ставится вопросъ—и въ поискахъ этого „субъекта“ немедленно перебирается вся лѣстница возможныхъ „юридическихъ лицъ“: свободный союзъ профессіональныхъ земледѣльцевъ, община, волость, земство, область, государство въ лицѣ его центральныхъ органовъ...

Все сказанное выше о теоріи юридическаго лица и ея соціально-политическомъ значеніи достаточно выясняетъ, въ какую жестокую аберрацію впадаютъ при этомъ люди, и какъ, помимо собственной воли, они, думая объ уничтоженіи собственности на землю, въ то же время подпадаютъ подъ полную власть идей, заимствованныхъ изъ того круга понятій, который опредѣляется господствомъ частной собственности.. Le mort saisit le vif—это послѣдняя, такъ сказать, посмертная месть идеи частной поземельной собственности за свое уничтоженіе.

Изъ всего, сказаннаго выше, слѣдуетъ, что дѣло уничтоженія собственности на землю вовсе не равносильно утвержденію собственности того или другого юридическаго лица. Нѣтъ, если мы дѣйствительно хотимъ послѣдовательной борьбы съ собственническимъ началомъ, то мы неминуемо должны придти не къ идеѣ товарищеской, или общинной, или земской, или даже государственной собственности;—мы придемъ къ идеѣ установленія общенародныхъ правъ на землю, къ идеѣ полнаго освобожденія земли отъ путъ „священной собственности“, къ идеѣ превращенія земли въ *общенародное достояніе*. Это и есть идея *соціализаціи земли*, и теперь,

мы надѣемся, ясно, почему нельзя смѣшивать ее ни съ однимъ изъ тѣхъ туманныхъ, ходячихъ понятій о соціализаціи, съ указанія которыхъ мы начали настоящую статью.

Но тѣ, кто, незамѣтно для самихъ себя, никакъ не можетъ вырваться изъ-подъ власти круга представленій, связанныхъ съ собственническимъ началомъ,—конечно, могутъ только пожимать плечами и спрашивать: что же это за „общій народъ“ или „общенародъ“, которому мы передаемъ права на землю? Развѣ можетъ существовать такого рода субъектъ правъ? Мы уже видѣли, что этотъ вопросъ поднимался при обсужденіи соціализаціи земли и на первомъ партійномъ съѣздѣ. Возвращаясь вновь къ этому вопросу, мы теперь сможемъ дать и болѣе полный отвѣтъ на него.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое этотъ „общій народъ“? Въ этомъ понятіи нѣтъ ничего мистическаго. Это просто *населеніе*, совокупность гражданъ, съ текучимъ составомъ, проявляющимся въ рядѣ послѣдовательныхъ поколѣній. Общенародныя права на землю есть, иными словами, общегражданскія права. Это значитъ, что за каждымъ гражданиномъ признается равное право на землю, иначе сказать, право отдѣльнаго гражданина ограничивается такимъ же равнымъ правомъ другого гражданина. Кромѣ того, по нашей программѣ это есть трудовое право, т. е. фактическое использованіе его обусловливается началомъ трудового пользованія землей и обезпечивается опредѣленными-ли нормами надѣла (въ случаѣ индивидуальнаго хозяйства), или же иными средствами. Здѣсь не мѣсто входить въ характеристику конкретныхъ правовыхъ и хозяйственныхъ формъ, въ которыхъ надо мыслить фактическое осуществленіе соціализаціи земли, или, тѣмъ болѣе, практическихъ переходныхъ мѣръ къ ней. Задача настоящей статьи—дать только общую юридическую формулировку этого понятія, отграничивъ его отъ смежныхъ, сосѣднихъ понятій, каковыми являются національзація, муниципализація земли и т. п. Какъ видите, существеннымъ признакомъ соціализаціи является тотъ фактъ, что исходнымъ ея пунктомъ дѣлается установленіе общенародныхъ или, что то же, общегражданскихъ правъ на землю. Каждый членъ народа, населенія, каждый гражданинъ является, такимъ образомъ, не пассивнымъ объектомъ воздѣйствія поземельной политики государства, а *управомоченнымъ*, т. е. лицомъ, право котораго соотвѣтственно закрѣплено гражданскимъ строемъ страны, ея конституціей, и которое, поэтому, „можетъ въ своемъ интересѣ привести въ движеніе право-

порядокъ". Такимъ образомъ, поземельная политика государства можетъ свободно двигаться лишь въ опредѣленныхъ рамкахъ, опредѣляемыхъ основными правами на землю, принадлежащими индивиду. Эти права предшествуютъ и въ извѣстныхъ предѣлахъ обусловливаютъ характеръ и содержаніе поземельной политики. Государство и его органы становятся уже, по этой концепціи, не независимыми юридическими лицами, собственническія права которыхъ на землю есть что-то, стоящее выше индивидовъ съ ихъ притязаніями; нѣтъ, они превращаются лишь въ юридическіе аппараты, регуляторы, примиряющіе и приводящіе къ гармоніи единичныя права.

Все изумленіе по поводу того, что субъектомъ правъ становится какой-то „общенародъ" или „общій народъ", обусловливается вліяніемъ старыхъ юридическихъ теорій, въ которыхъ народъ разсматривается лишь „какъ совокупность подданныхъ", лишь какъ матеріалъ законодательнаго воздѣйствія государства. Онъ пассивенъ въ противоположность активности организованной власти. Старыя юридическія теоріи если и поднимались порой до признанія „значенія народа, какъ элемента государства, то все-таки народъ, какъ субъектъ, нерѣдко отступаетъ у нихъ на задній планъ". „Только современная теорія народнаго суверенитета... стала строго различать *объ* квалификаціи населенія". И потому Еллинекъ, у котораго мы беремъ эти цитаты, считаетъ необходимымъ дать слѣдующую юридическую квалификацію народа: „населеніе имѣетъ въ государствѣ двоякую функцію. Оно есть *элементъ государственнаго союза,* принадлежитъ къ государству, какъ субъекту государственной власти. Для краткости мы будемъ употреблять въ этомъ случаѣ терминъ—*народъ, какъ субъектъ.* Затѣмъ, населеніе можетъ быть квалифицируемо также, какъ объектъ" [1]). „Въ силу господства государственной власти, народъ есть объектъ imperium'а и въ этомъ отношеніи состоитъ только изъ подчиненныхъ, но въ качествѣ элементовъ государства, какъ субъекта, индивиды являются членами государства и въ этомъ смыслѣ—элементами координированными. Какъ объектъ государственной власти, индивиды являются носителями обязанностей, какъ члены государства—субъектами правъ" [2]).

---

[1]) Еллинекъ „Право современнаго государства", т. I стр. 264—265. Мы не имѣемъ здѣсь возможности входить въ подробности данной теоріи, и отсылаемъ интересующихся ими непосредственно къ названному труду Еллинека.

[2]) Тамъ же, стр. 266.

Положенія эти элементарны, но продумать ихъ до конца, со всѣми логическими послѣдствіями—значитъ выяснить многое. По старой теоріи индивидъ лишь по отношенію къ другому индивиду былъ носителемъ правъ. Индивидуальныя, субъективныя права были заключены въ границы частноправовыхъ отношеній, связывающихъ индивида съ общественнымъ или государственнымъ цѣлымъ, но въ этой сферѣ субъектомъ правъ индивидъ не признавался. У него были частныя права и частныя обязательства; но у него были публичныя обязанности безъ публичныхъ правъ. Отождествленіе субъективныхъ правъ съ частными правами означало, что человѣкъ по отношенію къ государству не признается въ той же мѣрѣ, какъ по отношенію къ другому индивиду, лицомъ, субъектомъ, т. е. не признается обладающимъ сферою публичныхъ правъ индивидомъ. Онъ не квалифицировался, какъ лицо, которое имѣетъ правовыя притязанія къ государственной власти. Иными словами, не существовало „субъективнаго публичнаго права“, которое, по теоріи Еллинека, „служитъ основою *государства, какъ общества*“. Старый строй, обусловливающій распадъ государства и общества и пріоритетъ государства передъ обществомъ, неохотно признаетъ существованіе какихъ-то первоначальныхъ правъ индивида. Особенно рельефно, конечно, это сказывается въ теоріяхъ абсолютнаго государства. „Познаніе и признаніе субъективныхъ публичныхъ правъ обязаны своимъ происхожденіемъ лишь въ новѣйшее время выясненному своеобразному процессу, находящемуся въ тѣсной внутренней связи со всей исторіей развитія современнаго государства“ [1]). Вліяніе буржуазіи при этомъ сказывается въ томъ, что даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ она является наиболѣе прогрессивной, она смогла подняться лишь до признанія субъективныхъ публичныхъ правъ въ области чистой политики, но ни въ какомъ случаѣ не въ области соціальной экономіи. Только соціализмъ, приступая къ юридической формулировкѣ своихъ экономическихъ требованій,—какъ это дѣлаетъ Менгеръ въ „Новомъ ученіи о государствѣ“ и, ранѣе, въ „Правѣ на полный продуктъ труда“ — расширяетъ сферу субъективныхъ публичныхъ правъ и на область хозяйственныхъ отношеній. Онъ кладетъ и въ основу программы-minimum въ области рабочаго законодательства—какъ это сдѣлалъ амстердамскій международный соціалистическій конгрессъ — о праве каждаго

[1]) Тамъ же, стр. 200.

человѣка на существованіе. Тому же методу слѣдуемъ и мы, когда кладемъ въ основу аграрной программы-minimum общегражданскія права на землю,— конечно, не какъ какое-то особое, самостоятельное и независимое основное право, наряду съ правомъ на существованіе, а лишь какъ частное *проявленіе* или *направленіе* этого болѣе глубокаго и основного права. Во избѣжаніе недоразумѣній, мы считаемъ это необходимымъ оговорить рѣшительно, ясно и точно. При такомъ пониманіи дѣла мы не совершаемъ никакой погрѣшности и не строимъ разныя части программы-minimum на разныхъ основахъ. Напомнимъ, кстати, что вѣдь и отдѣльныя *политическія* права индивида по внѣшности распадаются на конкретно-различныя права — какъ свобода совѣсти, собраній, слова, передвиженія и т. д. „При ближайшемъ разсмотрѣніи — свидѣтельствуетъ Еллинекъ — нетрудно, однако, убѣдиться, что мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ отдѣльными правами, а только съ особо признанными *направленіями* индивидуальной свободы, которая сама по себѣ едина“. Наконецъ, слѣдуетъ помнить также, что скрывающееся за правомъ на землю, какъ за своимъ частнымъ проявленіемъ, право на существованіе можетъ проявиться и осуществиться всецѣло лишь въ соціалистическомъ государствѣ. Но это одинаково относится какъ къ аграрной области, къ которой его примѣняемъ мы, такъ и къ области рабочаго законодательства, въ которой впервые торжественно провозгласилъ его амстердамскій международный соціалистическій конгрессъ. Это не мѣшаетъ примѣнять тотъ же принципъ и къ построенію программы-минимумъ, лишь особеннымъ, сравнительно съ программой-максимумъ, методомъ, о чемъ сейчасъ, впрочемъ, говорить не время и не мѣсто.

* * *

Вернемся, наконецъ, и къ вопросу терминологіи, къ тому, что мы все время говоримъ о землѣ, какъ „общенародномъ достояніи“, а не „общенародной собственности“, въ то время, какъ неюридичность перваго термина бьетъ въ глаза. И, однако, это не случайность. Мы уже говорили, что намъ болѣе нравится этотъ „неюридическій“ терминъ, ибо въ немъ сильнѣе и ярче сказывается разрывъ съ кругомъ понятій римскаго права. Замѣтимъ теперь еще, что слова „собственность“, „Eigenthum“, „propriété“—даже этимологически заключаютъ въ себѣ понятіе единичности, замкнутости, обособленности, дышатъ духомъ индивидуализма. Употребленіе

этого слова съ противорѣчащимъ ему по духу прилагательнымъ — *общественная* собственность — напоминаетъ о томъ живомъ противорѣчіи, въ которомъ находится современная, т. н. коллективная или общественная собственность, въ условіяхъ частно-правового строя,—являясь большею частью вульгарной „квиритской собственностью“ обособленныхъ группъ, тяготѣющихъ, поэтому, нерѣдко къ вырожденію въ самыя простыя акціонерныя компанійки. А если не отрѣшиться радикально отъ этой ассоціаціи идей, то легко и незамѣтно придешь къ тому затушевыванію непримиримаго противорѣчія между началами общественной и частной собственности, образцы котораго мы видѣли у Тарбуріеша. Такое затушевываніе можетъ быть лишь въ интересахъ соціалъ-реформаторскаго, антиреволюціоннаго направленія, къ которому съ одной стороны, справа, примыкаютъ болѣе смѣлые изъ radicaux-socialistes, а съ другой стороны, слѣва — соціалистическіе оппортунисты типа Мильерана. Примиреніе непримиримаго, сглаживаніе противоположнаго, возведеніе компромисснаго въ рангъ принципіальнаго — такова ихъ отличительная черта. Мы же согласны съ проф. Гамбаровымъ, что „противоположеніе коллективной и частной собственности завоевываетъ себѣ въ современной экономической и юридической литературѣ все больше сторонниковъ и дѣлаетъ, по крайней мѣрѣ, спорнымъ сближеніе той и другой формы собственности“ [1]).

Мы выразились бы даже еще болѣе рѣшительно, а потому и въ самой терминологіи предпочли бы еще болѣе рѣзкій разрывъ между обоими понятіями.

Обратимся къ нашему народному воззрѣнію. Крестьяне часто уподобляютъ предстоящій земельный переворотъ реформѣ 1861 года. Тогда — говорятъ они — люди были крѣпостными. Ими можно было торговать, дарить, мѣнять ихъ на собакъ. Они были собственностью. Въ 1861 г. людей освободили. Но земля осталась въ „крѣпости“. Ее, нашу общую мать-кормилицу „и теперь еще можно дѣлить, продавать, покупать; ею, нашею матерью, можно барышничать. Земля еще не освобождена отъ собственности. Это и должно произойти. Вслѣдъ за освобожденіемъ людей должно послѣдовать *освобожденіе земли*.

Изъ этого логически должно слѣдовать, что къ „освобожденной“ землѣ такъ же мало приложимъ терминъ чьей-бы

---

[1]) Гамбаровъ, „Право собственности“, стр. 444—445.

то ни было „собственности“, какъ и къ освобожденнымъ людямъ. Собственность — есть связанность, „крѣпость“, а суть переворота какъ разъ и стоитъ въ раскрѣпощеніи земли, въ ея освобожденіи отъ собственности. Согласно этому, народное воззрѣніе часто называетъ землю „ничьей“ и со стороны трудящихся признаетъ на нее не собственническія права, а лишь права на пользованіе. Это требуетъ, конечно, коллективнаго *завѣдыванія ею*. Но завѣдываніе не есть собственность, не есть даже „распоряженіе“ — въ смыслѣ неограниченно-свободнаго распоряженія по римскому праву. Это именно есть то завѣдываніе, характеръ котораго предопредѣленъ въ извѣстныхъ границахъ неотъемлемыми правами индивидовъ.

Все это врядъ ли придется по вкусу тѣмъ, кто, въ полномъ согласіи съ А. Менгеромъ, полагаютъ, что „собственность есть вѣчное понятіе, которое никогда не исчезнетъ вполнѣ изъ соціальной исторіи человѣчества“[1]). Но мы, стоя на строго-эволюціонной точкѣ зрѣнія, далеки отъ превращенія какихъ бы то ни было правовыхъ понятій въ „вѣчные“ метафизическіе абсолюты. Какъ бы ни было намъ трудно представить себѣ соціальное состояніе безъ того или другого, въѣвшагося въ нашу плоть и кровь аттрибута, — мы не должны забывать, что „не нами міръ начался и не нами кончится“. Этого уже достаточно, чтобы остеречься свободно распоряжаться съ аттрибутомъ „вѣчности“. Тѣмъ болѣе это справедливо по отношенію къ „собственности“, отсутствіе которой врядъ ли можетъ назваться абсолютно непредставимымъ. Кстати сказать, всѣ тѣ, кто, подобно проф. Гамбарову, пробуютъ подкрѣпить какими-либо аргументами это положеніе, „декретируемое“ Менгеромъ безъ всякихъ доказательствъ, — вынуждены давать понятію „собственности“ такое широкое опредѣленіе, что врядъ ли можно признать его свободнымъ отъ натяжки. Для этого оказывается необходимымъ, чтобы „подъ собственностью разумѣлось только проявленіе инстинкта аппропріаціи или удержанія за собою человѣкомъ всего того, что ему нужно для удовлетворенія его потребностей“. Этотъ инстинктъ оказывается „общимъ человѣку съ высшими типами животнаго міра“[2]). Отсюда слѣдуетъ, что можно говорить только о разныхъ формахъ проявленія этого неистребимаго инстинкта, а потому и о разныхъ формахъ

[1]) Менгеръ, „Новое ученіе о государствѣ“, стр. 103.
[2]) Гамбаровъ, „Право собственности“, стр, 434.

собственности — а вовсе не о томъ, быть или не быть собственности [1]). Однако, если понимать „собственность" такъ широко, не значитъ ли это насиловать слова? Вѣдь въ этомъ смыслѣ „человѣчеству" придется, пожалуй, приписать прiобрѣтенное право собственности на весь земной шаръ — что, однако, врядъ ли допустимо иначе, какъ въ фигуральномъ выраженiи. Вѣдь въ этомъ смыслѣ дикарь, отогнавшiй отъ кокосовой пальмы обезьяну и лакомящiйся орѣхами, является уже „собственникомъ". Вѣдь въ этомъ смыслѣ придется говорить о комбинацiяхъ формъ собственности, коммунистическихъ и индивидуалистическихъ, среди высшихъ типовъ животныхъ. Правда, съ революцiонной точки зрѣнiя мудрено опредѣлить достаточно точно „начала" и „концы" развивающихся явленiй. Однако, это еще не достаточное основанiе для увлеченiй въ смыслѣ безконечнаго продолженiя въ обѣ стороны, впередъ и назадъ, аттрибутовъ изучаемаго явленiя. Это будетъ такой же метафизикой, какъ, напримѣръ, стремленiе, съ одной стороны, усмотрѣть „психическое" — хотя бы въ зародышевомъ видѣ — въ каждой молекулѣ, въ каждомъ атомѣ съ одной стороны, — а съ другой стороны въ обществѣ, въ планетѣ и т. д. видѣть своеобразный „организмъ", живую индивидуальность высшаго порядка. Такiя увлеченiя ведутъ всегда къ противорѣчiямъ. И тотъ же проф. Гамбаровъ, который, возводя право собственности въ „вѣчное" понятiе, находитъ его уже у животныхъ, черезъ страницу, однако, самъ ограничиваетъ ее во времени, говоря, что „аморфнымъ состоянiямъ общества, не знающимъ еще ни кастъ, ни классовъ, ни центральной власти, соотвѣтствуетъ такое же аморфное и неорганизованное состоянiе собственности, по крайней мѣрѣ, по отношенiю къ ея важнѣйшему виду: собственности на землю. *Тутъ нельзя говорить, въ сущности, и о коллективной собственности,* такъ какъ коллективныя единицы не совершаютъ еще актовъ апропрiацiи земли. *Эта послѣдняя принадлежитъ всѣмъ и непринадлежитъ никому,* или, вѣрнѣе, принадлежитъ тому, кто ее занимаетъ, и до тѣхъ лишь поръ, пока ее занимаетъ". Куда же дѣлась, однако, „вѣчность" собственности? И если въ прошломъ ей приходилось оказываться „въ нѣтяхъ", то не можетъ ли постигнуть ее та же участь и въ будущемъ? Не будетъ ли болѣе философскимъ и болѣе научнымъ признать, что и собственность есть такое же временное и преходящее явленiе, какъ и всѣ

[1]) Тамъ же, стр. 442.

прочія земныя явленія? „Но, ахъ, ничто не вѣчно!“ — какъ говоритъ у А. Толстого его лѣтописецъ.

Положеніе, при которомъ „земля принадлежитъ всѣмъ и не принадлежитъ никому“, вовсе не предполагаетъ непремѣнно отсутствія правового регулированія *пользованія* ею. Пользованіе вовсе не необходимо предполагаетъ свою или чужую „собственность“. Пользованіе — какъ неурегулированное, такъ и урегулированное — возможно и вещами, *еще не успѣвшими* сдѣлаться чьей бы то ни было, личной или групповой, собственностью; слѣдовательно, не менѣе допустимо теоретически и пользованіе благами, *переставшими* признаваться законнымъ объектомъ собственности.

Всѣмъ сказаннымъ я утверждаю, конечно, лишь то, что терминъ „общенародное достояніе“ вполнѣ можетъ быть допустимъ, и даже предпочтенъ термину „общенародная собственность“. Если кто-нибудь, однако, предпочтетъ этотъ послѣдній терминъ, или сочтетъ возможнымъ употреблять оба, какъ синонимы — это, конечно, не представляется существеннымъ и является скорѣе дѣломъ вкуса, чѣмъ принципа. Важно только не упускать изъ виду, что рѣчь идетъ не о поземельной *собственности коллектива*, во всемъ остальномъ аналогичной *съ собственностью индивидуума*, а о совершенно иномъ строѣ соціальныхъ отношеній, строѣ, въ основѣ котораго лежитъ признаніе *общегражданскихъ правъ на пользованіе землею.* Къ этому приходятъ волей-неволей всѣ, идущіе глубже въ своей критикѣ частной собственности. Такъ, А. Фулье, критикуя право перваго захвата никому не принадлежащаго блага, какъ одинъ изъ основныхъ правовыхъ источниковъ собственности, выставляетъ „рядомъ съ правомъ такъ наз. *перваго оккупанта,* т. е. перваго заимщика земли, и право *послѣдняго оккупанта,* долженствующее служить границей перваго“. Но къ чему положительному должна логически вести эта критика, если не къ признанію равенства общегражданскихъ *правъ на землю*?

Я признаю, что это теоретическое освѣщеніе принципа соціализаціи земли можетъ на первый взглядъ показаться слишкомъ абсолютнымъ. Гораздо проще и легче, вслѣдъ за Тарбуріешемъ, затушевать разницу между индивидуальной и коллективной собственностью, признавъ ихъ за „абстрактные типы,“ которые „такъ же не существуютъ ни въ одномъ обществѣ, какъ абсолютно-бѣлое и абсолютно-черное не существуетъ въ природѣ“. Какъ типичный соціалъ-реформаторъ, человѣкъ „середины“, Тарбуріешъ не понимаетъ,

что именно абсолютная закругленность понятія „квиритской собственности“, его *идеальное*, а не *реальное* содержаніе дѣлали его боевымъ лозунгомъ, знаменемъ, могучимъ правообразующимъ принципомъ. Онъ не понимаетъ, что наше время нуждается въ такомъ же логически-чистомъ и цѣлостномъ, идеальномъ правообразующемъ принципѣ, въ абстрактности котораго—его сила, его теоретически руководящее значеніе. И если выставленный нами общій принципъ „соціализаціи“ людямъ изъ „среды умѣренности и аккуратности“ покажется неосуществимымъ во всей его абсолютной полнотѣ и чистотѣ— мы отмѣтимъ, что въ процессѣ воплощенія въ жизнь онъ, конечно, можетъ проходить черезъ рядъ практическихъ компромиссовъ; но для политическихъ цѣлей совершенно достаточно, если къ нему возможно послѣдовательное неограниченно большое приближеніе. Всякій идеальный принципъ есть „предѣльное понятіе“, къ которому возможно безконечное приближеніе; потому-то его идеальность и есть залогъ вѣчнаго прогресса.

Потребность въ этомъ идеальномъ принципѣ есть, какъ мы уже видѣли, и у народа. Онъ порою, быть можетъ, смѣлѣе насъ, скованныхъ традиціями римскаго права, формулируетъ новый строй отношеній къ землѣ, какъ рѣшительный разрывъ со „священной и вѣчной собственностью“. И неудивительно. Причина этого лежитъ частью въ примитивности его міросозерцанія, частью въ томъ, что онъ сохранилъ нѣкоторыя черты соціальнаго быта, не мирящіяся съ буржуазнымъ частно-правовымъ порядкомъ. Не надо забывать, что не только у насъ, но и во многихъ другихъ мѣстахъ „рецепція римскаго права была проведена обладателями власти несмотря на сопротивленіе самыхъ широкихъ слоевъ народа“: такъ, „римское право было навязано нѣмецкому народу въ концѣ среднихъ вѣковъ противъ его воли и вопреки его потребностямъ абсолютными монархами и юристами; не только дворянство и сельское населеніе, но и города оказывали сопротивленіе введенію римскаго права“. Что касается нашего народа, то вліяніе римскаго права коснулось его и позднѣе, и поверхностнѣе, чѣмъ гдѣ-либо. И соціалистическое право будущаго можетъ смѣло подать руку возстающему противъ буржуазнаго частнаго права народному трудовому праву, чтобы внести въ послѣднее свѣтъ научнаго сознанія и общими силами одолѣть общаго врага.

СОЦІАЛИЗАЦІЯ ЗЕМЛИ И ОБЩИНА.

Черезъ группу соціалистовъ-революціонеровъ II-й Думы былъ внесенъ и оглашенъ съ думской трибуны аграрный законопроектъ, выработанный, по иниціативѣ центральнаго комитета, аграрными теоретиками партіи. Законопроектъ имѣлъ блестящій успѣхъ: при численности группы въ 37 человѣкъ, подъ законопроектомъ было собрано 104 (главнымъ образомъ, крестьянскихъ) депутатскихъ подписей. Въ числѣ подписавшихся оказались и трудовики, и безпартійные, и даже нѣсколько крестьянъ-кадетовъ, крестьянъ-соціальдемократовъ, народныхъ соціалистовъ... А отъ лица правыхъ тотчасъ же послѣдовалъ протестъ противъ того, что депутатамъ роздана, подъ видомъ думскаго документа, отпечатанная на государственныя средства возмутительная прокламація, направленная противъ основъ всего существующаго порядка...

Законопроектъ этотъ занимаетъ совершенно особое мѣсто въ ряду всѣхъ практическихъ предложеній по аграрному вопросу. Онъ рѣзко противополагаетъ господствующему поземельному строю, насквозь пропитанному собственническими началами, иной поземельный строй, основанный на противоположномъ принципѣ — принципѣ послѣдовательнаго отрицанія частной собственности на землю.

Но есть и другая особенность въ этомъ законопроектѣ, не менѣе важная, на которую въ этой статьѣ мы и хотѣли бы обратить особенное вниманіе читателей.

Источниками тѣхъ новыхъ принциповъ поземельнаго устройства, которые положены въ основу законопроекта, является не только соціалистическая *теорія*, но и существующее *народное правосознаніе.*

Единственный „теоретикъ“ правыхъ, кн. Святополкъ-Мирскій, не могъ въ своей рѣчи не коснуться той стороны народнаго правосознанія, которую мы при этомъ имѣемъ въ виду. Онъ съ негодованіемъ отмѣтилъ, что „вслѣдствіе общности основныхъ источниковъ сельско-хозяйственнаго производства, начала индивидуалистическаго правосознанія не имѣютъ

прочныхъ устоевъ въ міровоззрѣніи нашего крестьянства". Фактъ подмѣченъ вѣрно. Даже больше того: сами власть имущіе не разъ поддавались этому „непріятію" деревней понятія о безусловности частно-собственническихъ правъ на землю. Такъ, когда въ 1893 г. правительство выступило съ закономъ о неотчуждаемости крестьянскихъ надѣловъ, оно не могло не сознать, что закономъ этимъ „будетъ нѣсколько нарушено отвлеченное понятіе права полной собственности въ томъ видѣ, какъ оно усвоено частью I т. X. Св. Законовъ". Но въ засѣданіи Соед. Департаментовъ Гос. Совѣта утѣшеніе было найдено быстро: совѣщаніе чисто демагогическимъ языкомъ заявило, что „затрудняется вообще усвоить себѣ существующій на Западѣ Европы взглядъ на земельную собственность, *какъ на товаръ*, ничѣмъ не отличающійся отъ прочихъ цѣнностей, обращающихся на рынкѣ"...

Кн. Святополкъ-Мирскій не пошелъ бы на такое заигрываніе съ соціализмомъ, хотя бы и преображая его въ своеобразный „крѣпостной соціализмъ". Для него это — игра съ огнемъ. „Пользованіе благами природы, какъ достояніемъ общиннымъ, а не индивидуализація ихъ въ цѣляхъ наисовершеннѣйшей ихъ эксплуатаціи, — вотъ экономическій лозунгъ нашего крестьянства, — съ грустью констатируетъ онъ — „а потому вполнѣ понятно, что несогласное съ индивидуалистическимъ законодательствомъ нашего X тома пользованіе чужими угодьями, по понятіямъ народнымъ, отнюдь не можетъ быть приравнено къ кражѣ, а плоды земные отнюдь не пользуются у насъ той неприкосновенностью, которую каждому, кто тамъ бывалъ, приходилось наблюдать въ Западной Европѣ".

Характерное признаніе! Особенно цѣнное именно въ устахъ „праваго" депутата! Трудно, въ самомъ дѣлѣ, болѣе рельефно обрисовать пропасть между дѣйствующимъ закономъ и жизнью, между стремленіями законодателя и народнымъ правосознаніемъ. То, что съ точки зрѣнія закона является *кражей*, для народа ничего общаго съ кражей не имѣетъ; и наоборотъ, то, чему законъ присваиваетъ наименованіе *собственности* — и даже *священной* собственности, — то представителями крестьянства единогласно называется *кражей* народнаго достоянія.

Въ этомъ столкновеніи *всего общаго духа* „индивидуалистическаго законодательства нашего X тома" и *всего общаго духа* народныхъ трудовыхъ понятій и представленій — въ немъ корень, въ немъ суть аграрнаго вопроса въ Россіи; и обостреніе аграрнаго вопроса есть не что иное, какъ обостреніе

вѣковой тяжбы между двумя этими началами: закономъ и жизнью, народнымъ правосознаніемъ и тѣмъ прокустовымъ ложемъ индивидуалистическаго „Х-го тома“, въ которое правительство старается уложить народную жизнь.

Правые à la Святополкъ-Мирскій — съ одной стороны, соціалисты-революціонеры—съ другой, понимаютъ существо положенія и безбоязненно глядятъ ему прямо въ глаза. Тѣ и другіе рѣшаютъ вопросъ, конечно, въ совершенно противоположномъ направленіи. Одни хотятъ, чтобы изъ вѣковой тяжбы побѣдителемъ вышелъ пресловутый „Х-й томъ“. Другіе хотятъ, чтобы земля была высвобождена изъ путъ Х-го тома и чтобы земельный строй былъ реорганизованъ на уравнительно-трудовыхъ началахъ, свойственныхъ народному правосознанію и нуждающихся въ научной формулировкѣ и юридической разработкѣ. Одни знаютъ, что „передѣлать“ жизнь народную въ глубочайшихъ основахъ ея сообразно символу вѣры индивидуализма есть „дѣло очень щекотливое“, ибо отъ Святополка-Мирскаго правые слыхали краемъ уха, что „какъ извѣстно, въ Пруссіи, въ феодальной Пруссіи XVIII столѣтія, бывали случаи, когда населеніе встрѣчало комиссіи, пріѣзжавшія расселять крестьянъ, градомъ камней; чего же ждать въ Россіи, гдѣ населеніе, говоря откровенно, едвали въ настоящее время можетъ служить образцомъ дисциплинированности?“. Другіе, со своей стороны, не менѣе хорошо знаютъ, что передѣлать законъ сообразно требованіямъ народнаго правосознанія есть задача, рѣшенію которой поперекъ дороги становятся вѣскія силы — силы, всегда въ исторіи законодательства съ успѣхомъ отвѣчавшія на „градъ камней“, про который говорилъ Святополкъ-Мирскій.

Итакъ, позиціи обѣихъ крайнихъ группъ совершенно ясны и опредѣленны. Каждая изъ нихъ знаетъ, чего она хочетъ. Обѣ стороны будутъ непосредственными участниками въ борьбѣ между народнымъ правосознаніемъ и закономъ. Но, кромѣ непосредственныхъ участниковъ въ этой борьбѣ, есть и посторонніе зрители.

Такимъ зрителемъ, прежде всего, является конституціонно-демократическая партія.

Когда-то она пыталась быть не только зрителемъ... Но что изъ этого вышло? Ровно ничего. Пусть вспомнятъ читатели о проектѣ, внесенномъ въ первую государственную думу за подписью 42 членовъ конституціонно-демократической партіи. Наиболѣе вліятельный органъ партіи, газета „Рѣчь“, уже тогда же заявила по поводу этого проекта, что „въ

средѣ самой этой партіи нѣтъ полнаго единомыслія относительно *деталей* земельнаго вопроса, почему проектъ и внесенъ отъ имени группы членовъ, а не всей партіи“ [1]).

Почтенная газета, разумѣется, шутила. Записка 42-хъ членовъ, по ея собственному заявленію, намѣчала лишь „основы“ для „*будущаго* законопроекта“ (а потому и записку свою эти члены передавали въ комиссію лишь какъ „матеріалъ“ для работы ея по составленію этого законопроекта). Но, вѣдь *основы* законопроекта, *детали* его—не одно и то же. И разъ записку пришлось вносить въ думу лишь отъ лица группы въ 42 человѣка, то это значитъ, что парламентская группа партіи к.-д. не могла сойтись, столковаться *именно въ основахъ* рѣшенія аграрной проблемы. Да, это фактъ. Съ одной стороны, выступили противъ проекта 42-хъ такія крупныя лица среди к.-д. партіи, какъ Петражицкій и Львовъ. Съ другой стороны, подъ проектомъ, внесеннымъ въ 1-ю Думу трудовою группой, появились подписи отдѣльныхъ членовъ партій к.-д. Итакъ, партія уже наглядно для всѣхъ раздѣлилась въ этомъ вопросѣ на правую, лѣвую и центръ. Въ дѣйствительности же дѣленіе являлось, повидимому, еще болѣе дробнымъ. Конечно, дѣленіе еще не есть расколъ, еще не есть распадъ партіи. Но слишкомъ рѣзкое дѣленіе можетъ носить въ себѣ въ потенціальномъ видѣ опасность распада.

Проектъ 42-хъ „признаетъ руководящимъ началомъ земельной политики — передачу земли въ руки трудящихся“. Естественно возникаетъ вопросъ: что значитъ эта „передача въ руки“? На какомъ правѣ состоится эта передача? Каковъ объемъ и составъ того новаго права, которымъ будутъ надѣлены трудящіеся? На какое количество и какіе разряды трудящихся будетъ оно распространено?

Согласно проекту, создаваемое новое право, по характеру своему, есть „право на расширеніе землепользованія“ (не землевладѣнія, точнѣе — не земельной собственности, а лишь землепользованія). Каковы *размѣры* этого права? Согласно проекту,—„является желательнымъ доведеніе размѣровъ обезпеченія до потребительной нормы“ (какъ опредѣляетъ проектъ потребительную норму, мы пока, чтобы не усложнять вопроса, разбирать не будемъ). Кому дается это право? Тремъ категоріямъ лицъ: 1) малоземельнымъ и безземельнымъ земледѣльцамъ, ведущимъ хозяйство на какихъ

---

[1]) „Рѣчь“ отъ 20 мая 1906 года, № 78, передовая.

бы то ни было земляхъ, 2) сельскохозяйственнымъ рабочимъ —„тамъ, гдѣ существуетъ особый классъ безземельныхъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ“ и 3) семьямъ, прекратившимъ собственное хозяйство вслѣдствіе малоземелья и желающимъ возстановить его.

Таковы характеръ, размѣры и предѣлы распространенія новаго земельнаго права по этому проекту земельной реформы. Перейдемъ теперь отъ простого изложенія къ анализу.

Нельзя не привѣтствовать того факта, что въ вопросѣ о расширеніи землепользованія авторы проекта рѣшились, наконецъ, стать на почву обезпеченія за отдѣльными трудящимися совершенно опредѣленнаго *права*. Это — первый шагъ впередъ сравнительно съ прежними программами к.-д. партіи. Она и раньше говорила о расширеніи землепользованія трудового сельскаго населенія, но впервые она заговариваетъ о закрѣпленіи за нимъ опредѣленныхъ *правъ* на расширеніе землепользованія. А это далеко не одно и то же; настолько не одно и то же, что тотъ, кто не понимаетъ этой разницы, ничего не понимаетъ въ юридической и фактической сторонѣ дѣла земельной реформы. Въ самомъ дѣлѣ, будетъ огромная разница, признаемъ ли мы просто необходимость свыше прирѣзать землицы нуждающимся, руководясь однимъ благопопечительнымъ „усмотрѣніемъ“ тѣхъ или иныхъ (хотя бы самыхъ демократическихъ) землеустроительныхъ учрежденій, или же мы этихъ нуждающихся въ землѣ поставимъ внѣ зависимости отъ такого „усмотрѣнія“, обезпечивъ имъ право выступать передъ этими учрежденіями въ качествѣ лицъ „управомоченныхъ“, выступающихъ съ санкціонированными закономъ прочными юридическими притязаніями. Въ первомъ случаѣ нуждающіеся въ землѣ есть просто пассивный матеріалъ земельной филантропіи, организуемой землеустроительными учрежденіями; во второмъ случаѣ они — граждане съ извѣстнымъ кругомъ правъ, удовлетвореніе которыхъ для землеустроительныхъ учрежденій *обязательно*. Въ первомъ случаѣ нуждающіеся въ землѣ могутъ только *сѣтовать* на неудовлетвореніе или неполное удовлетвореніе своей земельной нужды; во второмъ случаѣ они могутъ законнымъ путемъ (если нужно, то даже судебнымъ порядкомъ) *отстоять* свое нарушенное право. Въ первомъ случаѣ нуждающіеся въ землѣ передъ лицомъ землеустроительной комиссіи — то же, что нищіе передъ лицомъ благотворительныхъ учрежденій: они имѣютъ право

ходатайствовать, по должны довольствоваться тѣмъ, что получатъ. Во второмъ случаѣ они не безправны, а полноправны и „могутъ въ своемъ интересѣ привести въ движеніе весь правопорядокъ".

Совершенно ясно, что изъ двухъ этихъ точекъ зрѣнія партія к.-д. можетъ стоять только на второй, если она хоть немного дорожитъ своимъ именемъ „партіи народной свободы".

Только бюрократы могутъ смотрѣть на дѣло земельной реформы, какъ на какую-то властную опеку надъ нуждающимися въ землѣ гражданами, какъ на благожелательный произволъ. Только бюрократы не могутъ подняться выше понятія о „просвѣщенномъ деспотизмѣ". Только для бюрократіи нуждающіеся въ землѣ представляются въ видѣ униженныхъ просителей, которые

„.Сотекшися къ ея престолу
И кроткихъ внявъ велѣній гласъ,
По желтосмуглымъ лицамъ долу
Ліяли токи слезъ изъ глазъ.

Тѣмъ не менѣе, партія народной свободы до сихъ поръ стояла— увы! именно на точкѣ зрѣнія земельно-филантропическихъ мѣропріятій и въ законопроектѣ 42-хъ *лишь впервые* вступила на путь опредѣленія твердыхъ *правъ* земледѣльцевъ на расширеніе ихъ землепользованія [1]. Это еще, впрочемъ, не такъ важно. „Лучше поздно, чѣмъ никогда" и „кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ"—гласитъ народная мудрость. И не стоило бы упоминать о старыхъ аграрныхъ прегрѣшеніяхъ партіи к.-д. (легко ли не поддаться аграрному грѣху, имѣя въ своемъ роду семь бояръ.. то бишь, въ своей средѣ столько „семибоярныхъ" помѣщиковъ?), если бы отъ этихъ прегрѣшеній нынѣ она радикально отрѣшилась. Но такъ ли это?

Wer A sagt, muss auch B. sagen. Кто говоритъ о *правѣ* трудящихся на расширеніе землепользованія, тотъ долженъ точно опредѣлить объемъ и размѣры этого права. Право на землю безъ точнаго указанія, чѣмъ опредѣляется площадь, до которой земледѣлецъ вправѣ *требовать* расширенія своего землепользованія, есть пустое слово. Что же видимъ

---

[1]) Врядъ ли кто-нибудь рѣшится отрицать, что этотъ поворотъ вызванъ *нашею критикой* аграрной программы к.-д., въ особенности же поистинѣ мастерскимъ анализомъ послѣдней въ книгѣ тов. Вихляева „Аграрный вопросъ съ правовой точки зрѣнія". На послѣднемъ аграрномъ совѣщаніи к.-д. усердно чинились всѣ указанныя въ этой книгѣ прорѣхи.

мы въ проектѣ, внесенномъ въ думу 42 членами к.-д. партіи? Мы видимъ слова: „при этомъ *является желательнымъ* доведеніе размѣровъ обезпеченія до потребительной нормы". Какъ желательнымъ? Что это значитъ? Почему только „желательнымъ"? Всякому *праву* противостоитъ соотвѣтствующая *обязательность*. Если я *имѣю право* на безплатное обученіе моихъ дѣтей, то опредѣленныя учрежденія *обязаны* принять ихъ въ общественную школу, а не только „желательно, чтобы они приняли". Право на безплатную земскую амбулаторную помощь не означаетъ только „желательности" не брать съ меня за нее денегъ. Дать человѣку *право*, а слѣдомъ за тѣмъ признать лишь желательность, но не обязательность его удовлетворенія — значитъ насмѣяться надъ человѣкомъ и насмѣяться надъ правомъ.

Зачѣмъ дѣлаютъ это 42 члена к.-д. партіи? Зачѣмъ они *на словахъ* даютъ земельнымъ притязаніямъ крестьянъ прочную правовую основу, твердую юридическую почву — только для того, чтобы тотчасъ же вслѣдъ за этимъ *на дѣлѣ* выхватить у нихъ эту почву изъ-подъ ногъ? Хорошо ли это? Да и выгодно ли это? Вѣдь прошло то время, когда такія операціи можно было сдѣлать передъ глазами крестьянъ незамѣтно, да и упомянутые 42 члена — не политическіе фокусники, чтобы пускаться на это.

Спѣшу еще разъ замѣтить, что я вовсе не обвиняю авторовъ проекта въ злостномъ обманѣ крестьянъ. Слово расходится у нихъ съ дѣломъ и на этотъ разъ просто вслѣдствіе все той же фатальной слабости: они во всѣхъ вопросахъ испытываютъ „влеченье, родъ недуга" къ поверхностному *примиренчеству*. У нихъ есть сторонники признанія твердаго и прочнаго *права* на землю трудящихся. У нихъ есть и боящіеся провозглашенія этого права, какъ огня. Надо на чемъ-нибудь ихъ помирить. Нѣтъ ничего проще. Скажемъ сначала, что мы признаемъ это право; скажемъ потомъ, что защиту этого права мы признаемъ лишь „желательной". Вы скажете, что это плоскій пріемъ? Что всуе законы писать, ежели ихъ не исполнять, и всуе права даровать, если ихъ обезпеченіе обязательнымъ не считать? Что дѣлать! Практическая, реальная политика... Необходимость концентраціи направо... Стремясь удовлетворить всѣхъ, к.-д. вѣчно не удовлетворяютъ никого и подводятъ себя подъ удары и справа, и слѣва.

Итакъ, мы видѣли, что „право на расширеніе землепользованія" въ новомъ проектѣ какое-то неопредѣленное,

неуловимое, и потому полуфиктивное. Посмотримъ теперь, кому дается это полуфиктивное право?

Кругъ лицъ, надѣленныхъ новосозданнымъ правомъ, всегда долженъ быть опредѣленъ совершенно точно. Должны быть даны совершенно опредѣленные, *объективные*, недоступные никакимъ перетолкованіямъ признаки, по которымъ можно отличить лицъ, получающихъ новое право, отъ лицъ, его не получающихъ. Удовлетворяетъ ли этому требованію проектъ 42 членовъ? Не совсѣмъ. Изъ указываемыхъ имъ трехъ категорій населенія только первая категорія очерчена достаточно опредѣленно. Новое земельное право дается малоземельнымъ и безземельнымъ земледѣльческимъ [1]) семьямъ, ведущимъ хозяйство на своихъ (надѣльныхъ или купчихъ) и арендованныхъ земляхъ. Но уже указаніе на вторую категорію страдаетъ удивительной неясностью и туманностью. „Тамъ, гдѣ существуетъ *особый классъ* безземельныхъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ, послѣдніе подлежатъ обезпеченію землею на тѣхъ же основаніяхъ". А тамъ, гдѣ они еще не сформировались въ „особый классъ"? Тамъ, гдѣ безземельные сельскохозяйственные рабочіе тонутъ отдѣльными индивидуумами и маленькими кучками въ общей массѣ наемныхъ рабочихъ, имѣющихъ собственные земельные участки? Тамъ, очевидно, они „не подлежатъ" обезпеченію землей? Или подлежатъ, но не „на тѣхъ же основаніяхъ"? И какъ, на основаніи какихъ признаковъ рѣшить, существуетъ ли или еще не существуетъ въ данномъ мѣстѣ „особый классъ" безземельныхъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ? Какъ отмежевать эту мѣстность отъ окружающихъ мѣстъ, гдѣ они въ такой „особый классъ" еще не сложились? Ясно, что здѣсь мы имѣемъ подъ ногами какую-то шаткую почву, какія-то каучуковыя формулы, растяжимость которыхъ оставляетъ самый широкій просторъ субъективному произволу „личнаго усмотрѣнія".

Не менѣе туманно очерчена и третья категорія. „Особыми правилами также (почему *также*, когда раньше были не „*особыя* правила", а надѣленіе „на тѣхъ же", т. е. общихъ основаніяхъ?) долженъ быть опредѣленъ отводъ земли семьямъ, прекратившимъ хозяйство *вслѣдствіе малоземелья*,

---

[1]) Раньше аграрная программа к.-д. говорила о „*крестьянскихъ* семьяхъ", вводя такимъ образомъ *сословное* ограниченіе доступа къ землѣ. Критику см. въ упомянутомъ ранѣе трудѣ тов. П. А. Вихляева.

если онѣ пожелаютъ возстановить свое хозяйство". Но что это за странное опредѣленіе! И какъ узнать, вслѣдствіе малоземелья или вслѣдствіе другихъ причинъ семья когда-то прекратила хозяйство? Объективно констатировать психологическіе *мотивы* прекращенія хозяйства нельзя: чужая душа—потемки. Зачѣмъ же вводить такія ограниченія? Если пожелать выполнять ихъ — то вѣдь придется прибѣгнуть къ инквизиціонному „чтенію въ сердцахъ"; но изъ этого ничего путнаго не выйдетъ, и охотники на это врядъ ли найдутся. Если же этихъ ограниченій — единственно возможный исходъ—рѣшить заранѣе не соблюдать,—то къ чему загромождать проектъ словесными ненужностями?

Можно было бы замѣтить, что несправедливо все-таки ограничить указанными тремя категоріями кругъ лицъ, получающихъ право на пользованіе землею. Въ самомъ дѣлѣ, теперь для лицъ, ранѣе земледѣліемъ не занимавшихся (не говорю уже объ оставившихъ земледѣліе по преходящимъ причинамъ, однако, съ малоземельемъ совершенно не связанныхъ), не исключена возможность вновь къ нему возвратиться (свобода покупки и аренды). Но если громадная масса земель, иммобилизированныхъ въ видѣ „земельнаго запаса", окажется лишь въ монопольномъ пользованіи опредѣленныхъ категорій населенія, то доступъ къ землѣ для этихъ лицъ будетъ отрѣзанъ. Справедливо ли это? Многіе авторы трудовъ по аграрной экономіи и аграрной политикѣ отмѣчаютъ тотъ фактъ, что среди фабричныхъ рабочихъ — благодаря необезпеченности ихъ положенія, особенно подъ старость — замѣчается несомнѣнная тенденція пріобрѣсти въ собственность или аренду клочекъ земли, который былъ бы вѣрнымъ прибѣжищемъ „въ минуту жизни трудную" (см. напримѣръ, трудъ Вандервельда о стремленіи въ города и обратномъ отходѣ въ деревню). Кстати сказать, прогрессивное соціально-политическое значеніе этого „эндосмоса и экзосмоса", этого взаимнаго всасыванія, между городомъ и деревней, несомнѣнно. Но возражать въ этомъ пунктѣ авторамъ проекта какъ будто наполовину излишне. Они сами спохватываются, что врядъ ли цѣлесообразно и врядъ ли демократично создавать какую-то замкнутую корпорацію съ монопольными правами на земли государственнаго запаса. „Гони природу въ дверь — она влетитъ въ окно". И авторы тотчасъ же спѣшатъ растворить, если не все окно, то форточку. „Мѣстнымъ землеустроительнымъ учрежденіямъ,— говорятъ они,— должно быть предоставлено возбужденіе во-

просовъ объ измѣненіи круга лицъ, подлежащихъ, сообразно съ мѣстными условіями, земельному обезпеченію". Хотя, надо сказать, форма эта тоже крайне каучуковая. „Измѣненіе" круга лицъ! Но вѣдь не только *расширеніе, но и суженіе*—будетъ „измѣненіемъ"...

Если хотите, кадетскій проектъ все время ходитъ вокругъ да около признанія *равенства общегражданскихъ правъ на землю*. То какъ будто признаетъ это право, то испугается и начнетъ ограничивать категорію „управомоченныхъ" лицъ. То совсѣмъ ихъ ограничитъ, то опять испугается и дастъ ограниченіямъ такую формулировку, что они лишь запутываютъ, но толкомъ ничего не ограничиваютъ. То установитъ правила, то снова создастъ брешь, которую можно такъ расширить, что черезъ нее совершенно вывалится все правило. Сколько-нибудь послѣдовательное примѣненіе нѣкоторыхъ началъ кадетскаго проекта, неумолимо съ желѣзной силой логики вещей влечетъ его къ развитію вплоть до размѣровъ проекта трудовой группы.

Но соображенія оппортунизма заставляютъ остановиться на полдорогѣ. Въ результатѣ плачевный итогъ: совершенно неопредѣленному кругу лицъ проектъ даетъ не менѣе неопредѣленное, и, въ сущности, фиктивное „право". Все построеніе пріобрѣтаетъ полную шаткость и юридическую несостоятельность. Попранная логика и принципіальность мстятъ за себя непоправимо. „Горе грѣшнику, на двѣ стези ходящу"!

* * *

Неудивительно, что неудачный опытъ съ „правомъ на землю" въ первой Думѣ заставилъ к.-д. быстро „отрезвѣть" и поумнѣть".

Во II-й Думѣ к.-д. партія даже по сравненію съ І-й явилась совершенно увядшей и обезкрыленной. Всякую сколько-нибудь широкую принципіальную постановку вопросовъ она предпочитала отметать. „Укатали сивку крутыя горки". И когда группа соціалистовъ-революціонеровъ выступила со своимъ проектомъ земельной реформы, въ которомъ соціализаторская тенденція стремилась опереться на народное трудовое правосознаніе, а откровенные сторонники частновладѣльческихъ интересовъ и воззрѣній рѣшительно выступили на борьбу и съ трудовымъ правосознаніемъ крестьянства, и съ его идеологами соціально-революціоннаго лагеря,—то к.-д. партія предпочла держаться въ сторонкѣ, въ позѣ зрителя, чья „хата съ краю"...

Впрочемъ, она является не только зрителемъ. Зритель можетъ видѣть борьбу и *понимать* ее, хотя считать „свою хату—съ краю“. Но к.-д. партія ухитряется видѣть и *не понимать*.

Лидеръ парламентской фракціи к.-д. эксъ-министръ Кутлеръ, сумѣлъ создать по-истинѣ *чиновничью отписку* отъ необходимости вникнуть въ суть дѣла. „Законъ не призванъ учить крестьянъ и навязывать имъ какія-нибудь теоріи, хотя бы эти теоріи и признавались законодателями совершенно основательными и правильными“, а потому „было бы въ высшей степени неосновательно и несправедливо осложнять простую и безспорно полезную задачу помощи крестьянскому населенію“. Итакъ, „нужно на дѣло посмотрѣть, какъ можно проще и какъ можно проще къ нему подойти“. „Будемъ просто требовать одного—помогать крестьянамъ въ ихъ малоземельѣ, не усложняя этой задачи какими-нибудь иными реформами, котрыя могутъ затруднить эту реформу, сдѣлать ее химеричной или фантастичной“.

Никогда еще, кажется, съ такимъ пошлымъ самодовольствомъ не нахлобучивался на голову филистерскій колпакъ, какъ въ этотъ разъ, на высотѣ думской трибуны, думскимъ лидеромъ к.-д.

„Законъ не призванъ учить крестьянъ и навязывать имъ какія-либо теоріи“. Но весь X томъ именно навязываетъ крестьянамъ индивидуалистическій способъ пользованія землей. Оставить въ силѣ это положеніе или измѣнить его? Вопросъ, поставленъ ребромъ,—а к.-д. партія, въ лицѣ думскаго своего лидера, спѣшитъ, подобно страусу, спрятать голову подъ крыло и уклониться отъ прямого отвѣта „Отнесемся къ дѣлу проще... у крестьянъ мало земли... прибавимъ земли..“

Но, вѣдь, обойти вопросъ—значитъ оставить все по старому! Значитъ—содѣйствовать гг. Святополкамъ-Мирскимъ постепенно проводить въ народную жизнь начала „индивидуалистическаго законодательства нашего X-го тома!“ Значитъ: облегчать эту задачу, затыкая ротъ крестьянскому недовольству временнымъ облегченіемъ—выбрасываньемъ „куска“, ибо на голодные-то зубы и этого за глаза довольно!

Но чтобы прикрыть чисто-чиновничью наготу этой „отписки“ прибѣгаютъ къ фиговому листочку въ видѣ громкой фразы. Прибавить землицы голодному!—неужели—восклицаетъ Кутлеръ:—„это дѣло одно, само по себѣ взятое, недостаточно велико, чтобы къ нему не подходить *просто*, чтобы придумывать какія-то теоретическія, туманныя оправданія?“

Какъ видите, не такъ простъ г. Кутлеръ, какъ это можно подумать, выслушавъ его нескончаемые гимны „святой простотѣ“. И невольно вспоминается народная поговорка, что иная простота хуже воровства.

Да, не такъ просты представители к.-д. партіи! Да и не удивительно! Вѣдь, въ ихъ рядахъ немало людей, когда-то вкусившихъ отъ древа познанія, когда-то парадировавшихъ въ соціалистическихъ рядахъ. Да вотъ, хотя бы, недалеко ходить: чуть не ежедневно на страницахъ „Рѣчи“ и понынѣ подвизается г. Изгоевъ, главнымъ, образомъ на амплуа борьбы съ „лѣвыми“. Такъ, вотъ, у этого самаго Изгоева есть небезынтересная книжечка объ „общинномъ правѣ“; г. Изгоевъ понялъ, что для будущихъ судебъ этого права есть два пути. „Первый путь ведетъ, иногда черезъ подворное владѣніе, къ извѣстному римскому институту частной собственности на землю, съ большими или меньшими, но случайными ограниченіями. Второй путь ведетъ къ разрушенію узкихъ границъ общины, какъ тѣснаго, исторически образовавшагося и исторически замкнувшагося союза, и къ распространенію основъ общиннаго права на всю землю въ примѣненіи ко всему объемлющему землю государству“. „Съ одной стороны—стремленіе къ личной, частной собственности... Съ другой стороны—стремленіе всю землю всего государства превратить въ одну великую общину, на которой и осуществлять начала общиннаго права на условіяхъ, наиболѣе пригодныхъ для развитія производительныхъ силъ,—стремленіе снять землю съ рынка и передать ее въ пользованіе только тѣхъ, которые ее обрабатываютъ. Борьба этихъ двухъ теченій и будетъ основнымъ фактомъ русской исторіи XX вѣка“.

Да, какъ видите, не такъ ужъ просты многіе к.-д-ты, чтобы не понимать, на какомъ распутьи межъ двухъ дорогъ стоитъ наша деревня, наша земледѣльческая Русь. На одну дорогу усиленно приглашаетъ ее кн. Святополкъ-Мирскій и бюрократическіе дѣятели, политика которыхъ находитъ въ немъ своего идеолога. Кто приглашаетъ твердо стать и пойти по второй дорогѣ? Не соціалисты-революціонеры-ли, г. Изгоевъ? Какъ же вы отнесетесь къ тѣмъ и другимъ?

„Всѣ мои симпатіи и сочувствія, какъ человѣка, какъ политическаго дѣятеля,—читаемъ мы у того же г. Изгоева—склоняются безспорно на сторну второго теченія, стремящагося расширить общинное право до предѣловъ всего государства. Своихъ симпатій я и не думаю скрывать. Но въ настоящее время научная добросовѣстность не дозволяетъ мнѣ

утверждать, что это второе течеше одолѣетъ [1]), что на его сторонѣ окажется побѣда. *Желаю этого,* но не знаю, такъ-ли оно будетъ".

Внесеніемъ своего законопроекта думская группа с.-р. даетъ г. Изгоеву—мы при этомъ говоримъ не о г. Изгоевѣ „персонально", а о немъ, какъ о лицѣ собирательномъ, о цѣломъ рядѣ подобныхъ ему „безпартійныхъ соціалистовъ"—конечно, соціалистовъ въ ковычкахъ!—въ рядахъ к.-д.—даетъ „ему" или „имъ" желанный и долгожданный поводъ либо проявить на дѣлѣ тѣ „симпатіи и сочувствія", о которыхъ они торжественно разглагольствуютъ, либо засвидѣтельствовать всю глубину искренности и лицемѣрія этихъ разглагольствованій.

Да, положеніе ясно и вопросъ стоитъ ребромъ. Аргументируя ad hominem, мы можемъ прибавить опять словами того же г. Изгоева, что нельзя „не принять участія въ той великой соціальной борьбѣ, которая назрѣваетъ въ нѣдрахъ русскаго крестьянскаго міра и даже, общѣе, всей земледѣльческой Россіи. Борьба же эта, насколько можно судить по ея тенденціямъ, находящимъ уже воплощеніе въ многочисленныхъ фактахъ, сведется къ борьбѣ двухъ началъ: одного, стоящаго за развитіе неограниченной частной собственности на землю съ допущеніемъ наемнаго труда въ широкихъ размѣрахъ, и другого, сводящагося къ признанію за всякимъ земледѣльцемъ права на равный съ прочими участокъ земли. *Необходимо примкнуть къ одной изъ двухъ борющихся сторонъ*".

И вотъ, спрашивается: куда примыкаетъ к.-д. партія, къ которой, въ свою очередь, примыкаетъ собирательный г. Изгоевъ?

Это отъ ея имени высказалъ съ самой обнаженной откровенностью г. Кутлеръ. Онъ—максималистъ на изнанку. Либо теперь же сразу все, либо ничего. „И разъ никто не предлагаетъ уничтоженія собственности вообще, необходимо *во всей силѣ признать существованіе собственности на земли*". „Надо заранѣе считаться съ тѣмъ, что, какъ бы мы сейчасъ ни старались поравнять крестьянъ, все таки впослѣдствіе получится неравенство, и что устранить его совершенно не представляется возможности. Не нужно и практически безполезно

---

[1]) Выше г. Изгоевъ упоминаетъ о ростѣ индивидуализма въ деревнѣ въ связи съ поднятіемъ цѣнности земли и благосостоянія отдѣльныхъ крестьянъ.

стремиться къ означенной цѣли". „Мы рѣшительно отказываемся отъ этой системы всеобщаго уравненія". „Партія народной свободы не предлагаетъ создавать никакого права на землю". „Мнѣ кажется, на эти несбыточныя мечты надо поставить рѣшительно крестъ".

Комментаріи излишни. К.-д. партія примыкаетъ „къ одной изъ двухъ борющихся сторонъ",—но не къ той, къ которой „лежатъ всѣ сочувствія и симпатіи" собирательнаго Изгоева. И что же дѣлаетъ собирательный Изгоевъ? Да то, что онъ и долженъ дѣлать. Одной рукой воюетъ съ народниками и соціалистами-революціонерами на столбцахъ „Рѣчи", а другой... собираетъ по полтиннику съ экземпляра, съ изложенія своего сочувствія „безсмертной заслугѣ" и „необыкновенной чуткости" передовой интеллигенціи, занявшей діаметрально-противоположную его партіи позицію въ этомъ вопросѣ, въ этой борьбѣ, „которая въ непродолжительномъ времени станетъ главнымъ факторомъ нашей жизни, по своему значенію и драматизму превосходящимъ все. что творилось у насъ до сихъ поръ".

Вотъ ужъ, подлинно, „горе грѣшнику, ходящему на двѣ стези!"

Не г. Изгоевъ лично, конечно, здѣсь насъ интересуетъ. Пусть собираетъ одной рукой полтинники „по экземплярно" за „сочувствіе" тому самому теченію, за борьбу съ которымъ зарабатываетъ одновременно „построчно" на страницахъ кадетскихъ газетъ. Вѣдь, это такъ мелко такъ ничтожно! Да, это ничтожно. Но не ничтожно то, что вообще въ „услуженіи" к.-д. партіи находится огромное количество „третьяго элемента", демократической интеллигенціи, которой. казалось бы, вовсе „не по пути" въ томъ направленіи, въ которомъ съ пошлой самодовольностью предводительствуетъ к.-д. фракціей бывшій коллега Витте и Дурново по ихъ приснопамятному „кабинету."

Чѣмъ объяснить это обстоятельство? Промежуточностью и разношерстностью этого общественнаго слоя? Проклятыми условіями русской жизни, прикрѣпившими „третій элементъ" къ земствамъ и пріучившими его тамъ „приспособляться" къ либеральнымъ помѣщикамъ и незамѣтно для себя вырабатывать безсознательно-молчалинскія черты характера? Общимъ-ли помутнѣніемъ общественной совѣсти въ сумеркахъ реакціи, подъ вліяніемъ ударовъ, которые потерпѣла революція?

Вѣрнѣе, что и тѣмъ, и другимъ, и третьимъ. Но гдѣ же эта *сознательность*, которая одна даетъ право на названіе

„интеллигенціи“? Соотношеніе общественныхъ силъ выяснилось. Роли распредѣлились. Прозрачная вуаль неопредѣленности сдернута. Нѣтъ больше мѣста ни самообману, ни иллюзіямъ. Законопроектъ, выдвигаемый соціалистами-революціонерами по земельному вопросу, внесетъ въ положеніе— если только это еще возможно—еще больше ясности. Научная соціалистическая мысль идетъ съ высотъ теоріи навстрѣчу народному правосознанію. Она находитъ въ немъ здоровыя трудовыя начала и помогаетъ народу осознать эти начала во всей ихъ полнотѣ. Она помогаетъ этимъ началамъ выдержать борьбу съ червемъ индивидуализма, подтачивающимъ трудовое единство земледѣльцевъ изнутри, и съ насильственнымъ внѣдреніемъ этого индивидуализма извнѣ. Народный взглядъ на землю, какъ на общее достояніе, на которое всѣ трудящіеся имѣютъ равное право, при свѣтѣ соціалистической мысли и при помощи научнаго метода, очищается отъ всякихъ постороннихъ наслоеній и внутреннихъ непослѣдовательностей. Онъ получаетъ юридическую формулировку и разработку. Новая сила, огромная армія работниковъ земли, получаетъ возможность идти къ удовлетворенію своихъ нуждъ уже не ощупью, не подъ вліяніемъ неясныхъ позывовъ и неопредѣлившихся, туманныхъ стремленій. Ей дается ясный, конкретный лозунгъ, облеченный въ форму законопроекта.

Мы не сомнѣваемся, что онъ вызоветъ достаточно всякихъ нападокъ. Но мы чувствуемъ себя готовыми къ борьбѣ и не боимся ея. Мы боремся за такой насущный интересъ рабочаго народа, и въ то же время за такой основной интересъ всего освободительнаго движенія, отстаиванье которыхъ— почетная обязанность. Мы горды тѣмъ, что она выпала на нашу долю.

И въ этой борьбѣ—*кто не за насъ, тотъ противъ насъ*!

* * *

Въ самомъ дѣлѣ, русская поземельная община—этотъ центральный пунктъ въ современномъ крестьянскомъ землевладѣніи и землепользованіи—не можетъ не играть и центральнаго мѣста въ грядущей поземельной реформѣ. Иными словами способы и методы надѣленія крестьянства неизбѣжно выведутъ наружу истинное отношеніе всякаго аграрнаго реформатора къ общинѣ, какъ бы ни старался онъ его скрыть или замаскировать подъ личиной ли благожелательства, или осторожнаго нейтралитета. Реформа можетъ непосредственно

и грубо разрушать общину, может перепрыгнуть через нее, обойти со стороны и тѣмъ косвенно подорвать ее, перенеся центръ тяжести крестьянскаго землепользованія и крестьянскихъ интересовъ въ другую плоскость; можетъ и наоборотъ—взять общину за центральную ось этого землепользованія, а, слѣдовательно, и за центральную ось реформы и тѣмъ укрѣпить ее или даже поднять на высшую степень. Tertium non datur. „Оставить общину въ покоѣ“, „предоставить ее естественному ходу вещей“, быть „ни за, ни противъ“—немыслимо. Это уклончивыя, сознательно или безсознательно—лицемѣрныя фразы, не болѣе. Современная община не такая ничтожная деталь, чтобы можно было при реформѣ вовсе ея не коснуться. Современная община не въ такомъ положеніи, чтобы она могла дальше оставаться въ томъ же видѣ, въ какомъ она находится теперь. Напротивъ, какъ правовое, такъ и хозяйственное положеніе ея до такой степени запутано, что всякій планъ поземельной реформы долженъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ и планомъ распутыванія этой путаницы.

При составленіи прежняго своего аграрнаго проекта, к.-д. партія, устами докладчика по аграрному вопросу на III съѣздѣ партіи, агронома А. А. Зубрилина, заявила, что „вопроса объ общинѣ проектъ не касается, считая его излишней, осложняющей дѣло детализаціей“. Это величественное игнорированіе общины, столь характерное для нашихъ просвѣщенныхъ землевладѣльцевъ и находящагося у нихъ „въ услуженіи“ третьяго элемента, на дѣлѣ было, конечно, лишь словеснымъ. Въ дѣйствительности проектъ задѣваетъ общину очень чувствительно. Въ самомъ дѣлѣ, онъ создавалъ государственный земельный фондъ, который являлся пристройкой къ существующимъ формамъ землевладѣнія, оставляемымъ во всемъ ихъ неприкосновенномъ разнообразіи. Изъ него должна была прирѣзываться земля крестьянскимъ семьямъ по такому разсчету, чтобы надѣльная и купчая земля семьи, вмѣстѣ съ прирѣзанной изъ государственнаго фонда, достигла до принятой ими (урѣзанной) потребительной нормы. Прирѣзка должна при этомъ производиться на сроки, устанавливаемые государственными землеустроительными органами. Такимъ образомъ, въ сущности, здѣсь осуществлялся захватъ государствомъ у общины уравнительныхъ функцій, составляющихъ душу общины; при наличности самыхъ разнообразныхъ формъ общинной разверстки по ревизскимъ, по наличнымъ душамъ, по работникамъ и т. п. къ нимъ припаивалась сбоку земля, которую община должна была или рас-

предѣлить по указанной ей свыше потребительской нормѣ, или предоставить это сдѣлать непосредственно самимъ землеустроительнымъ учрежденіямъ. Но такъ какъ за общиной оставалась свобода располагать надѣльными землями, какъ ей угодно, то исходящее сверху механическое нарушеніе принятыхъ ею нормъ распредѣленія земли (путемъ прирѣзокъ до потребительной нормы изъ арендпаго фонда) она смогла бы немедленно парализовать, произведя передѣлъ надѣльныхъ земель и соотвѣтственно уменьшивъ долю тѣхъ, кто воспользовался землей изъ арендпаго фонда. Если бы государство задалось цѣлью снова возстановить нарушенную норму, оно могло бы это сдѣлать лишь новой прирѣзкой, на которую общество могло бы отвѣтить новымъ передѣломъ— и такъ безъ конца шла бы та же сказка про бѣлаго бычка. Съ другой стороны, сроки аренды государственнаго земельнаго фонда, по истеченіи которыхъ размѣры арендпаго землепользованія естественно мѣнялись бы, внѣшнимъ образомъ давили бы и на сроки передѣловъ. Словомъ, происходило бы неизбѣжно *навязываніе* общинѣ опредѣленныхъ сроковъ и способовъ передѣловъ; навязываніе наполовину безсильное, ибо у общины, благодаря надѣльнымъ землямъ, осталась бы всегда возможность такъ или иначе извернуться, обойти и парализовать вліяніе государства; но самый путь обхода оставался бы искусственнымъ и, сплошь и рядомъ въ хозяйственномъ отношеніи совершенно нераціональнымъ. На этихъ немногихъ примѣрахъ достаточно видно, какъ запутали, какъ *осложнили бы всю жизнь общины* кадетскіе законодатели, не пожелавшіе *осложнить свою работу* анализомъ общины и ея судебъ по плану предполагаемой реформы...

Если въ прошлый разъ кадетскіе законодатели не пожелали себя излишне утруждать такой мелочью, какъ община, то на этотъ разъ они видоизмѣнили немного свою позицію. Они на этотъ разъ попробовали принять видъ безстрастныхъ и безпристрастныхъ наблюдателей, держащихся строгаго нейтралитета. По словамъ Кутлера, к.-д. партія рѣшила „не предрѣшать“ вопроса „объ условіяхъ пользованія крестьянской землей въ предѣлахъ общинъ или сельскихъ обществъ“. „Надо предоставить самимъ крестьянамъ устроиться такъ какъ имъ удобно. Законъ не призванъ учить крестьянъ.. Пусть каждый устраивается по своему, и тогда мы, дѣйствительно, поможемъ населенію“. Еще рельефнѣе та же мысль о нейтралитетѣ въ вопросѣ объ общинѣ выражена въ другой большой аграрной рѣчи к.-д. Ф. В. Татаринова. „Я ду-

маю—говорилъ онъ,—что неудачна будетъ попытка здѣсь, въ законодательномъ учрежденіи или, въ другихъ какихъ-нибудь учрежденіяхъ разрѣшить этотъ вопросъ въ ту или иную сторону; я убѣжденъ, что единственный способъ—это предоставить рѣшеніе этого вопроса самой жизни. Пускай сама жизнь и экономическія условія покажутъ, какъ нужно отнестись къ общинѣ“.

Всѣ эти слова, однако, не означаютъ, чтобы и нынѣшній к.-д. законопроектъ не относился къ общинѣ болѣе, чѣмъ опредѣленно. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ законопроектъ самымъ недвусмысленнымъ образомъ наноситъ ударъ въ самое сердце общины. Устанавливается правило, что при общинномъ владѣніи прирѣзка земли производится по разсчету на всю общину, но принимается во вниманіе при этомъ лишь „наличный составъ ея земледѣльческаго населенія“ (т. е. семьи, ведущія самостоятельное земледѣльческое хозяйство на своей или арендованной землѣ, или живущія преимущественно наймомъ на сельско-хозяйственныя работы). Въ самомъ дѣлѣ, въ громадномъ большинствѣ общинъ можно наблюдать слѣдующее явленіе: каждая изъ этихъ общинъ признаетъ за всѣми своими членами равное право на общинную землю, но фактически далеко не всѣ осуществляютъ, реализуютъ это право. Множество всевозможныхъ причинъ—малоземелье, общій гнетъ безправной деревенской жизни, долгое отсутствіе передѣловъ, тяжесть податей, неурожай и т. п.—держатъ значительную часть общинниковъ на сторонѣ, внѣ занятія земледѣльческимъ хозяйствомъ. Не пользуясь фактически своимъ правомъ на надѣлъ, они, однако, сохраняютъ это право юридически. И достаточно наступить въ жизни деревенской Руси какимъ-либо облегченіямъ, чтобы немедленно вызвать обратную „тягу къ землѣ“ значительной части этихъ еле-еле перебивающихся на сторонѣ элементовъ. Такова хотя бы описанная у К. Р. Качаровскаго [1]) „тяга къ землѣ“ послѣ такихъ сравнительно небольшихъ „льготъ“, какъ отмѣна подушной подати, уменьшеніе выкупныхъ платежей, пересрочки и отсрочки, а частью и сложеніе недоимокъ по нимъ. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что прирѣзка земли, если бы она состоялась, хотя бы даже согласно законопроекту к.-д. партіи, вызвала бы аналогичное явленіе, и въ гораздо болѣе крупномъ масштабѣ. Но вотъ тутъ-то ограниченіе прирѣзки земли разсчетомъ лишь на *наличное* земледѣльческое населеніе и ставитъ непреодолимую

---

[1]) „Русская община“, изд. 2-е, стр. 292—299.

преграду, и сѣетъ сѣмя раздора внутри общины. На пришлыхъ земли не прибавлено, они не имѣютъ права претендовать на пользованіе землей изъ государственнаго фонда— вотъ первое, на что они естественно наткнутся. Такимъ образомъ, пришлые сразу становятся въ положеніе полуправомочныхъ, создаются два разряда крестьянъ; это во-первыхъ, пользующіеся и прирѣзанными изъ государственнаго фонда, и прежними надѣльными землями; и это, во-вторыхъ, сохранившіе лишь право на надѣльныя земли. Но еще хорошо, если на этомъ дѣло остановится. А вѣдь возможно разсуждать и иначе: земли изъ государственнаго запаса прибавлено лишь настолько, чтобы наличному населенію хватило до нормы лишь вмѣстѣ съ надѣльной землей; вторженіе post factum „блудныхъ сыновъ" деревни нарушаетъ эту норму; слѣдовательно—не давать имъ совсѣмъ земли! Вотъ какое положеніе можетъ создаться благодаря своеобразному „нейтралитету" к.-д. партіи. А чѣмъ грозитъ это положеніе—будетъ ясно всякому, кто вспомнитъ, какую деморализацію въ помѣщичьей общинѣ центральныхъ губерній создали распри на этой же почвѣ, благодаря обратной „тягѣ къ землѣ" (послѣ пониженія выкупныхъ платежей), тѣхъ, кто раньше бѣжалъ, сбросивъ всю тяжесть гнета „худшихъ временъ на оставшихся; сколько сутяжничества, междоусобій, распрей создалось между явившимися вновь и „державцами", у которыхъ выкупъ создалъ психологію чисто-собственническую. И если къ тому же вспомнить, что и по законопроекту к.-д. предстоитъ выкупная операція, изъ расходовъ по которой лишь нѣкоторая доля будетъ снята съ крестьянъ и ляжетъ на казну—то уже будетъ нетрудно представить себѣ дѣйствительные размѣры того разлагающаго вліянія, которое будетъ имѣть на общину к.-д. аграрное законодательство.

„Если община не соотвѣтствуетъ даннымъ условіямъ— говорилъ тотъ же Татариновъ,—пусть она мирно умираетъ. Но если мы ее будемъ убивать грубымъ и насильственнымъ образомъ, не считаясь съ экономической обстановкой, то такой способъ бюрократическаго воздѣйствія можетъ встрѣтить очень сильное противодѣйствіе на мѣстахъ". О, да, къ чему „грубыя" и „насильственныя" средства, когда подъ маской мнимаго „нейтралитета" можно деликатно и безъ всякаго насилія наносить ударъ общинѣ въ самое сердце! А потомъ— „пусть она мирно умираетъ"...

Да и вообще—какое лицемѣріе говорить о „нейтралитетѣ", когда существующее законодательство, даже если вычеркнуть

изъ него все „творчество" въ порядкѣ 87 ст., все творчество „междудумья", все-таки опутываетъ общину съ ногъ до головы и ведетъ ее къ смерти! Послѣднiй Столыпинскiй законъ „о разрушенiи общины", въ сущности, не содержитъ принципiально ничего новаго сравнительно съ предшествовавшимъ законодательствомъ. „Не разрушить пришелъ я законъ, а исполнить". Русская община была всегда какимъ-то незаконнымъ дѣтищемъ, всегда влачила незаконное существованiе. Ей не нашлось мѣста въ рамкахъ индивидуалистическаго X тома. Община, какъ коллективъ поддерживающiй на опредѣленной сельско-хозяйственной территорiи въ ряду поколѣнiй равное право каждаго изъ своихъ бывшихъ, настоящихъ и будущихъ членовъ на пользованiе землею—это такое своеобразное явленiе, которое не подходитъ ни подъ одно изъ опредѣленiй X тома. Пресловутый X томъ знаетъ право собственности юридическаго лица; но это право такъ рѣзко отдѣлено отъ правъ пользованiя отдѣльныхъ членовъ, что ему совершенно противорѣчитъ признаваемое и закономъ, и обычаемъ неотъемлемое право каждаго общинника требовать выдѣла себѣ доли въ пользованiе на равныхъ основанiяхъ съ другими. Право на землю со стороны общины не есть первоначальное право, и права отдѣльныхъ членовъ на пользованiе не суть производныя, общиной дарованныя права. Скорѣе наоборотъ—права общины суть права производныя, ибо община есть лишь механизмъ, *регулирующiй* осуществленiе всѣми ея членами, въ ряду поколѣнiй, своихъ индивидуальныхъ правъ на пользованiе землею. Рожденiе и трудъ—вотъ два[1]) основанiя для прiобрѣтенiя права на землю; и община, какъ цѣлое, при наличности этихъ основанiй, *не можетъ* отказать въ землѣ. Итакъ, эти права суть первоначальныя и неотъемлемыя.

Но, хотя юридическiй анализъ рѣшительно отвергаетъ, какъ грубую ошибку, приравниванье общиннаго землепользованiя къ собственности на землю общины, какъ юридическаго лица—однако, въ условiяхъ современнаго буржуазнаго частно-правового строя община въ своихъ „внѣшнихъ сношенiяхъ" со всѣмъ остальнымъ мiромъ неизбѣжно прини-

[1]) Сенатъ неукоснительно прибавляетъ всегда третье: *несенiе повинностей.* Правительство вообще всегда глядѣло на общину сквозь фискальныя очки и даже считало круговую поруку за одинъ изъ опредѣляющихъ признаковъ общины, хотя круговая порука существовала и при подворномъ владѣнiи, а часть общинъ (менѣе 40 ревиз. душъ) освобождались отъ круговой поруки.

маетъ форму юридическаго лица. Эта форма навязывается ей гражданскимъ кодексомъ міра, живущаго подъ „властью денегъ". Она, по закону, при извѣстныхъ условіяхъ можетъ и прикупать участки земли, и продавать ихъ, вести тяжбы, арендовать земли и сдавать ихъ въ аренду и т. п. Сохраняя *внутри себя* совершенно своебразную „трудовую конституцію", практикуя въ этихъ узкихъ предѣлахъ нормы своего „обычнаго права", проникнутаго уравнительно-трудовымъ духомъ,—за предѣлами сельскаго „міра" она всецѣло подчиняется власти торжествующаго „десятаго тома". Тамъ ни „трудовыя", ни „уравнительныя" начала не имѣютъ никакого приложенія. Тамъ—господство индивидуализма и „господина Купона". И ясно, что община представляетъ, такимъ образомъ, воплощенное противорѣчіе. Гармонія между внутренними и внѣшними проявленіями общины можетъ быть достигнута лишь побѣдой одного изъ двухъ началъ. Либо черезъ „внѣшнюю политику" вторгнется въ политику внутреннюю, уничтожитъ „трудовую конституцію" общины „господинъ Купонъ", либо побѣдитъ трудовое начало и, на развалинахъ частнаго землевладѣнія, распространитъ дѣйствіе „трудовой конституціи" и на область внѣшнихъ отношеній общинъ между собою, создавъ постоянный механизмъ, который между ними будетъ поддерживать то же трудовое равновѣсіе, которое поддерживаетъ община между своими членами. Либо *жизнь* и *развитіе*, либо „*мирное отмираніе*". Вотъ два пути которые можно избрать, разъ устранены правительственные планы *насильнаго умерщвленія* общины. Г. Татариновъ проговорился. К.-д. партія, отвергнувъ, устами Кутлера, всякое созданіе уравнительно-трудовой межъ-общинной конституціи, устами Татаринова высказала и логическій выводъ изъ этого, т. е. положительное содержаніе своей политики: обреченіе общины на медленное „мирное отмираніе".

Сказаннымъ, однако, запутанность юридическаго положенія общины не исчерпывается. Это—еще цвѣтики, ягодки впереди. Хотя община и выступаетъ постоянно во внѣшнемъ мірѣ, какъ „юридическое лицо", распространить на общинное владѣніе *всѣ* нормы, присущія владѣнію обыкновеннаго юридическаго лица, еще никто не пробовалъ, и съ этой точки зрѣнія внутреннихъ отношеній общины не перестраивалъ [1]). Гораздо опаснѣе для общины систематическое под-

[1]) Можно отмѣтить въ этомъ направленіи лишь *частичную* попытку Сената. По вопросу о томъ, можетъ ли община, постановив-

веденіе ея землевладѣнія подъ юридическое понятіе *общей собственности.* Общая собственность, въ смыслѣ X тома, есть такая нераздѣленная собственность, въ которой каждый ея участникъ имѣетъ строго опредѣленную долю, которую только и могутъ наслѣдовать его потомки; при этомъ, если имущество подлежитъ раздѣлу, любой изъ участниковъ можетъ потребовать выдѣла своей доли, и никто не вправѣ ему отказать; если же имущество раздѣлу не подлежитъ, то, съ согласія прочихъ, онъ можетъ свою долю продать или уступить другому. Ясно, что обычное право русской поземельной общины въ корнѣ противорѣчитъ этимъ началамъ, такъ что даже Сенатъ, въ своихъ псевдо-юридическихъ мытарствахъ, когда приравнивалъ общину къ общей собственности, долженъ былъ все таки всемилостивѣйше даровать ей титулъ *„особаго вида* общей собственности".

Очевидно, однако, что общинное землепользованіе и „общая" собственность въ смыслѣ X т. есть вещи совершенно разнородныя, и первое не только не можетъ быть поглощено второю, какъ частное понятіе—общимъ, но даже представляетъ прямую ей противоположность. „Общая" собственность есть простая механическая сумма чисто индивидуалистическихъ, буржуазныхъ собственническихъ правъ. Ни о какомъ равномъ правѣ всѣхъ членовъ коллектива, въ ряду смѣняющихся поколѣній, въ ней не можетъ быть и рѣчи.

шая произвести передѣлъ на извѣстный срокъ, до истеченія этого срока произвести новый передѣлъ—Сенатъ сталъ на такую точку зрѣнія: не можетъ, ибо общинныя отношенія есть договорный актъ между общиной, какъ юридическимъ лицомъ, и отдѣльными членами; договоръ можетъ быть измѣненъ лишь съ обоюднаго согласія; слѣд., досрочный передѣлъ можетъ состояться лишь при *единогласіи* общинниковъ. Этой „договорной теоріей" общинныя отношенія подводились бы подъ обычныя частно-правовыя отношенія, именно являлись бы отношеніями *обязательственнаго права.* Но самъ Сенатъ не могъ выдержать этой точки зрѣнія, одновременно санкціонируя въ промежутки между общими передѣлами—частные передѣлы, т.-е. „свалки-навалки", рѣшеніемъ простого большинства. Наконецъ, законъ устанавливаетъ законность приговора о передѣлѣ при большинствѣ $^{2}/_{3}$ голосовъ, слѣд., подчиненіе меньшинства большинству, а вовсе не то, „согласіе воль" которое потребуется „договорной теоріей". (См. Изгоевъ, „Община и право", стр. 51—56). Г. Изгоевъ, который видитъ нелѣпость точки зрѣнія Сената, не замѣчаетъ, однако, что Сенатъ здѣсь подошелъ было вплотную къ истинѣ. Отдѣльные члены *дѣйствительно* имѣютъ къ общинѣ „право требованія", а община—„обязательство"; но только и это требованіе, и это обязательство имѣютъ не *частно-правовой,* а *публично-правовой* характеръ. Подробнѣе объ этомъ ниже.

Никакой „трудовой конституціи“ общая собственность не знаетъ и не принимаетъ. Если, тѣмъ не менѣе, толкованія Сената и самый законъ подводитъ общину подъ общую собственность, то это показываетъ лишь, какую „линію наименьшаго сопротивленія“ избралъ законодатель, избрало, общѣе говоря, современное буржуазное государство, чтобы преобразовать общину „по своему образу и подобію“.

Да, нашъ законъ не знаетъ и не признаетъ общинной собственности, и не даромъ въ „положеніи о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости“, это слово никогда не употребляется, а всюду стоитъ „общее владѣніе“ и „общая собственность“. По статьѣ 36 „общаго положенія“ каждый крестьянинъ имѣетъ право требовать выдѣленія ему въ частную собственность части земли, выкупленной всѣмъ обществомъ. Въ полномъ соотвѣтствіи съ этимъ, знаменитая ст. 165 давала право каждому крестьянину, внеся до срока всю выкупную сумму, требовать такого выдѣла въ частную собственность немедленно [1]). И также въ полномъ соотвѣтствіи съ этимъ, Сенатъ разъяснилъ, что въ общинахъ, получившихъ дарственный надѣлъ, такой же выдѣлъ каждому домохозяину причитающейся ему по разверсткѣ земли долженъ производиться по первому его требованію. Такимъ образомъ, *законъ систематически переводитъ общинное землевладѣніе въ положеніе „общей собственности“*, а черезъ нее—въ положеніе самой простой, индивидуальной „священной частной собственности“ вполнѣ въ духѣ благонамѣренно-буржуазнаго X-го тома.

Общинному землепользованію нѣтъ мѣста въ законѣ! Оно—внѣ закона! Вотъ какое создалось для него положеніе. Причина этого—коренное противорѣчіе дѣйствующихъ въ общинномъ землепользованіи началъ съ начала индивидуалистическаго частнаго права. Въ общинѣ сказывается признаніе за коллективностью *обязанности* обезпечить за каждымъ членомъ коллектива *человѣческое право на существованіе, право на трудъ на продуктъ труда*. Земля разсматривается при этомъ, какъ необходимое условіе всякой жизни, и, слѣдовательно, какъ общее достояніе, къ которому долженъ быть обезпеченъ на равныхъ правахъ доступъ

---

[1]) Когда, подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія и борьбы внутри общины, правительство отмѣнило пресловутую 165 ст., оно совершило актъ величайшей непослѣдовательности. Логически нужно было либо отмѣнять и всѣ аналогичныя законоположенія, либо не выбрасывать изъ нихъ и этого звена,

всякому. Наше гражданское законодательство, воспользовавшись территоріальной ограниченностью и обособленностью группъ, на началахъ самоуправленія регулировавшихъ это право, объявило группы эти—общины—обособленными *собственниками* земли, не то на началахъ общей собственности, не то на началахъ юридическаго лица. Оно превратило ихъ въ *частно-правовыя соединенія* индивидуальныхъ собственниковъ. По существу же право на существованіе, право на трудъ и на продуктъ труда—суть права *публичныя*, т. е. такія права индивидовъ, которыя должны быть обезпечены всей совокупностью этихъ индивидовъ, организованныхъ государственно, иными словами—неотъемлемыя права личностей, осуществленіе которыхъ на началахъ ихъ полнаго равенства должно регулироваться *гражданскимъ обществомъ*. Понять юридическую сущность общины—значитъ или развить изъ нея новое трудовое земельное право, новый земельный строй на началахъ равенства общегражданскихъ правъ на землю,—или же признать несовмѣстимость общины съ господствующимъ правомъ и—убить ее. Если возвести сущность общины въ правовое начало и дать ему послѣдовательное юридическое развитіе—то придется признать современный частно-правовой строй анархіей, возведенной въ юридическую систему (какъ назвалъ К. Марксъ хозяйственной анархіей, возведенной въ цѣлую систему производства, весь современный, товарно-капиталистическій строй). Если стать на обратную точку зрѣнія основъ римскаго права, опредѣляющихъ все современное буржуазное законодательство, то, наоборотъ, общинное землепользованіе нужно признать безпорядочной анархіей и отсутствіемъ надлежащихъ собственническихъ отношеній [1])—признать, и затѣмъ „упорядочить“ по буржуазной мѣркѣ.

Правительство „попустило“ существованіе общинной „анархіи собственности“ изъ за длительнаго періода *выкупа*. Выкупъ внѣдрялъ въ общину индивидуалистическія начала, выкупъ стремился разложить общину извнутри—и онъ же извнѣ защитилъ общину отъ прямыхъ ударовъ буржуазно-чиновничьей юриспруденціи. Правительство внесло за крестьянъ выкупную ссуду; помѣщики уже *перестали* быть

---

[1]) Прекрасной иллюстраціей этой анархіи является неизбѣжная, логически правильно создавшаяся неимовѣрная запутанность личныхъ счетовъ отдѣльныхъ крестьянъ по выкупной операціи—запутанность, распутывать которую—все равно, что разрѣшать задачу отысканія квадратуры круга.

собственниками земли; крестьяне *еще не стали* ея полноправными собственниками, ибо они только еще выплачивали выкупную ссуду; государство тоже не собственникъ, ибо оно не пріобрѣтало правъ собственности для себя, а лишь стало посредникомъ между помѣщиками и крестьянами. Итакъ, существуетъ юридическое „междуцарствіе"; въ этотъ переходный періодъ сохраняется въ силѣ „обычное" землепользованіе, общинное; неопредѣленность его въ буржуазно-юридическомъ смыслѣ вполнѣ соотвѣтствуетъ неопредѣленности переходнаго періода. Но по мѣрѣ того, какъ заканчивается переходный періодъ, — вступаетъ въ свои права самодержавный X-й томъ и выдѣлъ общинныхъ земель въ частную собственность по первому требованію всѣхъ желающихъ.

Юридическую сущность общины недурно понимали не только лѣвые народники. Les extremités se touchent. Общину недурно понимать и К. П. Побѣдоносцевъ, который и не пробовалъ искусственно подвести общину подъ какое-либо изъ нихъ существующихъ частно-правовыхъ понятій. Онъ устанавливалъ твердо его „совершенно особый характеръ" и не менѣе твердо констатировалъ, что „этотъ институтъ совершенно неизвѣстенъ римскому праву". Онъ признавалъ за общиной положительное, но исторически-преходящее значеніе: „было бы опасно, даже пагубно для государства объявить свободными 20 милліоновъ, не имѣя въ виду готовой формы общежитія, въ которую люди эти могли бы войти немедленно по освобожденіи". Какъ человѣкъ практическій, онъ прекрасно понималъ, что бюрократической опекой, пригнетающимъ вліяніемъ налоговъ, и созданіемъ вокругъ— общей буржуазной атмосферы можно надолго обезвредить то „анархическое" или „коммунистическое" начало, которое живетъ въ несогласныхъ съ X-мъ томомъ внутреннихъ распорядкахъ общины. И онъ былъ совершенно доволенъ тѣми пунктами „общаго положенія о крестьянахъ", которые сюда относились. „Безправное по началу, хозяйственное пользованіе крестьянъ землею получило юридическую форму— говоритъ онъ—и приняло видъ неотъемлемаго права на непрерывное и оброчное владѣніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ указаны законные пути этому условному праву для переходнаго въ безусловное право собственности посредствомъ выкупа".

Вотъ какими неисповѣдимыми путями „терпѣлась" въ сей земной юдоли выработанная крестьянскимъ правосознаніемъ

форма землепользованія, и вотъ въ какое нестерпимое положеніе она теперь поставлена. И, конечно, всѣ, въ комъ живетъ затаенная непріязнь къ „душѣ“ общиннаго землепользованія, всѣ, чей культурный индивидуализмъ, оскорбляется его „грубыми“ уравнительно-трудовыми началами—могутъ теперь самодовольно сложить руки и предаться благородному „нейтралитету“... Достаточно сдѣлано—не къ чему Столыпину еше стараться—можно дать общинѣ „мирно умереть“...

Но лицемѣріе этого пилатовскаго желанія „умыть руки“ и сказать „неповиненъ я въ смерти сего праведника“—слишкомъ очевидно. Сказавъ „земельная реформа“, мы не имѣемъ права не сказать вмѣстѣ съ тѣмъ и „реформа правово положенія общины“. Механически же приставить къ общинѣ, какъ и къ подворному владѣнію, прирѣзки земли—это значитъ вовсе не быть нейтральнымъ въ борьбѣ общины съ тяжелой рукой индивидуалистическаго законодательства. Это значитъ *санкціонировать* всѣ нынѣ давящія на общину законоположенія, всѣ нормы, распинающія ее на крестѣ „квиритскаго права“.

Мы знаемъ, конечно, что есть и люди, искренно считающіе себя друзьями общины и тѣмъ не менѣе готовые превратить ее въ простой „хозяйственный союзъ“, „освободивъ“ ее „отъ довольно тяжелой для нея, какъ хозяйственнаго союза, обязанности быть носительницей коллективнаго права на землю“—обязанности, которая вносила элементъ принужденія въ ея жизнь [1]). Но превратить общину въ такой „союзъ“, значитъ признать, вслѣдъ за Столыпинымъ, ея переходъ на положеніе „общей собственности“ съ правомъ выдѣла отдѣльныхъ участковъ. Конечно, поднять общину на степень публично-правового органа значитъ сдѣлать ее союзомъ принудительнымъ, въ томъ же смыслѣ, въ какомъ „принудительно“ всякое демократически - государственное

[1]) Ср. статьи А. В. Пѣшехонова, который здѣсь невольно поддается вліянію либерально-индивидуалистическихъ „реформаторовъ“ общины. Изъ публично-правовыхъ функцій, дѣйствительно „отягощавшихъ“ общину (собственно, не общину, а сельское общество), слѣдуетъ прежде всего назвать взиманіе податей за круговою порукой и связанное съ нею право отбиранія надѣла недоимщиковъ, а иногда даже еще болѣе полной опеки надъ отдѣльными домохозяевами, вплоть до недопущенія продажи ими предметовъ, которые „міръ“ признаетъ необходимыми для исправнаго веденія хозяйства, обезпечивающаго и платежную исправность. Но всѣ такія privillegia odiosa (какъ и „гуляцкій налогъ“ или „платежи съ пуста“ покидающихъ землю) улетучиваются сами собой при обращеніи земли во всенародное достояніе, при чемъ за самое право приложенія труда къ землѣ никакого налога не взимается.

самоуправленіе, подчиняющее, въ извѣстныхъ границахъ, единицу—коллективу и меньшинство—большинству.

И «публично-правовая» сущность общины пробилась наружу сквозь толщу законодательства. Хотя община и была de jure какъ будто превращена въ обыкновенное частноправовое соединеніе земледѣльцевъ, но фактически это не удалось. То же самое начало—хотя бы право постановленій о предѣлахъ по большинству голосовъ (хотя и повышенному закономъ до $^2/_3$), или хотя бы право общины до истеченія срока передѣла совершать частные передѣлы, т. е. скидки и накидки тяголъ—осталось въ рѣзкомъ противорѣчіи со всѣми основаніями дѣйствія частно-правовыхъ договоровъ. Въ немъ воплотилось общее демократическое начало *самоуправленія*, въ область вѣдѣнія котораго вошло и завѣдываніе земельнымъ имуществомъ на началѣ равенства правъ членовъ коллективности. Но эта публично-правовая сущность общины, пробившаяся наружу, была затемнена и со всѣхъ сторонъ урѣзана началомъ *сословности*, а не безсословной территоріальности.

Повидимому, обратнаго мнѣнія объ этомъ А. В. Пѣшехоновъ, съ точки зрѣнія котораго „коллективное право на землѣ, носительницей котораго являлась до сихъ поръ община, не только вносило элементъ принужденія въ ея жизнь, но и служило тѣмъ „лишнимъ костюмомъ,“ который не соотвѣтствовалъ уже ей, какъ союзу земледѣльцевъ и только задерживалъ ея развитіе. „Мы думаемъ обратное: коллективное право“ на землю составляло „душу живу“ общины, а „лишнимъ костюмомъ“ являлась ея сословная замкнутость и полное узкотерриторіальное самодавлѣніе.

Изъ прежнихъ русскихъ юристовъ В. Лешковъ ближе всего подошелъ къ пониманію правового характера общины, какъ зародыша публично - правового института, превращающаго землю изъ объекта собственности въ „общее достояніе“. „Общинное владѣніе“, по его мнѣнію, „сообщаетъ общинѣ полнѣйшую власть на ея земли и не только право собственности, но господство; dominium, и даже хотя частью, imperium въ формѣ управленія посредствомъ сходовъ“. „Собственность преимущественно выражаетъ особность, отдѣльность, исключительность права“. Иное дѣло—владѣніе. Лешковъ далѣе уподобляетъ общинное право „праву государства и народа на ихъ землю“, и выражается такъ, что, въ опредѣленныхъ территоріальныхъ границахъ, „общины осуществляютъ право своего народа на землю“. Но такъ какъ Лешковъ писалъ до того времени, когда и въ публично-

правовой области были провозглашены и теоретически-обоснованы соціализмомъ *неотъемлемыя* соціально-экономическія *права личности*, субъективныя или индивидуальныя публичныя права, то для него коллективность (государство, община) являются „неограниченными“ владыками, а члены общины отъ нея получаютъ свои права, какъ нѣчто производное, вторичное, или созданное. Онъ далекъ отъ той точки зрѣнія, что необходимо огражденіе *отъ произвола самой коллективности* нѣкоторыхъ основныхъ личныхъ соціально-экономическихъ правъ, путемъ *основного закона* регулирующаго дѣйствія коллективности. Что касается до г. Изгоева, то онъ видитъ многія противорѣчія и туманныя мѣста у Лешкова, но еще больше запутываетъ ихъ, усматривая слабость Лешкова въ томъ, что составляетъ какъ разъ его силу: въ томъ, что онъ будто бы „смѣшалъ понятія владѣнія въ частно-правовомъ, государственномъ значеніи“, и „общину административную съ частно-правнымъ общиннымъ землевладѣніемъ“. Самъ же Изгоевъ, признавая „юридическимъ стержнемъ“ общины правомочіе отдѣльнаго лица, а не общины, какъ цѣлаго, признаетъ его за видъ „непосредственнаго права на вещь“, т. е. индивидуальнаго вещнаго или вотчиннаго права. Онъ не замѣтилъ, что индивидуальный характеръ этого права вовсе не вводитъ его въ область частнаго права вообще, либо существуютъ индивидуальныя или субъективныя публичныя права; и онъ не замѣтилъ, что подъ внѣшностью права на вещь, видимаго отношенія къ участку земли кроется реальное право на трудъ и на продуктъ труда. Онъ отвергаетъ сенатское толкованіе, по которому индивиду принадлежитъ при этомъ право требованія, а коллективу (въ частности общинѣ)—обязательство. Но сенатъ, помимо собственнаго сознанія, былъ правъ—онъ не замѣтилъ только, что и право требованія, и обязательство здѣсь носитъ не частный, а публичный характеръ.

Не подвинулъ дѣло впередъ, къ сожалѣнію, и А. В. Пѣшехоновъ, который въ своей „Аграрной Проблемѣ“ (стр. 125), сковываемый обычнымъ узкимъ практицизмомъ и эмпиризмомъ своего худосочнаго дѣтища—народно-соціалистической партіи—только и нашелъ что написать относительно общины: „Съ одной стороны, члены ея являются какъ бы только товарищами въ общемъ имуществѣ; съ другой — община въ цѣломъ какъ будто такое право на землю, какихъ не имѣютъ эти товарищи въ отдѣльности». Всѣ эти «какъ бы» и „какъ будто“ не разсѣиваютъ, а только сгущаютъ „туманность“...

А. Менгеръ указываетъ въ своемъ Neue Staatslehre, что будущее трудовое народное государство постепенно поглотитъ въ публичномъ правѣ право частное, сольетъ ихъ, превративъ удовлетвореніе всѣхъ важнѣйшихъ потребностей человѣческой жизни въ основную государственную заботу. Буржуазное право, напротивъ, своей сущностью полагаетъ тщательное ограниченіе частнаго права отъ публичнаго. Удовлетвореніе важнѣйшихъ человѣческихъ матеріальныхъ потребностей она оставляетъ въ области частнаго права, предоставляя въ этомъ отношеніи каждаго человѣка его собственнымъ силамъ, и „борьбѣ за существованіе“ съ себѣ подобнымъ. Народное обычное право характеризуется, наоборотъ, смѣшеніемъ частно-правового и публично-правового элемента. Въ этомъ—его сходство съ трудовымъ соціалитистическимъ правомъ будущаго. Различіе лишь въ томъ, что смѣшеніе этихъ элементовъ въ обычномъ правѣ основывается на неразвитости, на зачаточной формѣ отношеній, тогда какъ въ правѣ будущаго будетъ господствовать гармоническое вліяніе когда-то распавшихся областей, но уже достаточно усложнившихся, дифференцированныхъ.

Въ этомъ—глубокая истина. Нашему законодательству, несмотря на его желаніе низвести общину до степени частно-правового соединенія, не удалось разорвать естественнаго слитія въ ней публично-правовыхъ и частно-правовыхъ функцій. Оно лишь разорвало и полу-смѣшало тѣ и другія. Община сельское общество оказались единицами, то сливающимися, то распадающимися съ постоянно перекрещивающимися функціями [1]). Новое огромное неудобство, вслѣдствіе котораго нельзя механически приставить прирѣзанныя земли къ существующимъ формамъ общины, но необходимо реформировать юридическое положеніе послѣдней.

Выходъ при этомъ только одинъ. Община и сельское общество должны быть сведены къ нѣкоторому высшему един-

---

[1]) Сельскому обществу, административно-самоуправляющейся единицѣ, предоставлено закономъ вѣдать многія дѣла относящіяся до общиннаго землепользованія, хотя первое—институтъ публичнаго права, а община—якобы институтъ частнаго права. Такъ какъ въ одно сельское общество могутъ входить, въ исключительныхъ случаяхъ, нѣсколько общинъ, и наоборотъ—сложныя общины могутъ разомъ находиться на территоріи нѣсколькихъ общинъ, то сенатскими разъясненіями созданы селенные сходы, т. е. сходы поземельныхъ единицъ. И вотъ получается, напр., что для принятія члена въ сельское общество нужно постановленіе селеннаго схода, поземельной единицы, а для увольненія того же члена—приговоръ сельскаго общества (подробнѣе у Изгоева, стр. 20—25).

ству. Этимъ высшимъ единствомъ будетъ мельчайшая самоуправляющаяся территоріальная единица, сосѣдская, безсословная (ибо сословныя грани должны быть стерты съ лица земли) община (въ смыслѣ французской commune, сельской муниципіи), включающая въ себя одно или нѣсколько мелкихъ сосѣднихъ поселеній. Она будетъ основной ячейкой самоуправленія, и въ этомъ смыслѣ наиболѣе близкимъ къ народу органомъ его демократическаго устройства. Осуществленіе и регулированіе равенства общегражданскихъ правъ на землю сдѣлается въ разной мѣрѣ обязанннстью *всѣхъ* органовъ демократической власти, на началахъ широкой децентрализаціи. Слѣдовательно, община, подъ должнымъ контролемъ высшихъ демократическихъ органовъ будетъ ближайшимъ образомъ завѣдывать той частью земли какъ общенароднаго достоянія, которая будетъ находиться въ предѣлахъ отведенной ей территоріи. Она будетъ первичнымъ носителемъ публично-правовой функціи – такого распоряженія землей, при которомъ труду обезпечивался бы къ ней свободный доступъ, на основаніяхъ, одинаковыхъ для всѣхъ гражданъ. И это—единственный путь для жизни, для развитія поземельной общины. Скрытая въ ней общественно-правовая функція должна быть высвобождена изъ-подъ спуда; частно-правовыя узы обособленной, хотя и коллективной, собственности, должны отпасть, какъ и узы сословной ограниченности: начала общинной „трудовой конституціи“ должны разростись въ стройную систему, регулирующую на уравнительно-трудовыхъ началахъ землепользованіе общинъ, округовъ, районовъ и областей такъ же (хотя и соотвѣтственнс болѣе, сложными методамв), какъ нынѣ община уравниваетт землепользованіе отдѣльныхъ крестьянскихъ дворовъ.

Таковы и есть начала, на которыхъ построенъ законопроектъ думской группы соціалистовъ-революціонеровъ. Соціализація земли есть единственный путь развитія общины и примиренія общины съ государствомъ путемъ перестройки государства и вростанія въ него общины на началахъ широкой децентрализаціи и демократическаго самоуправленія. Соціализація земли есть первый шагъ по пути къ трудовому народному государствув мѣсто нынѣшняго буржуазно-дворянско чиновничьяго. Соціализапія земли должна быть первой побѣдой труда надъ господствующимъ буржуазнымъ кодексомъ, первою крупною брешью въ цитадели священнаго „квиритскаго права собственности“. Она же будетъ и сильнѣйшимъ толчкомъ къ новымъ битвамъ и новымъ побѣдамъ

СОЦІАЛИЗАЦІЯ ЗЕМЛИ,

какъ тактическая проблема.

Въ теченіе послѣдняго времени въ с.-р-ской литературѣ наблюдалось чрезвычайно странное явленіе: видимое ослабленіе интереса къ аграрному вопросу. Чѣмъ объяснить его? Тѣмъ ли, что вопросы аграрной теоріи сравнительно лучше разработаны, и потому центръ тяжести партійнаго вниманія естественно перемѣщается въ другія сферы — рабочаго, національнаго, кооперативнаго вопроса? Но нисколько не отрицая необходимости усиленно поработать въ этихъ сферахъ, до послѣдняго времени едва лишь затронутыхъ нашей теоретическою мыслью, мы могли бы выступить съ достаточно вѣскими аргументами въ защиту самаго энергичнаго продолженія разработки вопросовъ партійной тактики въ деревнѣ. Тактика есть нѣчто текучее, мѣняющееся въ связи съ постояннымъ измѣненіемъ условій. А развѣ за послѣднее время именно деревня не была ареной возникновенія цѣлаго ряда новыхъ явленій? И какихъ явленій! Такихъ, вслѣдствіе которыхъ — если вѣрить инымъ досужимъ прорицателямъ — едва ли не всѣмъ партіямъ нужно кореннымъ образомъ пересмотрѣть свои аграрныя программы. Или, можетъ быть, недостаточное вниманіе къ вопросамъ аграрной политики въ нашей литературѣ объясняется тѣмъ, что эти новыя явленія пока еще недостаточно назрѣли, недостаточно опредѣлились и потому не поддаются достаточно точному учету и объективной оцѣнкѣ? Но тѣмъ болѣе, казалось бы, основаній для проявленія самаго рѣзкаго разнообразія мнѣній и чисто-субъективныхъ оцѣнокъ. Сова Минервы — говоритъ, правда, одна старинная пословица — вылетаетъ только по вечерамъ. Но намъ, живымъ людямъ, желающимъ активно дѣйствовать, приходится предоставить роль этой почтенной птицы будущимъ историкамъ, и фигурировать въ роли другихъ, можетъ быть менѣе глубокомысленныхъ пернатыхъ, но за то дѣйствующихъ въ разгарѣ дня, когда всѣ звуки и краски ярки

и живы, когда они еще не подернулись тусклыми сумерками отхода въ ночь историческаго прошлаго. Извѣстная доля субъективизма неизбѣжна, она должна быть внесена въ лабораторію событій живыми агентами-людьми. Но гдѣ же они, гдѣ эти напряженныя субъективныя исканія? Пусть это были бы исканія ощупью, пусть они были бы похожи на гаданіе на кофейной гущѣ — но и это было бы лучше унылаго молчанія, прерываемаго лишь, съ правильностью часового механизма, статьями въ „Знамени Труда“ т. Н. М., который „одинъ-одинъ, бѣдняжечка, какъ рекрутъ на часахъ“ размѣренно влачитъ на своихъ плечахъ тяжелую ношу „послѣдняго могикана“ изъ тѣхъ временъ, когда рѣчи объ аграрномъ вопросѣ и тактикѣ въ деревнѣ были неотдѣлимы отъ каждаго соціалиста-революціонера. Въ чемъ же дѣло? Или аграрный вопросъ „набилъ оскомину“? Но такое объясненіе годилось бы для обывательскаго читателя, падкаго только на новинку и требующаго отъ литературы щекотанія праздныхъ нервовъ. Или событія послѣдняго времени, а въ особенности процессы распада въ современной деревнѣ, вызвали у насъ идейный столбнякъ? Ужъ, въ самомъ дѣлѣ, не произошло ли въ деревнѣ чего-нибудь настолько неожиданнаго, что всѣ наши разсчеты опрокинуты, шашки игры смѣшаны, и остается только не то горько стенать и плакать на рѣкахъ Вавилонскихъ, не то скорбно обдумывать, сидя на развалинахъ Карѳагена, о новомъ мѣстѣ и новомъ зданіи, подъ которымъ надо искать убѣжища, гдѣ преклонить свою побѣдную головушку?

Врядъ ли мы ошибемся, если скажемъ, что настроеніе значительнаго числа партійныхъ товарищей, особенно вошедшихъ въ наши ряды за періодъ „свободъ“, ближе всего подходитъ подъ это послѣднее опредѣленіе. Да, идейный столбнякъ, состояніе растерянности и недоумѣнія осѣнило многихъ изъ тѣхъ, кто еще такъ недавно не вѣдалъ ни колебаній, ни сомнѣнья. Невольно напрашивается вопросъ: да ужъ нѣтъ ли какой нибудь психологической связи между этимъ полнымъ отсутствіемъ всякихъ сомнѣній прежде и этой растерянностью теперь? Не расплачиваемся ли мы теперь идейнымъ столбнякомъ за прошлые грѣхи? Но отвѣтъ на этотъ вопросъ вытечетъ, какъ косвенный результатъ, изъ всего нашего дальнѣйшаго анализа. Пока же позволимъ себѣ лишь констатировать, что у части — и не малой части — партійныхъ товарищей дѣйствительно поколебалась вѣра въ самыя основы нашей аграрной программы — не въ смыслѣ, правда,

ея теоретической безукоризненности, но въ смыслѣ не менѣе важномъ — въ смыслѣ ея практической осуществимости. Аграрное законодательство Столыпина и его возможные результаты въ смыслѣ распада общественныхъ связей трудового крестьянства — вотъ что обезкураживающимъ образомъ подѣйствовало на очень и очень многихъ.

Спрашивается, однако: почему аграрное законодательство третьей Думы явилось такимъ сюрпризомъ? Неужели возможность его не была учтена раньше? Неужели, прежде въ апогеѣ расцвѣта Партіи, мы не ожидали возможности торжества контръ-революціи? Или, — если мы считались съ такой возможностью, — можетъ быть мы не думали, что періодомъ контръ-революціи правительство попробуетъ воспользоваться для разрѣшенія на свой ладъ обострившейся аграрной проблемы? Или, наконецъ, мы не ожидали, что на удочки правительства, на его „синицу въ руки" пойдетъ часть изголодавшагося крестьянства? Неужели мы считали правительство все сплошь столь глупымъ, а крестьянство все сплошь столь недоступно идеалистически настроеннымъ? А если мы были чужды такихъ маниловскихъ мечтаній, то основывалась же на чемъ нибудь наша вѣра въ ту аграрную программу, которую мы выставили! Въ чемъ же заключалось и куда улетучилось это таинственное „ничто"?

Такова первая серія вопросовъ, на которые намъ необходимо себѣ отвѣтить. Эти вопросы сохраняютъ всю свою силу, даже если безъ всякихъ оговорокъ признать, что аграрное законодательство третьей Думы одержало полную побѣду не только во-внѣ, на поверхности русской политической жизни, — но и внутри, въ психологіи и правосознаніи русскаго крестьянства. Даже въ самомъ худшемъ для насъ случаѣ, который только можно себѣ представить, эти вопросы ни на іоту не теряютъ своей силы, и, не отвѣтивъ на нихъ, нельзя свести счеты со своей революціонной совѣстью.

Однако, за нимъ встаютъ еще другіе, менѣе историческаго и болѣе практическаго, объективнаго характера. Что именно можетъ разрушить аграрное законодательство третьей Думы въ деревнѣ? Какова цѣнность, съ точки зрѣнія партійной программы, тѣхъ общинныхъ связей и сопутствующихъ имъ соціальныхъ навыковъ, противъ которыхъ, прежде всего и болѣе всего, это законодательство направлено? Основывается ли на нихъ — и поскольку — наша программа? Цѣнны ли для нея преимущественно реальныя экономическія формы общины, или же идеальныя, психологическія

„надстройки“? Переживаютъ ли эти надстройки свой матеріальный фундаментъ, и если да, то насколько? Въ какомъ смыслѣ основывается на тѣхъ и другихъ наша программа?— Останется ли она и надастъ вмѣстѣ съ ними, или лишь встрѣчаетъ въ нихъ подсобное, но необходимое средство воплощенія въ жизнь?

Наконецъ, за такою *оцѣнкой*, съ точки зрѣнія нашей программы, современныхъ соціальныхъ связей трудового крестьянства, встаетъ вопросъ чисто-фактическій. Какова пока, реально, та разрушительная работа, которая произведена „землеустроителями“? Возможно ли намѣтить ея размѣры и темпъ ея развитія? Идетъ ли она, возрастая ad infinitum, или прогрессъ ея заключенъ въ извѣстныя рамки? Гдѣ лежитъ апогей ея дѣйственнаго вліянія на жизнь — впереди или позади насъ? Далѣе: сопровождается ли эта разрушительная работа творческою? Внося смуту и разстройство въ крестьянскую жизнь, создаетъ-ли она вмѣстѣ съ тѣмъ какой-либо новый общественный слой, на который правительство можетъ опереться для борьбы противъ всякихъ новыхъ попытокъ аграрнаго движенія трудового крестьянства?

И, наконецъ, принимая во вниманіе все то, что можно въ этомъ отношеніи констатировать, спрашивается: чѣмъ же должна осложниться наша тактика въ деревнѣ? Какія новыя формы должна она принять, какіе новые пути найти и какіе старые — отбросить? Приступая къ разсмотрѣнію этихъ вопросовъ, я заранѣе прошу извиненія у товарищей, если временами буду рѣзокъ. Мое горячее желаніе — возбудить по аграрному вопросу оживленную, если нужно, страстную дискуссію. Плохо, когда въ пренія вносится личный элементъ, но страстность и горячность могутъ свидѣтельствовать только о томъ, какъ сильно затрагиваетъ данный вопросъ наши задушевныя убѣжденія, какъ много задѣваетъ онъ струнъ нашей души. И пылъ проистекающей отсюда страстности можетъ только лучше закалять лезвіе холодной стали нашей логики. Послѣ этихъ необходимыхъ оговорокъ — къ дѣлу.

* * *

Когда то мы всѣ, начиная отъ старѣйшихъ основателей нашей Партіи и кончая ея самыми недавними новобранцами, неофитами, непоколебимо вѣрили въ осуществимость и дѣйственную силу нашей аграрной программы. На чемъ основывалась эта вѣра? Неужели на слѣпомъ нежеланіи пред-

видѣть возможность торжества контръ-революціи, буржуазно-аграрнаго законодательства и податливости части крестьянства, положеніе котораго таково, что для него порою, „хочь гірше, та инше“?

Нѣтъ, этотъ вопросъ вставалъ передъ нашей Партіей не разъ. Онъ всталъ ребромъ, въ осебенно острой формѣ какъ разъ въ эпоху самаго разгара революціоннаго движенія, на рубежѣ 1905 и 1906 годовъ. Это было время, когда, откликаясь на громъ событій въ городахъ, поднялась Саратовская губернія; когда Всероссійскій крестьянскій союзъ на своемъ Московскомъ съѣздѣ намѣчалъ цѣлый рядъ наступательныхъ дѣйствій въ духѣ своей программы, и принципіально рѣшалъ, въ случаѣ репрессій и попытокъ разрушить союзъ, объявить весной всеобщее крестьянское возстаніе.

Пренія, происходившія въ концѣ занятій перваго партійнаго Съѣзда, достаточно ярко характеризуютъ два теченія, рѣзко разошедшія по этому вопросу.

И эти два теченія такъ рѣзко противоположны по всему настроенію, по методамъ мышленія, по характеру прогноза, по намѣчаемой общей линіи поведенія, что поистинѣ со стороны можетъ показаться почти чудомъ, какъ эти теченія могли тогда ужиться подъ единой партійной кровлей и не привести къ полному расколу.

Для однихъ аграрная революція съ лозунгомъ соціализаціи земли должна была произойти „теперь или никогда“.

„Теперь — или никогда!“ Либо немедленное осуществленіе аграрной программы нашей Партіи, либо затвердѣніе буржуазныхъ началъ! Такова была диллема, передъ которою представители этого направленія ставили Партію. „Моментъ, переживаемый нами, — говорилъ одинъ изъ нихъ, — исключительно благопріятенъ и больше уже не повторится. Государственный механизмъ сильно разстроенъ и у правительства нѣтъ сколько нибудь значительныхъ группъ, на которыя оно могло бы опереться. Такая дезорганизація долго длиться не можетъ. Создается правовое государство, и въ дальнѣйшемъ рѣшеніи аграрнаго вопроса мы будемъ одиноки; противъ насъ будутъ даже соціальдемократы“. „Правовое государство разрядитъ возбужденное настроеніе частичными уступками и понизитъ готовность массъ къ активному наступленію. Фактическое осуществленіе соціализаціи земли можетъ быть мыслимо лишь при очень высокой температурѣ общественнаго настроенія, такъ какъ сама по себѣ она еще недостаточный стимулъ, чтобы повести за собою

массы немедленно. На основаніи этихъ соображеній необходимо прійти къ выводу, что *соціализація земли осуществима или сейчасъ, или лишь при соціализмѣ*".

„Если не сейчасъ, то лишь при соціализмѣ!" Выходит, что только первая половина этой фразы — условное придаточное предложеніе, начинающееся съ предательскаго „если" — держитъ автора въ Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ (разумѣется, поскольку дѣло идетъ объ аграрномъ вопросѣ). Вторая же половина фразы — „лишь при соціализмѣ" — влечетъ автора въ сторону соціаль-демократическихъ позицій. Съ точки зрѣнія с.-д. того времени, въ томъ то и заключался „утопизмъ" с.-р-овъ, что они провозглашали соціализацію земли въ программѣ-минимумъ, тогда какъ это требованіе осуществимо лишь при соціализмѣ. Выходило, что мы „сейчасъ" еще соціалисты-революціонеры, но пройдетъ еще немного времени, соціализація земли не выйдетъ готовой изъ нынѣшняго народнаго броженія, какъ Аѳина изъ головы Зевса, — и мы должны перекочевать въ лагерь соціальдемократовъ...

Еще рѣзче ту же идею выразилъ другой ораторъ. „Если мы теперь изъ страха передъ стихійностью не поможемъ крестьянству возстать, мы попадемъ въ положеніе соціальдемократовъ. Мы то подождемъ, но не будетъ ждать буржуазія и приметъ мѣры къ упроченію своего положенія. Вспомните западно-европейскихъ крестьянъ"!

„Хорошо, мы будемъ выжидать, комментировалъ эту точку зрѣнія третій ораторъ, но вѣдь капитализмъ-то не ждетъ, онъ организуется, развивается, подчиняетъ себѣ деревню; передъ нами перспектива превращенія русскаго мужика въ западно-европейскаго хозяйственнаго бауэра; водвореніе на мѣсто патріархальнаго самодержавія буржуазнаго господства дастъ этому процессу быстрый ходъ; и намъ ничего не останется, какъ измѣнить наши позиціи по образу и подобію соціальдемократическому".

Во всѣхъ этихъ діатрибахъ ново и современно было только одно: запугиваніе жупеломъ неизбѣжнаго перехода отъ соціаль-революціонизма къ ортодоксальному русскому соціаль-демократизму. А во всемъ остальномъ — Боже, какимъ старьемъ, какой архивной плѣсенью вѣетъ отъ этихъ разсужденій! Такъ и вспоминается блаженной памяти Ткачевъ съ его бурнопламенными прорицаніями. „Смотрите!"— писалъ онъ, напр., еще въ 1875 г.: — „огонь экономическаго прогресса уже коснулся коренныхъ основъ нашей на-

родной жизни. Подъ его вліяніемъ уже разрушаются старыя формы нашей общинной жизни, уничтожается самый принципъ общины, принципъ, долженствующій лечь краеугольнымъ камнемъ того будущаго общественнаго строя, о которомъ всѣ мы мечтаемъ. — На развалинахъ перегорающихъ формъ нарождаются новыя формы, — формы буржуазной жизни... Огонь подбирается и къ нашимъ государственнымъ формамъ... Сегодня мы — сила... Сегодня наши враги слабы, разъединены. Противъ насъ одно правительство со своими чиновниками и солдатами. Но что будетъ завтра?“ [1])

И т. д., и т. д., въ томъ же духѣ. Даже сакраментальную фразу „теперь или никогда!“ произносилъ со всѣмъ, свойственнымъ ему эмфазомъ, П. Ткачевъ, за тридцать слишкомъ лѣтъ передъ нами. Повидимому, эта трафаретная фраза для людей, у которыхъ чувство беретъ верхъ надъ умомъ, всегда годится — стоитъ только подъ „теперь“ мысленно переставлять впередъ дату — и такъ ad infinitum, доколѣ не исполнятся неисповѣдимые пути Аллаха.

Но, спрашивается: что же такое „эсэрство“? Или это не болѣе, какъ реставрированное народничество? Или это только переложеніе на модернистскій языкъ всего символа вѣры семидесятыхъ годовъ? Или развивался только нашъ стиль и обогащался только нашъ лексиконъ политическихъ выраженій, а мысль наша безнадежно застыла? Или мы не развивались вмѣстѣ съ развитіемъ международной соціалистической мысли, въ неразрывномъ общеніи съ нею, оплодотворяя ея результатами свои самостоятельныя творческія силы?

Здѣсь не мѣсто, конечно, подробному развитію этой темы. Но я долженъ по крайней мѣрѣ кратко сформулировать свою позицію. Мы, конечно, не принадлежимъ къ числу тѣхъ, кто „отказывается отъ наслѣдства“ шестидесятыхъ, семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ. Мы не рвемъ идейной традиціи, соединяющей насъ съ нашими славными предшественниками, чтобы вновь начать исторію духовнаго развитія русскаго соціализма отъ какого-нибудь готоваго продукта предыдущаго національнаго роста одной изъ западно-европейскихъ странъ — скажемъ, хотя бы отъ германской соціальдемократіи. Да этотъ разрывъ традицій, въ сущности, и невозможенъ. Ужъ на что настаивали на немъ наши соціальдемократы — а и тѣ не избѣгали своей участи, и не совсѣмъ

[1]) П. Н. Ткачевъ, „Ораторы-бунтовщики“, стр. 2. Цитирую по Лаврову („Народники-пропагандисты“).

неправы авторы „Вѣхъ“, когда говорятъ, что наши марксисты во многомъ — лишь вывороченные наизнанку народники, замѣнившіе только „народолюбіе“ — „пролетаролюбіемъ“. Мы не принадлежимъ къ числу „непомнящихъ родства“. Но для насъ и народничество и народовольчество — пройденныя ступени органическаго роста нашего движенія; каждое изъ нихъ — законченное дитя своего времени, отошедшая въ прошлое точка пересѣченія вліяній международной соціалистической мысли и самостоятельнаго оріентированія въ особенныхъ условіяхъ Россіи. Мы, соціалисты-революціонеры, представляемъ собою новое идейное образованіе, новую точку пересѣченія тѣхъ и другихъ вліяній. Въ наши ряды могли войти живые обломки стараго періода революціи. Изъ ихъ представителей нѣкоторые могли сохранить на себѣ слишкомъ много слѣдовъ прошлаго. Они у насъ — желанные гости; но всего нашего уваженія къ ихъ историческимъ заслугамъ недостаточно, чтобы воздержаться отъ самаго рѣшительнаго отграниченія нашихъ идейныхъ позицій отъ позицій прошлаго. И въ этомъ отграниченіи разъ навсегда должно быть твердо установлено: мы отнюдь не желаемъ возводить нашу культурно-экономическую отсталость въ рангъ огромнаго историческаго преимущества; мы цѣнимъ соціальныя связи трудового крестьянства, унаслѣдованныя отъ прошлаго, но лишь постольку, поскольку они, при свѣтѣ соціалистической пропаганды, выживаютъ, пройдя сквозь огонь хозяйственнаго прогресса, поскольку изъ инстинктивныхъ традиціонныхъ, въ борьбѣ съ натискомъ буржуазныхъ началъ, онѣ превращаются въ сознательныя. Вотъ почему мы совершенно чужды стремленія какъ то сюрпризомъ—пока еще не успѣли появиться въ деревнѣ тлетворныя вѣянія капитала — осуществить соціальное чудо, навсегда закрывающее путь въ деревню этимъ вѣяніямъ; вотъ почему старая формула „теперь или никогда“ совершенно чужда всему складу нашихъ воззрѣній.

Тотъ, кто восклицаетъ „теперь или никогда“ тѣмъ самымъ невольно признается, что жизнь течетъ не въ сторону его идеала, а въ сторону *отъ* его идеала; что съ каждымъ днемъ шансы на торжество его программы *убываютъ*. Слѣдовательно, онъ возложилъ всѣ свои надежды въ жизни не на то, что ростетъ и крѣпнетъ, а на то, что распадается и дряхлѣетъ. Такое міросозерцаніе въ сердцевинѣ своей глубоко безрадостно и пессимистично. Оно превращается у его носителей въ свою собственную противоположность благо-

даря чрезвычайно простому пріему: всяческому разукрашиванію даннаго момента, переоцѣнкѣ его благопріятныхъ сторонъ и закрыванію глазъ на неблагопріятныя. „Теперь или никогда" перестаетъ быть страшнымъ, ибо искусственно взвинченный, нездоровый оптимизмъ кричитъ ему: теперь, конечно теперь! И даже поставленное сзади „или никогда" звучитъ не угрозой, а новымъ психологическимъ argumentum ad hominem. Такъ какъ мы не можемъ же отчаиваться въ нашемъ дѣлѣ, не можемъ помириться на карканьи зловѣщаго чернаго ворона Эдгара Поэ — „nevermore" — то тѣмъ болѣе твердо должны мы произнести то, что остается единственнымъ логическимъ выводомъ: теперь же, немедленно, сію минуту!

Но развѣ это имѣетъ что-нибудь общаго съ психологіей, со всѣмъ идейнымъ складомъ убѣжденнаго соціалиста-революціонера?

Пойдемъ еще далѣе. Лозунгъ „теперь или никогда" превращался у Ткачева въ оптимистическое „теперь", а не въ безрадостные „никогда" благодаря его взгляду на русскаго крестьянина, какъ на „инстинктивнаго революціонера". Получалась теорія, духовная сущность которой сводилась къ апоѳеозу революціонной инстиктивности,—проще говоря *стихійности*. Но развѣ не тотъ же духъ царилъ и въ аргументаціи нашихъ запоздалыхъ „ткачевистовъ" перваго съѣзда?

„Въ программѣ соціалистовъ-революціонеровъ — говорилъ одинъ изъ сторонниковъ лозунга „теперь или никогда" про соціализацію земли — она строится на традиціонныхъ воззрѣніяхъ крестьянства и потому она eo ipso *на три четверти стихійна* (!) Въ предстоящемъ крестьянскомъ движеніи стихійность неизбѣжный элементъ и его нечего бояться. Положеніе вещей къ выгодѣ революціи... Крестьянство само захочетъ аграрной революціи. И вдругъ при всѣхъ этихъ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ мы скажемъ крестьянамъ: подождите... Долгъ нашей партіи поставить страну на соціалистическіе рельсы. Путь къ этому одинъ — черезъ соціализацію земли. И если для осуществленія ея нужна отчаянная попытка, — пусть погибнетъ партія, но да произойдетъ аграрная революція".

Соглашаясь, что организованность движенія есть главное условіе успѣшности въ полномъ объемѣ его задачъ, другой ораторъ также распространялся на ту тему, что „не всегда организованное движеніе исторически даетъ больше неорганизованнаго", иллюстрируя это примѣромъ прекрасно организованной германской соціальдемократіи, „неспособной вы-

рвать изъ буржуазіи и мало доли (!) того, что вырываемъ мы, русскіе неорганизованные соціалисты“. (Не чудится ли вамъ въ этомъ гордомъ, „мы русскіе неорганизованные соціалисты“ тотъ же старый квасной патріотизмъ только подъ соціалистическимъ гарниромъ?). Онъ не раздѣляетъ „того пессимизма, который господствуетъ у нѣкоторыхъ товарищей по отношенію къ элементу стихійности въ движеніи“; по его мнѣнію, „стихійное движеніе играетъ роль того тарана, который долженъ разрушить стѣну капиталистической эксплуатаціи“, послѣ чего сознательное меньшинство берется за „творческую работу“, и въ этомъ смыслѣ „значеніе стихійнаго элемента огромно“.

Все эти рѣчи, иногда сравнительно ловкія, иногда вовсе неловкія, въ защиту и прославленіе стихійности, конечно, вызвали на съѣздѣ достаточно энергичный отпоръ. Такъ, одинъ изъ с.-ровъ младшей формаціи противопоставилъ этимъ рѣчамъ совершенно опредѣленное противоположное утвержденіе: „какъ въ вопросѣ о достиженіи соціалистическаго строя, такъ и здѣсь мы должны возлагать свои надежды не на стихійное движеніе изголодавшихся массъ, а на организованную борьбу сознательнаго рабочаго класса“. Отсюда и выводъ о невозможности въ вопросѣ о соціализаціи земли аппеллировать къ стихійному аграрному движенію: „быть можетъ, въ этомъ случаѣ болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, опасны дѣйствія „на ура“, дѣйствія диктуемыя тактикой отчаянья“. Другой въ горячей рѣчи протестовалъ провивъ „сознательнаго или безсознательнаго смѣшенія предстоящаго крестьянскаго движенія изъ-за куска хлѣба, изъ-за куля овса, изъ-за полѣнницы дровъ — съ соціальной революціей“. Онъ предостерегалъ противъ господствующаго въ Россіи возбужденнаго настроенія, мѣшающаго трезвому политическому мышленію: „Это возбужденіе отразилось и на насъ, и мы принесли субъективный элементъ въ нашу тактику. Отсюда наша страстность, отсюда предлагаемая тактика отчаянья“. Данныя же объективныя говорятъ не въ нашу пользу... „Мы не можемъ дать директивы: призывайте къ революціонному захвату земель, — разъ вся надежда на стихійные размѣры движенія. Это была бы авантюристская политика“. Наконецъ, докладчикъ [1]) выступилъ противъ тенденціи основывать шансы побѣды соціализаціи земли на распространяющемся среди народа *„чувствъ* безвыходности“. „Въ томъ то и тра-

[1]) Докладчикомъ выступилъ пишущій эти строки

гизмъ положенія, что до сихъ поръ ростъ этого чувства безвыходности слишкомъ обгонялъ ростъ сознанія, организованности и ростъ нашей пропаганды. Пока эта непропорціональность растетъ, до тѣхъ поръ шансы нашей побѣды слабы". Рѣзко выступилъ онъ и противъ восхваленія успѣховъ „русскихъ неорганизованныхъ соціалистовъ" передъ безсиліемъ „германскихъ организованныхъ соціалистовъ". „Такъ говорить лучше бы подождать, ибо, пока что, намъ удается вырывать у правительства и буржазіи на свою долю—правда, въ неограниченныхъ дозахъ — бичи и скорпіоны". И, наконецъ, возражая противъ азартной игры „ва-банкъ" и лозунга „да погибнетъ партія с.-р., но да восторжествуетъ аграрная революція"; онъ сказалъ: „нѣтъ, товарищъ, я иного мнѣнія о значеніи нашей партіи. Еслибы она погибла въ волнахъ движенія, погибла бы и аграрная революція *въ нашемъ смыслѣ*". Произошла бы судорожная вспышка, большая перетасовка земельной собственности, но подъ руководствомъ другихъ силъ, а, слѣдовательно, и съ другими результатами. „Для меня судьбы аграрной реформы и судьбы Партіи С.-Р. связаны неразрывно, и потому гибель одной не можетъ быть предвѣстіемъ торжества другой".

„Въ программѣ П. С.-Р. соціализація *строится на традиціонныхъ воззрѣніяхъ* крестьянства и *потому* она ео ipso на три четверти стихійна"—читатель помнитъ эти утвержденія, которыя должны быть отвергнуты самымъ категорическимъ образомъ. Неправда, что аграрная позиція с.-р. базируетъ на *традиціонныхъ* воззрѣніяхъ крестьянства. Революціонный соціализмъ въ этихъ традиціонныхъ воззрѣніяхъ не оставляетъ камня на камнѣ. Здоровое ядро крестьянскихъ воззрѣній на землю, напр., онъ старается вышелушить, освободить отъ скорлупы теологическихъ и патріархальныхъ воззрѣній; да и къ нему революціонный соціализмъ относится, не какъ къ чему то достаточному, на чемъ можно всецѣло *обосновать* аграрную программу, а именно лишь какъ къ зерну, изъ котораго можно выростить нужное растеніе при помощи тщательнаго ухода; или какъ къ дичку. который можетъ дать плодъ только благодаря культурно-соціалистической прививкѣ. Не на старыхъ, унаслѣдованныхъ воззрѣніяхъ крестьянства базируетъ программа с.-р., а на новыхъ, вырабатывающихся изъ нихъ послѣ глубокаго духовнаго кризиса, созданнаго натискомъ новыхъ условій и новыхъ идей. Не старая формула „земля—Божья—или „земля—государева", а новая формула права каждаго человѣка на

землю, человѣка, какъ свободной индивидуальности, помимо всякой опеки, Божьей или государевой,—является опорой с.-р. аграрной программы. Не старыя, традиціонныя формы общины съ ея казенной „ревизской душей" и съ поглощеніемъ личности патріархальнымъ семейнымъ коллективомъ—а новыя формы общины, вырабатывающіяся при болѣе свободныхъ, послѣкрѣпостныхъ условіяхъ, подъ вліяніемъ пробужденія личности, предъявленія своихъ правъ и крестьянской молодежью, и женщиной,—община съ новыми, потребительными разверстками,—община не *статическая*, а *динамическая*—является одной изъ возможныхъ драгоцѣнныхъ точекъ опоры аграрной политики въ с.-р-скомъ духѣ. И мы никогда не устанемъ твердить это. Если бы основой нашей аграрной программы дѣйствительно было что либо *традиціонное*, какой либо пережитокъ,—то тогда, дѣйствительно, каждый лишній день былъ бы новой опасностью для нашей программы; тогда пришлось бы восклицать „теперь или никогда", тогда пришлось бы строить свою тактику на стихійности, т. е. *на пескѣ*. Ибо стихійно поднимающіяся массы есть песокъ, людская пыль, вѣтромъ вздымаемая и вѣтромъ же разсѣиваемая. Но наша программа можетъ основываться не на *пережиткахъ прошлаго*, а лишь на *жизненныхъ элементахъ* настоящаго.

На эту сторону дѣла въ преніяхъ указывалось и въ заключительномъ словѣ докладчика гдѣ, на данныхъ отчетовъ съ мѣстъ, иллюстрировано, „какія формы принимаетъ иногда броженіе въ деревнѣ". „Съ одной стороны пѣніе нашей „крестьянской марсельезы", а съ другой стороны—избіеніе учителей и „красныхъ" интеллигентовъ; съ одной стороны—„ура, батюшка царь" и бѣлое знамя, а съ другой—пишутъ на этомъ самомъ бѣломъ знамени „земля и воля". Эти факты „причудливаго перепутыванія въ мозгахъ крестьянъ такихъ противоположностей"—плохая иллюстрація для апологіи „положительныхъ сторонъ" стихійности, какъ „незамѣнимаго тарана, разбивающаго стѣны буржуазной эксплуатаціи". Слишкомъ ясно, что этотъ таранъ можетъ легко повернуться и противъ „красной интеллигенціи".

Еще одинъ характерный эпизодъ. Въ первоначальномъ проектѣ нашей программы, было сказано, что партія стремится въ рѣшеніи аграрнаго вопроса *„использовать* общинно-трудовыя воззрѣнія, традиціи и формы жизни русскаго крестьянства". Но на съѣздѣ и въ комиссіи, редактировавшей проектъ, раздались голоса противъ термина „использовать".

Почему его считали неудобнымъ? Говорили, что въ этомъ словѣ есть какой-то нежелательный оттѣнокъ. Использовать можно все, и положительныя, и отрицательныя явленія жизни. Многіе товарищи хотѣли – пожалуй, вполнѣ правильно—чтобы было выбрано слово, показывающее, что мы признаемъ за общинно-трудовыми началами положительную цѣнность. Было предложено вмѣсто „использовать“—поставить „опереться на“. Это предложеніе и было принято. Но, улучшивъ формулировку съ одной ея стороны, оно ухудшило ее съ другой. Совершая замѣну, нельзя было механически оставить безъ измѣненія остальную часть фразы, гдѣ, кромѣ общинно-трудовыхъ воззрѣній и формъ жизни, упомянуты также и *традиціи*. Измѣнивъ начало, слѣдовало совсѣмъ вычеркнуть это слово, ибо въ общинныхъ *традиціяхъ* деревни мы видимъ сложный конгломератъ и положительныхъ, и отрицательныхъ сторонъ. *Использовать* эти традиціи можно; слово „использовать“ предполагаетъ активную переработку; но безъ всякихъ дальнѣйшихъ заботъ *опираться* на нихъ мы, конечно не можемъ. Оставивъ „традиціи“ при измѣненіи начала фразы, съѣздъ—по недосмотру—eo ipso внесъ въ программу оттѣнокъ слишкомъ приблизившій ее къ народничеству; а это дало возможность, инымъ контрабандой проводить такое толкованіе даннаго мѣста, по которому мы якобы въ аграрной области все, „строимъ на традиціонныхъ воззрѣніяхъ крестьянства!“ Конечно, права на такое перетолкованіе даже измѣненный текстъ программы еще не даетъ; но она содержитъ неясность, нѣсколько затушевывающую особенность нашей постановки вопроса сравнительно съ старо-народнической. Но всякому времени свои пѣсни! Теперь нѣтъ болѣе давно уже, ни народниковъ, ни народовольцевъ, ни лѣвыхъ народоправцевъ, ни обращенныхъ марксистовъ, ни „аграрныхъ лигистовъ“; всѣ эти старые титулы и клички изжили свой вѣкъ. Выросло цѣлое поколѣніе, которое знаетъ лишь соціально-революціонное направленіе, какъ цѣлостное явленіе sui generis, какъ теченіе, параллельное соціальдемократическому, въ общемъ руслѣ международнаго соціализма, прежде всего въ его русскомъ притокѣ. Пришло время во всѣхъ вопросахъ стремиться къ наибольшей чистотѣ и послѣдовательности соціально-революціонной идеи, не оглядываясь боязливо по сторонамъ и не боясь нарушить партійный миръ. Для этого наше направленіе достаточно созрѣло. Довлѣетъ дневи злоба его.

* * *

Воззрѣніе, выступающее съ лозунгомъ „теперь или никогда“—говорилъ я—по своей интимной сущности глубоко пессимистично. Только путемъ крайняго прикрашиванія текущаго момента оно способно стать по внѣшнему и временному облику своему оптимистическимъ. Но это оптимизмъ натянутый, взвинченный и недолговѣчный. Проходитъ моментъ, къ которому относилось, по первоначальному замыслу, крылатое „теперь или никогда“, и нужно либо выбросить за бортъ прежніе взгляды на условія осуществимости намѣченныхъ широкихъ задачъ, либо выбросить за бортъ самыя эти задачи.

Недавно мы, не безъ изумленія, читали въ газетѣ „Рѣчь“ странныя интервью сотрудника этой газеты съ однимъ изъ патріарховъ русскаго революціоннаго движенія, судившимся вмѣстѣ съ „Бабушкой“, но оправданнымъ по суду Н. В. Чайковскимъ. Этотъ, еще такъ недавно крайній революціонный народникъ, съ уклономъ въ сторону теоретическаго анархизма, съ типичнымъ, свойственнымъ этому направленію максимализмомъ въ постановкѣ программныхъ и тактическихъ задачъ,—оказался нынѣ, съ Божьею помощью, по своимъ воззрѣніямъ типичнѣйшимъ мелкимъ культурникомъ, чающимъ движенія воды отъ улучшенія сельскохозяйственной техники и рекомендующимъ... сажать капусту. Положимъ, что и Цинциннатъ послѣ битвъ охотно предавался, какъ гласитъ историческое преданіе, этому мирному занятію. Но, сколько извѣстно, Цинциннатъ возвращался къ своему огороду послѣ побѣдъ, а не искалъ въ тѣни его прибѣжища отъ пораженій. А это, какъ говорятъ въ Одессѣ, „двѣ большія разницы“...

Возведеніе сажанія капусты въ лозунгъ дня, конечно, крайне восхитило всю кадетскую прессу. Н. В. Чайковскій, къ счастью, не ознаменовалъ своего обращенія къ формулѣ „наше время—не время широкихъ задачъ“ никакой помпезной выходкой, хотя бы во вкусѣ крылатаго афоризма М. А. Энгельгардта: „народъ—фефела“. Тѣмъ не менѣе, оно—такое же знаменіе времени. Вѣрнѣе такое же знаменіе безвременья. А вѣдь еще недавно Н. В. Чайковскій былъ на крайнемъ лѣвомъ краю лѣваго крыла 1-го партійнаго съѣзда... Это—лишняя иллюстрація того, какъ взвинченный въ моменты историческаго подъема революціонный оптимизмъ влечетъ къ дряблому пессимизму въ эпохи реакціи, оказываясь такимъ образомъ типичнѣйшимъ безхарактернымъ *импрессіонизмомъ*.

Съ этими импрессіонистскими вѣяніями партіи разъ навсегда слѣдовало бы покончить. Они ведутъ къ тому, чтобы

*

на мѣсто хладнокровнаго и обдуманнаго разсчета шансовъ водворялась самая некритическая *вѣра* въ томъ самомъ смыслѣ, какой въ это слово вкладываетъ катихизисъ Филарета: „уповаемыхъ извѣщеніе, вещей обличеніе невидимыхъ, т. е. увѣренность въ невидимомъ, какъ бы въ видимомъ, въ чаемомъ и желаемомъ, какъ бы въ настоящемъ".

Тотъ же примѣръ перваго съѣзда можетъ дать богатыя иллюстраціи этого положенія. Мы уже видѣли, что тогдашній моментъ многіе ораторы продолжали считать „исключительно благопріятнымъ". А это было на рубежѣ 1905—1906 г., когда послѣдовательно провалились: борьба за явочное введеніе восмичасового дня, вторая всеобщая забастовка, почтово-телеграфная забастовка, и третья всеобщая забастовка, когда уже была подавлена попытка, сдѣланная въ Саратовской губерніи, поднять массовое возстаніе, а Минъ со своими семеновцами уже расправились съ московскимъ возстаніемъ; когда уставшее культурное общество уже начало отворачиваться отъ революціи и устами гг. Струве и присныхъ ему требовало, во имя національной культуры, отказа отъ повторенія политическихъ забастовокъ; когда, словомъ, уже совершенно опредѣленно сказалось спаденіе революціонной волны и начало думской оппозиціонной канители, которой лѣвыя партіи тщетно пытались сообщить революціонный оборотъ.

„Считаясь съ наличностью организованныхъ и организаторскихъ силъ,—говорили сторонники политики „вабанкъ",—намъ, конечно, слѣдовало бы подождать съ попытками къ революціонному захвату земли, если бы мы могли ждать. Но, подсчитывая условія за и противъ, надо помнить, что моментъ, переживаемый нами, исключительно благопріятенъ и болѣе не повторится". На основаніи учета всѣхъ данныхъ, надо придти къ слѣдующему выводу: „объявить черезъ мѣсяцъ призывъ къ революціонному захвату земель весною". „Агитировать въ крестьянскихъ массахъ за революціонный захватъ земель будущей весною" вторили другіе – тѣмъ болѣе, что „будущей весной крупное и повсемѣстное крестьянское движеніе начнется несомнѣнно", а если такъ, то „наша выжидательная тактика будетъ предательствомъ". „Если бы—резонировали третьи—возможно было отсрочить приближающееся крестьянское возстаніе на нѣкоторое время, напримѣръ, на годъ (sic), безусловно дѣло возстанія отъ этого выиграло бы, такъ какъ была бы возможность вылить движеніе въ болѣе организованныя формы. Но всѣ наши споры самой жизнью ограничиваются опредѣлен-

ными рамками и ставятся на почву настоящаго, фактическаго положенія вещей... Я обращаю вниманіе товарищей на то, что вопросъ о весеннемъ возстаніи рѣшается самой жизнью, и намъ нужно лишь позаботиться о томъ, чтобы то, что все равно будетъ, дало рабочему классу максимумъ побѣдъ и успѣха". „Конечно—говорили тогда даже иные весьма серьезные люди—для насъ было бы въ высшей степени желательнымъ отсрочить на годъ, на два, моментъ окончательной битвы съ современнымъ строемъ, чтобы успѣть сорганизовать за это время кресгьянство, объединить его вокругъ нашего знамени, вокругъ нашей программы и сдѣлать крестьянскую революцію, въ цѣломъ, движеніемъ сознательнымъ, планомѣрнымъ. Итакъ, эта отсрочка была бы для насъ желательна, но бѣда въ томъ, что она слишкомъ мало вѣроятна". „Всѣ факты повседневной жизни свидѣтельствуютъ, на мой взглядъ, что мы наканунѣ самаго рѣшительнаго кризиса. Всѣ разсчеты на большую продолжительность русской революціи, на ея затяжной характеръ едва ли основательны". Ораторъ признавалъ, правда „возможность отсрочки этого переворота", но только въ томъ случаѣ, если правительство „не пытаясь путемъ уступки нѣкоторой части своей власти найти опору въ какомъ-нибудь сильномъ соціальномъ классѣ", „путемъ прямого насилія" сумѣетъ продержаться еще годъ или два; „но общій ходъ революціи, въ особенности настроеніе крестьянъ, заставляютъ думать, что окончательная развязка наступитъ раньше. И вотъ поэтому то мы и говоримъ: теперь или никогда".

Что же отвѣчала на это другая сторона?

„Исключительно благопріятный моментъ—говорилъ докладчикъ—это не то, что есть въ дѣйствительности, а лишь то, что товарищу хотѣлось бы, чтобы было..." Правительство рѣшительно начинаетъ поворачивать направо, „пока не случилось ничего, что бы на этой дорогѣ поставило правительству серьезныя препоны, и реакція можетъ пока свободно развиваться... Итакъ, я сомнѣваюсь, чтобы настоящій моментъ былъ моментомъ растерянности власти или хотя бы только минутной вспышкой реакціи въ срединѣ цѣлой полосы такой растерянности. *„Нѣтъ это наступленіе полосы реакціи"*. Съ другой стороны, скептически нужно отнестись и къ предсказаніямъ о неизбѣжности на весну возстанія. „Откуда почерпнули такую непоколебимую увѣренность въ неизбѣжности весной возстаній? Конечно, если оно будетъ, его не остановить никакимъ рѣшеніемъ, какъ и наоборотъ—вызвать возстаніе по своему произволу противоположнымъ рѣшеніемъ,

мы также не можемъ. Но развѣ данныя съ мѣстъ рѣшаютъ этотъ вопросъ? На меня доклады товарищей произвели другое впечатлѣніе. При такихъ условіяхъ назначать на весну возстаніе значило бы „не справившись съ святцами, бухнуть въ колоколъ“.

Оцѣнка момента, какъ видите, здѣсь была пессимистичнѣе, но есть пессимизмъ и пессимизмъ. Есть дряблый пессимизмъ людей, разбитыхъ угнетающими впечатлѣніями безвременья; и есть трезвый пессимизмъ людей, нежелающихъ потерять головы въ угарѣ событій. Въ данномъ случаѣ мы имѣли дѣло съ пессимизмомъ второго рода. Событія съ излишкомъ оправдали его.

Но глядѣть прямо въ глаза суровой дѣйствительности— не значитъ терять вѣру. Представители пессимистическаго теченія предвидѣли длительный, затяжной процессъ революціоннаго броженія. „Намъ представляется болѣе вѣроятнымъ, что мы еще будемъ имѣть новыя колебанія политическаго маятника, и испытаемъ и гнетъ реакціи, и новую полосу свободъ“. Они не боялись установленія „правового государства“, хотя и не считали его вѣроятнымъ. „Возможно, что Дума и соберется—говорили они, имѣя въ виду слухи, что правительство послѣ подавленія московскаго возстанія готовится отложить выборы въ Думу на неопредѣленный срокъ—но будетъ поставлена въ такія условія, и юридическія, и фактическія, что сведется къ прежней, булыгинской и будетъ играть по отношенію къ самодержавію роль приживалки изъ милости въ домѣ богатаго барина робкимъ ворчаніемъ отводящей свою душу отъ пренебрежительнаго третированія господами, пока ея за это не прогнали“. И это предсказаніе также оправдалось... Правовое государство— разсуждали они далѣе—не успокоило бы народа и не отвратило отъ борьбы за землю,—напротивъ, создало бы возможность необходимаго для такой борьбы органическаго сліянія соціалистической партіи съ массами.

Правовое государство не въ состояніи было бы удовлетворить слишкомъ обострившихся земельныхъ нуждъ крестьянства, ибо „даже у кадетовъ классовый, землевладѣльческій элементъ настолько даетъ себя знать“. „Что же говорить обо всѣхъ этихъ, союзахъ 17-го октября“, „партіяхъ правового порядка“, „торговопромышленной партіи“ и т. п.? *А вѣдь ихъ скорѣе всего и припустятъ къ кормилу правленія.* И нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что въ аграрномъ вопросѣ рѣзко и ярко проявится ихъ классовая антинародная сущность, и потому ихъ пребываніе у власти не закон-

чить, не оборветъ революціоннаго періода, а лишь будетъ знаменовать новую, еще болѣе острую стадію его".

Въ общихъ чертахъ жизнь, дѣйствительно, пошла по этому руслу. Процессъ развитія всѣхъ отношеній на самомъ дѣлѣ оказался длительнымъ и затяжнымъ,—еще болѣе затяжнымъ, чѣмъ вѣроятно, полагали тогда наиболѣе проницательные. Были и колебанія политическаго маятника, была и Дума, терпимая изъ милости и прогнанная; была и полоса реакціи, донынѣ неизбытая; были и октябристы припущены къ кормилу правленія, и свою классовую антинародную сущность проявили они въ аграрномъ вопросѣ, какъ нельзя лучше. Остается, чтобы сбылась послѣдняя часть этого прогноза: что пребываніе около власти октябристовъ не закончитъ, не оборветъ революціоннаго броженія, а только вгонитъ процессъ внутрь, усложнитъ и запутаетъ всѣ отношенія и приведетъ, наконецъ, къ новой, еще болѣе острой стадіи революціи.

Въ общемъ и главномъ, жизнь до сихъ поръ пока лишь подтверждала прогнозъ той части партійнаго съѣзда, здоровый пессимизмъ которой въ оцѣнкѣ текущаго момента былъ чреватъ здоровымъ оптимизмомъ для дальнѣйшаго будущаго. А вѣдь эта часть съѣзда была *большинствомъ* партіи. Спрашивается: гдѣ же основанія для этого большинства унывать и разочаровываться? Развѣ случилось для него что нибудь совершенно неожиданное? Развѣ оно не предвидѣло тѣхъ испытаній, которыя постигли революцію? Развѣ оно не запаслось заранѣе нравственнымъ мужествомъ, чтобы вынесли всѣ перипетіи затяжного, длительнаго процесса, въ которомъ полосы упорнаго стойкаго оживленія смѣняются такими же полосами упорной, стойкой реакціи?

Иное дѣло, конечно, для невоздержныхъ оптимистовъ того времени. Если тогдашняя диллема—„теперь или никогда"—не утратила власти надъ умами, то они повидимому, остаются теперь при разбитомъ корытѣ—при зловѣщемъ „никогда". Имъ приходится, либо превратиться въ соціальдемократовъ, примириться съ распадомъ соціальныхъ связей трудового крестьянства, поставить крестъ надъ движеніемъ за обобществленіе земельной собственности и ждать соціализаціи земли лишь при соціализмѣ, перенеся ее такимъ образомъ изъ Actions programm въ „Конечную цѣль",—либо, еще проще, послѣдовать примѣру Н. В. Чайковскаго и послѣднюю дань своимъ былымъ аграрнымъ увлеченіямъ проявить въ мирныхъ занятіяхъ: приняться огородъ городить и капусту садить...

Но и здѣсь это только *повидимому*. Ибо первоначальное

увлеченіе, продиктовавшее въ началѣ преній лозунгъ „теперь или никогда“, къ концу ихъ схлынуло и дало мѣсто довольно знаменательнымъ поправкамъ и оговоркамъ.

Путь къ этимъ поправкамъ указалъ своимъ антагонистамъ уже докладчикъ комиссіи въ своей заключительной рѣчи. Не безъ ѣдкости полемизируя противъ ихъ „полной своеобразнаго героизма отчаянія“ формулы, онъ замѣтилъ: „не шутя, я еще понялъ бы, если бы товарищи стали утверждать, что, не побѣдивъ весной (или, что имъ кажется равносильнымъ, пропустивъ исключительно благопріятный моментъ),—мы теряемъ возможность единовременнаго, революціоннаго осуществленія нашей земельной реформы—по крайней мѣрѣ, въ ея основѣ; что мы остаемся лишь передъ перспективой болѣе медленнаго, эволюціоннаго ея осуществленія, по частямъ, въ строго правовыхъ формахъ.

Это, можетъ быть, было бы вѣрно,—конечно съ той поправкой, что дѣло не въ ближайшей веснѣ, а во всемъ томъ переходномъ революціонномъ періодѣ, длительность котораго является открытымъ и спорнымъ вопросомъ. Но здѣсь идутъ гораздо дальше и ставятъ подъ вопросъ самую идею соціализаціи земли, разъ ее не удастся вырвать въ моментъ общаго возбужденія и кризиса,—„такъ какъ“—по словамъ одного изъ ораторовъ—„сама по себѣ она еще недостаточный стимулъ чтобы повести за собою массы немедленно“. „Врядъ ли можно придумать—рипостировалъ ему докладчикъ—горшій по существу пессимизмъ, чѣмъ этотъ взглядъ, который сводится, въ сущности къ тому, что только отчаяніе и безвыходность и могутъ вогнать крестьянство въ соціализацію“.

Послѣ докладчика получилъ слово содокладчикъ отъ меньшинства. Онъ и воспользовался этимъ словомъ, чтобы внести въ аргументацію своихъ сторонниковъ первую изъ указанныхъ докладчикомъ поправокъ. „Теперь—говорилъ онъ о судьбахъ соціализаціи земли—возможно немедленное (?) осуществленіе нашего требованія революціоннымъ путемъ. Если же современный благопріятный моментъ будетъ упущенъ, то весьма вѣроятно, что *такой* возможности уже больше никогда не представится, и путь къ соціализаціи земли будетъ уже совсѣмъ иной, медленный и нереволюціонный (!) путь“. Почему же? А вотъ почему: „если въ Россіи установится прочное буржуазное правительство, то и при немъ можно, конечно, добиваться постепенно удовлетворенія крестьянскихъ земельныхъ нуждъ, но соціализаціи земли въ томъ чистомъ видѣ въ какомъ мы ее проповѣдуемъ, сильное буржуазное правительство не допуститъ“. Поэтому и лозунгъ

„теперь или никогда“, оказывается, нужно понимать cum grano salis. „Это не значить, конечно, что, если аграрное движеніе, которое неизбѣжно вспыхнетъ нынѣшней весной, будетъ раздавлено, то уже тогда конецъ нашему дѣлу на вѣки вѣчные. Нѣтъ: но только тогда добиваться осуществленія нашихъ требованій придется уже нереволюціоннымъ методомъ, а путемъ отвоеванія постепенныхъ уступокъ въ будущемъ буржуазномъ государствѣ“. „Или коренной переворотъ въ земельныхъ отношеніяхъ произойдетъ теперь же, или это будетъ уже не переворотъ, не революція, а реформа, и осуществляться будетъ она путемъ медленнаго, постепеннаго процесса“.

Или, какъ заявилъ другой ораторъ, пустившій въ ходъ впервые соблазнительную формулу „теперь или никогда“: „Соціализація земли произойдетъ или теперь, въ революціонный періодъ, или растянется на десятки лѣтъ, осуществится революціоннымъ путемъ теперь, или путемъ эволюціи въ будущемъ“.

Данная поправка, конечно, уже представляетъ собою большой прогрессъ. И во всякомъ случаѣ, она много реалистичнѣе, чѣмъ вѣра въ немедленное осуществленіе, въ 1906 году во всей полнотѣ, требованія соціализаціи земли. На томъ же первомъ съѣздѣ, еще во время обсужденія аграрной части программы, замѣтно выдавались среди прочихъ двѣ рѣчи т. Пашина,—человѣка, который, по его собственнымъ словамъ, „не одинъ десятокъ лѣтъ близко стоялъ къ крестьянамъ“, и рѣчи котораго дышатъ самымъ строгимъ и вдумчивымъ реализмомъ. Онъ чрезвычайно умѣло и осязательно вскрылъ всю сложность соціализаторской задачи, поставленной себѣ партіей, и многочисленныя трудности, стоящія поперекъ дороги ея разрѣшенію. Неудивительно, что рѣчь его произвела на собраніе глубокое впечатлѣніе, и что съѣздъ единогласно просилъ автора подробнѣе и обстоятельнѣе изложить свою аргументацію въ особой брошюрѣ. „Я позволю себѣ высказать мнѣніе—говорилъ, между прочимъ, т. Пашинъ—что практически соціализація земли будетъ осуществлена не во всѣхъ своихъ частяхъ одновременно и не во всѣхъ своихъ частяхъ революціоннымъ путемъ“. Онъ указывалъ на крайнюю пестроту и запутанность русскихъ земельныхъ отношеній, особенно въ районахъ казачьихъ и инородческихъ земель, гдѣ неосторожное вмѣшательство способно вызвать самыя острыя столкновенія. „Иллюзіямъ здѣсь не должно быть мѣста, ибо каждая изъ нихъ можетъ стоить потоковъ крови“. Разрубить гордіевъ узелъ земельныхъ отношеній революціоннымъ ударомъ можно по отношенію къ по-

мѣщичьему землевладѣнію; но и то остается опасность, какъ бы при захватѣ крестьянами земель не явилось у отдѣльныхъ сосѣднихъ общинъ стремленія закрѣпить земли исключительно за захватчиками. „Неизмѣримо труднѣе соціализировать крестьянскія надѣльныя земли и мелкіе участки купленной крестьянами земли. Соціализація ихъ потребуетъ длительнаго процесса“. „Крестьяне въ надѣльныя, полученныя ими на условіяхъ выкупной операціи, земли влагали не только свой трудъ, но оплатили ихъ и деньгами, т. е. оплатили ихъ вдвойнѣ. Поэтому-то соціализація этихъ земель и будетъ представлять такія трудности“. И ораторъ приглашалъ все собраніе въ большей мѣрѣ сосредоточить свое вниманіе „на указанной колючей сторонѣ земельнаго вопроса, практическое разрѣшеніе котораго требуетъ много вниманія и осторожности“.

Не вправѣ ли мы заключить, что послѣ того, какъ знаменитая весна 1905 г. ничего не дала, кромѣ участія громаднаго большинства крестьянъ вопреки бойкотистскимъ лозунгамъ партіи, въ перводумскихъ выборахъ, споръ былъ ликвидированъ самой жизнью, и оба теченія сошлись, въ сущности, на одномъ? Такое заключеніе, однако, было бы слишкомъ поспѣшнымъ. Прежде всего, остается коренное различіе въ самомъ методѣ мышленія. У „чаявшихъ весны“ поражаетъ, съ этой точки зрѣнія, наклонность мыслить прямолинейными противоположеніями. Что ни шагъ, то антитеза, что ни постановка вопроса, то дилемма. Либо теперь—тогда однимъ революціоннымъ ударомъ; либо послѣ—тогда нетолько по частямъ, но и „нереволюціоннымъ путемъ“ Tertium non datur. Съ этой стороны, отвѣтъ даваемый т. Пашинымъ, представляется намъ качественно инымъ. „*Не во всѣхъ своихъ частяхъ* одновременно и *не во всѣхъ своихъ частяхъ* революціоннымъ путемъ“. Этотъ отвѣтъ обладаетъ и необходимой эластичностью; онъ, въ связи съ измѣненіемъ условій, допускаетъ много модификацій. Онъ не упирается исключительно въ два случая: либо цѣликомъ путемъ революціоннаго удара, либо безъ всякихъ революціонныхъ ударовъ. Въ случаѣ неудачи одного момента онъ не обрекаетъ въ послѣдующемъ на роль абсолютныхъ постепеновцевъ [1]). А именно на такую роль обрекали себя своими дилеммами тогдашніе сторонники немедленнаго возстанія.

[1]) Поэтому докладчикъ, скептически относясь къ „весеннимъ“ чаяніямъ, въ связи съ представленіемъ о затяжномъ характерѣ соціально-политическаго кризиса Россіи, утверждалъ, что мы все таки „еще не имѣемъ основанія терять надежду на разрѣшеніе задачи революціоннымъ путемъ“.

И по какому историческому или теоретическому основанію? Или крестьянскія возстанія возможны лишь при самодержавіи, но невозможны при конституціонномъ, а тѣмъ болѣе quasi-конституціонномъ режимѣ? Но сицилійское крестьянское возстаніе было на нашихъ глазахъ въ конституціонной Италіи, и андалузское—въ не менѣе конституціонной Испаніи. Крестьянское возстаніе въ Румыніи было также при полномъ дѣйствіи румынскаго парламентаризма. Наконецъ, тоже относится и къ аграрному движенію—граничившему съ возстаніемъ—венгерскихъ крестьянъ. Даже во Франціи, гдѣ такъ силенъ мелкобуржуазный духъ, при республиканской формѣ правленія и всеобщемъ избирательномъ правѣ, мы еще недавно были свидѣтелями самаго бурнаго движенія южныхъ винодѣловъ. Почему же въ Россіи при водвореніи въ ней правового государства, нужно проститься разъ навсегда съ попытками посредствомъ крестьянскаго возстанія ускорить процессъ законодательной ликвидаціи частной собственности? Или въ русской деревнѣ меньше горючаго матеріала, чѣмъ во французской или испанской?

Н. К. Михайловскій шелъ даже еще дальше. „Люди революціи—говорилъ онъ—разсчитываютъ на народное возстаніе. Это дѣло вѣры. Я не имѣю ея. Но спрашивается, когда такое возстаніе вѣроятнѣе: тогда ли, когда во главѣ всего стоитъ полумиѳическій царь, или когда страною правятъ обыкновенные выборные люди?“ Выходило, какъ будто въ правовомъ строѣ возстаніе даже вѣроятнѣе... Это, разумѣется, уже преувеличеніе. И очень можетъ быть, что Михайловскій разсматривалъ этотъ доводъ не столько какъ объективно цѣнный, сколько какъ аргументъ ad usum delphini. Но одно можно сказать безъ всякихъ преувеличеній. Если грандіозный бунтъ, если возстаніе, какъ стихійный взрывъ, вѣроятнѣе при господствѣ самодержавія, то возстаніе болѣе сознательное, возстаніе, болѣе планомѣрно и организованно направленное къ завоеванію соціализаціи земли, конечно, вѣроятнѣе тогда, когда народъ успѣетъ подышать болѣе чистой атмосферой политической свободы; когда накопленное экономическое недовольство будетъ оплодотворено политическимъ образованіемъ и широкой, систематической соціалистической пропагандой.

И съ этой стороны намъ нечего бояться за нашу аграрную программу даже въ томъ случаѣ, если нынѣшняя quasi-конституція смѣнится чѣмъ-нибудь болѣе похожимъ на настоящій конституціонный строй. Конечно, при такомъ взглядѣ дѣло борьбы за соціализацію земли представляется гораздо болѣе сложнымъ, чѣмъ это—особенно въ шальные мѣсяцы

„свободъ"—казалось очень, очень многимъ. Но что же дѣлать! Въ этомъ отношеніи остается только повторить слова докладчика перваго съѣзда: „Не менѣе всякаго другого я бы предпочелъ революціонный методъ рѣшенія аграрной проблемы, однимъ смѣлымъ ударомъ рѣшающій ее въ главномъ и существенномъ. Но я знаю, что и при предположеніи неудачи такого метода, партія исполнила бы трудный, но вмѣстѣ съ тѣмъ почетный долгъ: руководить трудовымъ народомъ въ послѣдующей, долгой и затяжной борьбѣ за то же дѣло общенародной собственности на землю, — борьбѣ, въ которой пришлось бы подвигаться шагъ за шагомъ, отвоевывать у враговъ одну позицію за другой".

Харьковско-полтавское крестьянское возстаніе—вотъ что послужило поводомъ для того, чтобы развернуть его во всю его величину вопросъ о „явочныхъ" дѣйствіяхъ крестьянства по изгнанію помѣщиковъ. Разсматривая первое стихійное движеніе крестьянскихъ массъ, какъ фактъ, имѣющій „громадное значеніе для судебъ русской революціи", „Р. Р." аргументировала такимъ образомъ. Если при обычномъ теченіи дѣлъ, при всесиліи правительства, движеніе могло распространиться такъ быстро и такъ широко,—„то трудно себѣ представить, чтобы подобныя же событія не разыгрались и въ моментъ приближающагося политическаго кризиса, только въ размѣрахъ, еще болѣе грандіозныхъ. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что въ моментъ ликвидаціи самодержавнаго строя, въ моментъ броженія и неустройства, общей заворухи и пріостановки правильнаго функціонированія государственной машины, крестьянскія массы воспользуются благопріятнымъ моментомъ, чтобы осуществить, наконецъ, свою завѣтную мечту— добыть земли. И разъ возстаніе крестьянъ съ цѣлью захвата въ революціонный періодъ земель представляетъ собою извѣстную вѣроятность, нужно, чтобы соціалистическая партія заранѣе считалась съ этой вѣроятностью, чтобы никакой поворотъ въ ходѣ дѣлъ не засталъ ее врасплохъ, чтобы она заранѣе была готова къ нему, заранѣе обладала выработанной системой дѣятельности на этотъ случай". Тѣмъ не менѣе, хотя для редакціи было „трудно представить" будущій политическій кризисъ безъ такого аграрнаго движенія; хотя его повтореніе въ „еще болѣе грандіозныхъ размѣрахъ" она считала „болѣе чѣмъ вѣроятнымъ",—тѣмъ не менѣе, она была достаточно осторожна, чтобы не считать вопроса предрѣшеннымъ. „Для насъ—писала она—это лишь одна изъ возможностей" [1]).

[1]) См. „Рев. Россія", № 16 (январь 1903 г.) „Программные вопросы", стр. 5—6.

Такая постановка вопроса, съ самаго начала, возбудила недовольство и нападки съ двухъ діаметрально противоположныхъ сторонъ. Съ одной стороны, противъ нея возстали „эсэрствующіе"—будущіе „эн-эсы". Точка зрѣнія ихъ была такова. Они допускали „захватное революціонное право" лишь по отношенію къ благамъ нематеріальнымъ: свободѣ слова, печати, собраній. „Р. Р." ссылалась на великую французскую революцію, когда крестьяне поставили законодательное собраніе передъ fait accompli: они „внѣ всякихъ легальныхъ формъ, помимо воли законодательной власти" отмѣняли явочнымъ порядкомъ феодальныя повинности и, вторгаясь въ помѣщичьи замки и усадьбы, сожигали „старые пергаменты, старые и новые документы феодальной эксплуатаціи". Эн-эсы отвергали аналогію этого движенія, какъ чисто негативнаго (отмѣнять повинности) съ движеніемъ за завоеваніе земли. Въ „захватѣ" чего-либо матеріальнаго они видѣли элементъ безусловно анархическій, и боялись такого произвола при захватѣ и такого цѣпкаго отстаиванія захваченнаго отдѣльными группами, что „въ этомъ процессѣ не только можетъ безслѣдно погибнуть община, но—говорилъ на первомъ съѣздѣ одинъ изъ крупныхъ представителей н.-с-овъ—я тутъ вижу опасность, которая на сотню лѣтъ можетъ замедлить дѣло соціализма. Такимъ образомъ, лишь государство можетъ провести эту реформу. А захватъ и запашка земли есть лишь пользованіе крестьянъ данной деревни, и ничего общаго ни съ соціализаціей, ни съ націонализаціей не имѣетъ". Революціоннымъ путемъ—говорилъ на томъ же съѣздѣ другой крупный представитель н.-эсовъ, *Кореневъ* - можно создать народное государство, которое и возьметъ землю; но нельзя создавать у крестьянъ иллюзію, что прямымъ захватомъ они чего нибудь достигнутъ" [1]).

Эн-эсы были готовы тогда считать насъ чуть ли не „захватчиками"... Съ другой стороны, такъ называемые „аграрники" (зарождавшаяся максималистская оппозиція) были недовольны тѣмъ, что партія допускаетъ и другую возможность—возможность болѣе эволюціоннаго пути. Справедливо отмѣчено было, что аграрники испытывали при этомъ сильнѣйшее вліяніе анархистской литературы. Въ этой послѣдней, именно на страницахъ „Хлѣба и Воли", тогда же началась ожесточенная атака именно на этотъ пунктъ партійныхъ позицій. „Опираясь на исторію—писалось тамъ—мы

---

[1]) „Протоколы", стр. 91 и 92.

можемъ сказать, что ни о какой передачѣ земли народу не можетъ быть рѣчи. Есть одинъ единственный путь для освобожденія крестьянъ: *это захватъ земли крестьянами*". „Идти... къ земельному перевороту черезъ политическій переворотъ—чистѣйшая утопія". Возникновеніе такой „утопіи" анархисты, конечно, объясняли злыми кознями людей, которые на спинахъ крестьянъ желаютъ пролѣзть къ комфортабельнымъ депутатскимъ кресламъ и прибыльнымъ министерскимъ портфелямъ. „Сознавая неизбѣжность народно-рабочей революціи, соціалисты-государственники сами боятся ея, хотя и не прочь при случаѣ попугать ею царское правительство, чтобы выклянчить куцую конституцію. Всѣ они мечтаютъ о „другой возможности"! [1]) Не умѣя отпарировать этого такъ сильно отдающаго грубой демагогіей упрека, и желая избѣжать его, будущіе максималисты требовали, чтобы идея соціализаціи земли была неразрывно связана съ идеей единовременнаго осуществленія ея во всю ея величину путемъ крестьянскаго захвата.

Такимъ образомъ, утвердившаяся и окончательно санкціонированная первымъ съѣздомъ идея подвергалась обстрѣлу съ двухъ сторонъ. Она вышла изъ огня полемики еще болѣе укрѣпленной; формулировка ея сдѣлалась еще болѣе отточенной. Насколько важное значеніе въ исторіи Партіи играли эти споры, показываетъ уже тотъ фактъ, что хотя они относятся, собственно говоря, къ области *тактики*, но партійная позиція въ этомъ вопросѣ была зафиксирована первоначально въ проэктѣ партійной *программы*.

Въ самомъ дѣлѣ, въ первоначальномъ проэктѣ этой программы, напечатанномъ въ № 45 „Рев. Россіи", мы читаемъ, что Партія „будетъ стоять за соціализацію всѣхъ частновладѣльческихъ земель, т. е. за изъятіе ихъ изъ частной собственности отдѣльныхъ лицъ и переходъ въ общественное владѣніе и въ распоряженіе демократически организованныхъ общинъ и территоріальныхъ союзовъ общинъ на началахъ уравнительнаго пользованія. *Въ случаѣ, если это главное и основное требованіе* аграрной программы-минимумъ *не будетъ осуществлено сразу, въ качествѣ революціонной мѣры*, П. С.-Р. въ дальнѣйшей аграрной политикѣ будетъ руководиться соображеніями о возможномъ *приближеніи* къ осуществленію этого требованія во всей его полнотѣ, выступая за возмож-

[1]) См. сборникъ „Хлѣбъ и Воля", СПБ. 1906 г., стр. 119, 203 и др.

ныя *переходныя къ нему мѣры*" (слѣдуетъ перечисленіе этихъ мѣръ).

Однако, не измѣнилась ли впослѣдствіи позиція Партіи? Не была ли она увлечена угаромъ революціонныхъ событій 1905 года? Не отбросила ли она „вторую возможность" и не основала ли она всей своей аграрной программы исключительно на *первой* возможности? Извѣстно, что современная оффиціально утвержденная программа Партіи *не* содержитъ больше всей второй половины цитированной нами формулировки, начиная отъ словъ „въ случаѣ, если...", и наоборотъ, первая часть этой формулировки въ ней развита гораздо подробнѣе и конкретнѣе. Не свидѣтельствуетъ ли этотъ фактъ противъ нашего толкованія?

Нисколько.

Въ самомъ дѣлѣ, вотъ какъ комментировалъ на съѣздѣ докладчикъ проэкта программы это видоизмѣненіе, сформулированное редакціей „Р. Р." еще *до* съѣзда.

„Развивъ детальнѣе, конкретнѣе требованіе соціализаціи земли, мы зато предлагаемъ въ программѣ опустить вовсе то мѣсто, *которое, собственно говоря, относится къ тактикѣ, а не къ программѣ.* Въ прежнемъ проэктѣ мы намѣчали въ общихъ чертахъ возможную послѣдовательность частныхъ мѣръ, приводящихъ въ суммѣ къ полной соціализаціи земли, въ случаѣ, если эта мѣра не будетъ осуществлена революціоннымъ путемъ, т. е. въ своихъ главныхъ очертаніяхъ сразу. Вопросъ о постепенномъ или единовременномъ осуществленіи того или другого требованія—это вопросъ, который рѣшается не нашими только желаніями, а гораздо болѣе—внѣшними условіями и соотношеніемъ силъ. Это вопросъ тактики, а не программы. Нѣтъ надобности безъ особой нужды удлинять и осложнять послѣднюю элементами изъ другой области, какъ бы она ни была съ нею тѣсно связана".

Такимъ образомъ, ясно видно, что здѣсь нѣтъ ни тѣни отказа отъ точки зрѣнія *различныхъ возможностей* въ вопросѣ о способахъ осуществленія соціализаціи земли. Какъ программное требованіе, соціализація земли ставится здѣсь *надъ* всѣми этими возможностями, независимо отъ того, какая именно осуществится въ дѣйствительности. Естественно, что, какъ *соціалисты-революціонеры*, мы предпочитали бы наиболѣе революціонный путь, т. е. наиболѣе крутой и радикальный поворотъ. Но мы не забываемъ одного: что этотъ вопросъ рѣшается *„не нашими только желаніями"*.

Мы установили, такимъ образомъ, что основная, неизмѣнная тактическая позиція Партіи въ вопросѣ о соціализаціи земли не имѣла ничего общаго съ какими-либо преходящими радужными настроеніями или ультра-оптимистическими ожиданіями отъ революціи; откуда слѣдуетъ, что никакой Katzenjammer, наступившій послѣ неумѣренныхъ надеждъ и ожиданій, логически не можетъ ея коснуться. Партійная позиція изъ всѣхъ споровъ вышла только укрѣпленной. Мы видѣли, что она возбудила противъ себя оппозицію двоякаго рода. Одна, максималистская оппозиція, въ вопросѣ объ аграрной тактикѣ объединилась съ нѣкоторыми чисто партійными элементами на первомъ съѣздѣ вокругъ лозунга „теперь или никогда". Она вынуждена была, въ заключеніе преній, пойти на уступки и поправки, отчасти даже грѣшившія въ сторону пересола. Въ самомъ дѣлѣ, склонность къ слишкомъ рѣзкимъ антитезамъ побудила ихъ какъ бы обязаться, въ случаѣ крушенія „весны" превратиться въ чистѣйшихъ эволюціонистовъ, сдѣлаться чуть ли не эн-эсами въ аграрномъ вопросѣ. Другая, эн-эсовская оппозиція, также не смогла выдержать до конца своей линіи. На первомъ съѣздѣ одинъ изъ мѣстныхъ работниковъ поставилъ передъ представителями н.-с. въ упоръ вопросъ объ ихъ отношеніи къ организованнымъ захватамъ, на конкретныхъ примѣрахъ. Онъ указалъ на то, какъ въ Нижегородской губерніи крестьяне въ мѣстахъ, гдѣ было сильно вліяніе Партіи, овладѣвали лѣсомъ и приставляли къ нему сторожей для охраны его отъ хищническаго отношенія впредь до урегулированія пользованія имъ со стороны народнаго представительства. „*Такой захватъ мы можемъ только привѣтствовать*", вынужденъ былъ отвѣтить представитель н.-с.—„*но много ли такихъ фактовъ?*" [1]).

Предположимъ, что такихъ фактовъ и немного; тѣмъ хуже, конечно. Ибо безпорядочные, хищническіе мѣстные захваты—великій вредъ. Можно сказать больше: какъ только революція побѣдитъ и выдвинетъ новую, народную революціонную власть,—никакимъ захватамъ не должно быть болѣе мѣста. Новая власть должна немедленно создать правомѣрныя формы удовлетворенія текущихъ нуждъ деревни. Но пока нѣтъ этой побѣды—явочный, захватный методъ дѣйствія въ деревнѣ неизбѣженъ. На признаніи такихъ умѣренныхъ людей, какъ н.-сы, видно, до чего невозможно „переть противъ рожна" въ этомъ вопросѣ. Сдѣлать такое признаніе, какое сдѣлали

[1]) „Протоколы", стр. 95.

н.-с-ы на первомъ партійномъ съѣздѣ, значило, по существу, отказаться отъ *исключительно* правового, легальнаго пути, значило *допустить*, и внѣправовой, революціонный образъ дѣйствій. И дѣйствительно, такому видному писателю н.-с.-овскаго направленія, какъ Пѣшехонову, пришлось также пойти на признаніе революціоннаго, захватнаго метода. Въ № 10 „Русск. Бог.“ за 1906 г. онъ писалъ:

„Крестьянскую массу теперь уже немыслимо удержать на выжидательной позиціи... Но русская интеллигенція не можетъ и не должна брать на себя задачу задержать стихію. Она не можетъ и не должна говорить: „подождите“. По меньшей мѣрѣ, это безцѣльно. Разъ стихійное движеніе началось, остановить его нельзя, и вся задача интеллигенціи должна заключаться въ томъ, чтобы внести въ него сознательную мысль и организующую силу. И я думаю, что по отношенію къ деревнѣ сейчасъ представляется наиболѣе цѣлесообразный лозунгъ:

— Не грабьте, не жгите, не разоряйте. *Берите во временное управленіе.*

О, я прекрасно знаю, что не со вчерашняго дня народные соціалисты хотѣли бы позабыть объ этихъ временныхъ революціонныхъ грѣхопаденіяхъ, и сожалѣютъ о томъ, что поперекъ пути стоитъ старая пословица: „что написано перомъ, того не вырубишь топоромъ“. Быть можетъ, и для прежнихъ защитниковъ лозунга „теперь или никогда“ напоминаніе о бывшихъ когда-то преніяхъ вокругъ этого лозунга не представляетъ особеннаго удовольствія. По *Партіи* въ этомъ вопросѣ нечего забывать и нечего стыдиться. Испытаніями, которыя пришлось пережить революціонному движенію, ея тактическая позиція не задѣта и не могла быть задѣта. Ибо основной чертой этой позиціи было отвращеніе къ пророчествамъ, строгій реализмъ и разсчетъ не только на лучшій, но и на самый худшій оборотъ событій.

* *
*

Я уже говорилъ, что въ мою задачу не входитъ учетъ того, что удалось сдѣлать правительству въ области насажденія хуторского хозяйства, разрушенія общины и дезорганизаціи существующихъ соціальныхъ связей трудового крестьянства. Такой учетъ, какъ глазомѣрный, такъ и цифровой, представляетъ собою слишкомъ большую работу и, естественно, требуетъ особой статьи. Здѣсь же я буду исходить изъ предположенія, что разрушеніе общины есть неуклонно прогрессирующій процессъ, который не несетъ въ себѣ са-

момъ никакихъ границъ своему продолженію ad infinitum. Словомъ, я буду исходить изъ предположенія исхода, наименѣе для насъ благопріятнаго.

И, прежде всего, конечно, я отметаю всякій натянутый полу-индифферентизмъ къ судьбамъ общины. Теперь, когда эти судьбы въ опасности, очень соблазнительно сводить къ минимуму связь, существующую между нашими программно-тактическими построеніями и общиннымъ духомъ крестьянства. Въ этомъ какъ будто почерпается извѣстное утѣшеніе. Но мы имѣемъ всѣ основанія быть на сторожѣ противъ своей собственной психологіи и не допускать, чтобы нашъ умъ ходилъ на поводу у слѣпого чувства. Ибо въ сложныхъ вопросахъ соціальной политики это чувство — ненадежный руководитель. Въ частности, если искусственный полуиндифферентизмъ къ судьбамъ общины будетъ не дѣланнымъ, не чисто внѣшнимъ (pour faire bonne mine au mauvais jeu), но сколько-нибудь войдетъ въ нашу плоть и кровь, то онъ сослужитъ намъ очень плохую службу: онъ ослабитъ нашу энергію въ борьбѣ противъ разрушающихъ общину силъ. Въ политической борьбѣ за серьезныя и глубокія цѣли, самообманъ еще никогда никому не помогалъ.

Въ частности, я отметаю и то, едва ли не сдѣлавшееся ходячимъ, воззрѣніе, по которому намъ важны не реальныя формы общины, а созданный ими общинный духъ, всегда надолго переживающій породившія его формы.

Самаго факта этого переживанія я отрицать, конечно, не стану. Но что такое этотъ общинный духъ, переживающій общинныя формы? Каковы его конкретныя, жизненныя черты? Въ томъ-то и дѣло, что подъ именемъ „общиннаго духа“ часто скрываются самыя различныя понятія. Теоретическій предшественникъ современныхъ русскихъ марксистовъ, Н. Зиберъ, говоря о кризисѣ мелкаго земледѣлія въ Ирландіи, еще въ 1881 г. писалъ: „Единственнымъ правильнымъ рѣшеніемъ вопроса было бы, по нашему мнѣнію, возможно широкое примѣненіе кооперативной формы труда, которая обезпечила бы ирландцамъ одновременно и преимущества крупнаго хозяйства, и соблюденіе общихъ интересовъ. Не легко рѣшить, въ какой степени начала этого порядка могутъ пустить корни среди ирландскаго земледѣльческаго населенія, которое вѣками сживалось съ системою мелкаго отдѣльнаго владѣнія землей, какъ бы ни была она первоначально враждебна и насильственна. При всемъ этомъ имѣются нѣкоторыя основанія думать, что, если бы ирландскому народу было

когда нибудь предоставлено управлять своею судьбою по своей собственной волѣ, то онъ высказался бы въ пользу какой-либо формы общиннаго землевладѣнія, соотвѣтствующей новѣйшему порядку вещей. Къ подобному заключенію приводятъ насъ не только укоренившіяся среди ирландскаго населенія мнѣнія, что земля принадлежитъ не отдѣльнымъ лицамъ, а всему обществу или государству, но и значительное развитіе общинныхъ обычаевъ, которые пережили въ Ирландіи англійскую систему землевладѣнія. Въ глубинѣ души ирландскаго народа продолжаетъ жить старинный духъ сельской общины, лишенный нормальнаго выраженія. Мы совершенно согласны съ авторомъ брошюры „Историческія права ирландскихъ арендаторовъ", Сибома, что „навязать ирландцамъ англійское законодательство и соціальное устройство было все равно, что сказать пчеламъ: не живите роями, а собирайте впередъ медъ каждая въ отдѣльной клѣточкѣ, а не въ общемъ ульѣ. Несмотря на всѣ англійскіе законы, несмотря на всѣ перенесенныя преслѣдованія, ирландцы доселѣ выказываютъ наслѣдственное стремленіе жить роями и собирать медъ въ древнемъ своемъ ульѣ, и упорно считаютъ за собою право на свою родовую, общинную землю, несмотря на англійскіе законы и права землевладѣльцевъ".

На данномъ конкретномъ примѣрѣ мы видимъ сущность этого „общиннаго духа". Онъ есть потускнѣвшее психологическое переживаніе прошлаго. Существенными его чертами являются туманность и неопредѣленность: онъ съумѣлъ ужиться и съ крайнимъ клерикализмомъ ирландскаго крестьянства, и съ весьма буржуазнымъ характеромъ проведенной тамъ земельной реформы.

Темнымъ народнымъ массамъ всегда свойственно окрашивать, въ пику настоящему, въ розовый цвѣтъ далекое прошлое. „Въ старину живали дѣды веселѣй своихъ внучатъ". Въ старину люди жили дольше, были сильнѣе, были счастливѣе. Больше было земельнаго простору, больше достатка. Легенда о „золотомъ вѣкѣ" есть общее достояніе всѣхъ народныхъ массъ на той ступени развитія, когда онѣ еще не доразвились до того, чтобы тяжелому гнету настоящаго противопоставить — вмѣсто *идеализаціи* прошлаго — *идеалъ* будущаго. Общинныя традиціи, слинявшія, померкшія, пережившія общинную дѣйствительность, могутъ занять свое мѣсто въ этой легендѣ о „золотомъ вѣкѣ" и вмѣстѣ съ нею еще шевелить порою самыя чувствительныя струны въ сердцѣ крестьянина. Но это не тѣ эмоціи, которыя дѣйствуютъ на

него, какъ реальныя двигательныя силы. Нѣтъ, это эмоціи, не связанныя съ волевыми актами, эмоціи, оторванныя отъ живой дѣйствительности. Это — пассивныя воздыханія о невозвратно умершемъ. Это — эмоціи бездѣйственныя, быть можетъ, даже носящія въ себѣ нѣчто разслабляющее.

Не спорю, быть можетъ, и эти эмоціи могутъ быть использованы. Представимъ себѣ побѣду индустріальнаго пролетаріата въ томъ видѣ, какъ ее рисуетъ Каутскій: побѣду, завоеванную его собственными силами, при „нейтрализаціи" крестьянства. Предстоитъ огромная работа соціальнаго преобразованія. Въ процессъ этого преобразованія должно быть втянуто и пассивное, недовѣрчиво относящееся ко всему новому крестьянство. Нужно побороть это недовѣріе, нужно побороть фанатическую страсть крестьянина къ собственности. Понятно, что противъ этого собственническаго фанатизма соціализмъ можетъ воспользоваться, какъ союзникомъ, любымъ представленіемъ о родовомъ или общинномъ бытѣ. Представленіе это всетаки можетъ быть нѣкоторымъ противовѣсомъ тому духу индивидуализма, который тоже отжилъ свой вѣкъ и который нужно *добить*. Но вѣдь это относится къ періоду, когда человѣчество въ лицѣ своей передовой части, городского населенія, руководимаго индустріальнымъ пролетаріатомъ, будетъ вступать въ новую полосу своего существованія; когда духъ буржуазнаго индивидуализма будетъ превращаться въ такой же психологическій пережитокъ, въ какой прежде капитализмомъ былъ превращенъ мужицкій „общинный духъ". Иными словами, однимъ, болѣе стариннымъ пережиткомъ можно будетъ воспользоваться въ борьбѣ противъ другого пережитка — менѣе стараго, болѣе сильнаго и болѣе опаснаго. Эту схему Каутскаго мы отвергаемъ, какъ схему, какъ шаблонъ развитія. Но мы можемъ ее допустить, какъ возможный частный случай развитія. Въ странѣ съ гипертрофіей городской индустріи на счетъ атрофіи сельскаго хозяйства процессъ, въ общихъ чертахъ, можетъ пойти приблизительно такъ, какъ рисуетъ эта схема. И въ данномъ случаѣ соціалистъ въ правѣ разсматривать, конечно „общинный духъ", какъ нѣчто положительное. Но въ какомъ смыслѣ „положительное"? Въ смыслѣ пассивнаго благопріятствующаго условія (и притомъ весьма второстепеннаго), а вовсе не активной творческой силы. И если мы подъ „общиннымъ духомъ" разумѣемъ не болѣе, какъ психологическія реминисценціи по образцу ирландскихъ, то смѣшно говорить, будто для насъ „общинный духъ" важнѣе общинныхъ формъ.

Нѣтъ, этотъ *полустершійся психологическій слѣдъ* давно разложившихся формъ есть весьма незначительная, а, главное, убывающая психологическая величина. Вовсе не нужно ее игнорировать, можно — за недостаткомъ лучшаго — и ее использовать. Разъ ужъ община разложилась, то не слѣдуетъ пренебрегать и оставленными ею навыками. Это всетаки больше, чѣмъ ничего. Faute des merles on mange des grives. Но на такомъ „больше, чѣмъ ничего" нельзя построить цѣлой дѣйственной революціонной программы.

Положеніе, будто намъ важны не общинныя формы, а общинный духъ, столь же невѣрно, какъ и прямо противоположное. Общинныя формы для насъ, конечно, важны. Но вѣдь и эти формы могутъ быть порою именно только *формами* безъ соотвѣтствующаго соціально-психологическаго содержанія — мертвыми, безжизненными, держащимися лишь по традиціи. И про такія мертвыя формы тоже, пожалуй, можно сказать, что онѣ «всетаки больше, чѣмъ ничего». Не для чего относиться къ нимъ съ величественнымъ презрѣніемъ. Даже остатки упадочной, полуисчезнувшей общины заслуживаютъ не пренебреженія, а укрѣпленія и поддержки. Мы не можемъ болѣе безразлично относиться къ нимъ, чѣмъ даже многіе соціальдемократы, чистѣйшіе марксисты, притомъ въ странахъ, гдѣ поземельная община въ нашемъ смыслѣ слова отошла въ область исторіи. Вспомнимъ слова Бебеля на Бреславльскомъ партейтагѣ: «Мы должны радоваться каждому гектару земли, который мы превращаемъ въ общинную собственность, потому что онъ позднѣе дастъ намъ извѣстную экономію силъ при разрѣшеніи вопроса объ экспропріаціи. Поддержка общинной собственности и расширеніе ея всѣми подходящими средствами лежитъ, такимъ образомъ, въ нашемъ интересѣ».

Но нашъ взглядъ на общину не покрывается, конечно, взглядомъ Бебеля. Для Бебеля, какъ и для большинства западно-европейскихъ соціалистовъ, община важна какъ *статическій*, а не какъ *динамическій* элементъ историческаго процесса. Они далеки отъ нелѣпой затаенной вражды противъ общины, имъ было бы непонятно фракціонное злорадство по поводу ея разрушенія, встрѣчающееся слишкомъ часто у марксистовъ русскихъ; имъ дико было бы слышать восклицаніе Миклашевскаго-Невѣдомскаго: «я готовъ привѣтствовать законъ о выходѣ изъ общины, если онъ разрушитъ утопію соціализаціи земли»! Они поняли, что общинное землевладѣніе, даже въ тѣхъ частичныхъ формахъ, въ какихъ оно сохранилось на Западѣ, есть явленіе положительное, а не

отрицательное; что не только зазорно рукоплескать, когда правительство аппелирует против общины къ эгоизму отдѣльныхъ крестьянъ, когда грубый чиновничій сапогъ топчетъ общинныя права,— но необходимо идти дальше, поддерживать и расширять эти права. Но всетаки община есть для нихъ лишь форма, *наименѣе препятствующая* будущей экспропріаціи, лежащая *по линіи наименьшаго сопротивленія* будущему обобществленію труда и собственности. Это для нихъ не *активный факторъ* движенія впередъ, а лишь внѣшнее *условіе, облегчающее* такое движеніе. Естественно, поэтому, что въ своихъ аграрныхъ программахъ они довольствуются разными частичными мѣрами содѣйствія расширенію площади общинныхъ земель —и только.

Не то для насъ, русскихъ соціалистовъ-революціонеровъ. Для насъ община дорога постольку, поскольку въ ней живетъ, растетъ и усложняется общая *уравнительная тенденція*, для которой, на извѣстной ступени развитія, самыя формы общины становятся узкими и *тѣсными*. Жизненный пульсъ общины для насъ въ томъ, что выводитъ крестьянъ *за предѣлы* общины и приводитъ къ *соціализаціи земли*. И потому не будетъ парадоксомъ сказать, что для насъ, наиболѣе горячихъ сторонниковъ общины, необходимо вызвать въ крестьянахъ извѣстную степень *недовольства общиной*. Не того, конечно, недовольства, которое смѣшиваетъ воедино сущность общины съ административными ея искаженіями или случайными наростами, чтобы скомпрометировать въ общинѣ то, что *отличаетъ* ее отъ частной собственности. Но такого недовольства, которое ведетъ къ отрицанію того, что остается у нея *общаго* съ частной собственностью, что замыкаетъ ее въ узкомъ кругу «своей околицы». Уравнительное начало, ограниченное въ общинѣ узкимъ кругомъ сосѣдскаго коллектива, мы хотимъ освободить и распространить на всю страну, соотвѣтственно усложнивъ формы его проявленія и осуществленія. Чисто-консервативная позиція охраны общины —не наша позиція, и чрезмѣрное довольство ею не въ нашемъ интересѣ. Слащавые народолюбцы, готовые идиллически восхищаться прелестями современной общины, намъ только смѣшны. Ихъ маниловскія мечты разбиваетъ жизнь, должны разбивать ихъ и мы. Поскольку мы проповѣдуемъ соціализацію земли, мы неизбѣжно выступаемъ, какъ *критики* общины, обличители ея недостаточности, ея безсилія въ разрѣшеніи цѣлаго ряда вопросовъ. Мы критикуемъ общину во имя высшаго поземельнаго строя, основы котораго сформулированы въ нашей программѣ.

Западно-европейскіе соціалисты лишь въ рѣдкихъ случаяхъ и притомъ чисто теоретически подходятъ къ идеѣ соціализаціи земли, какъ логическому предѣльному итогу своихъ собственныхъ частично-соціализаторскихъ требованій программы-minimum. Большинство совершенно некритически относятъ разрѣшеніе этого вопроса къ программѣ максимумъ, а въ программѣ-минимумъ довольствуются эклектическимъ перечнемъ ряда мелкихъ реформъ. Одни продвигаютъ рядъ этихъ реформъ дальше, другіе — ближе. Но почему соціалистъ долженъ въ минимальной программѣ остановиться тамъ, а не здѣсь? Объективныхъ, логическихъ основаній для отвѣта на этотъ вопросъ у нихъ не имѣется. Все рѣшается субъективной психологіей. Отсутствіе въ данный моментъ достаточно широкаго и бурнаго движенія самихъ крестьянъ для «освобожденія земли» — вотъ что, въ концѣ концовъ, настраиваетъ западно-европейскихъ соціалистовъ въ аграрномъ вопросѣ на голый эмпиризмъ, на выставленіе лишь «непосредственно-осуществимыхъ» при современномъ парламентаризмѣ реформъ. Защита крестьянъ въ программахъ соціалистическихъ партій Запада обычно принимаетъ *типично реформистскій* характеръ. Вотъ почему, хотя *общее направленіе и духъ* ихъ аграрной политики сближаютъ ихъ съ нами, русскими соціалистами-революціонерами, между *формулировками* аграрныхъ требованій и лозунговъ у нихъ и у насъ остается такая огромная, принципіальная разница. Но смѣю думать, что при этомъ разногласіи логика и послѣдовательность не на ихъ сторонѣ, а на нашей сторонѣ.

Это можно прекрасно иллюстрировать примѣромъ Эдуарда Давида. Этотъ типичный реформистъ, какъ извѣстно, сыгралъ большую роль при выработкѣ проэкта аграрной программы, такъ шумно провалившагося на Бреславльскомъ партейтагѣ; проэкта, которому даже такой аграрный ревизіонистъ, какъ Ф. О. Герцъ, долженъ былъ поставить въ упрекъ чисто механическое, необъединенное никакой синтетической идеей, соединеніе разныхъ мелкихъ «улучшеній» въ положеніи крестьянства, какъ будто случайно надерганныхъ изъ разныхъ чужихъ программъ. А между тѣмъ, тотъ же Эдуардъ Давидъ въ своихъ чисто-теоретическихъ разсужденіяхъ временами подымается до синтеза, приближающаго его къ соціально-революціонной позиціи въ этомъ вопросѣ.

Такъ, въ краткомъ резюмэ своего ученія, написанномъ спеціально для русскихъ читателей, онъ между прочимъ, пишетъ:— «Соціалистическая аграрная политика должна ста-

вить себѣ непремѣнной цѣлью содѣйствовать переходу крупныхъ имѣній и общественное владѣніе. Вопросъ лишь въ томъ, что можетъ и должно случиться съ этими имѣніями послѣ того, какъ они будутъ обобществлены? Какому режиму ихъ подчинить?

«Существованіе крупныхъ хозяйствъ, находящихся во владѣніи государства или муниципалитета и имѣющихъ централизованное бюрократическое правленіе, безспорно возможно въ экономическомъ отношеніи, пока рѣчь будетъ идти объ экстенсивныхъ культурахъ. Если же поставить себѣ цѣлью развитіе болѣе интенсивной земельной культуры, то при нынѣшнемъ положеніи знаній и стремленій земледѣльческой массы самостоятельное крестьянское хозяйство является въ громадномъ большинствѣ случаевъ единственной экономически возможной формой, гарантирующей какъ техническій, такъ и соціальный прогрессъ.

«Такъ какъ коллективныя формы владѣнія и индивидуальныя формы хозяйства прекрасно могутъ уживаться рядомъ, то изъ сказаннаго выше, разумѣется, вовсе неслѣдуетъ, что общественное имущество должно быть раздѣлено между крестьянами. Изъ него вытекаетъ лишь, что должно быть установлено право на пользованіе землею и предоставлены земледѣльцу гарантіи, что плоды его личныхъ усилій, заботливости и интеллигентности до тѣхъ поръ будутъ обезпечены за нимъ или за его семьей, пока онъ въ состояніи будетъ отдавать свои силы землѣ. Вполнѣ сознательный интересъ къ увеличенію и упроченію экономическихъ успѣховъ,—вотъ что является главнымъ. Однако же никому не можетъ быть предоставлено юридическое право на пользованіе землею безъ обязательства лично эту землю обрабатывать. Почва должна служить средствомъ эксплуатаціи природы, но никакъ не эксплуатаціи человѣка человѣкомъ. Созданіе параллельно съ этимъ производительно-потребительныхъ товариществъ послужитъ къ обезпеченію права на жизнь за каждымъ отдѣльнымъ человѣкомъ и будетъ содѣйствовать планомѣрному развитію производства въ самыхъ различныхъ направленіяхъ. Только такимъ я въ состояніи себѣ представить грядущее воскресеніе старинной коммунистической общины, исцѣлившейся отъ своихъ язвъ и вооруженной всѣми преимуществами прогресса современной культуры».

Такимъ образомъ Эд. Давидъ дошелъ до чрезвычайно важнаго признанія—признанія необходимости *создать нѣкоторое новое юридическое право*—«право на пользованіе зем-

лею»—почти что наше „право на землю“. — Право это и у него должно быть *трудовымъ правомъ*—оно соединяется съ «обязательствомъ лично эту землю обрабатывать». Какова цѣль этого права? Служить на почвѣ перехода крупныхъ имѣній въ общественную собственность и развитія товариществъ, «къ обезпеченію права на жизнь за каждымъ отдѣльнымъ человѣкомъ».

Прекрасныя положенія, подъ которыми можно только подписаться обѣими руками! Но къ чему онѣ обязываютъ? Теоретически — къ отчетливой юридической формулировкѣ права на землю; къ опредѣленію тѣхъ *обязанностей* общественныхъ органовъ и учрежденій, которыя соотвѣтствуютъ индивидуальнымъ правамъ «каждаго отдѣльнаго человѣка»; къ точному опредѣленію взаимныхъ отношеній между личностью и коллективомъ въ процессѣ осуществленія этого новаго права; однимъ словомъ, къ выработкѣ стройной системы или плана соціализаціи земли. *Практически*—къ тому, чтобы бросить въ деревню смѣлые лозунги *права на землю* и *соціализаціи земли*, чтобы организовать во имя этихъ лозунговъ широкое, непосредственное массовое движеніе, движеніе по существу внѣпарламентское, оказывающее на парламентъ и на законодательство прямое и косвенное *давленіе*. Что же вмѣсто этого видимъ мы у Эд. Давида? Теоретически—онъ ограничивается приведенными бѣглыми замѣчаніями, безъ всякихъ дальнѣйшихъ послѣдствій; практически—онъ удовлетворяется нынѣшней практикой, сущность которой сводится къ охотѣ за крестьянскими голосами при помощи обѣщанія тѣхъ или другихъ мелкихъ „практически-осуществимыхъ“ реформъ. Правда, все это —реформы, идущія въ направленіи къ соціализаціи земельной собственности и земледѣльческаго труда, или, по крайней мѣрѣ, не противорѣчащія ей. Но онѣ остаются, какъ membra disjecta, какъ безжизненныя разсѣченныя сочлененія, отъ которыхъ отлетѣлъ животворящій духъ, которымъ не встать въ видѣ цѣлостнаго, живого, полнаго свѣжихъ силъ организма.

Итакъ, община для насъ важна: но въ самой общинѣ для насъ всего важнѣе живущая въ ней *уравнительная тенденція*, благодаря которой осуществляется *право на землю*. Право на землю, съ другой стороны, есть лишь частный видъ *права на трудъ*. И, наконецъ, право на трудъ, въ свою очередь, можетъ быть сведено къ еще болѣе общему *праву на существованіе*. Право на трудъ и есть право на существованіе въ примѣненіи къ *трудоспособнымъ*. Еще Ам-

стердамскій международный соціалистическій конгрессъ призналъ, что въ оцѣнкѣ рабочаго законодательства соціалистическія партіи должны исходить, какъ изъ руководящаго принципа, изъ признанія *права на существованіе.* Построенная на такомъ принципѣ рабочая программа-minimum будетъ программой не *приспособленія къ условіямъ* буржуазнаго режима, а *революціоннаго наступленія* на его укрѣпленныя позиціи. Изъ права на существованіе и права на трудъ вытекают основныя требованія рабочей программы-minimum: нормировка заработной платы, обязанности государства путемъ страхованія обезпечить рабочихъ отъ безработицы и т. д. Въ тѣсной логической связи съ рабочей программой и аграрная программа-minimum исходитъ изъ аналогичнаго права, пріобрѣтающаго въ этой области конкретную форму *права на землю.*

Гдѣ бы и когда бы рабочія массы города или деревни ни приходили въ броженіе,—въ нѣдрахъ ихъ сознанія тотчасъ же начинали созрѣвать, часто въ зародышевыхъ, туманныхъ, даже ирраціональныхъ формахъ, идеи новаго, *трудового права.* Въ деревнѣ эти идеи принимали форму представленія о *трудовомъ правѣ на землю.*

Тамъ, гдѣ трудовое крестьянство почему-либо получало возможность самостоятельно организовать свои поземельныя отношенія, возникали разнообразныя формы поземельной общины. Господствующіе классы въ однихъ мѣстахъ грубо вмѣшивались въ самую сердцевину этихъ отношеній и разрушали общину. Въ другихъ мѣстахъ они накладывали ярмо на народную жизнь болѣе внѣшнимъ и поверхностнымъ образомъ. Свободная община превращалась въ крѣпостную общину. Община сливалась съ круговой порукой по несенію податей. Изъ средства регулированія правъ на землю она превращалась въ средство равномѣрнаго распредѣленія *общей тяготы,*—т. е. платежей и повинностей,—земля же превращалась въ простое условіе возможности исправнаго отбыванія повинностей и взноса податей. Она вырождалась въ мертвую, иногда ненавистную форму. Съ ней сливалось столько психологическихъ ассоціацій съ крѣпостническими порядками, что освобожденная личность, въ стремленіи радикально порвать со всѣмъ ненавистнымъ прошлымъ, рвала заодно и съ общиной. Но трудовая личность оставалась трудовой личностью. Раньше или позже въ ней пробуждались представленія о трудовомъ правѣ на землю. Только эти идеи брали отправнымъ пунктомъ уже не общинныя отношенія а индивидуальныя трудовыя права. Съ другой стороны, тамъ,

гдѣ община выживала, шло ея обновленіе и воскресеніе, шла внутри-общинная борьба за системы разверстки земли и платежей, возникали, при содѣйствіи соціалистической мысли, представленія о „всероссійской поземельной общинѣ“ или о соціализаціи земли. Исходные пункты работы мысли здѣсь и тамъ были различны, но конечная идея—*разгородить* землю, освободить ее отъ крѣпостныхъ путъ частной собственности, установить трудовое право на пользованіе ею—одна.

Этимъ и опредѣляется значеніе общины для соціализаціи земли—важное, но не исключительное. Иными словами, какъ ни важна для борьбы за нашу аграрную программу наличность среди нашего крестьянства формъ общинной собственности, но формы эти—вовсе не единственная опора нашей программы. Сами эти формы только тамъ и тогда способны быть такою опорою, гдѣ и когда онѣ приводятся въ броженіе наплывомъ новыхъ явленій и новыхъ идей, или когда выросшія внутри общины силы перерастаютъ ея формы, переливаются черезъ ея края и выходятъ на просторъ, на широкую арену *общенародной* жизни, за тѣсную околицу одного деревенскаго «міра».

Не мертвыя, общинныя формы и не пережившій ихъ „традиціонный“ общинный „духъ“ намъ важны, а *аграрно-соціалистическое сознаніе*. И если, гдѣ-нибудь мертвыя общинныя формы даже падутъ, разрушенныя внѣшней силой или подкошенныя собственной ограниченностью и тяжелымъ историческимъ наслѣдіемъ, наросшимъ на нихъ, но въ самомъ процессѣ ихъ распада создается духовное броженіе, изъ котораго выработывается аграрно-соціалистическое *сознаніе*—мы окажемся не въ убыткѣ, мы сможемъ констатировать существенный *плюсъ* въ партійномъ смыслѣ. Ибо соціалистическое сознаніе—такая вещь, которую нельзя купить у жизни *слишкомъ* дорогой цѣной.

Когда вырабатывался нашъ аграрный законопроектъ, внесенный во вторую Думу за подписью болѣе ста (главнымъ образомъ крестьянскихъ) депутатовъ, выяснилась вмѣстѣ съ тѣмъ и необходимость равно приспособить его, какъ для мѣстностей съ господствомъ общиннаго, такъ и для мѣстностей съ господствомъ подворнаго землевладѣнія.

Переходъ земли въ общественное достояніе, принципъ демократическаго самоуправленія въ общественномъ земельномъ хозяйствѣ или распоряженіи новымъ общественнымъ капиталомъ, землей, при гарантіи *индивидуальныхъ* трудовыхъ земельныхъ правъ—все это получило юридическую

конструкцію, далекую отъ признанія современной сословной поземельной общины *единственнымъ* базисомъ или строительнымъ элементомъ для соціализаціи земли. Къ сожалѣнію, далеко не всѣ члены партіи дали себѣ трудъ вчитаться хорошенько въ нашъ земельный законопроектъ и продумать его юридическую конструкцію.

Соціализація земли *совершенно растворяетъ въ себѣ* современную поземельную общину въ томъ же самомъ смыслѣ, какъ она *совершенно растворяетъ въ себѣ* индивидуальное или подворное землепользованіе. Общинное владѣніе допускаетъ такое раствореніе съ нѣсколько большей легкостью, чѣмъ подворное; но это лишь количественная, а не качественная разница, ибо современная община осуществляетъ хотя и коллективную, но все таки *собственность*, т. е. монополію на данный участокъ земли данной ограниченной группы

Превращать эту количественную разницу въ качественную и бояться краха нашей аграрной программы отъ сокращенія подъ давленіемъ правительственнаго законодательства, общиннаго владѣнія въ пользу подворнаго—могутъ только безнадежно невѣжественные въ вопросахъ партійной программы люди.

И наша юридическая конструкція въ этомъ отношеніи только соотвѣтствуетъ дѣйствительному положенію вещей, только отражаетъ въ себѣ тенденціи реальной жизни.

Вспомнимъ исторію нашей партійной программы въ связи съ общимъ ходомъ русской жизни. Изученіе партійной литературы показываетъ, что идея аграрной революціи во имя соціализаціи земли *отсутствовала*, какъ въ программѣ «Сѣвернаго Союза С.-Р.», выпустившаго брошюру «Наши задачи», такъ и въ программѣ южныхъ группъ, выпустившихъ первоначальный „Манифестъ Партіи С.-Р.“. Идея эта впервые была выдвинута „Революціонной Россіей“ заграничной редакціи. И когда была она выдвинута со всею силою? Именно въ моментъ полтавско-харьковскаго крестьянскаго движенія. Итакъ, *не явленія прогрессивнаго развитія общины*, а бурное крестьянское движеніе въ губерніяхъ *необщинныхъ*, въ губерніяхъ съ преобладаніемъ подворничества—исторически послужили толчкомъ къ формулировкѣ въ нашей литературѣ соціализаціи земли, какъ политическаго лозунга для массового движенія въ деревнѣ.

И это не было ошибкой. Ибо полтавское и харьковское крестьянство, психологія котораго, казалось бы, запечатлѣна пресловутымъ „хохлацкимъ индивидуализмомъ“, проявило въ этомъ движеніи несомнѣнныя черты новаго аграрнаго право-

сознанія. Иногда въ смутныхъ и неясныхъ формахъ, оно выдвигало однако требованія, одухотворенныя идеей новаго *трудового* права на землю. Этого не могли не подмѣтить въ свое время даже соціальдемократы, которые на первыхъ порахъ пытались истолковать полтавско-харьковское движеніе, какъ *совмѣстное, объединенное* движеніе деревенской буржуазіи и деревенской бѣдноты „противъ остатковъ крѣпостничества". Въ то время, какъ передовицы „Искры" на всѣ лады разрабатывали эту тему,—корреспонденты того же органа съ мѣстъ констатировали обратное. Они констатировали, что хлѣбъ отбирается не только у помѣщиковъ-дворянъ, а и у односельчанъ-богачей (см. „Искра", № 20), что противополагаются въ движеніи не „крестьяне"—дворянамъ,—а крестьяне-бѣдняки—богачамъ вообще; что движеніе носитъ не *сословный*, а классовый, трудовой характеръ, и что тамъ, гдѣ была соціалистическая литература, крестьяне прямо ссылаются на нее: намъ нужны порядки такіе, о которыхъ пишутъ „въ книжкахъ" (№ 23), „земля принадлежитъ всему трудящемуся населенію, т. е. мужикамъ, которые трудятся; выводъ отсюда тотъ, что нужно землю отобрать отъ пановъ и подѣлить между трудящимся населеніемъ". („Искра", № 21). Разбирая хлѣбъ и пр. у „пановъ" и богатыхъ односельчанъ, по характеристикѣ другого корреспондента, мужики „какъ бы возвращаютъ этимъ себѣ отнятую у нихъ прибавочную стоимость"... (№ 22).

Въ дальнѣйшемъ—развѣ не вели партійные люди пропаганды соціализаціи земли въ не-общинныхъ мѣстностяхъ? Или развѣ пропаганда эта осталась безплодной? Отзывы нашихъ пропагандистовъ гласили иное...

Едва ли не самой интересной корреспонденціей въ этомъ смыслѣ являются замѣтки „Изъ записной книжки пропагандиста" въ № 74 „Революціонной Россіи". Авторъ свои „личныя впечатлѣнія и наблюденія черпалъ въ районѣ Малороссіи и отчасти на югѣ". Ему знакомы и впечатлѣнія другихъ товарищей—выводъ изъ тѣхъ и другихъ однороденъ. Въ описываемомъ районѣ соціальдемократы надѣялись найти наибольшій успѣхъ своихъ аграрныхъ идей. И что же? „Несмотря на всѣ старанія соціальдемократовъ не дѣлать изъ крестьянъ соціалистовъ-революціонеровъ, они все-таки выходили соціалистами-революціонерами",—сами дополняя то, чего имъ не говорили соціальдемократическіе пропагандисты и агитаторы. Яркими штрихами описываетъ онъ наивные восторги первыхъ агитаторовъ, когда крестьяне, въ бесѣ-

дахъ съ ними, отвѣчая на поставленные вопросы, приходили къ построеніямъ вродѣ соціализаціи земли: „сами, никто имъ не говорилъ ничего, а они сами указали, что на землю долженъ быть такой порядокъ". И тѣ, кто раньше сомнѣвался въ воспріимчивости малорусскихъ крестьянъ къ новымъ аграрно-соціалистическимъ идеямъ, уходили въ восторгѣ отъ обнаруженнаго ими ума, отъ мѣткости ихъ разсужденій...

„Вотъ молъ многіе люди, можетъ быть, и желали бы, чтобы земля перешла въ руки крестьянамъ, да не вѣрятъ они, чтобы мужики порядокъ ей дали (такъ ставила вопросъ одна пропагандистка). Годовъ черезъ десять будетъ то же самое: одни нагребутъ, что и собака не обѣжитъ, а другіе снова нищими будутъ. Тутъ крестьяне горячо запротестовали. Мало, молъ, чего про насъ не говорятъ, какъ только насъ не называютъ. Было бы чѣмъ распорядиться, а распорядокъ бы устроили. Надо такъ устроить, чтобы никто не имѣлъ права продавать земли, а если умираетъ, чтобы міру переходила, чтобы земля была „обческа, якъ у кацаповъ". Это говорили „индивидуалисты-хохлы", у которыхъ владѣніе землею подворное. Для меня такія ненавѣянныя извнѣ утвержденія были не новы, я много разъ въ самыхъ различныхъ варіяціяхъ подводилъ этотъ вопросъ и не помню, когда бы получилъ отвѣтъ по существу другого содержанія. Да иначе и быть не можетъ, такъ какъ всѣми крестьянскими движеніями руководитъ глубокая идея: „поравнять", „уничтожить панство" (терминъ, однозначащій съ неравенствомъ). Но чуть они приходятъ къ практическому осуществленію этой идеи, то у нихъ есть единственный логическій выходъ: взять землю въ общее владѣніе. Иначе — какъ же иначе прочно и надолго поравняешь? Если крестьяне и не очень теперь подымаютъ этотъ вопросъ, то просто потому, что народъ они практическій и для нихъ преждевременно дѣлить журавля въ небѣ".

Но вотъ наступилъ моментъ, когда вопросъ о землѣ всталъ, не какъ вопросъ о „журавлѣ въ небѣ", а какъ вопросъ дня. Наступили 1905 и 1906 годы. Вопросъ объ общественной или частной собственности на землю, о простой „прирѣзкѣ" земли отдѣльнымъ лицамъ и группамъ или о превращеніи *всей* земли въ *общенародное* достояніе— былъ поставленъ на сотняхъ сельскихъ сходовъ и разрѣшался въ рядѣ приговоровъ... Я хорошо знаю, конечно, что въ оцѣнкѣ этихъ приговоровъ, какъ симптомовъ народнаго настроенія, должна быть не забыта необходимая по

правка—за счетъ настроенія иниціаторовъ этого движенія, интеллигентовъ, часто силою своего слова увлекавшихъ недостаточно сознательныя массы дальше, чѣмъ онѣ дѣйствительно подвинулись. Но эта поправка—нѣчто вродѣ «личнаго уравненія» астрономовъ—вѣдь равно необходима для общинныхъ губерній, какъ и для необщинныхъ. Поэтому для *сравнительной* оцѣнки приговора эти годятся. Двѣ равныя величины не перестанутъ быть равными, если изъ нихъ вычесть по одинаковой величинѣ. А приговорное движеніе дало въ Украинѣ не менѣе благопріятный результатъ для идеи общенародной собственности на землю, чѣмъ въ общинной Россіи. Это фактъ, который также забывается людьми, готовыми изъ-за частичныхъ успѣховъ столыпинскаго аграрнаго законодательства малодушно хоронить идею соціализаціи земли или ссылать ее изъ программы минимумъ въ „мѣста не столь отдаленныя", носящія имя нашей „конечной цѣли" или программы-максимумъ.

Но вѣдь идея соціализаціи земли, какъ пункта программы-мининумъ, въ доброе старое время жила не только въ программѣ *русской* (точнѣе—главнымъ образомъ великорусской) партіи соціалистовъ-революціонеровъ. Она перешла и въ программы другихъ родственныхъ національно-соціалистическихъ партій: грузинской „партіи соціалистовъ-федералистовъ-революціонеровъ", армянской соціально-революціонной федераціи „Дашнакцутюнъ", латышскаго „соціальдемократическаго союза". Но вѣдь національности, представляемыя этими партіями, совсѣмъ не знаютъ великорусской поземельной общины. Уже одно это должно бы заставить задуматься тѣхъ скороспѣлыхъ пессимистовъ, которые готовы крайне упрощенно разрѣшить вопросъ о соціализаціи земли, похоронивъ ее вмѣстѣ съ общиною—еще болѣе преждевременно, чѣмъ послѣднюю.

Аграрное законодательство правительства есть чрезвычайно существенный фактъ и факторъ жизни русской деревни, характеръ и размѣры его вліянія должны быть учтены и взвѣшены. Учтены и взвѣшены не „единымъ махомъ", и не „на глазъ" не внезапной интуиціей, посѣтившей на досугѣ удалившагося отъ дѣлъ бывшаго «партійнаго работника», а индуктивнымъ, по возможности цифровымъ анализомъ. Личныя наблюденія и впечатлѣнія отъ современной деревни должны облечь мертвый скелетъ цифровыхъ итоговъ плотью и кровью живой, красочной, полной тоновъ и оттѣнковъ дѣйствительности. Этотъ анализъ, для котораго нужна коллек-

тивная работа (и особенно практическихъ работниковъ на мѣстахъ), дастъ понятіе объ усложнившейся обстановкѣ нашей теперешней работы въ деревнѣ, о новыхъ ея потребностяхъ, вызывающихъ усложненіе нашей практики. *Эта* работа должна начаться. Но поперекъ дороги ей стоитъ упрощенное рѣшеніе вопроса извѣрившимися „размагниченными интеллигентами". Не они, съ легкимъ сердцемъ ликвидирующіе партію оптомъ и въ розницу, совершатъ эту очередную работу. Отъ ихъ упрощеннаго метода рѣшенія—путемъ малодушнаго бѣгства съ нашихъ революціонныхъ позицій—должна быть прежде всего очищена дорога. И если мнѣ удалось показать, что такое скороспѣлое рѣшеніе вопроса стоитъ въ глубокомъ противорѣчіи со всею логикой и исторіей идейной жизни нашей партіи; что прогрессъ въ дѣлѣ выявленія нашей партіей своего собственнаго идейнаго облика, связанный съ отмежеваніемъ отъ стараго народничества, какъ отъ *пройденной* ступени нашего органическаго развитія, только укрѣпляетъ наши революціонныя позиціи въ аграрномъ вопросѣ,—то первая и ближайшая задача моей статьи достигнута. За этою задачей выдвигается цѣлый рядъ другихъ очередныхъ задачъ, намѣченныхъ мною, въ ихъ естественномъ логическомъ порядкѣ, во вступленіи къ этому очерку. Приступимъ же къ ихъ разрѣшенію совмѣстными дружными усиліями всѣхъ, живыхъ духомъ, всѣхъ, для кого *развитіе* партіи не равносильно *политикѣ зигзаговъ и попеременныхъ ликвидацій;* кто не умѣетъ легко превращаться въ „Ивановъ Непомнящихъ" и очищать прежнія партійныя позиціи только потому, что онѣ оказались слишкомъ опасными для правительства, и что вслѣдствіе этого въ эпоху торжества контрреволюціи правительство на нихъ направило свои самые жестокіе удары.

